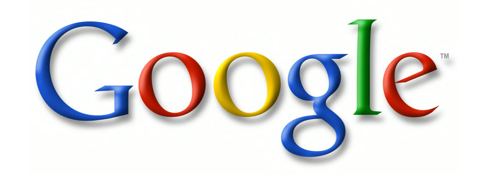

Google

* George Kennan

И. В. Шпажинскій.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ

СОЧИНЕНІЯ.

Томъ второй.

И. В. Шпажинскій.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ

СОЧИНЕНІЯ.

Томъ второй.

МОСКВА
Типо-литографія В. С. Трауготъ и К°, Мясницкая, Георгіевскій пер., д. Бахрушиныхъ.
1892.

ВОЛЬНАЯ ВОЛЮШКА.

ДРАМА ИЗЪ ВРЕМЕНЪ

ИВАНА ГРОЗНАГО,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ И ШЕСТИ КАРТИНАХЪ.

(ВЪ ИСПРАВЛЕННОМЪ ВИДѢ).

Дѣйствующія лица:

Бояринъ Глѣбъ Акимычъ Варыгинъ.
Любовь Лукиннишна, жена его.
Ольга, дочь ихъ, дѣвушка.
Князь Иванъ Ларіоновичъ Мезецкій.
Илья Григорьевичъ Подгорный.
Маремьяна, по прозвищу **Щелкуха.**

Ѳекла,
Малашка,
Зинка,
Марья, — сѣнныя дѣвушки.

Абрамъ,
Михайло,
Слуга, — Варыгинскіе.

Дуняша, жена Абрама.
Кирюха, эсаулъ.

Батя,
Сверло,
Семенъ,
Жогъ,
Сова,
Иванъ Ядреный,
Ежъ, — воры-разбойники.

Слуги, холопи Варыгинскіе и разбойники.

Дѣйствіе происходитъ въ усадьбѣ Варыгина и ея окрестностяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Теремъ. Двѣ двери: налѣво—на лѣстницу, ведущую внизъ; направо, маленькая золоченая—въ свѣтлицу. Къ правой сторонѣ—небольшой продолговатый столъ, покрытый зеленой, съ красной каймою, скатертью; у лѣвой стѣны скрыня, съ оковкою и висячимъ замкомъ. Въ задней стѣнѣ три окна въ садъ. Въ окна видны верхушки деревьевъ. Одно изъ нихъ растетъ у средняго окна.

ЯВЛЕНІЕ I.

Дуняша, Ѳекла, Малашка, Зинка и Марья [сидятъ за пяльцами и работаютъ. Дуняша кроитъ за столомъ].

ѲЕКЛА. О-охъ, разломило спину, не разогнешь! То-то жизнь треклятая!

ЗИНКА. Вотъ Щелкуха те разомнетъ клюкой спину-то. Не будешь охать.

ѲЕКЛА. Вѣдьма!

МАРЬЯ. А слышали, дѣвушки, про разбойниковъ? Страсти! Вишь, въ Юшинскомъ лѣсу становище у нихъ. Далеча-ли? Слышно, ватага человѣкъ сотъ двѣ. Ни проходу, вишь, отъ нихъ, ни проѣзду. Который цѣлъ проѣхалъ, въ ближнемъ селѣ молебенъ служитъ, что Богъ пронесъ.

МАЛАШКА. Бѣда нашему боярину!

ѲЕКЛА. Накопилъ скаредъ добра. Есть чѣмъ ворамъ поживиться.

ЗИНКА. Недаромъ же, сказываютъ, сонъ ему видѣлся, что торчитъ его голова на колу, ха-ха!

ДУНЯША [взглянувъ на дверь]. А ты поопасливѣй, Зинка. Какъ бы иглой языка не истыкали, какъ намедни Ѳеколкѣ.

МАЛАШКА. Берегись, дѣвки! Нагрянутъ ухачи-воры, пришла намъ погибель!

ѲЕКЛА. Небось у разбойниковъ лучше жить, чѣмъ у нашего Ирода.

МАРЬЯ. Ахъ, что ты! что ты! Помилуй Богъ!

ЗИНКА. Пойдутъ кистенями молотить и тебѣ, чай, влетитъ, Ѳеклушка. Али-думаешь—въ честь у нихъ попадешь?

ѲЕКЛА. А то нѣтъ? Ништо имъ дѣвки не нужны?

МАЛАШКА. Дура!

МАРЬЯ. Да, недаромъ, у насъ караулы на ночь удвоены! Кто съ дубиной, кто съ вилами и у каждаго, слышь, за поясомъ по топору.

ѲЕКЛА. Накараулятъ! Караульщикамъ отъ нашего боярина въ пору самимъ въ разбой идти. Твой мужъ, Дуняша, не къ нимъ ли въ Юшинскій лѣсъ утекъ?

ДУНЯША. Куда сбѣжалъ Абрамъ—не вѣдомо мнѣ, да и тебѣ мало дѣла, милая.

ЗИНКА [со вздохомъ]. Абрамъ. Абрамъ! Какъ и не сбѣжать! Мученски-мучили... [Запѣваетъ].

Затуманилось ясно солнышко,

[остальныя дѣвушки подхватываютъ].

Пріунывъ сидитъ добрый молодецъ.
Что задумался ты, ясёнъ соколъ?
Не судилъ, знать, Богъ жизнь таланную,
Иль кручинушка въ переломъ пришла?..

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Щелкуха.

ЩЕЛКУХА. Чего распѣлись, чего раззявкались, дармоѣдницы, а?

ЗИНКА. За пѣсней дѣло спорится.

ЩЕЛКУХА. У тебя вотъ спорится! Чего ты наковыряла

тутъ, негодная, а?! Первая выскочитъ, сорочій языкъ! Вотъ зачну трепать за косу, другія у меня пѣсни пойдутъ. Да знаешь ли, что за бѣсовскія пѣсни на томъ свѣтѣ будетъ? Повѣсятъ тебя за языкъ на удицу и змѣй обовьется вокругъ тебя, съ языкомъ огненнымъ и будетъ онъ жалить тебя отъ головы до пятъ. Вотъ что за бѣсовство-то будетъ! [На Дуняшу]. А тебѣ смѣшно?! зубы скалишь?

ДУНЯША. И не думала! Съ чего ты взяла?

ЩЕЛКУХА. Съ того, что видѣла, съ того и взяла. Знаю, что неугодны мои рѣчи твоей милости, знаю! Что я ни скажи, ты рожу кривишь. Всякому непокорству заводчица...

ДУНЯША. Да что ты привязываешься ко мнѣ? Что ни день, то напраслина. Вотъ какъ теперь: и въ мысляхъ смѣяться не было, а ты прицѣпилась. Терплю, терплю...

ЩЕЛКУХА. Поговори у меня, поговори! Ты вотъ когда говори, какъ станетъ бояринъ тебя пытать, куда Абрамка сбѣжалъ.

ДУНЯША. Господи, Боже мой, да почемъ-же я знаю! Не отвѣтчица я за него.

ЩЕЛКУХА. Одинъ у васъ умыселъ съ нимъ.

ДУНЯША. Вотъ ты на что гнешь! Спасибо! Много черезъ тебя Абрамъ муки принялъ отъ боярина, черезъ твои наговоры...

ЩЕЛКУХА. Ты смѣешь меня попрекать!? [Схватила ее за плечо].

ДУНЯША [высвободила плечо]. Ну, оставь! Богомъ прошу, не придирайся ко мнѣ! И камень отъ жару треснетъ.

ЩЕЛКУХА [кричатъ и стучитъ на нее клюкою]. А, ты грозить?!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Ольга.

ОЛЬГА. Это что? Не смѣй!

ЩЕЛКУХА. Ну вотъ! Какъ взыскивать съ холоповъ, коли сама боярышня поноровщица? Гдѣ управиться съ людишками, коли здѣсь, въ терему, всякому супротивству заводъ и починъ?

ольга. Какое супротивство? Что ты врешь, что выдумываешь?! Изсохла отъ ехидства и злости, старый паукъ. Ступай вонъ!

щелкуха. Ишь озмѣилась! Кажется, съѣла-бъ меня озарница. Да спасибо не будетъ по-твоему. Съ чѣмъ нагрянешь, съ тѣмъ и отпрянешь. Батюшкой твоимъ мнѣ приказано накрѣпко, надзоръ за всѣми имѣть, чтобъ были всѣ въ покорствѣ и страхѣ. Значитъ, идешь ты противъ воли родительской, значитъ, ослушница ты...

ольга [прерываетъ]. Холопка! Молчать!

щелкуха. И правда, что мнѣ, холопкѣ, тебя учить! Пускай родитель поучитъ дочь непокорную. Ладнѣй будетъ дѣло! [уходитъ].

дуняша. Нажалуется теперь. Не вступаться-бъ тебѣ, боярышня!

зинка. Не накликать-бы бѣды! Стоитъ-ли изъ-за насъ?

ольга. Ступайте, дѣвки. [Всѣ, кромѣ Дуняши, накрываютъ пяльцы и уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Дуняша и Ольга.

ольга. Слышала? Иволга просвистала.

дуняша. Такъ что жь? Знать къ дождю.

ольга. Гмъ! Глупая! [Подходитъ къ окну].

дуняша. Неужто опять *онъ?*

ольга. А то кто-же? Гляди-ка, съ кѣмъ батюшка по саду идетъ?

дуняша. Должно быть, съ княземъ Мезецкимъ. Въ поварнѣ говорили, ждали его нынче у насъ.

ольга. Какой старый, да толстый! Полно, онъ-ли? Весь вѣкъ у нихъ съ батюшкой судбище. Такіе враги, что батюшка на него даже опасную грамоту выхлопоталъ, потому, вишь, похвалялся князь на батюшку лихимъ дѣломъ.

дуняша. Ну, а теперь на миръ пошло. То ихъ дѣло, а

я про „иволгу". Сердчай-не серчай на меня, боярышня, а лихою бѣдою прикочнулся къ тебѣ этотъ молодецъ. Гони ты его, ради Христа! Дашь сердцу волю—въ бѣду заведетъ.

ольга. Захочу—прогоню. Да я и не поваживаю его.

дуняша. Да кто онъ? откуда?

ольга. Кто?... Издалеча... Али сказать? Про Подгорныхъ слыхала?

дуняша. Подгорные?! [Смущенно.] У насъ и по сей часъ вспоминаютъ...

ольга [мрачно.] Тяжкій грѣхъ! Батюшкѣ не простятъ его до вѣку... Ну, вотъ этого самаго Подгорнаго сынъ, Илья.

дуняша. Да онъ-же въ Литву сбѣжалъ.

ольга. Кто захочетъ—и съ Литвы домой дорогу найдетъ.

дуняша. Молодой Подгорный! Вотъ дѣла!... Стало быть ты съ измальства знала его?

ольга. Дѣтьми были, игрывали... въ мышку играли, въ сѣраго волка... Разъ, помню, взобралась я на березу высокую. Сукъ и подломись подо мною, не слѣзть да и полно. Оробѣла. Плакать не плачу. Слезъ у меня и тогда не бывало. А сердце упало, голова закружилась, того гляди сорвусь на земь. Бѣжитъ Илюша. Кричу: „снимай!" Взлѣзъ онъ, какъ бѣлка, ухватилъ меня и какъ ужь сползъ—Богъ его знаетъ. Не изъ одной бѣды выручалъ... Въ дѣтствѣ мнѣ только и радости было, что онъ. Да скоро нашимъ играмъ конецъ пришелъ.

дуняша. Какъ засудились ваши родители, съ тѣхъ поръ и не видались ужь вы?

ольга. Нѣтъ, довелось раза два, когда ужь подростками были. Въ монастырѣ помню... На богомолье мы съ матушкой ѣздили... Тамъ его видѣла. Да еще, въ скорости, когда отецъ на Москвѣ былъ, забѣжала я отъ мамушекъ на остоженный дворъ. Вдругъ Илюша изъ половня. Я такъ и вскрикнула! Подлетѣлъ, обнялъ меня, поцѣловалъ и не успѣла опомниться, какъ его ужь и слѣдъ простылъ.

ДУНЯША. Такъ вотъ у васъ съ коихъ поръ!.. А теперь гдѣ-же вы свидѣлись?

ОЛЬГА. Вотъ какъ было. Гуляю я по саду. Вдругъ Илья предо-мной какъ изъ земли выросъ. „Не признаешь, говоритъ, меня, Ольга Глѣбовна?“ А гдѣ признать!.. „Или, говоритъ, забыла Илюшу?“... Слова я не промолвила и ушла. Послѣ того, стала по саду близко дома ходить, на виду и то рѣдко. Вотъ разъ иду, а изъ вишенья голосъ: „здравствуй красавица!“

ДУНЯША. Днемъ?!

ОЛЬГА. До обѣда, всѣ на ногахъ были и дворъ полонъ народу.

ДУНЯША. Какъ же онъ въ садъ пробрался?

ОЛЬГА. Ему вездѣ дорога. Тѣмью прокрадется, тише тѣни пройдетъ, а ужь будетъ гдѣ надо. - „Съ чего, говоритъ, ты отъ дома отходить боишься? Эхъ, Ольга Глѣбовна! Одно знай: живу не быть, а тебя добыть.“

ДУНЯША. Вотъ ужь какъ!

ОЛЬГА. „Ты, говоритъ, обо мнѣ только помысли. Стану передъ тобой, какъ листъ передъ травой. Хоть тебя всѣмъ селомъ окружи, невидимкой проберусь. Такъ и знай“. Опять я на рѣчи его ничего не сказала и ушла. И точно: разъ, сидючи въ теремѣ, подняла я окошко, гляжу на темную ноченьку и пришелъ онъ мнѣ въ голову. Вдругъ зашуршало тутъ въ липѣ, и прыгъ онъ съ нея на окошко!

ДУНЯША. Сюда?! Матушки! То-то, чай, испугалась?

ОЛЬГА. Я не пуглива.

ДУНЯША. Прогнала?

ОЛЬГА. Поговорили... Больше на окошко не сядетъ.

ДУНЯША. Такъ-то лучше. Помилуй Богъ, узнаетъ бояринъ, да онъ тебя въ живыхъ не оставитъ!.. А грѣхъ, а стыдъ!...

ОЛЬГА. Кому тошно жить, тому страхъ не въ страхъ и грѣхъ не въ боязнь.

ДУНЯША. Опять иволга!

ольга. Гдѣ-нибудь онъ тутъ недалеча. Въ тотъ разъ, какъ спровадила я его, сказалъ: „иволгу слушай"!.. Онъ всякою птицей кричать гораздъ: и совой гукаетъ, и соловьемъ свищетъ и перепеломъ бьетъ... „Иволгу слушай, сказалъ. Значитъ, неминучая нужда съ тобой перемолвиться".

дуняша. Хитритъ!

ольга. Взгляни, кто тамъ по лѣстницѣ идетъ?

дуняша [отворивъ дверь.] Боярыня. [Пропустивъ ее, уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Ольга и боярыня Любовь Лукинишна.

БОЯРЫНЯ.

Опять ты вздоришь! горюшко мое!
Что дѣлать мнѣ съ тобою?!..

ОЛЬГА.

Чѣмъ я вздорю?

БОЯРЫНЯ.

Послушай что старуха говоритъ!
Къ отцу пошла, нажаловаться хочетъ!
Иль мало я просила: не раздорь,
Не связывайся съ ней! Въ упрòсъ просила!
Ты все свое! Ты ставишь ни во что
Родительское слово... [Плачетъ].

ОЛЬГА.

Перестань!
Прискучили мнѣ охи, причитанья,
Да жалобы слезливыя твои.
Что проку въ нихъ? Ни дѣла разсудить,
Ни твердаго зказать—гдѣ надо—слова,
Одно у насъ съ тобою: сокрушаться.

БОЯРЫНЯ.

Меня ты сокрушила, дочка, правда!
Смиренныхъ любитъ Богъ и благодать
Тому, кто сердцемъ кротокъ и покорливъ;
А ты, въ своемъ упорствѣ и гордынѣ,
Не чтишь и не жалѣешь мать. Грѣшно!

ОЛЬГА.

Неправда, я жалѣю. Весь ты вѣкъ
Въ напраслинахъ, въ обидахъ изжила,
Да въ страхѣ предъ крутымъ отцевскимъ нравомъ.
Я съ дѣтства за тебя душей болѣла,
И въ сердцѣ скорбь, гнѣвливая досада
На батюшку кипѣли у меня.
За то и онъ меня возненавидѣлъ,
„Волченкомъ“ звалъ, тѣснилъ и истязалъ.
Кому вступиться было за ребенка,
Коль, въ страхѣ, мать очей поднять не смѣла?
Откуда-жъ было кротости набраться,
Смиренья мнѣ, коль я ни ласкъ не знала,
Ни радостей ребячьихъ, ни подругъ?
Коль видѣла я скорбь одну вокругъ,
Да слышала лишь вопли, да проклятья?

БОЯРЫНЯ.

Грѣшно отца судить. Молиться надо.

ОЛЬГА.

Да развѣ сладки мнѣ такія рѣчи?
Что батюшку „злодѣемъ“ называютъ,—
Легко-ли мнѣ?.. Подгорнаго ты вспомни...
Корысти ради, кто его сгубилъ?
Кто ложно предъ царемъ оговорилъ?
И батюшку раскаянье не гложетъ?..

БОЯРЫНЯ [прерываетъ].

Безумная, молчи! Вселяетъ врагъ
Такія мысли... Даже слушать страшно!

ОЛЬГА.

Не рѣчи страшны, матушка: дѣла!..
Охъ, душно мнѣ, томитъ меня, родная!
Не жизнь у насъ, а мрачная тюрьма.
Мнѣ все постыло здѣсь! Себѣ сама
Упорствомъ я и злобой досадила!
Расшибла-бъ теремъ я и тынъ высокій,
Чтобъ вырваться на ширь и на просторъ,
Лихую долю радостью смѣнить,
Да вольною-бы волюшкой пожить!.. [Въ волненіи припала къ матери].

БОЯРЫНЯ [лаская ее].

Опомнись! Богъ съ тобой, дитя мое...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, Варыгинъ *) и Щелкуха.

ВАРЫГИНЪ. Изрядно! Поучить-бы дочь негодницу, а ты ласки ей расточаешь! У дуръ матерей дочери всегда въ непокорствѣ ростутъ. Не умѣла держать въ страхѣ Божіемъ, благоразумномъ ученіи, вотъ и взростила добро! [Щелкухѣ]. А ты кликни ко мнѣ друга ея сердечнаго, Дунюшку, да и Ефремыча кстати. [Щелкуха поклонилась и уходитъ]. Спасибо дочушкѣ, дѣвки у насъ развольничались, отъ ея потачки. Доведется мнѣ ихъ, сердечныхъ, поучить уму-разуму, чтобъ упрямствомъ не жили.

*) Варыгинъ — худощавый старикъ, съ жиденькими волосами, тонкими блѣдными губами и яснымъ холоднымъ взоромъ. Рѣчь спокойная, а въ моменты жестокости даже ласковая. Гнѣвъ прорывается взрывомъ, послѣ чего Варыгинъ опять спокоенъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ольга, Боярыня, Варыгинъ, Дуняша и **Ефремычъ.** [Дуняша испугана; войдя, низко поклонилась Варыгину].

варыгинъ. Здраствуй, милая, здравствуй! Скажи-ка мнѣ, какъ боярышня научаетъ тебя старуху не слушаться, да дѣвокъ мутить?.. Отвѣтствуй! Или языкъ присохъ?

дуняша. Ничего я такого отъ боярышни не слыхала...

ольга. Вступиться вступлюсь, когда обижаютъ, а худу не учу никого.

варыгинъ [Дуняшѣ]. За грубости твои, за то, что ты небреженьемъ и нарочнымъ дѣломъ работу портишь, не слѣдъ мнѣ и спрашивать съ тебя, потому все это въ угоду боярышнѣ дѣлаешь. Мы съ тобой рѣчь о другомъ поведемъ, лебедушка бѣлая. Гдѣ мужъ твой Абрамъ?

дуняша. Не знаю, государь.

варыгинъ. Въ Юшинскомъ лѣсу объявились у насъ воры-разбойнички. Думается мнѣ—у нихъ Абрамъ. Ась?

дуняша. Ничего я не знаю.

варыгинъ. И сдается мнѣ, замыслилъ воръ Абрамка лихое дѣло: навести на насъ сволочь разбойную, животы наши пограбить и тебя, лебедушка моя, отбить въ ихній станъ, чтобъ жить вамъ, съ мужемъ, въ веселіи и радости. Ничего ты про это не вѣдаешь?

дуняша. Помилуй, государь! Знать не знаю, гдѣ мужъ.

варыгинъ. Значитъ, ты съ нимъ не за одно, не ссылаешься?

ольга. Вижу, батюшка, къ чему ты рѣчь клонишь. Негоже, оставь! Жена за мужа не отвѣтчица. Голова моя порукой, что Дуняша ничего не знаетъ про мужа.

варыгинъ. А тебя словно какъ и не спрашивали, чадо мое любезное! Не въ мѣру языкъ рѣчистъ. [Къ женѣ]. Наставлена вѣжеству, да! [Къ Дуняшѣ]. Такъ съ Абрамкой ты не ссылаешься и зла не умышляешь на меня?

ДУНЯША. Видитъ Богъ, нѣтъ!

ВАРЫГИНЪ. Лучше сознайся ужъ, милая! Запираться вѣдь грѣхъ. Видѣли люди, шмыгаетъ здѣсь какой-то незнамый человѣкъ. Вишь, въ саду даже былъ. Кому-жъ быть, какъ не молодцу отъ тѣхъ разбойниковъ, отъ мужа къ женѣ послу?

ДУНЯША. Я изъ чужихъ никого не видала.

ВАРЫГИНЪ. А въ личикѣ измѣнилась? Словно какъ помертвѣла? Ахъ, лебедушка моя! Запираться-то не умѣешь, хе-хе! не горазда, моя красавица! Жалко тебя, а нечего дѣлать. Какъ-никакъ, а правду нужно дознать. Ефремычъ! Поспрошай-ка ее! Сначала кошками подери, да смотри бережно, вѣжливенько....

ДУНЯША [бросается ему въ ноги]. Смилуйся, государь! Ни въ чемъ неповинна, ничего я не знаю, не вѣдаю! Безъ того изныла душа, что ушелъ Абрамъ, бросилъ меня. Можетъ и въ живѣ-то его нѣтъ! А тутъ такая напраслина! Не вѣрь, государь, кто наклепалъ на меня! Не будетъ надъ тѣмъ милости Божіей до вѣку. Смилуйся, не губи!!

ВАРЫГИНЪ. А-а, иль морозъ подъ кожей подралъ? Хе-хе-хе! [Палачу.] Такъ сперва кошками, а тамъ погрѣй ей спинку-то бѣлую, горяченькимъ утюжкомъ погладь.

ОЛЬГА. Батюшка! Богомъ молю, не тронь ее, не тирань! Никакой на ней вины нѣту. Богомъ молю!

ВАРЫГИНЪ. Хе-хе! Такъ сперва кошками, Ефремычъ, а тамъ утюжкомъ.

ОЛЬГА. Ну такъ я-жъ скажу, кто былъ тотъ чужой человѣкъ. Не разбойникъ, не Абрамовъ посолъ, а Подгорнаго Григорія сынъ, Илья!

ВАРЫГИНЪ. Что-о?!.. Подгорный?! сынъ?! Гмъ! Добрыя вѣсти!... И отъ кого же я слышу ихъ! какимъ знатьемъ ты провѣдала это?! [Женѣ.] Радуйся, матушка! Спасибо за хорошій надзоръ! [Палачу]. Дѣлай свое дѣло, Ефремычъ! Что боярышня знаетъ, то и Дунькѣ извѣстно....

ОЛЬГА. Никто про это не знаетъ!...

ВАРЫГИНЪ [не возвышая голоса]. Молчи! [Палачу]. Вмазай все дочиста. Ступайте! [Ефремычъ уводитъ рыдающую Дуняшу].

ОЛЬГА. Мало на твоей совѣсти грѣха и крови легло!

ВАРЫГИНЪ. Эко надменіе бѣсовское!.. Такъ Подгорный!.. Зачѣмъ же онъ? Али голову на плаху принесъ? Давно пора. Асъ?

ОЛЬГА. Не знаю—зачѣмъ, только не для плахи. Довольно съ тебя и отца!

БОЯРЫНЯ [въ трепетѣ]. Замолчи, Ольга!

ВАРЫГИНЪ. Да, кротка наша дщерь, и стыдлива и сердцемъ утерпчива. Спасибо я въ пору схватился. Вотъ что жена: сватается къ Ольгѣ князь Мезецкій....

БОЯРЫНЯ [съ испугомъ]. Мезецкій?!

ВАРЫГИНЪ [грозно]. Ну-у! [Въ прежнемъ тонѣ]. Нынче онъ былъ у меня. Я такую отповѣдь учинилъ, что пріѣхать ему завтра къ намъ, для сговору о свадьбѣ. Изготовься.

ОЛЬГА. Лучше умру, а не достанусь постылому!

ВАРЫГИНЪ. Хе-хе-хе! [Женѣ]. Вскорѣ, какъ могу по силѣ своей, славну и честну свадьбу учинимъ. А покамѣстъ запереть Ольгу въ теремѣ и караулъ приставить, чтобъ ни шагу отсюда. Слышала? [Ольгѣ съ прорвавшимся гнѣвомъ]. Стыдъ и обыкъ забыла! прилучать молодцевъ стала!.. Берегись!.. [Погрозился на нее и уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ольга и боярыня Любовь Лукинишна.

БОЯРЫНЯ [бросаясь къ дочери].

Горюша ты моя!

ОЛЬГА.

Оставь! Не плачь!

Оставь меня одну раздумать думу, [съ горечью]
Сготовиться принять честной вѣнецъ.

БОЯРЫНЯ.

И какъ могла ты свидѣться съ Ильею!
Какъ онъ дерзнулъ!...

ОЛЬГА [съ нетерпѣніемъ].

Оставь-же, я сказала!
Теперь не до тебя... Вѣдь будетъ время
Про все спросить, поплакать, потужить.
Теперь мнѣ нужно съ мыслями собраться,
А ты пока сбирай меня къ вѣнцу.

БОЯРЫНЯ.

Пошли тебѣ заступница святая
Смириться духомъ, сердце покорить! [Уходитъ].

ОЛЬГА [медленно ходитъ].

Теперь что дѣлать? Въ чемъ искать спасенья?
Петлю на шею? Грѣхъ великъ. И жаль
Сгубить себя, чтобъ бракъ избыть постылый.
Такъ дешево я жизни не отдамъ.
Грозитъ бѣда—поддайся и раздавитъ.
Да робостью мое не бьется сердце
И чувствую я мощь въ груди своей...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ольга и Илья
[вдругъ выставляется въ открытое окно, перегнувшись съ липы].

ОЛЬГА.

Илья?! Опять ты здѣсь?! Уйди скорѣе!
Примѣченъ ты... Поймаютъ... Пропадешь!..

ИЛЬЯ.

Тебѣ пропасть за Мезецкимъ за княземъ.
Я свѣдалъ все. Сегодня ночью ждать

Тебя въ саду я буду. Приходи!
Не попусту прошу. Сама увидишь.
Приспѣло время все тебѣ открыть.
Да и тебѣ я нуженъ. Приходи-же!
Не нынче въ ночь, потомъ ужъ поздно будетъ!
[Скрывается, слѣзая по дереву. Ольга остается въ глубокой задумчивости].

ЗАНАВѢСЪ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Садъ. Справа, между деревьями, видна часть высокаго тына. Лунная ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Илья и Абрамъ.

ИЛЬЯ.

Ну, сдѣлалъ все, какъ сказано?

АБРАМЪ.

Готово.
Собакъ пришибъ, а сторожа связалъ
И тряпкою ему заткнулъ я глотку.

ИЛЬЯ.

Такъ жди-жь меня за тыномъ. Не зѣвать!

АБРАМЪ.

А ты, когда свое покончишь дѣло,
Дозволь жену мнѣ взять. Въ тюрьмѣ она
И завтра за меня ей будетъ пытка...

ИЛЬЯ.

Бери, да безъ убійства.

АБРАМЪ.

Мнѣ помогутъ.
Бояринъ вѣрныхъ слугъ себѣ не нажилъ.
Лютѣе звѣря онъ, поганый песъ!
Не то что бабу, выдадутъ, коль надо,
Холопи самого-то головой. [Уходитъ въ глубину сада].

ИЛЬЯ.

Затѣмъ-ли изъ Литвы я шелъ далекой,
Лихой сбирая вольницы ватагу,
Чтобъ здѣсь себѣ вымаливать свиданья
И, прячась въ тѣнь, прислушиваться жадно,
Гдѣ шорохъ, захрустѣло—не идетъ-ли?
Волнуюсь я, и губы пересохли...
И выскочить изъ груди хочетъ сердце...
Раздумаешься, стыдно за себя.
А сколько разъ, что въ явь передъ очами,
Мнѣ видѣлось, какъ брошусь съ удальцами
Я рушить въ прахъ злодѣйское гнѣздо,
Въ моей же кровной вотчинѣ свитое!
Замки какъ полетятъ, запоры, двери,
Что вихремъ разнесется все добро,
Какъ съ трескомъ заревѣтъ кровавый пламень
И дымъ, клубясь, что туча поползетъ!
А вотъ и онъ, исконный ворогъ мой!
Трепещешь ты? Пощады нѣтъ злодѣю!
Чу!.. шорохъ... Да... и легкіе шаги...
Она! [бросается къ Ольгѣ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Илья и Ольга.

ОЛЬГА [отстраняясь].

Подальше! Выслушай сперва.
Ты дерзостью меня принудилъ, страхъ

И стыдъ забывъ, прійти. Но я пришла
Сказать, чтобъ ты не смѣлъ у насъ шататься.
Ужь батюшка дознался про тебя.
Какъ вора скрутятъ, хуже: пропадешь.

ИЛЬЯ.

Меня скрутить? Нѣтъ, руки коротки.
Къ тебѣ пробраться—удержу мнѣ нѣту.
И тынъ высокій, стража и затворы
Въ помѣху-ль мнѣ?

ОЛЬГА.

Да я сама помѣха.
Послѣдній сказъ: не смѣй меня позорить,
Чтобъ не было слѣдовъ твоихъ у насъ!

ИЛЬЯ.

Коль знала-бъ ты, кого коришь и гонишь!
Забывши *чья ты дочь*, искалъ смиренно
Я встрѣчь съ тобой. А съ тѣмъ-ли шелъ сюда?

ОЛЬГА.

Скажи, кто ты и шелъ зачѣмъ — повѣдай.

ИЛЬЯ.

Когда здѣсь жилъ покойный мой родитель,
Въ сосѣдствѣ поселился твой отецъ.
Онъ бѣдствовалъ; но кляузой живя,
Корыствуясь добытками чужими,
Тѣснилъ сосѣдей, тяжался неправдой,
И резоимствовалъ и всякой скверной
Свои богатства множилъ, безъ зазору.
Но батюшка былъ силенъ. Какъ другихъ,
Тѣснить его, знать, мочи не хватало.
И твой отецъ замыслилъ зло иное.
Когда, до толѣ славный царь Иванъ,
Адашева съ Сильвестромъ осудивъ,
Сталъ ухо преклонять къ льстецамъ негоднымъ

И близкихъ всѣхъ Адашеву казнить,
Свила у трона ябеда гнѣздо,
Клеветники, что змѣи, закишѣли.
Царь ихъ желалъ, царь ихъ тогда искалъ!
И въ сонмѣ ихъ явился твой отецъ.
На батюшку нанесъ онъ злое слово,
Чрезъ Ѳедора Басманнаго о томъ,
Что злобится, вишь, старый на царя,
Адашевскимъ обычаемъ живетъ
И чарами царя-де изведетъ.
И батюшку схватили по навѣту
И въ мукахъ онъ окончилъ дни свои.
А твой отецъ, въ награду за злодѣйство,
Взялъ вотчины его. Ты помнишь это?

ОЛЬГА.

И счастлива была-бы позабыть!

ИЛЬЯ.

Съ отцемъ и я былъ на смерть осужденъ
И дядя мой. Но злобѣ ненавистной
Нашъ родъ искоренить не довелось.
Въ Литву бѣжали мы. Но вскорѣ тамъ
Въ скорбяхъ скончался дядя. На чужбинѣ
Остался я несчастнымъ сиротой,
Съ истерзанной душею, въ нищетѣ
И съ памятью о батюшкѣ кровавой...

ОЛЬГА.

Я знаю... Я всегда тебя жалѣла,
Молилась, что-бы ты въ сиротской долѣ
Несчастьемъ на чужбинѣ не погибъ.

ИЛЬЯ.

А я, терпя нужду, обиды, скорби,
Мужалъ съ другими мыслями. Отца
Всегда держалъ я въ памяти. Одно

Утѣхой было мнѣ: настанетъ время
За ябеду корыстную воздать.
Прослышавши, что въ Юшинскомъ лѣсу
Живетъ удалой вольницы ватага,
Трепещетъ твой родитель. Словнó чуетъ,
Что та гроза заходитъ по него.

ОЛЬГА [съ испугомъ].

Разбойники тамъ есть... Про это слухъ
Прошелъ...

ИЛЬЯ.

Мои то люди. Я собралъ
И я привелъ ватагу удальцевъ.

ОЛЬГА.

Ты?! ты навелъ?! Не знала-жь я досель,
Что лѣса ты дремучаго бояринъ!

ИЛЬЯ.

И я давно-бы замыселъ исполнилъ,
Коли-бъ не ты...

ОЛЬГА [насмѣшливо].

Ахъ, я тебя сдержала! [гнѣвно].
Ворамъ не стать раздумывать злодѣйствомъ!
Такъ вотъ ты здѣсь зачѣмъ! Навелъ воровъ,
Грабежниковъ, убійцъ и палачей!..

ИЛЬЯ.

Холопей утѣсненныхъ, не воровъ
Я бралъ съ собой, кому не въ моготу
Пришлось отъ разоренья, отъ насильствъ
Сутягъ лихихъ и судной волокиты.
И тѣхъ людей собралъ я не для лиха,
А судъ чинить насильникамъ, расправу,
Обиженныхъ отъ зла оборонять.

ОЛЬГА.

Когда-жь за честь считалось душегубство
И правда шла, струя по слѣду кровь?
Придумалъ, что заступникъ онъ тѣснимыхъ
И этимъ хочетъ дѣло обѣлить!
Нѣтъ, зломъ добру никто не служитъ. Ты
Куда чинить пришелъ съ ворами судъ?
Пришелъ отнять *свое!* Ну и бери.
А мнѣ не стать съ тобою говорить,
Лихой неправды, зла, честной каратель,
Разбойной шайки славный атаманъ.
Прощай, Илья!

ИЛЬЯ.

Постой! Послушай, Ольга!
Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя увидѣлъ снова,
Смягчился духъ во мнѣ. У цѣли я,
Взлелѣянной годами; все готово
Развѣять въ прахъ насильника гнѣздо...
Онъ въ скорбь нашъ родъ, въ безчестіе низринулъ,
Отца злодѣйски предалъ палачамъ...
Я все забылъ и думалъ объ одномъ,
Увидѣть бы тебя, мою отраду!
Сказать, что ты вольна въ судьбѣ моей,
Что брошу я съ тобою грѣхъ и мщенье,
Что мнѣ тебя одну лишь надо... [Страстно обнимаетъ ее].

ОЛЬГА [вырываясь].

Прочь!
Въ послѣдній разъ мы видѣлись съ тобой! [Отступаетъ].

ИЛЬЯ.

Не вышло-бъ худо, коли не одинъ
Вернусь сюда я слѣдомъ за тобою!

ОЛЬГА.

Приди! Отца разграбь, сожги, убей,
Меня схвати добычей воровскою.
Ужь какъ же стану я тебя любить!
Не всякъ, знать, съ искрой камень драгоцѣнный
И молодецъ не всякъ съ любовью-правдой...
Ошиблась я. Живи себѣ съ ворами! [Отходитъ].

ИЛЬЯ [удерживаетъ ее].

Прости молю! Не ставь въ вину мнѣ, Оля,
Горячихъ словъ. Искать тебя въ невѣсты
Прямымъ путемъ—ты вѣдаешь—нельзя.
Судьбу твою рѣшилъ уже родитель.
Хоть князь, твой нареченный, старъ и сѣдъ,
И пьяница, развратный сластолюбецъ,
Но знатенъ онъ и въ силѣ у Царя.
А твой отецъ раздумывать не станетъ
Родную дочь корыстно загубить.
Отвергнешь ты меня—погибнемъ оба:
Въ разбойной жизни я, ты—въ злой неволѣ,
Въ истомѣ горькой за постылымъ мужемъ.

ОЛЬГА.

А въ станѣ воровскомъ мнѣ лучше будетъ!

ИЛЬЯ.

Ватагу я немедля распущу.
Принявъ вѣнецъ, знакомою дорогой
Въ Литву уѣду, съ милою женой.
Любви моей открой же сердце,—Оля!
Въ тебѣ вся жизнь, все счастіе мое!

ОЛЬГА.

Зачѣмъ меня ты хочешь облукавить,
Горячимъ словомъ душу замутить?..
Обманчивы вѣдь ласковы слова...

Собьютъ съ ума, а тамъ пеняй, да плачься...
Удумано не ладно. Нѣтъ, Илья,
Рѣчей твоихъ мнѣ къ сердцу взять негоже.

ИЛЬЯ.

А молвишь ты, что помнила всегда,
Молилась и жалѣла!.. Вѣрь тебѣ!

ОЛЬГА.

Не вѣрь, какъ хочешь! Лгать я не умѣю.
Всечасно сердце кровью обливалось,
Что мы неправдой здѣсь живемъ... Одно...
Зачѣмъ таить?.. Одно мнѣ было въ радость:
Про наше дѣтство вспоминать, какъ мы
Ребячески, таясь отъ всѣхъ, играли,
Какъ ты меня въ обидахъ утѣшалъ...

ИЛЬЯ.

И я тѣмъ жилъ, любя тебя съ измальства...

ОЛЬГА.

Не тѣмъ ты жилъ, а мщеніемъ и злобой.

ИЛЬЯ

Не могъ же я отца забыть, пойми!
Но если все, что въ сердцѣ накипѣло,
Что мыслями и волей овладѣло,
Разсѣялось, какъ дымъ, передъ тобой,
Суди-жь сама, насколько ты мила,
Насколько ты душѣ моей желанна! [Взявъ ее за руку].
Какъ дивно безъ меня ты разцвѣла,
Очей не отведешь!..

ОЛЬГА [въ смущеніи отнимаетъ руку].

Ну, что объ этомъ!..

ИЛЬЯ.

Что-бъ ни было, а я ужъ не могу
Громить тотъ домъ, гдѣ ты, моя голубка.

Спасенъ моей любовью твой отецъ.
Теперь ужь я не тотъ... Дѣла мои
Ужь въ стыдъ мнѣ стали, въ бремя...

ОЛЬГА [прерываетъ въ волненіи].

Мнѣ пора...
Прощай... Боюсь, чтобъ дома не хватились...

ИЛЬЯ.

Ужель на вѣкъ простимся?

ОЛЬГА.

Что-жь, коль надо!

ИЛЬЯ [грустно].

Прощай, коль такъ, подруга свѣтлыхъ дней,
Судьбиной злой навѣки омраченныхъ!
Тебѣ я жизнь и душу отдавалъ,
Въ тебѣ одной спасенія искалъ.
Отъ гибели, позора и грѣха...
Самой тебѣ грозитъ лихая доля...
Но сердцемъ непреклонна ты. Прощай!
Въ послѣдній разъ дозволь обнять тебя... [Обнялъ].
Ахъ, тяжко мнѣ! [Припалъ къ ея плечу].

ОЛЬГА.

Самой мнѣ не легко...
[Онъ вдругъ сталъ страстно ее цѣловать. Слабо сопротивляясь].
Довольно!... Перестань!

ИЛЬЯ.

Въ послѣдній разъ вѣдь...

ОЛЬГА.

Оставь!.. Ну, что ты дѣлаешь со мной?!...

ИЛЬЯ [держа ее въ объятіяхъ].

Ты любишь? да? Въ твоихъ очахъ я вижу,
Въ дыханьи жаркомъ, въ трепетныхъ устахъ.....

ОЛЬГА [вырываясь].

Прощай! [быстро отходитъ].

ИЛЬЯ.

Обоихъ насъ ты губишь, Оля!
Вернись!.. Молю тебя, постой!.. вернись-же!..

[Она стоитъ поодаль. Онъ медленно приближается].

Вѣдь сердце рвется за тобою, Оля!....
Ты жизнь моя!.. [Раскрываетъ объятья].

ОЛЬГА [съ страстнымъ стономъ].

А-ахъ!... знать судьба такая! [бросается въ его объятія].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Лѣсъ. По серединѣ догорающій костеръ. Свѣтаетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кирюха, Сверло и Иванъ Ядреный [размѣстились у костра].

СВЕРЛО. А атамана все нѣту!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Вишь, съ Абрамомъ уѣхали. Надо быть, мѣста осмотрѣть, какъ способнѣй напасть на Варыгина. Тамошній вѣдь Абрамъ-отъ.

КИРЮХА. Не затѣмъ онъ шляется туда. Чего осматривать? Пустить-бы молодцевъ на сломъ и шабашъ дѣлу. Давно-бъ раздуванили Варыгинское добро. А мы другую недѣлю стоимъ здѣсь, дожидаемся. Да еще проѣзжихъ трогать не смѣй! Серчаетъ. Не затѣмъ, вишь, собралъ онъ насъ, чтобъ зря душегубствовать!... Ты нашу волю твори, а не мудруй нами! [Презрительно]. Дворянинъ!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Коль не вывѣдать, зачѣмъ же онъ учащиваетъ къ Варыгину?

КИРЮХА. Бабій хвостъ тутъ. Ему съ бабами волово-диться, а намъ съ голоду помирать, да безъ дѣла сидѣть совами. Выдумалъ тоже!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Батя [входитъ зѣвая и потягиваясь].

БАТЯ. Чего не спите? Теперь какое время-то? Лѣшіе въ зернь на крысъ играютъ.

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. На крысъ?!

БАТЯ. Ну, да. Мы на деньги, а они на крысъ.

СВЕРЛО. А тебѣ что не спится? Чай гораздъ дрыхнуть, толстопятый чертъ!

БАТЯ. Дрема нейдетъ и сонъ не беретъ.

СВЕРЛО. Ай дурной сонъ привидѣлся: тюрьма?

БАТЯ. Эко страсть! Кому лопата, а намъ ломъ; кому тюрьма, а намъ домъ. Ты вотъ висѣлицы боишься, а вору висѣлица неизмѣнный другъ. И эсаулу не спится-грустится, что дуванить нечего. Вечо́ръ тюкнули купца-молодца, да даромъ душу христіанскую загубили: за два алтына. Прибрали-бъ хоть его. А то валяется падаль эта!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Воронамъ на расклеванье оставили. Тоже и имъ пища требуется.

СВЕРЛО. А нось воротишь, схоронилъ-бы. Ты вѣдь у насъ замѣсто попа.

БАТЯ. Когда ты напорешься, такъ и быть закопаю тебя на дорогѣ пугаломъ. [Садясь возлѣ Кирюхи]. Свѣдаетъ атаманъ про купца этого—будетъ тебѣ, хлѣба-те въ брюхо!

КИРЮХА. Не больно я боюсь твоего атамана!

БАТЯ. Бойся-не бойся, а хлобыстнетъ кистенемъ по уху, не вкусно будетъ. Воленъ атаманъ въ твоемъ животѣ; на то онъ и атаманъ. Да тебя какъ и не учить-то! Лютъ

больно: все-бъ тебѣ рѣзать, да вѣшать. Во сколькихъ ты душахъ повиненъ? Не даромъ „волчьимъ зарѣзомъ“ прозвали.

КИРЮХА. Ну, прикуси языкъ!

ВАТЯ. Вотъ которые въ тюрьмѣ побывали, да кнута отвѣдали—всѣ таковы. Толи дѣло нашъ братъ подъячій! Рукъ не мараетъ, умомъ добываетъ.

КИРЮХА. Потому не мараешь, что трусъ; а обшарить убитаго, да изъ добычи украсть отъ дувана—ты первый. Не умомъ хвались, а тѣмъ какъ тебя въ приказѣ на козлѣ драли, урывай-алтынникъ!

СВЕРЛО. Подъячій въ чернилахъ крещенъ. Руки-крюки, пальцы-грабли, вся подкладка—одинъ карманъ, ха-ха-ха!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Хоть изъ подъячихъ, а въ харчевники къ намъ попалъ, корми до сыта. Ежели сваришь кулешъ по намеднишнему, опять отдеремъ.

ВАТЯ. Хлѣба-те въ брюхо! Да тебя нешто укормишь? Ты ѣшь-ажъ бѣльмы на лобъ лѣзутъ. Онадысь съ однимъ яйцомъ каравай хлѣба слопалъ. Жретъ какъ помеломъ мететъ, братцы мои! А все же въ угоду... Эхъ, скоро и всѣмъ худо будетъ. Изъ щепъ похлебки не сваришь. Харчъ на исходѣ, а атаманъ не заботится.

КИРЮХА [ѣдко]. Атаманъ!.. Не конь, не лѣзъ-бы въ хомутъ!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Хотѣлъ же онъ на Варыгина насъ вести! Золотыя горы сулилъ.

ВАТЯ. Хотѣлъ, да хотѣй не велѣлъ.

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Намедни дѣвки по грибы пошли, мы хотѣли скрасть. И то не велѣлъ.

ВАТЯ. Эхъ ты! У кого на умѣ молитва, да постъ, а у тебя бабій хвостъ.

СВЕРЛО. Ужъ ты богомолецъ!

ВАТЯ. На женскую красоту не зри; та красота сладитъ, какъ медвяная сыта, а послѣ горче желчи и полыни будетъ. Такъ и атамана наставлю. А то Кирюха больно сердитъ на него.

СВЕРЛО [вскакивая]. Слышали? Ясакъ поданъ.

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ [уходя]. Знать, словили кого.

БАТЯ. Оретъ! Рѣжутъ его, что-ли?

ЯВЛЕНІЕ III.

Кирюха, Сверло, Батя, Семенъ Дошлый и Жогъ вводятъ Михайлу, за ними Иванъ Ядреный.

МИХАЙЛО [съ ревомъ]. Батюшки, отцы родные, пустите-е!.. Отпустите меня-я!.. О-о-охъ!.. Пропала моя головушка-а!..

СЕМЕНЪ. Не ори, чертъ! [Кирюхѣ]. На дорогѣ словили. Гналъ во всю мочь. Лошадь добрая, насилу поймали.

МИХАЙЛО [бросаясь на колѣни]. Батюшка, не погуби-и-и!...

КИРЮХА. Шишь, ворона! Не голосить! [Михайло умолкаетъ, но трясется отъ страха]. Чей ты?... Ну, сказывай-же!

БАТЯ. У него языкъ размокъ. Надо розгами въ понятіе привести.

МИХАЙЛО. Ой-ой, не буду, не буду-у!..

КИРЮХА. Чей?

МИХАЙЛО. Ва... Ва... рыгинскій.

БАТЯ. Изъ Варыгинской норы крыса! Вотъ это намъ на руку.

КИРЮХА. Куда ѣхалъ?

МИХАЙЛО. Бо... бояринъ послалъ...

КИРЮХА. Куда?

МИХАЙЛО. Въ... въ Шалыгино.

КИРЮХА. А можетъ въ городъ, къ воеводѣ, чтобъ слалъ онъ служилыхъ людей насъ изловлять?

МИХАЙЛО. Ей-ей въ Шалыгино!

БАТЯ. И врешь, хлѣба-те въ брюхо! Ежели тебя огонькомъ подсмолить, небось всю правду выложишь.

МИХАЙЛО [съ ревомъ]. Батюшки свѣты!.. О-о-охъ!

КИРЮХА. Не вой! Не то велю отодрать на всѣ корки!

[Михайло смолкает]. Зачѣмъ въ Шалыгино посланъ? Правду говори! Утаишь что—повѣшу.

ВАТЯ. Взлетишь на сукъ легче перышка.

МИХАЙЛО [торопливо]. Не синь пороха не утаю .. Ей же ей!.. Въ Шалыгино, къ колдуну... Колдуна къ боярину привезти... Въ Шалыгинѣ, слышь, колдунъ живетъ... Бояринъ прослышалъ, что всѣмъ онъ колдунамъ колдунъ; вишь въ землю на семь пядей видитъ и лѣсъ по его слову кланяется. Вотъ и послалъ. Ей-же ей правда!

ВАТЯ. Пожалуй и такъ. Ябеднику, каковъ есть Варыгинъ, кудесникъ надобенъ.

МИХАЙЛО [ободрился и тараторитъ чуть ue съ увлеченіемъ]. Ей-ей правда, сейчасъ умереть! Вишь, у него черная книга есть, и составы, и зельныя травы и мертвая рубашка. Онъ и заговоры всякіе знаетъ и все можетъ: сухоту ли навести, червей ли на скотъ напустить, какъ татары, все! Кого испортитъ, тотъ собакою лаетъ и кошкой мяучитъ. Дошлый вѣдунъ, славущій!

ЖОГЪ [смѣясь, товарищамъ]. Ишь прорвало! А то мычалъ...

ВАТЯ. Значитъ, Варыгинъ по насъ колдуна припасаетъ, глаза намъ отвесть, али порчу напустить, чтобъ мы забрехали, да замяукали. Хитеръ! А правда ли, сказываютъ, что вашему боярину черти деньги куютъ? Онъ съ грязи, вишь, пѣнки сымаетъ, изъ блохи голенище выкраиваетъ.

МИХАЙЛО. Лютъ, лютъ! Что и говорить, лютъ!

ВАТЯ. Совѣсть у него, вишь, что дырявое рѣшето. За то казна несчетная, коробьи съ бобрами, съ куницами и всякимъ добромъ.

МИХАЙЛО. Богатѣй! ужь такой богатѣй!..

ВАТЯ. Будетъ что раздуванить. А раздуванимъ Варыгинское добро, да одѣнемся въ бархаты и объяри — сами станемъ бояре. А покамѣсть жалую тебя, дурака, къ своей рукѣ. На, цѣлуй? [Суетъ ему руку. Нѣкоторые изъ воровъ засмѣялись].

КИРЮХА [отталкивая Ватю]. Ну полно те дуровать! [Къ ос-

тальнымъ]. Приковать его къ дереву, а тамъ видно будетъ, что дѣлать съ нимъ.

МИХАЙЛО [слезливо]. На чѣнь?.. Зачѣмъ-жа?..

ВАТЯ. Атаманъ тебя наградитъ, отпуститъ и велитъ зазнобушкѣ, боярышнѣ вашей, поклонъ снести; а можетъ и того... уѣдешь ты, сердешный, въ невозвратимую путь-дороженьку...

МИХАЙЛО [опять реветъ]. Батюшки-свѣты!.. Да за что-о?.. Что-же мнѣ будетъ то-о-о?!

КИРЮХА. Веди его!

ЖОГЪ [уводя Михайлу, съ Семеномъ]. Что? угодила овца волку въ зубы?

МИХАЙЛО. О-о-о!...

СЕМЕНЪ. Ну, иди, иди! [Увели].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кирюха, Сверло, Батя, Иванъ Ядреный и Сова [вбѣгаетъ слѣва].

СОВА. Атамъ! атамъ! и съ дѣвкою!

БАТЯ. Ахъ хлѣба-те въ брюхо! Уволокъ таки!

КИРЮХА. Что, не на мое вышло?!

СОВА. Мы, значитъ, обступили ихъ. А онъ разогналъ, да велѣлъ свѣжихъ коней готовить. Знать, опять куда ѣдетъ.

БАТЯ [глядя влѣво]. Вонъ они! Пойдемъ, братцы, схоронимся! Поглядимъ, да послушаемъ что они, какъ... [Разбѣгаются за деревья. Восходъ солнца].

ЯВЛЕНІЕ V.

Ольга и Илья [входятъ слѣва].

ИЛЬЯ.

Молчишь, смотрѣть не хочешь на меня...
Да что съ тобой?.. Скажи же, не томи!

ОЛЬГА [сѣла].

Опомнилась, свою наживши волю,
И холодомъ мнѣ въ душу нанесло,
Что вьюгою осенней...

ИЛЬЯ.

Вотъ ты какъ!..

ОЛЬГА.

И стыдъ, и гнѣвъ за слабость на себя...
И сердце холодѣетъ за родную,
На скорбь, позоръ покинутую мать...
И ты какъ будто чуждъ мнѣ сталъ... Не знаю
Со мною что... а тяжко мнѣ... и жутко...
[Замѣтивъ его убитый видъ, участливо].
Дай время, все пройдетъ...

ИЛЬЯ [съ отчаяніемъ].

Мнѣ скорбно видѣть,
Что ты себя раскаяньемъ терзаешь.
Выходитъ—я *укралъ* твою любовь,
Не давъ тебѣ опомниться въ смущеньи!
Я—подлый воръ!.. Коль сердцемъ очерствѣла
Теперь ко мнѣ, чего-же ждать потомъ?

ОЛЬГА.

Тебя-ль корить, что давши сердцу волю,
Забыла все?.. Въ себя придешь не разомъ!...
Все сталось вдругъ... Случалось грезить мнѣ,
Что я сама судьбу свою устрою;
Но то что вышло, даже *мнѣ* не снилось,
Хоть дома говорили про меня,
Что нравомъ я неистова, буява
И бѣсу де во мнѣ большая помощь...

ИЛЬЯ [пытливо].

Да! будешь и въ раздумьѣ и въ тревогѣ
Предъ долею суровою моей!..

ОЛЬГА.

Я помню *кто* повиненъ въ ней.

ИЛЬЯ.

И все-жь

Не радостнѣй тебѣ.

ОЛЬГА [энергично].

Э, полно, милый!

Не жемчуги низать, да тѣло льготить
Ушла я за тобой. А коль ушла,
Такъ нечего раздумывать! Прости,
Что я тебя невольно огорчила!

ИЛЬЯ [пылко].

Сокровище безцѣнное! Всю жизнь
Тебѣ съ любовью отдалъ я навѣки!
И смѣло я въ грядущее гляжу
И вѣетъ отъ него тепломъ и свѣтомъ
Заботы нѣжной, счастья и любви!
Развѣй же думы, скорбныя заботы!
Взгляни мнѣ въ очи ясно и любовно,
Согрѣй мнѣ душу! Полно сокрушаться!

ОЛЬГА [ласково].

Да я ужь перестала...

ИЛЬЯ [страстно цѣлуетъ ее].

Жизнь моя!

ОЛЬГА [застѣнчиво отстраняется].

Довольно, милый!.. Стыдно мнѣ...

ИЛЬЯ [нѣжно].

Зардѣлась! [Встаетъ].

Однако-жь день занялся. Ѣхать время.
Гдѣ лѣса край, стоитъ село. Все тамъ

Улажено съ тобою намъ вѣнчаться.

[Ольга встаетъ].

Со мною ты! Не сонъ ли чудный это?
Боюсь повѣрить счастью своему!

[Опять восторженно привлекаетъ ее къ себѣ].

ОЛЬГА [смущенно улыбаясь].

Ты медлишь... а сказалъ: пора намъ ѣхать...

ИЛЬЯ [держитъ ее въ объятіяхъ].

Съ такой, какъ ты, замѣшкаться не диво!
Царицею ты въ гордой красотѣ,
Какъ ясный день, сіяешь величаво!..

СВЕРЛО [за деревьями].

Ха-ха-ха-ха!

ИЛЬЯ [грозно].

Что это?! Кто гогочетъ?!
Кто смѣетъ?! Выходи!.. Ну, выходи-же!!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, Батя, Кирюха, Сверло, Иванъ Ядреный, Жогъ, Семенъ, Сова и нѣсколько другихъ воровъ [сходятся мало-по-малу].

ИЛЬЯ. Батя, ты?

БАТЯ. Вонъ энтотъ! [указываетъ на Сверло]. Дурацкая стать! Что овинъ, ротъ разинулъ. Не видишь: атаманьша стоитъ?

СВЕРЛО. И то!

БАТЯ. А ты челомъ ей ударь. Вотъ такъ! [Низко кланяется Ольгѣ]. Не то за хохолъ, да рыломъ въ полъ. Знаешь, аль нѣтъ?

ИЛЬЯ [грозно]. Ну, ты шути, да оглядывайся!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Батя пошучиваетъ, на себя плеть покручиваетъ.

БАТЯ. Шутка въ пазуху не лѣзетъ. А ты не пужай, хлѣба те въ брюхо! [Ильѣ]. У меня утроба зяблая. Не гнѣвись, атаманъ.

КИРЮХА [ѣдко]. Теперь тебя, Батя, по боку. Кашу намъ баба станетъ варить; а тебя въ чумички, котлы чистить, да воду таскать.

СВЕРЛО. Таперь намъ веселья прибудетъ, ха-ха!

БАТЯ [къ Сверлу]. Дураку что глупо, то и любо. А ты эсаулъ, глядишь, да не видишь. „Кашу варить"! Скажи еще—пироги печь, да блины. Атаманъ намъ царевну привезъ, а не стряпку.

ИЛЬЯ [гнѣвно]. Да что вы?! Прочь! Кто пикнетъ, въ прахъ расшибу! [Вынулъ кистень. Всѣ попятились, кромѣ Кирюхи].

БАТЯ [льстиво]. Такъ-то лучше! Батюшка атаманъ во всѣхъ насъ воленъ: что захочетъ, то и сдѣлаетъ, хочетъ казнитъ, хочетъ милуетъ.

ОЛЬГА [про себя]. Вотъ какова моя семеюшка!

КИРЮХА. Воленъ-то воленъ, а ежели что кругъ порѣшитъ, атаманское дѣло—исполнить. А рѣшили мы, атаманъ, больше не ждать. Веди насъ на Варыгина. Такъ, братцы?

СВЕРЛО. На Варыгина!
ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Сулился и веди!
СЕМЕНЪ. Довольно ждать-то!
ЖОГЪ. На сломъ веди!
} Вмѣстѣ.

ОЛЬГА [про себя]. Боже мой!

КИРЮХА. Прохарчились, обносились, а все ждемъ чего-то!

БАТЯ. Э, братцы, куда спѣшить! Не подбивай клинъ подъ блинъ: поджарится, самъ отвалится. Сулился атаманъ и сдѣлаетъ. Ништо онъ обманщикъ? Кто ябедничествомъ вытягиваетъ, кто богатѣетъ неправдою?—Варыгинъ. Казна у него не трудовая, а слезовая, кровавая. Кто лиходѣй?—Варыгинъ. Онъ радъ мужика въ котлѣ варить, живаго въ землю вкопать. Всѣхъ разорилъ до подошвы, съѣдуба міроѣдная! Все это мы отъ батюшки атамана слыхали. И еще

слышали, что Варыгинъ-де на его родителя поклепалъ, подъ лютую смерть подвелъ, а помѣстья его взялъ за себя. Ништо это прощаютъ? Какой же сынъ забудетъ это, хоть бы для дѣвичьей красы? И будетъ Варыгину по привѣту отвѣтъ, по заслугѣ почетъ. А ты, Кирюха не ретись, а то наткнешься рыломъ въ кулакъ.

кирюха. Варыгинъ дочерью окупился, а намъ что за прибытокъ?

ольга [гнѣвно]. Лжешь! Сама я на срамъ пошла! Моя воля, мой и отвѣтъ. Не вамъ судить отца, лиходѣи—разбойники, и не мнѣ слушать васъ!

илья [прерывая тихо]. Полно, Оля! Оставь.

батя [къ товарищамъ]. Эге! Да у нея сердце съ перцемъ!

иванъ ядреный [горячо]. Дѣвку не трогай! дѣвку не слѣдъ обижать. Вотъ что!

сова. Точно, не гоже!

кирюха. Намъ не съ бабой и толковать. Слышалъ, атаманъ, что кругомъ уложено: идти на Варыгина. И веди, справляй свое дѣло!

сверло. Айда, на Варыгина!

семенъ. А не хочешь, съ атаманства долой!

жогъ. Сами управимся!

голоса въ толпѣ. На Варыгина, на Варыгина!

илья. Молчать! [Стихли]. Свое атаманское дѣло я знаю; а кто сунется учить меня, кистенемъ уложу, будь то хоть „волчій зарѣзъ“. [Могучей рукой взялъ Кирюху за плечо и потрясъ]. Ощерился волкъ на коня, да зубы въ горсти унесъ. Смотри-и!

кирюха [отходя, про себя]. Ну, помни, паря!

илья [къ толпѣ]. Я ваши-же головы берегу. Нынче къ Варыгину будетъ отъ воеводы высылка, человѣкъ сотъ три. Мнѣ про то изъ города вѣсти даны и съ пути есть, гдѣ шли ратные люди. Всѣ изоружены, есть съ пищалями и много у нихъ огненнаго боя и зелья. Сунетесь зря, всѣхъ перебьютъ, какъ щенятъ. Надобно тѣхъ людей отманить

изъ помѣстья, да подальше; а тогда ужь и грянемъ на Варыгина, безъ помѣхи. Выходитъ, я знаю, что дѣлаю. Приказъ вамъ: къ ночи всѣмъ изготовиться, перейдемъ всею ватагою на знамое мѣсто. Тамъ и быть становищу. Ослушники берегись! Живо расправлюсь! [Уходитъ съ Ольгою въ глубину сцены. Всѣ разступаются передъ ними].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, безъ **Ильи и Ольги.**

ВАТЯ. Съ новымъ становищемъ, эсаулъ — батюшка! Дождешься варыгинскаго добра, когда ракъ свистнетъ.

КИРЮХА. Ну, это даромъ!

СВЕРЛО. Чего-же онъ ждалъ-то, коли на насъ высылка? Давно-бы управились.

КИРЮХА. Вретъ, отводитъ!

СВЕРЛО. Знамо, отводитъ. Скинуть его съ атаманства и весь сказъ!

ВАТЯ. Извѣстно, артель атаманомъ крѣпка. А мой совѣтъ: не шумѣть. Много шуму, мало толку. Пойдемъ-ка мы, эсаулъ, въ кудесники, въ вѣдуны.

КИРЮХА [съ досадой]. Какія еще тамъ вѣдуны!

ВАТЯ. Хлѣба-те въ брюхо! А Мишку варыгинскаго забылъ? Что приковали-то! Онъ насъ изъ Шалыгина привезетъ. Я—колдунъ, а ты—мой сподручный. Въ мѣшкѣ у тебя зола изъ семи печей будетъ, мертвое мыло, а про случай кистень и топоръ. Мы поѣдемъ, а слѣдомъ пойдутъ вотъ они, да съ полъ-ста надежныхъ людей изъ нашей ватаги. Имъ быть въ спрятѣ, до нашего зову. Покуда мы колдовать станемъ... Да боюсь, рыло-то у тебя того... видать, что не изъ простыхъ свиней. Какъ-бы не признали, что ты изъ тѣхъ, которые на дворъ черезъ заборъ, а въ тюрьму дверьми, хе-хе-хе!

КИРЮХА [злобно]. Ну, молчи, собачій брёхъ!

БАТЯ. Чего! Слово не обухъ, въ лобъ не бьетъ. Лучше слушай. Не даромъ Богъ два уха далъ, а языкъ одинъ. Вотъ и слушай. За колдовствомъ мы и высмотримъ: есть-ли у Варыгина ратные люди, али атаманъ навралъ. А не будетъ никого, дадимъ своимъ ясакъ: айда братцы! Тутъ и шабашъ Варыгину. Понялъ? Покамѣсть атаманъ будетъ въ отлучкѣ, мы все оборудуемъ, въ лучшемъ видѣ. Идетъ что-ли?

КИРЮХА. Ладно.

БАТЯ. То-то и есть! Не будь меня, что ты выдумалъ-бы? Ничего. Потому—ослопъ!

КИРЮХА. Опять лаяться!

БАТЯ. Любя, друже мой, любя. Я вотъ тебя какъ люблю: съ себя шкуру на ремень отдамъ, только поди удавись! [Остальные захохотали].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Палата. Двѣ двери: посрединѣ и налѣво, направо окна. По стѣнамъ лавки, покрытыя полавочниками. Въ правомъ углу столъ и скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Малашка, Ѳекла и Зинка [прибираютъ комнату и готовятъ къ столу].

ЗИНКА. Вотъ страхъ, вотъ бѣда! Что будетъ, какъ узнаетъ бояринъ! Съѣстъ!

МАЛАШКА. Не малая пропажа сталась: дочь!

ЗИНКА. Неужто-жь, дѣвки, наша боярышня и вправду къ разбойникамъ ушла? Статочное ли дѣло!

МАЛАШКА. Она съ Подгорнымъ ушла, съ Ильею Григорьевичемъ. А онъ у нихъ атаманъ. Воротился, вишь, нашему боярину за отца спасибо сказать, да вотчину свою отобрать.

ЗИНКА [покачала головой]. Къ разбойникамъ! Не вѣрится мнѣ.

ѲЕКЛА. Вотъ дура-то! А Тимошка что говоритъ? Онъ въ сторожахъ былъ около саду.—„Вижу, говоритъ, какъ къ тыну лѣстницу приставили, какъ сошла боярышня, какъ ее увезли. Вижу, а сдѣлать ничего не могу. Скрутили по ногамъ, по рукамъ и ротъ тряпкой заткнули. Спасибо, говоритъ, хоть въ живыхъ-то оставили“.

МАЛАШКА. А мы убираемся, жениха ждемъ! Вотъ те и свадебка!

ЗИНКА. Такъ-таки никто боярину и не скажетъ?

ѲЕКЛА. Сунься, скажи!

МАЛАШКА. За такую вѣсть онъ языкъ отхватитъ, какъ

въ прошломъ годѣ Аксену уши. Щелкуха и та оробѣла, словно, трясуница ее бьетъ.

зинка. А боярыня-то! Словно громомъ пришибло! Жалость глядѣть. И все она ищетъ боярышню, все ищетъ. Хоромы сколько разъ обошла; по саду ищетъ, по двору, на остоженный дворъ ходила. Ни слова не молвитъ, никого не слушаетъ, ходитъ, да ищетъ: нѣтъ-ли гдѣ доченьки! Губы у нея побѣлѣли, трясутся, а глаза такъ и бѣгаютъ, такъ и бѣгаютъ! Помилуй Богъ, разума не лишилась-бы!

малашка, Въ пору. И таперь ищетъ?

зинка. Нѣтъ, сидитъ какъ убитая. Ни слезинки, а только стонетъ полегонечку, стонетъ все...

ѳекла. Да, вотъ те и боярышня! Къ разбойникамъ въ артель ушла! И Дуньку съ собой увела.

зинка. Какъ, и Дунька пропала?!

ѳекла. Не даромъ же Абрамъ ночью былъ. Ихній дядя, кузнецъ, и замки у тюрьмы сбивалъ.

зинка. Охъ, узнаетъ про все бояринъ, пропали наши головушки!

малашка. Какъ бы ему самому капутъ не пришелъ! Таперь жди съ часу на часъ Илью Григорьича, со всею ватагою.

зинка. Охъ, не говори, не пужай! [Закрыла лицо руками]. У меня ажь душа въ пятки ушла...

малашка. Загайкаютъ, засвистятъ, да какъ начнутъ разбивать, да грабить!

зинка. Я сбѣгу, куда глаза глядятъ убѣгу!

ѳекла. А я такъ ни крошечки не боюсь.

малашка. Не строй дуру-то! Полно. Кличутъ. Пойдемте! [Уходитъ].

зинка. Вотъ страсти-то! Господи! [Уходитъ].

ѳекла. Чего мнѣ бояться? Боярину точно-страхъ. Повѣсятъ его, собаку, на первомъ суку. А мнѣ что-жь что разбойники? Не всѣ-жь они страшные, чай и добрые молодцы есть. Выбирай любаго! И погуляю-же я,а-ахъ! Изъ

кабальной вольною стану, нарядовъ себѣ наберу. Въ набойкѣ-то полно ходить! Какъ барскія скрыни разобьютъ, бери, дѣвка, любое. Боярышнинъ аксамитный лѣтникъ возьму, съ яхонты, да изъ вишневой камки другой, да тотъ, что изъ хрущатой камки, травы куфтерныя... Разряжусь фу-ты, ну-ты, не подступись! [Негромко поетъ на мотивъ плясовой].

У меня дружекъ молодешенекъ,
Молодешенекъ, милъ-милешенекъ...

Ахъ! боярыня! [Пропустивъ ее въ дверь, убѣгаетъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

БОЯРЫНЯ [входитъ съ убитымъ видомъ, садится къ столу и нѣсколько мгновеній молчитъ, уронивъ голову на руки. Потомъ начинаетъ на манеръ причитанья.] Охти, тошнехонько мнѣ, душа разрывается! Пришло время всечастно слезы лить, да тужить! Укатилось мое красно солнышко, стерялась звѣзда поднебесная, улетѣла моя лебедушка! Не всплывать камню поверхъ воды, не видать мнѣ своей Олюшки! Не одѣвать ее въ цвѣтно-платьице, не убирать завивной косы! Всѣ-то тропки твои заростутъ, всѣ дороженьки! Вдоволь было истомы въ жизни моей, а ты еще прибавила! И безчестья наслушалась и побоевъ я натерпѣлась. Не порой моя головушка старилась, а теперь кручина въ переломъ пришла! Покинула дочка меня горе-горькую, при старости, да при хворости! Лучше закрылись-бы очи мои, пріукрыться-бъ мнѣ во сыру землю! Что-то съ тобой, мое милое горе-дитятко, наливная моя ягодка, скатная жемчужинка? Помоги тебѣ Мать-Царица небесная! А вы слезы мои, слезы горькія, не на землю падите, не на воду, а на сердце ему погубителю!

ЯВЛЕНІЕ III.

Боярыня и Варыгинъ.

[При входѣ его, жена встаетъ, въ страхѣ].

ВАРЫГИНЪ. Ну изготовились? Сейчасъ пріѣдетъ князь Иванъ Ларивонычъ, для сговору... Отчего на тебѣ лица нѣтъ? Недужна?

БОЯРЫНЯ. Нѣтъ, я ничего.

ВАРЫГИНЪ. Видно супротивница наша разжалобила тебя? Приказу покориться не хочетъ, не любо ей замужъ идти? У глупой матери дѣвки всегда ростутъ не въ чувствіи и добродѣтели, а упорщицами. И знать не хотятъ сказаннаго: иже чтетъ родители своя, той очистится отъ грѣховъ и отъ Бога прославится... Пытала ее про Илюшку-то?.. Коза буявая! Ей ништó и сбѣжать изъ дома родительскаго, посрамить родъ-племя!.. Про Илюшку, молъ, спрашивала? Чего молчишь?

БОЯРЫНЯ. Спрашивала.

ВАРЫГИНЪ. Ну что-жь она? Ась?.. Да отвѣтствуй!.. Ахъ, ты милая моя! Дура дурой стоитъ! Ну?

БОЯРЫНЯ. Она... его не поваживала... Илью...

ВАРЫГИНЪ. Хе-хе-хе! Дай провожу князя, я самъ ее попытаю. Подними голову-то! Или тебя подбодрить? Коли съ такимъ лицемъ князю покажешься... Ну, ты меня знаешь! Жениху ширинка готова?

БОЯРЫНЯ. Готова.

ВАРЫГИНЪ. Во всемъ изготовься, смотри! Собери мысли-то! [Боярыня уходитъ]. Молва про князя такая, что и не моя-бъ дура заголосила, дочь за него отдаваючи. Сквернословъ, безчинникъ, пьяница... За то у Царя въ приближеніи. Въ немъ заступа и оборона отъ враговъ моихъ. Ужь были челобитчики, что я крестьянъ извожу, да кабальныхъ людей продаю въ Кафу, въ невольники. На что гнутъ? Разорить? Что-бъ помѣстья мои назадъ на Царя взяли и впредь до вѣку

не давали? Да чтобъ и купленныя вотчины у меня, яко разорителя, отобрали? Злочинецъ—вишь—я, лиходѣй, хе-хе-хе! Ладно! Съ такимъ зятемъ, какъ Мезецкій, мнѣ въ этомъ опаски не будетъ. И по планидамъ выходило, что быть Ольгѣ княгиней.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Варыгинъ и слуга.

слуга [отвѣсивъ низкій поклонъ.] Государь князь Мезецкій изволилъ пожаловать. Посередь двора съ коня слѣзъ, пѣшій къ крыльцу идетъ.

варыгинъ. Иду встрѣтить съ честью гостя желаннаго. [Уходитъ, въ сопровожденіи слуги].

ЯВЛЕНІЕ V.

Боярыня, въ большомъ нарядѣ, за нею **Щелкуха**, съ подносомъ, на которомъ стопа съ виномъ.

боярыня. Охъ, не идутъ мои ноженьки, силушку надломило!

щелкуха. Ободрись, государыня. Хуже такъ, хуже! Изволь подносецъ принять. Ободрись!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же. Вбѣгаютъ **слуги**, въ парчевыхъ кафтанахъ и **дѣвки**, съ блюдами и проч. Все это проворно ставится на столъ.

щелкуха [Өеклѣ]. Куда судокъ ткнула? Гораздо-ли такъ? Видно, дура къ дѣлу никогда не навыкнетъ! [Переставивъ судокъ, отходитъ къ боярынѣ. Понизивъ голосъ]. Хоть таперь-то не узналась-бы наша пропажа, при князѣ! Въ мысль не вмѣстить, какая бѣда стряслась! То-то негодница, Господи!

[Дѣвки кончили свое и ушли. Слуги стали у двери.] Идутъ! Скрѣпись, матушка! Святая сила съ нами! [Проворно уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Боярыня, князь Мезецкій, въ роскошномъ нарядѣ, **Варыгинъ и слуги** [которые поклонившись до земли князю, уходятъ, затворивъ дверь].

ВАРЫГИНЪ [кланяясь въ поясъ.] Добро пожаловать, князь Иванъ Ларивонычъ! Милости просимъ.

БОЯРЫНЯ [молча поклонилась князю въ поясъ].

КНЯЗЬ [кланяется ей, касаясь рукою земли] Здравствуй, хозяюшка! Вотъ и я въ гости къ вамъ снарядился.

БОЯРЫНЯ Милости просимъ. [Подноситъ ему вино].

ВАРЫГИНЪ [съ поклономъ]. Пожалуй, гость дорогой, изволь выкушать!

КНЯЗЬ По старинной обыклости, откушайте вы сперва. [Хозяйка, за нею хозяинъ пригубливаютъ вино].

КНЯЗЬ [поклонился, взялъ стопу, выпилъ и отдавая ее, опять кланяется]. А я, матушка, поговорить о добромъ дѣлѣ пріѣхалъ. Чай, вѣдомо тебѣ дѣло какое?

БОЯРЫНЯ. Вѣдомо. Рады твоему пріѣзду. [Поклонилась и уходитъ].

КНЯЗЬ. Значитъ, учинимъ мы сговоръ о свадьбѣ?

ВАРЫГИНЪ. Учинимъ.

КНЯЗЬ. Дѣло не долгое. О приданой росписи намъ не судить. Животовъ и вотчинъ за дочерью твоей не беру. Ничего не беру. Тебѣ же уступаю въ тяжебномъ дѣлѣ...

ВАРЫГИНЪ. Объ этомъ что! Еще кто кому уважаетъ— Господу вѣдомо. Моя Ольга всѣмъ невѣстамъ невѣста. Всякому лестно взять ее за себя. Ты вдовецъ, въ лѣтахъ и все...

КНЯЗЬ. Напрасныя рѣчи. Въ слаженномъ дѣлѣ къ

чему препираться? А вотъ что: надо намъ запись учинить, что жениться мнѣ на срокъ, какой мы поставимъ, а ты-бы невѣсту за меня выдалъ на тотъ же срокъ, безъ премѣненія.

варыгинъ. Пожалуй. Хоть я и безъ того въ своемъ словѣ крѣпокъ.

князь. А какой же зарядъ мы положимъ, буде ты въ уставленный срокъ своей дѣвицы не выдашь? Во сколько тысячь?

варыгинъ. Твое дѣло.

князь. Зарядъ положу не малый: десять тысячь рублей.

варыгинъ. Сколько-о-о?! Шутишь, князь Иванъ Ларивонычъ!

князь. Чего-же испугался? Вѣдь ты устоишь. А буде не устоишь, и зарядъ возьму и челомъ на тебя патріарху бить буду. Это ужь такъ. А коли устоишь, чего же тебя зарядъ мой пугаетъ?

варыгинъ. Объ этомъ мы послѣ. [Весело.] А пока милости просимъ хлѣба соли кушать, — не спѣсивиться, вино пить съ отрадою, медъ вкушать съ забавою. [Князь садится за столъ въ большое мѣсто]. Чего прикажешь налить? Вотъ романея, ренское, медъ вишневый, смородинный...

князь. Чего твоей боярской чести угодно. Хоть романеи. Во здравіе тебѣ! [Пьетъ]. Ну что слыхать про разбойниковъ? Что воевода?

варыгинъ. Будетъ тому съ недѣлю, какъ послалъ я къ нему просить, что-бы выслалъ онъ служилыхъ людей по сволоку эту; а помощи по сю пору нѣтъ. Губные старосты послали, вишь, бирючей кликать уѣздныхъ людей. Никакъ, знать, не скличутъ. А долго-ли до бѣды! Ужь людишки стали изъ подъ меня къ тѣмъ ворамъ выбѣгать...

князь. Ну я тебѣ это дѣло облажу въ скорости. Будь покоенъ.

варыгинъ [наливая]. Просимъ покорно! [Князь пьетъ].

боярыня [входитъ черезъ силу, съ ширинкой на блюдѣ]. Не-

вѣста, дочь наша, дарить тебя, жениха своего, ширинкою. [Ставить блюдо на столъ].

князь. Спасибо! Жалко, что не сама невѣста съ нею пожаловала. Купецъ здѣсь, а чего купить пришли, еще не видали.

боярыня [помертвѣла.] Что ты, батюшка! Ништо можно?.. Самъ знаешь, что до свадьбы невѣсты не кажутъ.

князь. Да вѣдь смотрильщицъ я къ вамъ не посылалъ, разумъ и рѣчи невѣсты извѣдывать, высматривать у ней лицо, да примѣты. Безъ смотринъ о свадьбѣ сговариваюсь и вотъ запись съ бояриномъ станемъ писать.

боярыня. Присылай смотрѣть сродственницъ, кого угодно. А казать невѣсту нельзя.

варыгинъ. Обманства у насъ нѣтъ никакого.

князь. Вѣдомо мнѣ. Вѣрю я, что ваша Ольга ростомъ, красотой и рѣчью исполнена и во всемъ здорова. Мало того—никакого надѣлка за ней не беру. Ну и вамъ надо моему хотѣнью уважить. Ты, бояринъ, пособи мнѣ, вели дочь привести. Дѣло кончено. Не я, а ты заряда-то испугался.

боярыня. Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! Выкинь изъ головы это!

князь. Ну-же, бояринъ! Не томи сердца!

варыгинъ. Отчего и не уважить князю?..

боярыня [прерываетъ, въ ужасѣ]. Глѣбъ Акимычъ!..

варыгинъ [остановилъ ее взглядомъ]. Дочь свою намъ передъ людьми показать не въ стыдъ. Не такую невѣсту поносить, да хулить жениху. Приведи Ольгу.

боярыня. Глѣбъ Акимычъ! ради Господа!.. Ей и не по себѣ, и оробѣетъ...

варыгинъ. Да что ты?! Велѣлъ и твори мою волю *) Ступай!

*) По Котошихину, вопреки обычаю, это дѣлалось въ рѣдкихъ случаяхъ.

боярыня [про себя]. Какъ-же мнѣ быть-то, горькой?! какъ быть?! [через силу уходитъ].

варыгинъ. А пока выпьемъ во здравіе невѣсты. [Выпили]. Да, Ольга наша не въ небреженіи, а въ наказаніи возростала, во всякой чистотѣ. Еще, князь Иванъ Ларивонычъ! [Наливаетъ стопу].

князь. Ой не будетъ-ли? Первую чашу пьешь въ жажду, вторую въ сладость, третью — во здравіе, четвертую — въ веселіе. Я уже четыре выпилъ. Пятая будетъ въ пьянство, а шестая—въ бѣсовство, ха-ха!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь Мезецкій, Варыгинъ и слуга.

слуга. Колдуна привезли, государь, кудесника.

варыгинъ [всталъ]. Дуракъ! Что ты брешешь? Какого тамъ колдуна?..

слуга [растерялся]. Да изъ... изъ Шалыгина... За которымъ вчерась посылали...

варыгинъ [впился въ него взоромъ]. Что-о?!

слуга [съ трепетомъ]. Онъ велѣлъ... Мишку за которымъ вчерась... Велѣлъ: „доложи, молъ, некогда мнѣ"...

варыгинъ. Пшелъ! [Слуга выскакиваетъ за дверь. Про себя]. Нашелъ время докладывать! [Садится].

князь. Кудесникъ! Зачѣмъ онъ тебѣ? Сказываютъ, что ты въ тяжебныхъ дѣлахъ къ волшебству прибѣгаешь. Значитъ правда?

варыгинъ. Мало-ли что сказываютъ! Безъ разсужденія не твори осужденія, князь Иванъ Ларивонычъ.

князь. Ябедникамъ и поклепцамъ чародѣи отъ бѣсовскихъ поученій пособія творятъ. То намъ вѣдомо. Ну и на тебя взводятъ, по злобѣ, что и ты такъ-же, и что отреченныя книги есть у тебя и мудрости еретическія.

По злобѣ, чего ни возведутъ! А все-жь ты кудесника кликни.

ВАРЫГИНЪ. Пустое. Зачѣмъ онъ тебѣ?

КНЯЗЬ. Можетъ ты по меня колдуна-то призвалъ. Вотъ и узнаемъ въ чемъ дѣло. Вели позвать.

ВАРЫГИНЪ. Полно, прошу!

КНЯЗЬ. Нѣтъ, покажи. Зачѣмъ прячешь?

ВАРЫГИНЪ. Перестань!

КНЯЗЬ. Пускай потѣшитъ. Зови-же!

ВАРЫГИНЪ [съ досадой]. Ну, да вѣдь ты пристанешь, такъ вынь да положь! (Хлопнувъ въ ладоши. Вошедшему слугѣ]. Кликни того... изъ Шалыгина... какой тамъ дуракъ объявился... [Слуга уходитъ]. Мало-ль теперь этихъ пройдохъ шатается! Что кудесники, бабы пророчицы развелись. Ходятъ наги и босы, сказываютъ, что имъ является святая пятница и велитъ заповѣдывать богомерзкія дѣла творить.

КНЯЗЬ. Старухъ жечь, а молодыя какія .. Говоришь, наги ходятъ?

ВАРЫГИНЪ. Да, волосы распустя. Трясутся, кричатъ аки бѣсніи.

КНЯЗЬ. Молодымъ я-бы спуску не далъ, ха-ха-ха!

ВАРЫГИНЪ. Стыдись! На тебя, вишь, въ блудныхъ дѣлахъ и такъ челобитныя къ епископу были!

КНЯЗЬ. Вотъ женюсь, все это брошу.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Князь Мезецкій, Варыгинъ, Батя, Кирюха [съ мѣшкомъ] и слуги.

БАТЯ. Миръ вамъ на бесѣдѣ, миръ твоему благодатному дому, хозяинъ! [Поклонился].

КНЯЗЬ. Э, да ихъ двое!

БАТЯ. Въ помощь мужиченко съ собою беру [Кирюхѣ]. Чего стоишь, какъ приворотная надолба? Кланяйся госпо-

дамъ-то! Али поклонъ съ хохломъ, челобитье съ шапкой? Кланяйся-же, хлѣба-те въ брюхо! [Кирюха прорычалъ и неохотно поклонился]. Не взыщите на немъ, честные господа! Я его за глупость держу. У него языкъ болтаетъ, а голова не знаетъ. Мнѣ такой на руку.

ВАРЫГИНЪ [подозрительно]. Ты отколь будешь?

ВАТЯ. А изъ Шалыгина, государь. Холопъ твой Михайло...

ВАРЫГИНЪ [прерываетъ]. Знаю.

КИРЮХА [про себя]. Черта ты знаешь!

КНЯЗЬ. Такъ ты колдунъ?

ВАТЯ. Называй какъ твоей чести угодно. На дѣлахъ штуковатъ, на словахъ смысловатъ, государь.

КНЯЗЬ. Въ раѳли смотришь, въ аристотелевы врата, по звѣздамъ, по планидамъ гадаешь?

ВАТЯ. Не отъ своего замышленія говорю, а какъ дѣло укажетъ, государь.

КНЯЗЬ. И заговоры знаешь?

ВАТЯ. Все могу, государь. Мои слова заговорныя крѣпче камня и булата: ключъ имъ въ небесной высотѣ, а замокъ въ морской глубинѣ.

КНЯЗЬ. Рѣчистъ! Ну, а зачѣмъ бояринъ за тобой послалъ. Угадаешь?

ВАТЯ. Могу. Научить его шиломъ молоко хлѣбать.

КНЯЗЬ. Ха-ха-ха!

ВАРЫГИНЪ [гнѣвно]. Что ты городишь, дуракъ!

ВАТЯ. Стриги шерсть, да не сдирай шкуры, бояринъ.

КНЯЗЬ. Ха-ха-ха! Ей-ей рѣчистъ! [Варыгину]. Вѣдь это онъ къ тому, что ты прибылями корыстуешься, въ нищіе крестьянъ приводишь своихъ.

ВАРЫГИНЪ [ударилъ въ ладоши. Явилось двое слугъ. Къ нимъ]. Выведите ихъ, да запереть покуда!

КНЯЗЬ. Постой, постой! Сейчасъ ужь серчать!

ВАТЯ. Помилуй! У меня утроба зяблая, государь. А молвлю я то, что мнѣ воронъ каркунъ сказалъ. Не гнѣвись!

князь. Оставь, бояринъ! Я о себѣ поговорить съ нимъ хочу. [За сценой свистокъ. Батя и Кирюха переглянулись].

батя. Ты, дурацкая стать! Готовь золу изъ семи печей. Князю гадать придется.

варыгинъ [слугамъ]. Разыскать кто смѣлъ свистнуть. Пьянъ, видно! [Слуги уходятъ].

кирюха [про себя]. А тебѣ будетъ похмѣлье.

князь. Ну, колдунъ! Угадай за какимъ дѣломъ я у боярина Глѣба Акимыча?

батя. Много ты чаешь, да ничего не знаешь, княже.

князь. Чего же я не знаю?

батя. Какое здѣсь чудо причудилось.

князь. А какое?

батя. Былъ я на полой полянѣ, свѣтилъ мѣсяцъ на осиновый пень. Около того пня ходилъ мохнатый волкъ и вотъ что онъ сказалъ мнѣ. Есть у тебя тутъ присуха—зазнобушка и задумалъ ты ее въ жены поять.

князь. Правда.

батя. А дѣвушка та дожидалась до вечерней зари, до сырой росы, въ тоскѣ и тревогѣ. А какъ взошелъ мѣсяцъ, серебряные рожки, тутъ и чудо причудилось.

князь [съ нетерпѣніемъ]. Да какое?

батя. Пропажа сталась, потеряшечка потерялась.

варыгинъ. Князь, что-жь это будетъ? Онъ дерзаетъ про дочь мою говорить, а ты дозволяешь?!

батя. Не гнѣвайся, государь! У меня утроба зяблая...

варыгинъ [топнулъ]. Вонъ!!

князь [встаетъ въ сильномъ волненіи]. Нѣтъ, погоди! Я самъ съ нимъ расправлюсь, за пустошныя рѣчи. Сперва боярыню кликнемъ. Сперва мы съ нею поговоримъ!.. [Ударяетъ въ ладоши. Входитъ слуга]. Доложи боярынѣ, Любови Лукинишнѣ, что-молъ—князь покорно проситъ ее пожаловать къ намъ. [Слуга уходитъ].

варыгинъ. Не дѣло затѣваешь ты, князь!

князь [на Батю]. Ты зря несешь, дурачина?

ВАТЯ. Чтобъ мнѣ первымъ кускомъ подавиться! Мышиныя норки обшарь, не сыщешь невѣсты.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же и **Боярыня**, въ сопровожденіи слугъ.

ВАРЫГИНЪ. Гдѣ дочь?.. Чего-жь ты трясешься?! [Кричитъ]. Гдѣ дочь, говорю?!

БОЯРЫНЯ [съ воплемъ бросается ему въ ноги]. Не погуби-и!!

ВАРЫГИНЪ. А-а-а!! [Слугамъ]. Поднять! Уведите ее! [Боярыню подняли и почти уносятъ рыдающую].

КНЯЗЬ [гнѣвно]. Для какого-жь это, бояринъ, сговору пріѣхалъ я? А?

ВАРЫГИНЪ [блѣдный и трепещущій]. Оставь... оставь!.. Ничего мнѣ не говори!.. Я... Когда я собой не владѣю, не говори! [На воровъ]. А розыскъ я съ васъ начну! Эй! [Хлопнулъ въ ладоши]. Кандалы! [За сценой выстрѣлъ. Ватя и Кирюха вооружаются, доставъ изъ мѣшка по большому ножу].

КНЯЗЬ. Да это разбой!! [Ринулся къ двери и уходитъ. За сценою еще выстрѣлъ].

КИРЮХА [схвативъ Варыгина]. Крути его!

ВАРЫГИНЪ [вопитъ]. Люди!! разбой! разбой!! [Его вяжутъ веревками. За сценой еще выстрѣлъ, трескъ, женскій визгъ и крики разбойниковъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лѣсъ. Справа полотняный шатеръ. Полы его откинуты. Внутри шатеръ убранъ коврами.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ольга и **Дуняша** [стоя на колѣняхъ, цѣлуетъ руки Ольги].

ДУНЯША.

Ну, какъ же рада я, что Богъ привелъ
Опять мою боярышню увидѣть!
Въ тюрьмѣ сидѣла, мукъ ждала и тамъ
Все думала какъ ты, да что съ тобою:
„Жалѣетъ, чай, боярышня меня!
„А ей-то каково самой, сердечной,
„Идти къ вѣнцу съ постылымъ женихомъ!“...

ОЛЬГА.

За милымъ я, ужь мужняя жена;
А прибыло ли радости, Дуняша!

ДУНЯША.

Обвѣнчаны ужь вы?! Ну, слава Богу!

ОЛЬГА.

Болитъ душа по матушкѣ родимой...
Что будетъ горемычной отъ отца?!.
Мою вину онъ ей въ отвѣтъ поставитъ,
На ней всю злобу станетъ вымещать...
Она-жь меня безъ гнѣва вспоминаетъ,
Она проститъ... и въ скорби неутѣшной
Молиться будетъ... [Утерла слезы. Со вздохомъ].
Грѣхъ душѣ моей!

ДУНЯША.

Не замужъ-же, за Мезецкаго было
Идти тебѣ!

ОЛЬГА.

Ну, полно, перестанемъ.
Я мужа голосъ слышу.—Ты пока
Останешься у насъ, съ своимъ Абрамомъ?

ДУНЯША.

Мы слуги вамъ по гробъ.

ОЛЬГА [поцѣловала ее].

Спасибо, Дуня!
А мужъ твой гдѣ?

ДУНЯША [озабоченно].

Къ Уколову поѣхалъ.
Зачѣмъ—не знаю. Словно какъ встревоженъ...
Сейчасъ, сказалъ, вернется. Погляжу
Не ѣдетъ-ли? [уходитъ влѣво].

ОЛЬГА.

Въ Уколовѣ теперь
Гремитъ гроза родительскаго гнѣва,
И стонъ стоитъ и плачъ!... [Закрылась руками. Пауза. Отнимая руки].
Не думать лучше!...

ЯВЛЕНІЕ II.

Ольга и Илья.

ИЛЬЯ [озабоченно].

И что за притча сталась!

ОЛЬГА.

Что такое?

ИЛЬЯ.

Велѣлъ я изготовиться ватагѣ,
Чтобъ къ вечеру намъ сняться съ становища...
Отъ вашего Уколова подальше
Скорѣй людишекъ нужно отвести;
Не то они, какъ бѣшеные волки,
Къ вамъ кинутся на сломъ и на грабежъ.
И вотъ кого ни спросишь—нѣтъ и нѣту!
Кирюхи нѣтъ, и Бати и другихъ.
Куда пропали, вишь, никто не знаетъ. [Садясь рядомъ съ Ольгой].
А ты, моя любезная супруга,
Въ раздумьи все, не радостна сидишь?
Вѣнчались мы безъ дружекъ, посаженыхъ,
Безъ тысяцкаго, свахъ и поѣзжанъ;
И некому убрать твою головку;
И въ логово звѣриное, не въ домъ,
Отъ церкви я привезъ свою „княгиню";
Не брачный свѣтлый пиръ и ликованье,
А шумъ сырой дубравы непривѣтный
Подъ хмурымъ небомъ встрѣчею былъ намъ...

ОЛЬГА.

Я вовсе не о томъ въ раздумьѣ, милый,
А люди какъ твои... Опасно съ ними...
Сдается мнѣ, они тебѣ не вѣрятъ...
Сомнѣнья, иль тревоги коль въ тебѣ
Лишь тѣнь они увидятъ, удержать
Въ покорности ихъ трудно. Звѣрь-толпа
Предъ тѣмъ, кто ею мощно не владѣетъ.

ИЛЬЯ.

Доселѣ ихъ держалъ рукою крѣпкой,
Пока я былъ одинъ. Теперь постыла
Мнѣ жизнь съ народомъ этимъ. *Ты* средь нихъ!
Замѣсто сѣнныхъ дѣвушекъ—злодѣи!
И каркаетъ воронья стая эта
И ждетъ свою добычу расклевать!

ОЛЬГА.

Ни страха, ни печали нѣтъ во мнѣ.
Въ опасностяхъ не время сокрушаться.
Коль въ толкъ я это взять-бы не умѣла,
Была-бъ тебѣ плохой женою я.
И ты смягченнымъ сердцемъ не слабѣй,
Заботу обо мнѣ забудь покуда.
Не прятаться мнѣ нужно отъ воровъ,
А взять ихъ смѣлымъ видомъ, рѣчью твердой,
Что-бъ быть тебѣ не въ бремя, а въ подмогу.
Покамѣсть въ переходѣ проведемъ
Мы времени довольно, подоспѣютъ
Къ отцу въ охрану ратные. Тогда
Уйдемъ изъ стана мы; но не въ Литву,
Искать среди *враговъ* себѣ пріюта....

ИЛЬЯ.

Куда-жь тогда?

ОЛЬГА [пылко].

Въ ряды бойцевъ отважныхъ,
Подъ стягъ святой, ты станешь *на* враговъ
Ты душу отъ грѣха свою омоешь
И совѣсть передъ Богомъ обѣлишь.
Родителя страданій лютыхъ ради
И слезною моей мольбой, Господь
Помилуетъ тебя въ кровавыхъ битвахъ
И благостью Своею сохранитъ.

ИЛЬЯ [горячо, обнявъ ее].

Спасибо, Ольга! Въ душу мнѣ влилась
Живой струей надежда и отвага.
Ты вѣрный другъ, надежная опора!
Съ тобой яснѣетъ мысль и крѣпнетъ сердце

И съ смѣлостью незыблемой впередъ
Всему пойдешь навстрѣчу! [Цѣлуетъ ее].

ОЛЬГА [ласкаясь].

Милый мой!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Дуняша [вбѣгаетъ въ испугѣ].

ДУНЯША. Уколово, Уколово горитъ!

ОЛЬГА. Горитъ?!

ДУНЯША. Грабятъ! Мужъ примчался оттуда... Все разбили, говоритъ, кладовыя, подвалы! Князя Мезецкаго убили!

ОЛЬГА [въ ужасѣ схватилась за голову]. Господи!

ИЛЬЯ. Ахъ, сволока проклятая! Постой-же! Я васъ уйму! [Затыкаетъ за поясъ кинжалъ и схватываетъ чеканъ*) изъ шатра].

ОЛЬГА. Матушку, матушку спаси!

ИЛЬЯ [у выхода изъ шатра даетъ свистокъ]. Не бойся, Ольга, живо управлюсь! [Подбѣжавшему вору]. Коня! [Воръ убѣгаетъ. Илья быстро уходитъ въ глубину сцены].

ДУНЯША. Тамъ страсти, Абрамъ говоритъ! Плачъ, вой! Которые изъ нашихъ кинулись отбивать, всѣхъ уложили!

ОЛЬГА [съ отчаяніемъ]. Матушка моя! Что съ тобой, родимая?! Покаралъ Господь! Отвела бѣду, охранила родителей! О о-охъ! [Рѣшительно]. Сама пойду!

ДУНЯША. Куда-же, куда?! Развѣ близко? Адъ кромѣшный въ Уколовѣ! Что ты подѣлаешь?!

---

*) Чеканъ—знакъ атаманскаго достоинства, топорикъ на длинной рукояткѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ольга, Дуняша и Абрамъ.

АБРАМЪ [Ольгѣ]. Боярыню увезли. Не тревожься!

ОЛЬГА. Кто увезъ?! Куда?

АБРАМЪ. Свои. Какъ стали разбивать, мы съ дядей кинулись. Лука, да ключникъ Игнатъ подсобили. Ну, выхватили ее, на коней и въ ближній монастырь отвезли. Тамъ она въ бережи.

ОЛЬГА А отецъ? Убитъ?!

АБРАМЪ. Его не видалъ. Князя Мезецкаго убили.

ОЛЬГА. Говори ужь, говори, ради Господа! Убитъ?

АБРАМЪ. Не слыхать. А добро грабятъ.

ОЛЬГА. Что добро! Прахомъ ему пойти, добру этому! Батюшка что? Съ нимъ злодѣи что сдѣлали? Не быть ему въ живѣ отъ нихъ! Изъ своихъ кому пожалѣть и то не найдется!... Видно какъ горитъ?

АБРАМЪ. Оттуда вонъ видать, съ опушки... курганъ тамъ есть.

ОЛЬГА. Веди меня туда!

ДУНЯША. Ахъ, лучше-бъ не ходить, матушка! Останься!

ОЛЬГА. Веди! [Поспѣшно уходитъ съ Абрамомъ въ глубину сцены, налѣво. Дуняша слѣдуетъ за ними. Слѣва слышенъ шумъ приближающейся толпы].

ЯВЛЕНІЕ V.

Толпа воровъ съ Батей, Сверломъ, Иваномъ Ядренымъ и Совой во главѣ, вводятъ связаннаго Варыгина.

СВЕРЛО. Стой, ребята! Тутъ ему судъ чинить и расправу.

БАТЯ. Ну, какъ, въ добромъ-ли ты здоровьѣ и благополучіи, государь?

ВАРЫГИНЪ [злобно, озираясь]. Сволока поганая! Душегубы, грабежники! Судъ надо мной чинить! Вамъ?! Ха-ха-ха!

СВЕРЛО. Ишь озмѣился!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Напырился, что индюкъ!

ВАТЯ [въ толпѣ]. Пришелъ теленокъ медвѣдя пугать!

ВСѢ. Ха-ха-ха!

СВЕРЛО. Ты на всей нашей волѣ. Захотимъ — пришибемъ, захотимъ — плясать станешь. И медвѣдь въ неволѣ пляшетъ, не то что ты.

ВАТЯ. Стой, братцы, вы все не то, не съ того конца. Слушай-ка, что я вздумалъ.

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Видно, Ватя умнѣе всѣхъ!

ВАТЯ. А то нѣтъ? Я передъ вами соколъ, а вы дрозды. Бояринъ у меня сейчасъ словно на шило сядетъ. Мы обознались, ребята. Бояринъ не ворогъ нашъ, а гость добрый. Да! Онъ намъ дочку въ береженье отдалъ. Али забыли? Онъ въ гости къ ней снарядился.

ВАРЫГИНЪ [затрясся отъ гнѣва]. Молчи! Окаянная душа!...

ВАТЯ. Хоть черту кумъ. Надо-быть тутъ она. Семъ-ка кликну! [Пошелъ къ шатру].

ВАРЫГИНЪ. Не смѣй!.. Не смѣй!..

ВАТЯ. Да вонъ она сама жалуетъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и **Ольга** [вбѣгаетъ. Увидавъ отца, всплеснула руками].

ОЛЬГА.

А-ахъ!!.. Батюшка!! [Падаетъ ему въ ноги].

ВАРЫГИНЪ.

Прочь съ глазъ моихъ, змѣя!

[Въ толпѣ движеніе и смѣшки].

ОЛЬГА [быстро встала. Къ толпѣ].

Оставьте насъ! Въ несчастьи издѣваться
И воръ не станетъ. Къ женщинѣ, какъ я,

Съ истерзанной душею и у вора,
Коль онъ не звѣрь, найдется въ сердцѣ жалость.

[Двое изъ воровъ уходятъ].

ВАРЫГИНЪ

[обезсиленный сѣлъ на пень и погруженъ въ свои мысли. Про себя].

Все прахомъ, все!..

ОЛЬГА [твердо].

Уйдите-жь, я сказала!
При мнѣ не только дѣломъ не посмѣетъ,
Но словомъ огрубить отца никто!

ВАТЯ [подмигнувъ на нее].

На видъ красна, а вкусомъ горьковата...

СВЕРЛО.

Глазами ѣстъ!

ОЛЬГА.

Межь дочерью съ отцемъ
Зѣвакамъ быть не мѣсто. Вамъ не здѣсь,
Въ Уколовѣ работа: жечь, да грабить,
Сдирать съ иконъ оклады дорогіе,
Да звѣрски кровь напрасно проливать,
Забывъ, какой вы въ смертный часъ дадите,
Въ ужасный часъ предъ Господомъ отвѣтъ!

[Еще трое воровъ уходятъ].

ВАРЫГИНЪ [по прежнему про себя].

На что-жь вся жизнь пошла, и трудъ и скорби?!

ОЛЬГА [грозно].

Въ *обидчики себѣ* я тѣхъ поставлю,
Не медля кто отсюда не уйдетъ.
И съ тѣмъ Илья расправится нещадно!
Я каждаго изъ васъ въ лицо примѣчу

И жалостью не тронусь въ сердцѣ къ вамъ.
[Подходитъ къ нимъ. Нѣкоторые отступаютъ, прячась за товарищей. Двое уходятъ. Батѣ].
Въ отвѣтѣ первый ты!

БАТЯ.

Пойдемте, братцы!
Ну, ихъ!..

СВЕРЛО.

Недалеча! Отпустить
Такого звѣря даромъ не годится.
Оцѣпимъ ихъ кругомъ.

СОВА.

Вотъ такъ-то лучше! [Расходятся въ разныя стороны].

ВАРЫГИНЪ [про себя].

И въ мысли не вмѣстится горе это?..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Варыгинъ и Ольга.

ОЛЬГА

[подходитъ къ отцу и становится на колѣни, чтобъ развязать ему руки].
Дозволь освободить...

ВАРЫГИНЪ [всталъ. Съ отвращеніемъ].

Не оскверняй!
[Срываетъ съ рукъ ослабѣвшую веревку и бросаетъ ею въ дочь. Ольга встаетъ. Ехидно].
Сколь сладко мнѣ, о чадо!—зрѣть тебя...
Поруганному, нищему, въ позорѣ!
За это все я бью тебѣ челомъ [кланяется].

ОЛЬГА.

Смиренно каюсь въ томъ, что я изъ дома,
Въ позоръ тебѣ и матушкѣ, ушла;
А больше въ чемъ винить меня напрасно.

ВАРЫГИНЪ

Напрасно, хе-хе-хе!.. Отрадно мнѣ,
Что ты растлѣннымъ сердцемъ грѣхъ содѣять
Влеклась, забывъ дѣвичій стыдъ...

ОЛЬГА [прерываетъ].

Неправда!
Уйти съ Ильей мнѣ было суждено.
Съ своей постылой долей свыклась я
И кровъ родной не бросила-бъ чрезъ это.
Сгубить меня хотѣлъ ты, замужъ выдавъ;
Но я-бы не ушла и оттого.
Не стала-бъ я съ князь-Мезецкимъ конечно,
Тебѣ въ угоду, въ церкви подъ вѣнецъ,
А ножъ себѣ всадила-бъ въ сердце. Ты-же
За этотъ грѣхъ отвѣтилъ-бы предъ Богомъ.
Люби Илью безъ памяти я втрое
И то-бы не ушла отъ васъ за нимъ,
Изъ гордаго стыда и чести ради,
Что-бъ онъ не мнилъ, что я легко досталась,
Что дѣвку онъ сманилъ и обошелъ...

ВАРЫГИНЪ.

Изрядно! Вѣрю. Какъ не вѣрить? „Честь"
И „гордый стыдъ", хе-хе!

ОЛЬГА.

Слова мои
Ты ставишь ни во что. Во мнѣ съизмальства
Одно худое видѣть ты привыкъ
И дѣлалъ все къ тому, въ моемъ чтобъ сердцѣ
Любовь, и честь и совѣсть заглушить.
Я съ малыхъ лѣтъ тебя ужь не боялась.
Упорствомъ отъ напраслинъ каменѣя
И сердцемъ раскипаясь отъ обидъ,
Во всемъ я шла тебѣ наперекоръ...

Жестокость неповинныхъ истязаній
Мой духъ къ тебѣ гордыней закаляли,
И ты меня не смогъ переломить,
Хоть всѣ передъ тобою трепетали.
Ты чувствовалъ всегда, что недругъ я,
Живой укоръ худымъ твоимъ дѣяньямъ...

ВАРЫГИНЪ [прерываетъ, гнѣвно].

Молчи, змѣя!!

ОЛЬГА.

Такъ знай-же, что за смерть
Родителя, погибшаго извѣтомъ,
Тобою обездоленнаго сына
Твоя-же дочь должна была спасти.

ВАРЫГИНЪ.

Велѣніемъ судьбы, выходитъ, стала
Разбойника любовницею ты?!

ОЛЬГА.

Что-бъ душу отвратить его отъ зла,
Что-бъ онъ со мной забылъ и грѣхъ и мщенье,
Ударъ что-бъ отвратить, тебѣ грозившій,
И жизнь спасти твою и достоянье —
Я вотъ зачѣмъ ушла.

ВАРЫГИНЪ.

Скажи пожалуй!
А вышло все какъ разъ наоборотъ.

ОЛЬГА.

Мы въ этомъ неповинны, Богъ свидѣтель!
Ослушниковъ то дѣло окаянныхъ...

ВАРЫГИНЪ.

Боюсь развѣсить уши. Такъ сладка
Во лжи ехидной рѣчь твоя. Къ ворамъ

Съ пустыми вѣдь руками не приходятъ.
Войти въ семью ихъ добрую нельзя
Съ однимъ безчестьемъ дѣвкѣ, безъ надѣлка.
Любить пожалуй, жаловать не станутъ...

ОЛЬГА [пылко прерываетъ].

Забыть не вынуждай, что ты въ несчастьи!
Я сердцемъ возмущеннымъ не смогу
Въ покорности сносить такія рѣчи!

ВАРЫГИНЪ [ѣдко усмѣхнулся].

А чѣмъ ворамъ челомъ ударить кромѣ,
Какъ не добромъ родительскимъ? Купить
Чѣмъ ласку ихъ? Однимъ безстыдствомъ—мало.
Илюшкѣ—вору и тому на что ты,
Коль нѣтъ ему корысти никакой?
Онъ дѣвокъ кралъ не мало попригожѣй,
Для дѣлъ срамныхъ. На то онъ подлый воръ.
А ты... ты чѣмъ мила? Что всю сволоку,
Всю рвань его, что дохла съ голодухи,
Въ Уколовѣ сулилась накормить,
Да всѣхъ одѣть изъ скрынь моихъ изрядно.
—„На—дескать—мой любимчикъ, все бери,
„Стяжанное отеческимъ радѣньемъ"...

ОЛЬГА [гнѣвно прерываетъ].

Предательствомъ моимъ и скверностою,
Въ надѣлокъ, ты сказалъ, пошло за мною
Ворамъ твое добро, Ильѣ въ корысть.
Но ты забылъ, *чьей* вотчиной владѣешь,
Какимъ стяжаньемъ нажилъ ты добро.
Забылъ про то, что въ прокъ нейдетъ чужое,
Что взыщется отъ Бога за злодѣйство
И кровь страдальца къ небу вопіетъ!

ВАРЫГИНЪ [задыхаясь отъ гнѣва].

Молчи!! Убью!! [бросается на нее].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и **Илья** [быстро входитъ].

ИЛЬЯ [удерживая его].

Потише!

ВАРЫГИНЪ [яростно].

Ты?! разбойникъ!!

ИЛЬЯ.

По милости твоей я въ долѣ этой.
Ребенкомъ былъ въ ту пору я, когда
Ты облилъ сердце мнѣ отцевой кровью
И ненавистью душу замутилъ.
Ты мысль мрачилъ мою, ты сонъ тревожилъ
То ужасомъ, то грёзою кровавой,
То мщенія назойливой мечтой!
Ты отнялъ все, чѣмъ юноша живетъ,
Съ любовью и надеждой вдаль взирая.
Ни радостей, ни счастья тотъ не ждетъ,
Во злѣ мужаетъ кто и дышетъ злобой.
Таковъ я былъ и ждалъ съ тобой разсчета,
Какъ воронъ жаждетъ крови. Съ тѣмъ пришелъ.
Но съ Ольгой все забыто. Свѣтлымъ миромъ
Теперь моя душа озарена.
Тебя спокойно вижу! Злобы нѣтъ
Въ моемъ ужь сердцѣ. Чувствами иными
Оно полно. Врожденное добро,
Заглохшее твоихъ дѣяній ради,
Въ душѣ моей воскресло обновленной
И въ новую меня подъяло жизнь
Изъ мрачной бездны прежняго несчастья.
Ступай, старикъ. Никто тебя не тронетъ.
Жалѣю, что ограбленъ ты; но самъ
Живу я въ волчьей пасти!..

ВАРЫГИНЪ [съ шипѣніемъ].

А—аспидъ ты!

Змѣиное отродье!..

ИЛЬЯ [повышая голосъ].

Ну, ступай-же!

ВАРЫГИНЪ.

Отъ казни хоть утекъ, да на плечахъ,
Крѣпка-ли голова твоя, разбойникъ?!

ИЛЬЯ [съ волненіемъ].

Ступай, сказалъ!... Мнѣ вспомнился родитель...
И вижу на тебѣ я кровь его!..

ВАРЫГИНЪ [медленно отступая].

Ты вспомнишь и меня, въ мученьяхъ лютыхъ,
Какъ съ дыбы станутъ рвать, да жечь смолой,
Да голову на плаху ты положишь
И лезвіемъ сверкнетъ топоръ... [Илья дѣлаетъ къ нему движеніе].

ОЛЬГА.

Илья!

[Упавъ на колѣни, удерживаетъ его. Варыгинъ уходитъ, злобно озираясь. Илья сдвинувъ брови и сжавъ кулаки, съ трудомъ удерживается на мѣстѣ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Обгорѣлый и разграбленный дворъ Варыгина. Кое-гдѣ еще курится и тлѣютъ уголья. По двору разбитые сундуки и боченки. Лунная ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ѳекла [богато разряженная] и **Кирюха** сидятъ на сундукѣ.

КИРЮХА. Ишь какъ я нарядилъ тебя! Плохо?

ѲЕКЛА. Мнѣ-бы съ измальства такъ-то ходить. Я въ холопки ошибкой попала.

КИРЮХА. Подмѣнили тебя, что-ли?

ѲЕКЛА. Я ни въ мать и не въ отца, въ удалаго молодца...

КИРЮХА. Ха-ха-ха! Дура! [Обнялъ ее].

ѲЕКЛА. Погоди то-ли будетъ? Дай-ка мнѣ развернуться, да жиру наѣсть!

КИРЮХА [ластится къ ней]. Право дура!

ѲЕКЛА. Да ну тебя! Будетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же, Батя [подъ хмѣлькомъ] и **Сверло** *).

БАТЯ. Гляди! словно теля: гдѣ сойдутся, тамъ и лижутся. Ай да Кирюха!

---

*) На Батѣ Веригинская шуба. Другіе воры также напялили на себя кое-что изъ добычи: на одномъ боярская шапка, на другомъ дорогой кафтанъ на рваной рубахѣ, третій въ расшитыхъ сафьянныхъ сапогахъ.

ѲЕКЛА. Такъ-то вы, ухачи-воры-разбойники! Напрокудили, расхватали дѣвокъ.

СВЕРЛО. На то и дѣвки, чтобъ парней любить. А тебя никто не хваталъ. Сама красавца облюбовала. Ишь каковъ!

БАТЯ. Не разглядѣла, что у него медвѣжій ротъ, волчьи зубы, свиныя губы.

ѲЕКЛА. Не смѣйся горохъ, не лучше бобовъ. А Кирюха хоть не казистъ, да мастистъ.

БАТЯ. Рыжей масти-то. А рыжихъ и во святыхъ нѣту.

ѲЕКЛА Не то запоешь, какъ Кирюха на моемъ хвостѣ въ атаманы выѣдетъ!

БАТЯ. Ого! Хватила!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, Иванъ Ядреный и Ежъ [выкатываютъ изъ погреба небольшую бочку].

БАТЯ. Кати сюда, кати милую, кати!

ѲЕКЛА. Это, знать, съ царскимъ медомъ.

БАТЯ. А вотъ мы узнаемъ съ чѣмъ. Сбивай толпыжку *), да ковши давай!—Братцы, новую атаманшу видали? Вотъ она. Навела сухоту на Кирюхину красоту. Ѳеклой звать. [Садится верхомъ на откупоренную бочку и беретъ ковшъ].

ѲЕКЛА. Была Ѳекла, теперь стала Ѳекла Ермиловна.

БАТЯ [доставая ковшемъ медъ]. Была бита, да спасибо не добита. [Пьетъ].

ѲЕКЛА. И то. Всего много осталось, кому что надобно. У господъ дурой вѣковала, а теперь умникамъ носъ утру.

БАТЯ. Сперва свой утри. [Пьетъ]. Ну и медъ, вотъ такъ медъ! Пей братцы!.. [Всѣ пьютъ, исключая Кирюхи и Ѳеклы]. Кирюха пей, хлѣба те въ брюхо! Гологъ постъ, да сладки разговѣны. Спасибо Варыгину, что про насъ меды варилъ,

*) Деревянная пробка на бочкахъ.

животы копилъ. Ѳекла... то бишь Ѳекла Ермиловна! Не растутъ на ели яблочки, не быть тебѣ атаманшей. [Пьетъ].

ѲЕКЛА. Кирюха, да что онъ присталъ?

ВАТЯ. Шутка въ пазуху не лѣзетъ. Дура. На, выпей! [Ѳекла отмахнулась]. Пей! Али въ монастырь собралась?

ѲЕКЛА. Пошла-бы въ монастырь, да много холостыхъ.

ВСѢ. Ха-ха-ха!

СВЕРЛО. А ну, какъ твой Кирюха не захочетъ въ атаманы идти?

ѲЕКЛА. А на что-жь я его взяла, рыжаго черта? Онъ чувствуй, да дѣлай по моему. Али лучше его нѣту!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Знамо. На кой-те лядъ старый-то?

ѲЕКЛА [поетъ на мотивъ плясовой, подбоченясь и поводя плечами].

Мой мужъ бѣлоусъ,
А я его не боюсь;
Я на улицу пойду,
Черноусаго найду!

ВСѢ [безъ Кирюхи]. Ха-ха-ха!

КИРЮХА. Полно дурить-то!

ѲЕКЛА. Небось, головы не повѣшу, всякаго спотѣшу. Ольга свѣтъ Глѣбовна, слезы проливаючи, да родителей поминаючи, вишь, брезгаетъ вами, дѣлу помѣха.

ВАТЯ [хмѣлѣя]. Не много помѣшала. Толокномъ Волги не замѣсишь. Пей, братцы! Сверло, Ежъ, пейте! [Пьютъ].

ѲЕКЛА. А Варыгина небось отпустили. А онъ ништо станетъ зѣвать? Гляди, стреконулъ къ воеводѣ, да ратныхъ наведетъ.

ВАТЯ. Фефёла, а понятіе есть. [Пьетъ].

ѲЕКЛА. За моей головою не пропадете. Опять атамана вашего взять. Небось Олюшка научила его какъ быть. Уйдетъ въ опричники—цѣла голова, а вамъ свои подъ топоръ класть.

КИРЮХА. Вечоръ онъ и то было изъ становища уѣхать собрался. Вишь, въ монастырь, съ Ольгою, мать ей провѣ-

дать. Да спасибо не пустили ни его, ни бабу. Побудь съ нами, а тамъ видно будетъ.

БАТЯ. Жалко я не заговорилъ его отъ бабьихъ зазоръ. Былъ соколъ, вороною сталъ. А все Олька. Что-бъ ей по жиламъ, да костямъ сухотой хвороба разродилась!

ѲЕКЛА. Съ нею не долго управиться. Будь у васъ Кирюха набольшій, онъ ей покажетъ!

СВЕРЛО. И не жалко тебѣ?

ѲЕКЛА. Насъ не жалѣли, поѣдомъ ѣли, на уморъ морили, а мнѣ жалѣть?

БАТЯ [совсѣмъ пьяный, сваливается съ бочки]. Дерржи!

СВЕРЛО. Ай конекъ сбрыкнулъ?

БАТЯ. Хмѣль зашибъ... Ну и медъ! [барахтается и ложится на землю].

СВЕРЛО. Кирюха! А намъ-бы тутъ не загащиваться. Раздуванимъ добро и айда. Князя Мевецкаго убили—первое. Ну и Варыгинъ не станетъ молчать. Того гляди, навалятся стрѣльцы, ратные Отбивайся съ пьяными-то!

КИРЮХА. А вотъ какъ велитъ атаманъ.

БАТЯ [еле выговаривая]. А что мнѣ атаманъ? Сперва онъ меня повози, а тамъ я на немъ поѣзжу.

КИРЮХА. Не далече уѣдешь! Назюзился.

БАТЯ [засыпая]. Сперва онъ.. а тамъ я...

КИРЮХА [къ Сверло]. Ты сказалъ: раздуванимъ. Илья и дуванить не дастъ; Варыгинскіе животы ему за Олькой въ надѣлокъ пойдутъ.

СВЕРЛО. Какъ не дастъ?!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Такъ мы его и послушали! } Вмѣстѣ.
ЕЖЪ. Даромъ работали, что-ли? }

КИРЮХА [вставая]. То-то подумайте, смолвитесь. А я посмотрю, хорошо-ли его стерегутъ.

СВЕРЛО. Не выпускай живымъ-то!

КИРЮХА. У меня не уйдетъ. Пойдемъ Ѳекла!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ. Прилюлюкай любезнаго! [За сценой слышна хоровая пѣсня].

СВЕРЛО. Ха-ха! А то съ нами пойдемъ. Тамъ пьютъ—сидятъ—угощаются. Съ нами веселѣй!

ЕЖЪ. Кирюха не пуститъ.

ѲЕКЛА. Мало-ли что! Лихой конь и путы рветъ.

КИРЮХА [сердито]. Да будетъ-те, дура! Языкъ не примелется! [Толкнулъ ее впередъ и уходитъ за нею. Сверло, Ядреный и Ежъ пересмѣиваясь, уходятъ въ глубину сцены. Пѣсня слышнѣе:]

Не вороны слетѣлися на крутъ бережокъ,
Собрались удалые добры молодцы.
Чего же вы, ребята, призадумались,
Задумались, ребята, закручинились?
Завелся, вишь, воевода супостатъ злодѣй,
Высылаетъ по насъ высылки стрѣлецкія,
Называетъ насъ ворами да разбойниками.
А мы, братцы, вѣдь не воры, не разбойнички,
Люди добрые, ребята мы поволжскіе.
Ужь не первый годъ гуляетъ нашъ легокъ стружокъ,
Мы ѣдимъ, да пьемъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье надѣваемъ припасеное,
Ну а дѣвки къ намъ охотою и сами льнутъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Батя и Варыгинъ [тихо входитъ, безъ шапки. Одежда и волосы его въ безпорядкѣ].

ВАРЫГИНЪ.

Изрядно потрудились! Все разбито,
Пограблено и пущено на дымъ!
Оставили одно мнѣ въ муку: жизнь. [Садится].
Казны что было, всякаго добра!
И сколько силъ, терпѣнья и труда,
Заботы неустанной здѣсь погибло!...
Да, все минуло, прахомъ все пошло!
И станетъ здѣсь, въ гнѣздѣ моемъ, и тлѣнь

И мерзость запустѣнья...

[Закрылся руками и умолкъ на нѣсколько мгновеній].

Тяжко мнѣ!

Не въ мочь! Что червь ползучій сердце точитъ,
Какъ ржа желѣзо, ѣстъ меня тоска!
Чѣмъ стану я, врагамъ на поруганье,
Своей же подлой челяди на смѣхъ?
Въ дугу согнутый, хворый, одинокій,
Пришибленный позоромъ и нуждой
И разумомъ померкшій... Нѣтъ, о нѣтъ!
Покамѣсть твердъ въ умѣ и волей крѣпокъ,
Покончить разомъ... Разомъ кончить, да! [Задумался].
Окрестъ бродилъ я, самъ зачѣмъ не знаю,
А мысли безпорядочно блуждали,
Кружились вихремъ, въ мракѣ угасали
И ныло все во мнѣ, съ такою болью,
Какъ будто разомъ сотни лютыхъ змѣй
Меня язвили жаломъ смертоноснымъ...
И грезился мнѣ тотъ кровавый призракъ...
Замученный старикъ, съ грозящимъ взоромъ...
И я бѣжалъ, чураясь привидѣнья,
И холодомъ сжимало грудь мою...

[Умолкъ и поникъ удрученной головою].

Нѣтъ разомъ кончить, чѣмъ съ такою мукой,
Въ ничтожествѣ мнѣ дни свои влачить,
Безпомощно, и жалко и позорно!...
И кто-жь всему виною?—дочь. Гмъ, дочь! [вставая].
Не похоть, ложь и злобная гордыня
Ее объяли, нѣтъ: мое „злодѣйство"!
Мой „грѣхъ" пришла забота искупить! [Поводя рукой вокругъ себя].
Искупленъ!... [Прислушивается въ испугѣ].

Это что?!. Меня зовутъ!...

Да... чей-то голосъ страшный издалека,
Что вѣтромъ донесло его—зоветъ!!.
А, знаю *кто*!... *Старикъ!*... Опать все ты-же!

Изъ гроба твоего сей голосъ страшный,
Изъ нѣдръ земли!... [Прислушивается съ возрастающимъ ужасомъ].
Зубовный скрежетъ!... вой
И стоны!.. [Схватывается за голову, закрывъ ладонями уши].
Нѣтъ, я брежу!.. Мозгъ горитъ
И кровь воспалена... конечно брежу.
[Вдругъ справа ему видится призракъ замученнаго Подгорнаго—отца]
Опять ты предо мной!!. Разсыпься! Сгинь!...
Ты смерти ждешь моей?!. ея предвѣстникъ?!.
Прочъ!! Чуръ меня!! разсыпься! расточись!!
[Въ изступленіи убѣгаетъ налѣво].

ВАТЯ. Что за притча! [протираетъ глаза]. Никакъ Варыгинъ тутъ былъ? Иль мнѣ пригрезилось? [берется за голову]. Ухъ, какъ застучало, батюшки! А-ахъ! Вотъ такъ ме-дъ! Тьфу! Черта свалитъ. [Хочетъ встать, но остается на колѣнахъ]. Ну-ка встань! Анъ и нѣтъ! Ты такъ норовишь, а ноги этакъ... О-охъ! [Съ трудомъ поднялся]. Кабыть сюда онъ шмыгнулъ? Гмъ! Должно быть казна спрятана. Либо въ стѣну заложена, либо зарыта. Вотъ онъ зачѣмъ! А я его и накрою! [Пошелъ и пошатнулся. Глядя на ноги]. Да ну васъ! не дури! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

ИЛЬЯ.

Не ладно что-то! Звѣрь освирѣпѣлъ...
Понюхалъ крови, зубы скалитъ... Плохо!
На грѣхъ вина имъ вдоволь и добычи...
Кто смиренъ былъ и тотъ—гляди—полѣзетъ
Хоть на рожонъ. Нѣтъ, круто взяться надо...
[Прислушивается къ разговору вошедшихъ воровъ].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Илья, Жогъ и Сова [слѣва].

СОВА.

Эй, слышь-ка что случилося!

ЖОГЪ.

А что?

СОВА.

Бояринъ-то Варыгинъ удавился!

ЖОГЪ.

Врешь! Гдѣ?

СОВА.

Виситъ въ саду. Вишь Батя видѣлъ...

ЖОГЪ.

Собакѣ смерть собачья!

СОВА.

Не грѣши!
Крещеная душа вѣдь...

ИЛЬЯ

[подошелъ неожиданно къ ворамъ. Строго].

Чтобъ ни вы,
Ни Батя и никто женѣ моей
Не сказывалъ про то! Приказъ строжайшій.
Покойника-жь убрать подальше. Живо! [Сова и Жогъ убѣгаютъ].
Какой конецъ ужасный!... Вотъ къ чему
Злодѣйствовалъ всю жизнь, стяжаній ради,
И батюшку ты подло погубилъ!..
Постыдно, безъ креста, молитвы, тяжко
Скончалъ ты дни надъ прахомъ разоренья,
Надъ пепломъ уничтоженныхъ богатствъ!...

[Зоря передъ восходомъ солнца].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Илья и Ольга.

ОЛЬГА.

Сейчасъ Абрамъ отъ матушки вернулся.

ИЛЬЯ.

Здорова ли она?

ОЛЬГА.

Сказать велѣла,
Что слезно Бога молитъ обо мнѣ,
Да не вмѣнитъ мнѣ въ тягость прегрѣшенья...
Что сердцемъ рвется къ намъ...

ИЛЬЯ.

Надѣюсь нынче-жь
Въ обитель къ ней мы къ вечеру прибудемъ.

ОЛЬГА.

Ахъ, если-бъ такъ!.. Тревожно мнѣ съ чего-то!..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, Кирюха, Ѳекла, Батя, Сверло, Семенъ, Жогъ, Сова, Иванъ Ядреный, Ежъ и другіе воры [сходятся мало по малу].

ИЛЬЯ.

Вамъ что?

ОЛЬГА [съ удивленіемъ].

И Ѳекла съ ними?!

ѲЕКЛА [нахально].

Здѣсь и я!

ОЛЬГА.

Въ моихъ нарядахъ, жемчугѣ, серьгахъ!..

ѲЕКЛА.

Къ ворамъ уйти примѣръ ты показала,
Пожить въ гульбѣ задумалось и мнѣ...

ИЛЬЯ [накидывается на нее].

Негодная!..

БАТЯ [отстраняетъ Ѳеклу].

Что дуру бабу слушать!
Послушай-ка, свѣтъ Глѣбовна, меня.
Родитель твой...

ОЛЬГА [прерываетъ съ испугомъ].

Что, что такое?!

ИЛЬЯ [съ угрозой].

Батя!
Приказъ мой слышалъ ты?!

ОЛЬГА [въ безпокойствѣ].

Да что-жь случилось?

ИЛЬЯ.

Скончался онъ...

ОЛЬГА.

Убитъ?!

БАТЯ.

Въ петлю залѣзъ.

[Ольга вскрикиваетъ и подъ бременемъ этой вѣсти въ рыданіяхъ падаетъ на колѣни].

Теперь на немъ поѣздятъ черти вволю!

[Въ толпѣ движеніе, нѣкоторые засмѣялись].

ИЛЬЯ

[поднялъ жену и держитъ ее рыдающую на своей груди].

Не могъ ты помолчать! Нѣтъ нужно было
Ужалить дочь погибелью отца!

Не въ радость ли тебѣ чужія слезы?
Не въ посмѣхъ-ли кручина и печаль?
Негодный ты, ехидный, злой подьячій,
Продажная, чернильная душа!..
Ну полно-жь, Оля, полно надрываться!.. [Къ толпѣ].
А вы чего собрались? Прочь отсюда!

СВЕРЛО.

Нашелся распорядчикъ! Ишь какой!

ИЛЬЯ.

Что-что?!

КИРЮХА.

Да то! Довольно подъ тобой
Намъ быть!

СВЕРЛО.

Ты бабій прихвостень!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ.

Извѣстно!
Какой онъ атаманъ?

ѲЕКЛА.

Измѣнникъ онъ!

КИРЮХА.

Обманщикъ!

ВАТЯ.

Впрямь! Коли-бъ не мы съ Кирюхой,
Поживы намъ не взять-бы тутъ, ребята!

ѲЕКЛА.

Онъ ратныхъ навести на васъ хотѣлъ!

КИРЮХА.

Измѣнникъ онъ!

СВЕРЛО.

Долой его, ребята!

ѲЕКЛА.

Кирюху въ атаманы нужно взять!

КИРЮХА.

Илью повѣсить!

СВЕРЛО.

Съ тѣмъ, что удавился.
На сукъ одинъ ихъ рядышкомъ!

ВАТЯ.

Ништò!
Была-бы шея, сыщется веревка!

[Гвалтъ, крики, угрожающіе жесты. Ольга въ ужасѣ прижалась къ мужу, охвативъ его руками].

ѲЕКЛА [добывъ чеканъ, несетъ его Кирюхѣ].

Челомъ на атаманствѣ! На чеканъ!

ИЛЬЯ [вырываетъ у нея чеканъ].

Молчать!! Кто первый ротъ изъ васъ розинетъ,
Кто слово пикнетъ мнѣ наперекоръ,
Того то слово будетъ и послѣднимъ.
[Толпа подалась назадъ].
Ослушники! смутьяны! баломуты!
Вы съ пьяну одурѣли, вижу я!
По выбору видать въ умѣ-ли вы,
Коль ставите Кирюху надъ собою!
Поставили-бъ ужь волка въ атаманы,
Иль бѣшенаго пса, что зря кидаясь,
Кусаетъ всѣхъ, покамѣсть не убьютъ.
Хорошъ главарь! А вы еще подлѣе,
Коль клонитъ васъ идти ему въ холопы,
Да съ рукъ его лизать покорно кровь!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ.

И вправду, братцы, вздумали не дѣло!

СОВА [указывая на Сверло].

Вонъ энтотъ все горланъ, да Ѳекла!

ѲЕКЛА [злобно].

Да!

Не мнѣ-ль таить, что вздумано у нихъ

[указала на Илью съ Ольгой].

Васъ выдать воеводѣ головою?!

ОЛЬГА [гнѣвно, близко подойдя къ ней].

По чемъ ты знаешь?! Кто тебѣ сказалъ?!
За что ты на меня змѣей вздыбилась?
За ласку? за добро? [Къ толпѣ].
И этой бабѣ,
Предательницѣ подлой, вѣрятъ всѣ?!

КИРЮХА [злобно].

Молчи пока жива!

ОЛЬГА.

Нѣтъ, ты молчи!
Я смѣю говорить, за тѣ страданья,
Что на душу отъ васъ же мнѣ легли!
За эту кровь, которой заливало
Дымящійся въ развалинахъ нашъ домъ;
За смерть отца, погибшаго ужасно;
За мать мою истерзанную скорбью...
Родимая быть можетъ на краю
Отверстой ей несчастьями могилы.
Не вѣрю я, что всѣ вы очерствѣли
Душею до того, что-бъ въ совѣсть къ вамъ
Рыдающее слово не проникло.
Не всѣ-жь сошлись для лиха здѣсь. Изъ васъ
Нужда иныхъ гнала, иныхъ насильство,
Иль кровная обида, или скорбь.
Къ моимъ словамъ не будутъ глухи тѣ.
Свидѣтельствуюсь Господомъ, что мужъ
Предательства далекъ, какъ мы отъ неба.
Другихъ онъ мыслей, чистыхъ и благихъ
И васъ же онъ на путь наставитъ ими.

Наставитъ тѣхъ, кто Бога не забылъ;
Чью совѣсть удручаетъ темныхъ дѣлъ
Грѣховное и тягостное бремя;
Кто крестъ кладетъ, со вздохомъ тяжкимъ къ небу;
Кого послѣдній часъ и судъ тревожитъ;
Кто, тайно вспоминая про своихъ,
Про мать, жену-ль, ребятъ-ли малыхъ—плачетъ
И сѣтуетъ въ какую впалъ бѣду.
Вотъ къ этимъ мужъ, грѣховный вмѣстѣ съ вами,
Живительное слово обратитъ
И вѣрный путь къ спасенію укажетъ!

[Толпа молчитъ, подъ глубокимъ впечатлѣніемъ. Взоры потуплены, кое-кто вздохнулъ].

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ [искренно].

Послушаемъ! Илья Григорьевичъ, молви!

ѲЕКЛА.

Кирюху въ атаманы взять сперва!

[Почти всѣ оглянулись на нее съ досадою].

СОВА.

Молчи ты!

ЖОГЪ.

Прочь!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ.

Спровадьте дуру-бабу!

[Ѳеклу берутъ и уводятъ].

ѲЕКЛА.

Кирюха!... Что-жь ты?!. Батюшки! разбой!

[Въ толпѣ сдержанный смѣхъ].

ЕЖЪ.

А ты не задирай!

СЕМЕНЪ.

Не суйся вздорить!

БАТЯ.

Молчите, братцы! Молвитъ атаманъ.

СОВА.

Эй, тише вы!

БАТЯ.

Довольно! Разгалдѣлись!

КИРЮХА. [Батѣ].

А ты-то, переметная сума —
То такъ, то этакъ'...

БАТЯ.

Чья возьметъ, пріятель!

[Илья выступаетъ говорить. Напряженное вниманіе].

ИЛЬЯ.

Для праваго, казалось, дѣла, братцы,
Собралъ я васъ. Воистинну-же вышло,
Что, съ местью въ сердцѣ, велъ я васъ на зло,
Для подлаго, лихаго дѣла. Каюсь
Предъ Господомъ и вами въ этомъ скорбно.
За васъ и за свою вину довлѣетъ
Мнѣ голову на плаху положить.
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ—извѣстно.
И къ гибели позорной шли-бы мы,
А въ жизни вѣчной—къ вѣчному мученью.
Но есть другой, предъ Богомъ въ очищенье,
Прямой, ребята, честный путь у насъ.
Враги на Русь со всѣхъ сторонъ вздыбились.
За городомъ Литва воюетъ городъ.
Слабѣетъ рать защитниковъ отважныхъ,
Поля обагрены ихъ честной кровью,
А лютый врагъ свои все множитъ силы.
Онъ тучею надвинулся на Русь
И яростно громитъ ее, родную.

Туда съ собой зову идти охочихъ.
Тамъ все простится, всякъ очиститъ душу.
Гдѣ льется кровь и смерть разитъ кругомъ,
Не станутъ воеводы разбирать
Откуда кто и съ чистыми-ль руками.
Лишь было-бъ кѣмъ пополнить убыль храбрыхъ,
Да мужествомъ поднять упавшій духъ
Измученной осадами дружины.
Насильно никого не принуждаю.
Охочему до дѣлъ злодѣйскихъ—воля.
А кто со мной, за Русь, святую вѣру,
Съ тѣмъ буду во едино сердце я,
Тѣ братья мнѣ и съ тѣми лечь костьми,
Коль Богъ судилъ, готовъ на бранномъ полѣ.

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ.

А что, ребята, ка̀къ кому, а мнѣ
По сердцу рѣчь пришлась!

СОВА.

Повеселѣешь
Душею-то!

СВЕРЛО.

Признаться: какъ ни какъ,
А на сердцѣ скребло...

ЕЖЪ.

Бывало. Знаю.
На крестъ святой рука не поднималась.

ЖОГЪ.

Вѣдь тоже помирать придется, братцы.
Тогда какъ быть?

СВЕРЛО.

А ну какъ не замолишь?!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ.

Идемъ съ Ильей Григорьичемъ! Кто съ нами?

ГОЛОСА.

Идемъ!.. Идемъ!.. Веди насъ!.. Съ Богомъ, братцы!

КИРЮХА [ядовито].

Баранье стадо!

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ [гнѣвно].

Знай себѣ — ступай!

КИРЮХА.

Измѣннику повѣрили! Васъ пытка,
Да плаха вразумятъ.

СОВА.

Молчалъ-бы лучше! [въ толпѣ движеніе противъ Кирюхи].

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ.

Не вышло на его, такъ онъ клепать!

ВАТЯ [значительно].

Подумать-бы маленько не мѣшало!

СВЕРЛО.

Удумано у насъ.

КИРЮХА [ѣдко].

Съ похмѣлья, видно!

[Моментально выхватываетъ ножъ и бросается на Илью. Крикъ и движеніе].

ИВАНЪ ЯДРЕНЫЙ [схватилъ Кирюху и вырвалъ у него ножъ].

Э-э, стой! Ты такъ-то?! Братцы, бей его!

[Нѣсколько человѣкъ бросаются на Кирюху и сваливаютъ его на землю].

ИЛЬЯ.

Оставьте! Прочь! Не гоже намъ теперь,
Идущимъ на святое дѣло братски,
Нечистой кровью руки обагрять.

[Къ Кирюхѣ, котораго держатъ].

А ты ступай! Веди свое отребье!
Лютуй какъ хищный звѣрь, покамѣсть въ лапы
Тебя съ ватагой дьяволъ не сгребетъ.
Гоните ихъ! Имъ съ нами быть не мѣсто!

[Кирюху и съ нимъ нѣкоторыхъ ворововъ выпроваживаютъ за сцену].

СВЕРЛО.

А Батя здѣсь! Выходитъ—тоже съ нами?

БАТЯ.

Что-жь, я-бъ не прочь. Да въ томъ бѣда: боюсь
Доспѣхъ-то ратный Батѣ не пристанетъ.

[Уходитъ. Его сопровождаютъ смѣшками].

ИЛЬЯ [низко кланяется].

На добромъ дѣлѣ зе́мный вамъ поклонъ.
Сегодня-жь съ Богомъ въ путь.

ВСѢ [кланяясь ему].

Идемъ, родимый!

[Расходятся, а нѣкоторые группируются въ глубинѣ сцены, въ оживленныхъ разговорахъ].

ОЛЬГА.

Ну вотъ теперь на сердцѣ легче, милый!

ИЛЬЯ [восторженно].

Моя ты путеводная звѣзда,
И свѣтъ и жизнь! Я сказочный нашелъ
Въ тебѣ нежданно кладъ. Я нищій былъ
И сталъ царей богаче. Воръ, изгнанникъ,
А нынѣ я съ отверстою душей
Предъ Господомъ, молящій да пошлетъ
Прощенье мнѣ и намъ благословенье!

ЗАНАВѢСЪ.

ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Въ первомъ дѣйствіи двѣ картины).

Дѣйствующія лица:

Матвѣй Петровичъ Рахмановъ, богатый баринъ, лѣтъ тридцати. (Рослый, статный. Черные курчавые волосы. Лицо блѣдное, красивое, выразительное. Взглядъ строгій и проницательный).

Григорій Михайловичъ Ивковъ, мелкопомѣстный дворянинъ, старикъ. (Небольшаго роста, коренастый, съ сильной просѣдью. Черты рѣзкія, лицо загорѣлое, бритое).

Маша, дочь его, 18 лѣтъ. (Блондинка. Стройна, худощава, изящна).

Любочка, двоюродная сестра Маши, лѣтъ 20-ти.

Алексѣй Егорычъ Чириковъ, бѣдный дворянинъ, проживающій у Рахманова, лѣтъ сорока. (Нескладный, рыжеватый. Вьющіеся волосы, рѣдкіе на темени. Говоритъ медленно, басомъ. Держится съ достоинствомъ).

Клавдія, экономка Рахманова, лѣтъ двадцати пяти. (Красавица. Видная, полная, чернобровая).

Лукерья, ключница, старуха.

Панька, доѣзжачій.

Лукашка, } лакеи.
Парфирій,

Акулька,
Варька, } горничныя дѣвки.
Полька,

Никитишна, старуха, лѣтъ подъ 70.

Нянька Ивковская.

Дворовые.

Дѣйствіе происходитъ въ началѣ текущаго столѣтія. Первое дѣйствіе (1-я картина) у Ивкова, остальныя—у Рахманова.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ бѣдномъ помѣщичьемъ домѣ. Прямо три окна въ садъ; направо дверь въ прихожую, налѣво — въ другія комнаты.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ивковъ и **Любочка** [за пяльцами].

ИВКОВЪ [набиваетъ изъ кисета трубочку, на короткомъ черешневомъ чубукѣ]. Ну, Люба, какъ же я радъ, что ты пріѣхала къ намъ погостить! Душу отведешь...

ЛЮБОЧКА. Вы что-то ужь очень не веселы, дядя!

ИВКОВЪ. Гдѣ тутъ веселымъ быть! Плохо, Любочка!.. Доѣхалъ меня сосѣдъ, доканалъ. [Закуриваетъ трубочку].

ЛЮБОЧКА. Все Рахмановъ?

ИВКОВЪ. Кому-же больше? Онъ у насъ всѣмъ ворочаетъ, какъ чертъ въ болотѣ. А всѣхъ хуже мнѣ. Я въ его землѣ, какъ въ кольцѣ. Людишки у него — я не видывалъ такихъ негодяевъ! Копны воруютъ, лѣсъ рубятъ немилосердно, сѣно въ прошломъ году сожгли... Разбой! Ко всему этому Рахмановъ пустошь зарѣчную отбилъ у меня.

ЛЮБОЧКА. Какъ отбилъ?!

ИВКОВЪ. Да такъ. Еще по писцовымъ книгамъ, та пустошь за моими родителями была и намъ-же по размежеванію отошла, при матушкѣ Екатеринѣ. И я сколько лѣтъ владѣлъ ею безспорно. А подъячіе, въ угоду Рахманову,

такъ дѣло натрафили, что наша исконная земля его сдѣлалась.

любочка [горячо]. Это Богъ знаетъ что! Какъ-же вы терпите? Ищите на немъ, жалуйтесь!

ивковъ. Жаловаться! Кому? Кто посильнѣе—закуплены, а земскіе ярыжки его, какъ медвѣдя, боятся. Въ третьемъ году пріѣхалъ было къ нему исправникъ, съ засѣдателемъ. Исправникъ былъ вновѣ, не обстрѣлянный. Пріѣхалъ прямо въ деревню и за какую-то уголовщину заковалъ мужика. Сказали Рахманову.—„Какъ! хозяйничать у меня?! Канальи! Сюда ихъ!"—Исправника велѣлъ бросить въ прудъ и купалъ, покуда тотъ изъ силъ выбился; а засѣдателя напоилъ и то сдѣлалъ съ нимъ... даже неприлично разсказывать.

любочка. И за это ему ничего?

ивковъ. И ничего. Кто сильнѣй, тотъ и правъ, хе-хе! [Выколачиваетъ золу изъ выкуренной трубки]. Да, трудно маленькимъ людямъ жить! Накипѣло у меня на душѣ, Любочка, охъ накипѣло!

любочка [горячо]. Какъ не накипѣть! Помилуйте! Ну, я-бъ ужь не стала терпѣть по вашему, да покорствовать! [Ивковъ горько усмѣхнулся]. И со всѣми такъ вашъ Рахмановъ?

ивковъ. Прочіе дворянишки, мелкота наша, только свистни Рахмановъ — всѣ къ нему на поклонъ.

любочка. Хороши!

ивковъ. Перепоитъ онъ ихъ, какъ свиней, и чего-чего ни продѣлываетъ! Особливо какъ въ лѣсъ, на винокурню поѣдутъ. Навезутъ телѣги бабъ, дѣвокъ. Все пьяно, пѣсни орутъ, плясъ... Тфу! А меня хоть убей, не пойду кланяться, да поганства эти смотрѣть. За то-то и плохо мнѣ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и **Маша** [въ среднемъ окнѣ, ставъ на заваленку].

МАША. Папенька! какіе тюльпаны разцвѣли у меня! Заглядѣнье! Вотъ вы изволили говорить, что будутъ простые, а вышли махровые.

ИВКОВЪ. И хорошо, что махровые!

МАША. Любочка, пойдемъ покажу. Полно работать!

ЛЮБОЧКА. Сейчасъ приду.

ИВКОВЪ. Смотри, Маша, головку-бы не надуло. Вѣтрено. Платочекъ надѣнь.

МАША. Нѣтъ, папенька, ничего. Любочка, приходи-же! [Спрыгнула съ заваленки и убѣгаетъ въ садъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Ивковъ и **Любочка** [прибираетъ работу и закрываетъ пяльцы].

ИВКОВЪ [тяжело вздохнулъ]. А пуще всего за нее сердце болитъ, за Машу. Ужь такъ безпокоюсь!..

ЛЮБОЧКА. Отчего, дяденька?

ИВКОВЪ. Опять Рахмановъ... Видишь-ли, случай вышелъ какой... Но чуръ, Машѣ ни слова!

ЛЮБОЧКА. Будьте покойны.

ИВКОВЪ. Съ мѣсяцъ тому, ѣздила она къ обѣдни. Мнѣ что-то нездоровилось и ѣздила Маша одна, съ Меркуломъ, на дрожкахъ. Ѣдучи домой, только они изъ лѣсу, какъ вдругъ рахмановская охота. Съ гикомъ, свистомъ несется орава черезъ дорогу, на перерѣзъ. Лошаденка наша испугалась, въ сторону, дрожки на бокъ. Охотники черезъ нихъ, кучера смяли, а какъ Маша уцѣлѣла — одному Богу извѣстно!

ЛЮБОЧКА. Вотъ ужасъ!

ИВКОВЪ. Подскакалъ самъ Рахмановъ.—„Кто такая,

откуда?"— Маша ни жива, ни мертва, лепечетъ: Ивкова, молъ, изъ Берестова. Пожалѣлъ, что испугалъ и кучера пожалѣлъ, что стоптали. Стонетъ Меркулъ, Маша къ нему, плачетъ. Тутъ Рахмановъ кликнулъ своихъ лошадей. Подкатила коляска четверикомъ.—„Садись, красотка", велитъ Машѣ. „Домой свезутъ. А кучеру вотъ отъ меня на лѣченье". И бросилъ ему кошелекъ червонцевъ. Не успѣла Маша опомниться, какъ усадили ее въ коляску и Меркула туда-жь положили. Я ждать-пождать и ужь тревожился, что Маша не ѣдетъ. Вдругъ—вижу—летитъ рахмановская четверня. Глазамъ не вѣрю. Батюшки! Маша!.. Въ лицѣ ни кровинки, глазки заплаканы... Господи, что такое?! Тутъ меня и порадовали.

любочка [съ негодованіемъ]. Недоставало, что-бы этотъ негодяй раздавилъ вашу дочь! Но чего-же вы теперь такъ безпокоитесь, дяденька?

ивковъ. Ты думаешь — кончилось этимъ? Какъ-бы не такъ! А зачѣмъ Рахмановъ сталъ погуливать возлѣ насъ? Никогда съ ружьемъ не охотился, а тутъ вздумалъ, да все на болотѣ, что возлѣ нашего лѣса!

любочка. Вотъ что!.. [Съ живостью]. А Маша все ходитъ туда?

ивковъ. Напугалъ, что, молъ, волки шатаются. Перестала. А подсылы зачѣмъ? Зачѣмъ рахмановскій доѣзжачій... каналья отъявленная!... зачѣмъ ему знакомства заводить у насъ въ деревнѣ?

любочка. Что-же вы думаете дѣлать? Самое лучшее, если-бъ Машѣ уѣхать пока. Отпустите ее къ намъ, погостить.

ивковъ. Это и у меня въ мысляхъ было. Я ужь собрался было писать къ вамъ, съ сестрою, а ты и пріѣхала, Богъ послалъ.

любочка. Такъ и сдѣлаемъ. Я и мѣшкать не стану. Завтра-же выѣдемъ. А вы, какъ отсѣетесь, къ намъ.

ивковъ [съ чувствомъ цѣлуя ее въ голову]. Спасибо, родная, спасибо тебѣ!

любочка. И полноте, дядя! Какъ не грѣшно!

ивковъ. Одно, Любочка: такъ уладь дѣло, чтобъ Машѣ и въ голову не пришло, что меня безпокоитъ. Не тревожь ее, ради Христа!

любочка. Конечно. Я сама понимаю.

[Потемнѣло, пошелъ дождь].

ивковъ [глядя въ растворенное окно]. Эва! дождь какой припустилъ! Машу до нитки измочитъ. [Выставившись въ окно]. Маша! Машенька!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Маша
[шумно вбѣгаетъ изъ правой двери, накрывъ голову фартукомъ].

маша. Вотъ вымочилъ-то! Ха-ха-ха! [Сняла фартукъ и обтираетъ лицо платкомъ]. Откуда ни возьмись тучка, да разомъ какъ хлынетъ!

ивковъ. Дождалась, пока вымокла. Ахъ ты, козочка! Платьице перемѣнила-бы!

маша. И на мнѣ высохнетъ. А полъ загрязнила! Ай-ай какъ! Будетъ-же мнѣ отъ няни за это! Вы, папенька, горевали, что нѣтъ дождя. Вотъ я и намолила. Смотрите, какой!.. То-то благодать! Ну, польетъ мои цвѣточки!

ивковъ. Этотъ смочитъ землю порядкомъ. Погодя, велѣть сѣять. [Уходитъ влѣво].

ЯВЛЕНІЕ V.

Любочка и Маша.

любочка [обнявъ Машу за талію, ходитъ съ нею по комнатѣ]. Ну, сестрица милая, давно мы съ тобой не видались. Какъ поживала? Вѣрно ужъ женихи есть?

МАША. Женихи? Нѣтъ. Мы вѣдь бѣдны... Да я объ нихъ и не думаю. Я знаю, что папенька меня неволить не станетъ и торопить не станетъ. Одна я у него, какъ перстъ. Что-же мнѣ думать? Какъ Богъ дастъ... [Останавливаясь]. Я-то хороша! И не спросила тебя... Былъ слухъ, что къ тебѣ сватались?

ЛЮБОЧКА [садясь]. У меня много жениховъ перебывало, одинъ другаго хуже. Былъ заика. Ужь онъ и пыхтитъ и мычитъ—ѣсть захочется, пока слово выговоритъ. А то былъ одинъ—ничего... и со средствами. Да спасибо проговорился.—„Бойка, говоритъ, она очень, рѣчиста. Ну, у меня не разговорится, живо къ рукамъ приберу." Нравится тебѣ? Ха-ха-ха!

МАША. Ты все смѣешься.

ЛЮБОЧКА. Ахъ, Маша! Какъ выходить-то! Подумаешь! На рукахъ мать больная, сестренки... Хозяйство на мнѣ, заботы. Вотъ поѣдешь къ намъ — увидишь сама. Я вѣдь за тѣмъ и пріѣхала, что-бы выпросить тебя погостить.

МАША. А папенька какъ-же? Онъ безъ меня соскучится. Да и не пуститъ.

ЛЮБОЧКА. Пуститъ. Я ужь просила. Онъ самъ, какъ отсѣется, къ намъ пріѣдетъ. Утѣшь меня, поѣдемъ, сестрица!

МАША. Да я рада. Поѣдемъ.

ЛЮБОЧКА. Вотъ спасибо! Мы нынче-же соберемся...

МАША. Зачѣмъ такъ скоро?!

ЛЮБОЧКА. Нельзя загащиваться. Домъ безъ меня — сирота. Ахъ, да! Дядя разсказывалъ, какъ ты на рахмановскихъ рысакахъ прикатила...

[Сверкнула яркая молнія. Громовый ударъ].

МАША [съ испугомъ]. Ухъ, какой! Господи помилуй! [Поспѣшно закрываетъ окно. Молчаніе]. Вотъ мы и притихли, какъ воробьи.

ЛЮБОЧКА. Такъ, должно быть, ты и Рахманова испугалась?

МАША. Охъ, какъ испугалась-то, Любочка! Вѣдь чуть

не раздавили! Сколько разъ мнѣ во снѣ видѣлась эта картина...

любочка. Говорилъ онъ съ тобою?

маша. Говорилъ. Я думала, онъ страшилище. Такимъ я воображала его. Думала—красный, лохматый, глаза на выкатѣ, какъ у рака, ха-ха! А онъ совсѣмъ не такой... И лицо не злое...

любочка. Красивъ?

маша. Д-да.. Слава Богу, тучка свалила, проясниваетcя.

любочка. А что-же онъ говорилъ?

маша. Успокаивалъ меня, извинялся... Я ужь хорошенько не помню... И еще сказалъ... вздоръ...

любочка. Что такое?

маша [съ легкимъ смущеніемъ]. Я, говоритъ, не зналъ, что у господина Ивкова дочь такая красавица. Въ красавицы ужь попала, ха-ха!.. Вотъ и солнышко! [Растворяетъ окно]. Какая благодать! Воздухъ-то!.. Мнѣ ужь потомъ думалось: кому-бы, глядя на Рахманова, пришло въ голову, что онъ такой дурной и безсовѣстный?.. Птички какъ расчирикались!.. Взгляни, Люба, что за красота: капли на листьяхъ, какъ брилліанты! [Отходя отъ окна]. Сколько онъ намъ горя надѣлалъ, Рахмановъ! И за что?.. А все-таки онъ не можетъ быть такимъ злымъ, какъ говорятъ про него.

любочка. Почему ты такъ думаешь?

маша. Да такъ кажется мнѣ... Водится съ дрянью... Всѣ подличаютъ передъ нимъ, раболѣпствуютъ... Вотъ онъ и...

любочка. Э, полно пожалуйста! Водится съ дрянью, а хорошимъ людямъ отъ него житья нѣтъ. Что-же онъ за человѣкъ послѣ этого?!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Ивковъ [входитъ поспѣшно, въ сильномъ волненіи].

ИВКОВЪ. Машенька, Люба! Прячьтесь скорѣе! Ступайте въ кладовую, запритесь! Рахмановъ ѣдетъ!

МАША. Къ намъ?!

ЛЮБОЧКА. Можетъ быть, мимо?

ИВКОВЪ. Къ намъ, къ намъ! Онъ и съ дюжину его сорванцевъ. Верхами. Идите скорѣй! Я велѣлъ сказывать, что васъ нѣтъ: барышня, молъ, съ сестрою уѣхала.

ЛЮБОЧКА. Дядя, не хуже-ли такъ?

ИВКОВЪ. Ахъ, матушка' Лучше тебя знаютъ, какъ быть... Машенька, не пугайся! Я живо его спроважу, любезнаго! Идите-жь, идите!

ЛЮБОЧКА Пойдемъ, если велятъ. [Беретъ Машу за руку и уходитъ съ нею налѣво].

ИВКОВЪ. Господи Боже мой! Этого не доставало! Зачѣмъ ему къ намъ, окаянному?.. Чуяло мое сердце бѣду... Да не посмѣетъ-же онъ!.. Чего я такъ перетрусилъ?—Хуже. [Прислушивается]. Вотъ они, гости незванные! жалуютъ!.. Ха! Ни стыда, ни креста! Въ своемъ домѣ и то нѣтъ защиты!!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ивковъ и Рахмановъ *).

РАХМАНОВЪ [весело]. Здравствуй, сосѣдъ! Не ждалъ гостя? Удивилъ я тебя? [Ивковъ молчитъ, отвернувшись]. Что молчишь? Съ перепугу и привѣтить забылъ? Эхъ, ты! Сядемъ безъ

*) Онъ въ венгеркѣ, расшитой серебромъ и въ высокихъ сапогахъ. Талія затянута поясомъ, на которомъ блеститъ кинжалъ въ дорогой оправѣ. Вошелъ со свертвомъ, держа въ рукѣ нагайку.

зова, коли такъ. [Садится]. Ко мнѣ не жалуешь. Что съ тобой дѣлать? Вотъ я самъ и пріѣхалъ. Отчего старику чести не сдѣлать?

ИВКОВЪ. Въ вашу компанію я не гожусь, сударь мой, и знакомства не ищу съ вами.

РАХМАНОВЪ. Гмъ!.. И чести въ томъ, что я первый пріѣхалъ—не видишь?

ИВКОВЪ. Не вижу-съ.

РАХМАНОВЪ. Что-о?! [Поглаживаетъ волосы, что служитъ у него признакомъ начинающагося гнѣва]. Какой задорный!

ИВКОВЪ. Каковъ есть.

РАХМАНОВЪ. Говорится, что задоръ силы не спрашиваетъ. И вѣрно. Я думалъ, что ты разсудительнѣй. [Смягчаясь]. Полно-ка, ворчунъ! Людишки мои обижали тебя. Это первое. Второе—старъ ты. Все это надо принять въ разсужденіе и не пылить по пустому. [Съ усмѣшкой]. А то выйдетъ: за мухой съ обухомъ. [Добродушно]. Лучше скажи-ка, что твой кучеръ, поправился-ли? Намедни помяли его мои псари, когда на дочку твою налетѣли...

ИВКОВЪ [въ волненіи, про себя]. Такъ, такъ!... Такъ я и зналъ!.

РАХМАНОВЪ. Перепугали, черти! Не могли удержать коней! Какъ сейчасъ вижу ея личико... глазки заплаканные..

ИВКОВЪ [про себя, тоскливо]. Ахъ, Господи-Боже мой!

РАХМАНОВЪ. Что тамъ бормочешь?... Какъ ея здоровье, Марьи Григорьевны?

ИВКОВЪ. Была здорова Теперь не знаю.

РАХМАНОВЪ. Не знаешь?! Отчего не знаешь?

ИВКОВЪ. Вчера еще къ теткѣ уѣхала, подъ Воронежъ.

РАХМАНОВЪ. Уѣха-ла?! Гмъ!... Съ кѣмъ-же уѣхала?

ИВКОВЪ. Племянница моя за нею пріѣзжала.

РАХМАНОВЪ. Любовь Васильевна? Такъ, сказываютъ ее зовутъ.

ИВКОВЪ. Такъ зовутъ, да.

РАХМАНОВЪ [ѣдко]. Дивно! Вчера уѣхала, а нынче въ

саду гуляла. [Съ угрозою]. Григорій Михайлычъ! Ты эти шутки оставь!

ИВКОВЪ [выйдя изъ терпѣнія]. Да что-жь это въ самомъ дѣлѣ такое?!

РАХМАНОВЪ [вдругъ поднимается во весь ростъ]. Что?!

ИВКОВЪ [съ гнѣвомъ, крикливо]. Что вамъ угодно? что вамъ угодно отъ насъ?

РАХМАНОВЪ [прищурился и отчеканиваетъ слова]. Такъ Марьи Григорьевны дома нѣтъ?

ИВКОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

РОХМАНОВЪ. Эй! [Ударилъ въ ладоши].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, Панька и двое слугъ *) [мгновенно являются въ дверяхъ].

РАХМАНОВЪ. Панька! [Панька подлетаетъ и преклоняетъ ухо. Тихо]. Барышня спрятана. Пошарьте! [Панька бросается исполнять приказаніе].

ИВКОВЪ [тревожно, про себя]. Что такое? Что онъ велѣлъ? [За сценой раздается свистокъ].

РАХМАНОВЪ [слугамъ]. А вы къ дверямъ! [Слуги становятся у каждой двери].

ИВКОВЪ [дрожитъ отъ гнѣва и волненія]. Вы что-же хотите? Распоряжаться?! У меня въ домѣ распоряжаться?! Кто здѣсь хозяинъ?.. О-о, коли такъ!... [Бросается къ двери. На слугу] Прочь, негодяй!

РАХМАНОВЪ [спокойно]. Не пускать!

ИВКОВЪ [внѣ себя]. Да что-жь это?! Разбой! денной разбой!!

РАХМАНОВЪ [спокойно, постегивая нагайкой по носку сапога]. Со мной шутки плохи.

---

*) Всѣ одѣты въ зеленыя венгерки, съ бѣлыми снурами и опоясаны ремнями.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же и нянька.

НЯНЬКА [съ голосьбой]. Батюшка, Григорій Михайловичъ! Разбили насъ!.. двери, замки, все посбито! Батюшка!..

РАХМАНОВЪ [крикнулъ]. Вонъ! [Старуха оробѣла. Одинъ изъ слугъ живо спроваживаетъ ее за дверь].

ИВКОВЪ [опять бросается къ двери, но Рахмановъ преграждаетъ ему дорогу]. Да пусти-жь меня! Извергъ! Креста на тебѣ нѣту!!

ЯВЛЕНІЕ X.

Ивковъ, Рахмановъ и **слуги. Нянька** и **третій слуга** вводятъ подъ руки **Машу**, которая отъ испуга еле держится на ногахъ.

ИВКОВЪ. Машенька! [Обнимаетъ ее]. Не бойся, милая! Я съ тобой, я... [Сажаетъ ее на стулъ и становится возлѣ, поглаживая ея голову и держа руку].

РАХМАНОВЪ [пока усаживаютъ Машу, слугамъ тихо]. За двери и не впускать никого! [За каждую дверь уходятъ по двое слугъ].

ИВКОВЪ. Не бойся, Машенька. Ничего!

РАХМАНОВЪ [кротко]. Простите, Марья Григорьевна! Другой разъ встрѣчаемся мы и въ другой разъ вы испуганы. Нынче пеняйте на отца. И въ головѣ не было его оскорбить. Хотѣлось увидаться съ вами, вотъ и все. Что въ этомъ дурнаго? Онъ иначе разсудилъ, „разбойникомъ" обозвалъ меня...

ИВКОВЪ [прерываетъ]. Кто-же такъ поступаетъ, какъ вы?

РАХМАНОВЪ [взглянулъ на него и продолжаетъ къ Машѣ въ прежнемъ тонѣ]. И васъ спряталъ, какъ отъ разбойника. Я и поступилъ по разбойничьи, [съ усмѣшкой] что-бы не даромъ мнѣ эта кличка была. [Опять взглянулъ на Ивкова]. Такъ-ли, сякъ-ли, хотѣлъ видѣть васъ и вижу. [Беретъ и развертываетъ

свертокъ]. Вотъ тѣ самыя лисы, которыхъ мы травили, когда я встрѣтился съ вами. [Кладетъ къ ея ногамъ выдѣланныя шкурки]. Вамъ подъ ножки, что-бы не зябли зимой. Ну что, прошелъ вашъ испугъ, или все еще нѣтъ?.. Скажите хоть слово!.. Мнѣ голосъ вашъ хочется слышать.

ивковъ [съ нетерпѣніемъ]. Оставьте насъ, сударь! Покорно прошу!

маша. Папенька!

рахмановъ. Все кипитъ старикъ, все кипитъ. Экой горячій! А лучше бы миромъ... Правда, Марья Григорьевна? Онъ *меня* гонитъ, *Рахманова!* А Рахмановъ ничего. И я себѣ дивлюсь и всякій бы подивился. А почему такое терпѣніе? Жалость во мнѣ. Доселѣ этого не было. Бывало, коль прогнѣвятъ, то ничто ужь не дѣйствуетъ на меня, пока весь гнѣвъ выйдетъ. А съ тѣхъ поръ, какъ васъ пожалѣлъ и жалостливъ сталъ, ха-ха! [Подходя] Позвольте вашу ручку поцѣловать!

ивковъ [обойдя стулъ, сталъ между дочерью и Рахмановымъ]. Маша, иди! Иди отсюда, иди!.. [Маша встаетъ].

рахмановъ [грозно]. Ста-рикъ!!

маша [схватилась за отца обѣими руками]. Не уйду, папенька! Я не могу васъ оставить!

рахмановъ [сдѣлавъ надъ собой усиліе, съ волненіемъ, но примирительно]. Слушай старикъ! Когда такъ, я другую рѣчь поведу, честью! Отдай Марью за меня замужъ. [Маша слабо вскрикнула].

ивковъ. Машу?! Въ вертепъ отдать дочь?!

рахмановъ [внѣ себя]. Упрямый старикъ! Не хотѣлъ отдать честью, я силой возьму! Не хотѣлъ, чтобъ была госпожею, будетъ рабой! Эй! [Изъ дверей являются Панька и двое слугъ]. Берите ее!

маша [вскрикиваетъ]. Папенька! [Лишается чувствъ. Слуги, отстранивъ Ивкова, подхватываютъ Машу на руки].

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Любочка [слѣва, вырвавшись отъ одного изъ слугъ, который ее не пускалъ].

ЛЮБОЧКА. Господи!! [Въ ужасѣ схватилась за голову].

ИВКОВЪ [бросаясь къ правой двери]. Черезъ трупъ мой несите, черезъ трупъ!!

РАХМАНОВЪ [взялъ Ивкова за плечи, какъ желѣзными тисками, и отвелъ на середину. Слугамъ]. Домой! [Машу уносятъ].

ЛЮБОЧКА [бросается на колѣни и хватается за Рахманова]. Ради Бога! ради самого Бога!! Что вы дѣлаете?! За что губите ее?!

РАХМАНОВЪ [освободившись отъ Любочки]. Поздняя пѣсня! [Уходитъ].

ЛЮБОЧКА [вслѣдъ ему]. Сердце звѣриное!

ИВКОВЪ [дрожитъ, глаза его дико блуждаютъ. Онъ то хватается за голову, то ломаетъ руки. Изъ груди его вырываются стоны].

ЛЮБОЧКА [прерывающимся голосомъ]. Надо дѣйствовать... Ни минуты не медлите!.. Скачите въ городъ... къ губернатору, къ прокурору!.. Жалуйтесь, молите, въ ногахъ валяйтесь у нихъ!..

ИВКОВЪ [бросается къ ней на шею]. Любочка! Любочка!.. [Зарыдалъ].

ЗАНАВѢСЪ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Комната въ домѣ Рахманова, на антресоляхъ. По правой стѣнѣ кровать и ширмы. Налѣво два окна въ садъ. Между ними накрытый столикъ. Прямо дверь и диванъ. Ночь. На столѣ горитъ свѣчка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лукерья и **Маша** [лежитъ на кровати, уткнувшись въ подушку. Во всей фигурѣ ея отчаяніе].

ЛУКЕРЬЯ. Слезами не поможешь, барышня. Полно! Этакъ, помилуй Богъ, не долго и захворать. Баринъ, отъѣзжая, наказывалъ: береги, молъ, барышню, какъ зѣницу ока... разговори, успокой... [Про себя] Успокоишь тутъ, какъ-же!

МАША [поднявшись съ подушки]. Папенька! милый мой!.. Что съ тобой будетъ?! что будетъ?! [Съ рыданіями опять бросается на подушку].

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и **Акулька** [съ подносомъ, на которомъ ужинъ].

ЛУКЕРЬЯ. Ты зачѣмъ? Я Варькѣ велѣла подать.

АКУЛЬКА. Не все-ли равно, бабушка? А Варька въ людской. Сладко ей тамъ съ чего-то! [Ставитъ подносъ на столикъ].

ЛУКЕРЬЯ [погрозилась]. Вездѣ носъ суешь! [Подходитъ къ Машѣ]. Барышня! а барышня!

МАША [приподнявъ голову, тихо]. Что?

ЛУКЕРЬЯ. Встаньте, покушайте! [Маша отрицательно покачала головой и принимаетъ прежнее положеніе]. Сутки маковой росинки во

рту не было. Какъ-же такъ можно? Хоть чего-нибудь скушайте! [Маша не отвѣчаетъ].

АКУЛЬКА [Лукерьѣ, тихо]. Убивается?

ЛУКЕРЬЯ [отходя въ столику и садясь за чулокъ]. Эхъ! Что и говорить!

АКУЛЬКА [тихо]. Сначала, конечно... Взять хоть изъ нашего брата—и то...

ЛУКЕРЬЯ. Дура ты! Вотъ что!

АКУЛЬКА. А дѣло, знать, плохо! Вотъ и ночь, а барина все нѣту изъ города.

ЛУКЕРЬЯ [съ усмѣшкой]. Разсудила!

АКУЛЬКА [торопливо, вполголоса]. Да какъ-же, бабушка! Сами разберите. Спѣхъ-то какой! Не успѣлъ баринъ ее привезти [кивнувъ на Машу]: „лошадей!"—кинулся въ городъ. Нѣтъ по сю пору. Знать и другую ночь тамъ заночуетъ. Ништо скоро управишься въ этакомъ дѣлѣ? Не своя крѣпостная... А ужь въ дѣвичьей у насъ говоръ идеетъ! Накажи Богъ!.. Клавдія Тарасовна какъ-же теперь? Баринъ, вишь, и не взглянулъ на нее. Съ тѣмъ и уѣхалъ.

ЛУКЕРЬЯ. Да полно, тараторка! Ступай!

АКУЛЬКА. Бабушка, какой сонъ мнѣ превидѣлся! Накажи Богъ! Вижу я, будто...

ЛУКЕРЬЯ. Ахъ ты Господи! Сказано—иди!

АКУЛЬКА. Завсегда вы такъ, ничѣмъ не угодишь. Ужь я-ль ни стараюсь!..

ЛУКЕРЬЯ [строго. Вставая]. Ступай, ступай! Угодливая!

АКУЛЬКА [съ обидой]. Ну, что-жь? И пойду! [Уходитъ задравъ носъ].

ЛУКЕРЬЯ [про себя]. Лядъ дѣвка! Всегда тутъ, гдѣ не надо. [Съ усмѣшкой] Клавдія подослала. Ну, да!.. [Къ Машѣ] Барышня! Семъ постельку перестелю, да раздѣну васъ. Легли-бъ почивать, коли кушать не станете. Встаньте, матушка! [Маша садится]. Чай, болитъ головка-то? А?

МАША. Болитъ... Все болитъ...

ЛУКЕРЬЯ. Встаньте, молъ, постельку оправлю.

МАША [встала и ходитъ въ задумчивости. Вдругъ повернулась съ рѣшимостью и идетъ къ двери].

ЛУКЕРЬЯ [съ испугомъ, преграждаетъ ей дорогу]. Куда вы? Куда?!

МАША [твердо]. Въ садъ.

ЛУКЕРЬЯ. Не велѣно, не велѣно, барышня! Покамѣсть баринъ пріѣдетъ, не велѣно выходить. Да и ночь. Какой теперь садъ! Лучше извольте-ка спать ложиться.

МАША [порывисто, истерично]. Что-же вы со мной дѣлаете?! Люди вы, или звѣри?!

ЛУКЕРЬЯ. Барская воля, матушка.

МАША. Я живая въ руки не дамся! Такъ и знай! И *ему* скажи! [Наступаетъ на нее]. Этого вамъ хочется?! этого?!

ЛУКЕРЬЯ. Помилуй Богъ! Что изволите говорить! Грѣхъ какой!

МАША. А со мною что̀ дѣлаютъ—это не грѣхъ?! [Со слезами въ голосѣ] Старика отца, одинокаго, въ гробъ вколачиваютъ—это не грѣхъ?!

ЛУКЕРЬЯ. Опять-же скажу: барская воля. Намъ что велятъ... [Развела руками]. Семъ раздѣну.

МАША [съ негодованіемъ]. Эхъ! Оставьте меня! [Ложится на кровать навзничь, закинувъ руки подъ голову. Движенія ея быстры и рѣзки].

ЛУКЕРЬЯ [тяжело вздохнула и сѣла на прежнее мѣсто. Про себя] Я думала—тихая, а она вонъ какъ!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Маша, Лукерья и **Клавдія** [въ дверяхъ. Окинула Машу быстрымъ взглядомъ и злобно усмѣхнулась].

ЛУКЕРЬЯ [про себя]. Вотъ нелегкая принесла! [Клавдіи] Что баринъ велѣлъ?

КЛАВДІЯ. А что?

ЛУКЕРЬЯ. Тебѣ сюда не ходить.

КЛАВДІЯ [высокомѣрно и небрежно]. Не слыхала. Или здѣсь святость какая, что не входить мнѣ? Есть-ли тутъ кто

чужой, нѣтъ ли — мнѣ все равно. А что въ кладовой у тебя — до этого дѣло есть.

ЛУКЕРЬЯ. Въ кладовой?

КЛАВДІЯ [садясь на диванъ]. Ну да. Порядокъ хорошъ. Шубу баринову мыши изъѣли; варенья взглянула — въ плѣсени; въ мукѣ соръ такой, словно ею полъ подметали... [Про себя] Я думала — красота, а тутъ и смотрѣть не на что! [Повеселѣла].

ЛУКЕРЬЯ [усмѣхнулась и покачала головой]. Что-то много ты насказала, Клавдія Тарасовна! Будто и не такъ оно.

КЛАВДІЯ. А про все говорить — языкъ притомишь. Я-бъ повела тебя, показала... Жалко нельзя: въ новой ты должности. Нянька-ли, сторожиха-ли — не знаю какъ и назвать!

ЛУКЕРЬЯ. Какъ хочешь зови, а что баринъ велѣлъ — тебѣ сказано.

КЛАВДІЯ. Слышала, слышала! Сгоряча онъ чего не наскажетъ! Да вѣдь мило, пока не простыло, ха-ха! Значитъ нечего о пустомъ говорить. [Вставая, повелительно] Брагу сварить вели! Изволитъ баринъ спросить — подать нечего. Твоя, чай, забота! [Пошла къ двери и остановилась, прислушиваясь]. Шумятъ. Должно быть, баринъ вернулся. [Лицо ея оживилось, глаза заблистали. Она взглянула на Машу, которая въ ужасѣ вскакиваетъ съ постели].

ЛУКЕРЬЯ. Шла-бъ ужь ты, право!

КЛАВДІЯ. Боишься — баринъ застанетъ, сюда придетъ? Придетъ! [Со взглядомъ на Машу]. Какъ ему не прійти!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и **Акулька** [вбѣгаетъ впопыхахъ].

АКУЛЬКА. Баринъ! баринъ пріѣхалъ! [Убѣгаетъ].

КЛАВДІЯ. Ну, вотъ намъ и радость! [Тихо и злобно засмѣялась, глядя на Машу. Уходитъ].

ЛУКЕРЬЯ. Господи помилуй! Чего ужь такъ испугались?! Словно лихорадка васъ бьетъ... Нате водицы. Испейте-ка, матушка!.. да испейте немножко! [Маша судорожно глотнула раза два изъ стакана]. Ай и вправду знобитъ?

МАША. Холодно... холодно мнѣ...

ЛУКЕРЬЯ. Эхъ, головушка грѣшная! Что тутъ-то дѣлать?!

АКУЛЬКА [вбѣгаетъ]. Бабушка! къ барину! Первое слово: „Лукерью позвать". Иди поскорѣй! А Клавдію увидалъ — хоть бы словечко! Накажи Богъ!—Барышня, пожалуйте ручку! [Метнулась къ Машѣ].

ЛУКЕРЬЯ [повернула ее за плечи къ двери]. Пошла! Идолъ! [Уходитъ вмѣстѣ съ Акулькой].

ЯВЛЕНІЕ V.

МАША [остается нѣсколько секундъ молча, какъ къ смерти приговоренная]. Боже! да неужели все это правда?! Давно-ли я была дома, весела, счастлива? Вдругъ!.. И пережить такой ужасъ... позоръ?! Никогда! И папенька то-же бы сказалъ... На радость выростилъ дочку!.. Что за чувства у этого человѣка?! Онъ придетъ... Эта женщина сказала, что придетъ непремѣнно... И какъ засмѣялась!.. Тогда... [Вздрогнула]. Шаги!.. шаги на лѣстницѣ!.. *Онъ!..* [Въ смятеніи]. Куда мнѣ?! Что дѣлать?! Въ окно? [Подбѣгаетъ къ окну и растворяетъ его]. О, высоко! [Быстро придвинула стулъ и стала на него, занеся ногу на подоконникъ, готовая выброситься]. Теперь входи!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Маша и Лукерья [со свертками и коробками].

ЛУКЕРЬЯ [вскрикиваетъ]. Матушки!! [Роняетъ все на полъ]. Слѣзь! [Бросается и хватаетъ Машу за руку]. Слѣзь! Въ прахъ расшибешься! [Маша сходитъ на полъ. Она часто и сильно дышетъ, какъ послѣ быстрой ходьбы]. Ну, сударыня, съ вами бѣды наживешь! [Закрываетъ окно на задвижку].

МАША [бросается на колѣни]. Бабушка! милая! отпусти меня, ради Христа!

ЛУКЕРЬЯ. Что вы, что вы! Да баринъ съ меня голову сниметъ. [Поднимаетъ ее]. Вотъ вздумали!

МАША. Только въ садъ выведи, а тамъ ужь я выберусь. Отпусти!

ЛУКЕРЬЯ. А сторожа-то! И въ саду, и за дворомъ — вездѣ сторожа. И велѣно имъ, еслибъ ваши кинулись выручать, бить смертнымъ боемъ. Эхъ, барышня! Ништо противъ нашего барина можно идти? Бросьте вы это. Попустилъ Господь — такъ видно тому и быть. Смотрите-ка, сколько вамъ баринъ гостинцевъ привезъ! [Подбираетъ съ полу свертки]. Чего-чего нѣтъ! Что было лучшаго—все поскупилъ. А тутъ, должно быть, сережки. [Открываетъ футляръ]. Барышня, барышня! Вотъ чудо-то!

МАША [съ негодованіемъ]. Отнеси! сейчасъ отнеси! Все, все, все! [Ногою швыряетъ въ кучу несобранные свертки].

ЛУКЕРЬЯ. Что вы! Да какъ-же я смѣю!

МАША [гнѣвно]. А онъ смѣетъ?! Смѣетъ онъ унижать меня, какъ послѣднюю дрянь?! [Всплеснула руками]. Господи! за что-же?! за что столько муки?! [Съ отчаяніемъ бросается въ постель].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Залъ. Въ задней стѣнѣ двѣ двери: одна правѣе середины—въ кабинетъ, другая, къ лѣвому углу — въ лакейскую. Справа, къ авансценѣ, еще дверь — въ гостиную [отворенная]. Налѣво окна. Стѣны отдѣланы подъ мраморъ. Посерединѣ круглый столъ, накрытый къ чаю. Справа низкій и широкій турецкій диванъ. Передъ диваномъ, на полу, медвѣжья шкура. Сбоку станокъ съ чубуками. Видъ комнаты запущенный.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чириковъ *) [сидитъ у окна и вырѣзываетъ изъ тростника дудочку. Унылъ и задумчивъ].

Д-да, событіе!.. Жалко барышню... [Пискнулъ на дудкѣ и продолжаетъ нарѣзывать дырочки]. Птичку подстрѣлишь и ту какъ-то того... а тутъ шутка-ли!.. И что за необузданность у Матвѣя Петровича! Устремится на что—ураганъ... Жалко барышню... [Опять пискнулъ на дудкѣ, въ два тона, и взглянулъ въ окно. Встаетъ и высовывается]. Трезорка! Фюить! фюить!.. Трезорка, каналья!! Опять за курами? Я-я тебя! А еще благовоспитанный песъ, обученъ всякимъ штукамъ! П'шелъ домой! [Садится и берется за дудку].

ЯВЛЕНІЕ II.

Чириковъ и **Лукашка** [изъ лакейской].

ЛУКАШКА. Зачѣмъ это вы дудку дѣлаете, Алексѣй Егорычъ?

ЧИРИКОВЪ. Чижа учить.

---

*) Въ сѣромъ короткомъ сюртукѣ, сшитомъ мѣшкомъ, съ бѣлыми костяными пуговицами. Талія схвачена ремнемъ, съ серебрянымъ наборомъ. На шеѣ высоко намотана черная косынка. Бѣлья не видно. Въ высокихъ сапогахъ.

ЛУКАШКА. Чи-жа! И будетъ подъ дудку пѣть?

ЧИРИКОВЪ. Будетъ. Чижъ—пичуга смышленая.

ЛУКАШКА. А намедни, въ городѣ, у лавочника Корытина, какую я канарейку слышалъ!

ЧИРИКОВЪ [съ оживленіемъ]. Хороша?

ЛУКАШКА. И Боже мой! [Зажмурился отъ удовольствія].

ЧИРИКОВЪ [благодушно]. Хе-хе! А какъ поетъ? У канареекъ вѣдь разныя манеры: дудками, розсыпями, свистомъ, колокольцами, овсянками...

ЛУКАШКА. Точно сказать не умѣю, а дюже хорошо!

ЧИРИКОВЪ. Хе-хе! [Одобрительно хлопнулъ Лукашку по плечу и засвисталъ на дудкѣ съ переливами].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и **Клавдія** *) [изъ гостиной].

КЛАВДІЯ. Что это?! Алексѣй Егорычъ!

ЧИРИКОВЪ [смутился]. Гмъ! [Прячетъ дудку въ карманъ. Лукашка почтительно отступаетъ къ двери].

КЛАВДІЯ. Баринъ почиваетъ. Нашли время свистать! [На Лукашку] Ты чего ротъ разинулъ, болванъ? Сливки поданы? П'шелъ—принеси!

ЛУКАШКА. Сейчасъ, сейчасъ, Клавдія Тарасовна! А баринъ встамши. Порфишку кликнули. [Убѣгаетъ въ переднюю].

КЛАВДІЯ [хозяйничая за столомъ]. Пошли-бъ узнать, въ добромъ-ли здоровьи вернулся Матвѣй Петровичъ. Чего сидѣть-то!

ЧИРИКОВЪ. Придетъ, увидимъ-съ.

КЛАВДІЯ. Хорошо-ли съѣздилъ?

---

*) На ней малиновый штофный сарафанъ, съ золотыми застежками. Широкіе кисейные рукава засучены по локоть. На головѣ дорогая повязка, изъ-подъ которой живописно выбились черные волосы. Воротъ у рубахи вырѣзанъ низко. На шеѣ жемчужныя монисты, съ алмазнымъ запономъ. На рукахъ дорогіе перстни.

ЧИРИКОВЪ. Не мое дѣло-съ.

КЛАВДІЯ. У насъ живете и дѣла нѣтъ? Надо-бы чувствовать, приверженность имѣть къ Матвѣю Петровичу.

ЧИРИКОВЪ. Я по своему-съ.

КЛАВДІЯ. Какъ это?

ЧИРИКОВЪ. Незримо.

КЛАВДІЯ. Не понимаю.

ЧИРИКОВЪ. Внутренно-съ.

КЛАВДІЯ. У васъ все по чудно́му. Нате, что-ль, чаю-то! [Сердито подвигаетъ на столѣ чашку съ чаемъ].

ЧИРИКОВЪ [всталъ, крякнулъ, смущенно, но съ достоинствомъ подходитъ къ столу и, взявъ чашку, идетъ на мѣсто. Въ сторону, подмигнувъ]. Сердита!

КЛАВДІЯ [задумалась, постукивая по столу чайною ложечкой. Взглянула на кабинетъ и вздохнула]. Поглядимъ, поглядимъ!

ЛУКАШКА [вноситъ сливки и ставитъ на столъ].

КЛАВДІЯ [взявъ трубку на чубукѣ съ большимъ янтаремъ, продуваетъ ее. Лукашкѣ] Чубукъ опять не промытъ!

ЛУКАШКА. Я промывалъ-съ!

КЛАВДІЯ. Врешь! [Вспыльчиво.] Охъ, дождешься ты, Лукашка! Будетъ тебѣ! [Лукашка, понурившись, на цыпочкахъ уходитъ въ лакейскую].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чириковъ, Клавдія, Акулька [изъ гостиной съ подносикомъ и чайною чашкою] и потомъ **Лукашка.**

АКУЛЬКА. Бабушка за чаемъ прислала... [Насмѣшливо] *той*, барышнѣ.

КЛАВДІЯ. Баринъ не кушалъ еще. Можно-бы погодить. [Кивнула на столъ]. Налей ужь! [Набиваетъ трубку изъ табачницы].

АКУЛЬКА [наливаетъ чай. Понизивъ голосъ, значительно]. Баринъ выходилъ ночью. Накажи Богъ!

КЛАВДІЯ [съ живостью]. Наверхъ?

АКУЛЬКА. Нѣтъ. По залѣ походилъ-походилъ и опять въ кабинетъ.

ЛУКАШКА [входя]. Клавдія Тарасовна! поваръ пришелъ-съ.

КЛАВДІЯ. Сейчасъ выйду. [Лукашка уходитъ. Акулькѣ] А она? все реветъ?

АКУЛЬКА. Нѣтъ, стихла. Сидитъ, какъ убитая.

ЧИРИКОВЪ [всталъ, кряхтя, и отвернулся къ окну].

АКУЛЬКА [смѣясь, подмигнула на него Клавдіи]. И что въ ней хорошаго?! Дивлюсь я на барина.

КЛАВДІЯ. Эко ты какая! Въ пылу видишь, что во хмѣлю. Каково-то будетъ похмѣлье, ха-ха! [Уходитъ въ переднюю].

АКУЛЬКА [про себя]. Ишь расфуфырилась! бариновъ любимый сарафанъ нацѣпила... А на душѣ, чай, кошки скребутъ. Страхъ люблю, какъ такая заваруха случится! [Подходитъ къ Чирикову]. А вы чего?

ЧИРИКОВЪ. Какъ?

АКУЛЬКА. Чего, молъ, кряхтите? Правда, какъ не задуматься! У меня въ головѣ такъ и вертитъ, такъ и вертитъ! Что будетъ? какіе порядки? Вы какъ полагаете?

ЧИРИКОВЪ. Никакъ.

АКУЛЬКА. А въ дѣвичьей разно говорятъ. Кто говоритъ: Клавдія осилитъ, хоть та и барышня; а кто: спѣта, вишь, ея пѣсенка;—либо замужъ отдадутъ, либо наградятъ да на волю. А Варька что вздумала! Говорятъ, что вы на Клавдіи женитесь...

ЧИРИКОВЪ. Акулина! Назойливость—качество не похвальное.

АКУЛЬКА. Ха-ха-ха! А я говорю Варькѣ: дура раскосая, да статочное-ли дѣло, чтобъ Алексѣй Егорычъ женился? Первое—онъ женщинъ боится. Вѣдь правда?

ЧИРИКОВЪ [смутился и обтеръ лицо платкомъ]. Прекрати!

АКУЛЬКА. Анъ боитесь, боитесь! Ха-ха! [Входитъ Клавдія]. Батюшки! Что-же я съ чаемъ-то! [Подбѣжала къ столу и схватила подносъ. Клавдіи] Никакъ баринъ идетъ!.. [Уходитъ въ гостиную].

КЛАВДІЯ [хочеть казаться спокойной, отчего у нея нѣсколько вызывающій видъ и брови слегка сдвинуты. Измѣнившимся голосомъ]. Еще налить, Алексѣй Егорычъ?

ЧИРИКОВЪ. Нѣтъ-съ. [Волнуется, взглядывая на дверь кабинета].

ЯВЛЕНІЕ V.

Чириковъ, Клавдія и Рахмановъ *).

КЛАВДІЯ [молча поклонилась и наливаеть чай].

РАХМАНОВЪ [взглянулъ на нее, поморщился и переводитъ взоръ на Чирикова, который всталъ]. А, философъ! здравствуй! Ну, что безъ меня подѣлывалъ?

ЧИРИКОВЪ [потупившись, огорченно]. Ничего-съ. [Укоризненно вздохнулъ и пошелъ къ двери].

РАХМАНОВЪ [рѣзко]. Куда-жь ты?

ЧИРИКОВЪ. А я того... на охоту-съ.

РАХМАНОВЪ [ѣдко]. „Удрученъ“? [Усмѣхнулся]. Ступай, расходи дурь-то! Я вижу, у тебя въ голову дурь налѣзла. [Отодвинулъ кресло ногою и шумно садится за столъ. Клавдія подаетъ ему чай, сливки и хлѣбъ].

ЧИРИКОВЪ. Что-же я говорю-съ?

РАХМАНОВЪ. Еще-бы ты смѣлъ сказать что-нибудь!

ЧИРИКОВЪ [горячо]. А чувствовать я могу-съ.

РАХМАНОВЪ [небрежно, прищуриваясь]. Что-о?!

ЧИРИКОВЪ. Да, могу-съ! [Вдругъ подходитъ къ столу, наливаетъ рюмку рому и залпомъ выпиваетъ ее].

РАХМАНОВЪ. Чертъ съ тобой! Чувствуй! [Не глядя на Клавдію, принимаетъ поданный ею чубукъ].

ЧИРИКОВЪ. Когда я получу наслѣдство...

РАХМАНОВЪ. Откуда? Родныхъ ни души. Съ неба что-ль оно свалится?

---

*) На немъ бархатный архалукъ, на атласной подкладкѣ, бѣлая рубашка, съ большимъ отложнымъ воротникомъ, открытый жилетъ, узкія панталоны, сапоги съ отворотами. На шеѣ небрежно повязанъ фуляръ.

ЧИРИКОВЪ. Я такъ положилъ-съ...

РАХМАНОВЪ. Новыя бредни! Жить не можетъ безъ глупыхъ мечтаній!

ЧИРИКОВЪ. Всякіе случаи бываютъ...

РАХМАНОВЪ [закуривая трубку]. Хорошо. Получишь. Что же тогда?

ЧИРИКОВЪ. Тогда я буду чувствовать и *говорить!* [Покраснѣлъ отъ напряженія, чтобы выговорить послѣднее слово. Наливаетъ другую рюмку и залпомъ выпиваетъ ее].

РАХМАНОВЪ [насмѣшливо]. А-а!.. Я скажу, что тогда будетъ. Если получишь имѣніе—пойдетъ оно прахомъ. Такого дурака сломаешь въ хозяйствѣ, что всѣ животы надорвутъ. Деньги получишь—спустишь на глупости, а больше растащутъ ихъ всякіе проходимцы. Потомъ, или съ голоду подохнешь, или станешь ходить петрушку показывать, да собачью комедію. Ну, ступай на охоту. Пока дурь не выходишь, не смѣй глазъ казать. [Отвернулся].

ЧИРИКОВЪ. А чувствовать я могу-съ! [Ударилъ себя въ грудь и уходитъ въ переднюю].

РАХМАНОВЪ. Порфишка!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Клавдія, Рахмановъ и Порфирій [изъ кабинета].

ПОРФИРІЙ. Чего изволите-съ?

РАХМАНОВЪ. Сходи-и... на верхъ сходи... Позвать!

ПОРФИРІЙ [угодливо склоняясь къ нему]. Барышню-съ?

РАХМАНОВЪ [крикнулъ]. Дурракъ!

ПОРФИРІЙ. Слушаю-съ! [Встряхнулся и побѣжалъ въ гостиную].

РАХМАНОВЪ [про себя]. Понимаетъ, каналья, а спрашиваетъ! [Клавдіи] А ты-ы... выйди вонъ!

КЛАВДІЯ [слегка поблѣднѣла, выразительно взглянула на него, плавно и гордо идетъ къ двери].

РАХМАНОВЪ [вставая, роняетъ прислоненный къ столу чубукъ. Клавдія вернулась поднять. Строго] Сказано тебѣ!

КЛАВДІЯ. Хотѣла поднять... [Чуть чуть усмѣхнулась и уходитъ, не поднявъ чубука].

РАХМАНОВЪ [поднялъ чубукъ, ходитъ въ волненіи]. Какъ-то Маша?.. Слезы, даже истерика. Ну, конечно! Да все это—вздоръ и скоро пройдетъ... А хлопотъ черезъ нее много было, чертъ возьми! Ободрали, какъ липку. Ну за то шито и крыто!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Рахмановъ и **Маша** [входитъ изъ гостиной и, потупясь, остается у двери].

РАХМАНОВЪ [въ отдаленіи]. Здравствуйте, Марья Григорьевна! [Отвѣта нѣтъ. Въ сторону]. Какой у нея измученный видъ! [Съ досадой]. Эхъ!.. [Привѣтливо] Садитесь. [Указываетъ на диванъ. Маша не двигается]. Садитесь, прошу васъ! [Маша садится]. Вы негодуете. Я вижу это на вашемъ лицѣ. Но поступокъ мой вынужденъ вашимъ отцемъ... его упорствомъ, дерзостью, [Вспыльчиво] дерзостью выше всякой мѣры! Въ городѣ я видѣлъ его. Онъ на меня ябедничаетъ; но ничего не добьется.

МАША [твердо]. Когда вамъ угодно будетъ отпустить меня къ папенькѣ?

РАХМАНОВЪ [насмѣшливо]. Да я вовсе не намѣренъ васъ отпускать. Съ чего вы взяли?

МАША [мрачно]. Не намѣрены.

РАХМАНОВЪ. Разъ вы у меня—дѣло кончено.

МАША. Но вы ужь довольно наказали отца, если онъ такъ виноватъ передъ вами. [Съ волненіемъ] Надо быть палачемъ... не знаю кѣмъ, чтобы держать меня здѣсь. [Быстро утерла слезы и отвернулась].

РАХМАНОВЪ [игриво]. Палачемъ! Что ты говоришь пустяки! Ну, какимъ палачемъ?! Старикъ твой само собою, а

не полюбись ты мнѣ, ничего-бы не было. Вотъ въ чемъ сила. [Садится рядомъ. Маша встаетъ. Строго]. Сиди!! [Маша невольно садится]. Словно на висѣлицу вздернуть хотятъ!

МАША [съ отвращеніемъ]. Чего-же вы можете ожидать отъ меня?!

РАХМАНОВЪ [ѣдко усмѣхнулся]. Что будетъ—увидимъ. [Строго, постепенно возвышая голосъ]. Совѣтую помнить, что я не податливъ, а во гнѣвѣ способенъ на все!.. Знайте, что возврату нѣтъ и что за вами глазъ неусыпный! [Энергично всталъ и отходитъ. Маша поспѣшно уходитъ въ гостиную]. Чѣмъ плѣнился?! Что мнѣ представилось въ ней?! [Пожалъ плечами]. Этакую кутерьму заварилъ изъ чего?.. Тогда на охотѣ... кроткая, милая... Какъ было жалко ее!.. Все вспоминалась. Затосковалъ наконецъ. А она вонъ какова!.. Чувствуешь сумбуръ какой-то. Чертъ знаетъ! Да что тутъ разстраиваться! Плюнулъ—и все!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Рахмановъ и **Клавдія**. [Она самоувѣреннѣй и развязнѣй, но хочетъ казаться равнодушною. Подходитъ къ столу].

РАХМАНОВЪ [про себя]. Подслушивала. По лицу вижу... А красива сегодня! [Садится на диванъ].

КЛАВДІЯ. Еще не выкушали?

РАХМАНОВЪ. Что?

КЛАВДІЯ. Чай. [Беретъ его чашку]. Совсѣмъ остылъ. Горяченькаго налить?

РАХМАНОВЪ [весело]. Давай.

КЛАВДІЯ [съ торжествующей улыбкой наливаетъ чай и подаетъ чашку на подносикѣ. Рахмановъ беретъ ее за локоть]. Уроните, баринъ!

РАХМАНОВЪ. Поставь. Не хочу.

КЛАВДІЯ [проворно поставивъ чашку, садится у ногъ его и обнявъ его колѣни, кладетъ на нихъ голову]. Свѣтъ ты мой! ненаглядный!

РАХМАНОВЪ [смѣясь]. Обрадовалась? [Протягиваетъ ей руку].

КЛАВДІЯ [прильнула къ ней губами. Поднятая имъ, садится рядомъ, страстно обнимаетъ и цѣлуетъ его]. Кто тебя будетъ любить-то, какъ я?! Можно-ли?!

РАХМАНОВЪ. Ты къ чему это?

КЛАВДІЯ. Ни къ чему. Просто... Что мнѣ надо?—Ласки твоей. Только всего. Ни подарковъ, ни милостей, ни чтобъ почитали да величали меня. Видитъ Богъ, правда! Одно въ мысляхъ, чтобъ тебѣ угодить, да любилъ-бы меня. Сколько лѣтъ—плохо мы жили? Было-ль хоть разъ, чтобъ я тебя прогнѣвила?

РАХМАНОВЪ [задумчиво]. Ну, жили довольно постыдно, похвалиться нельзя. [Съ усмѣшкой]. И какое безобразіе я ни затѣй—ты всегда впереди. Всѣхъ заткнешь за поясъ.

КЛАВДІЯ. Да вѣдь то и любо было тебѣ. За то и хвалилъ. А я вотъ какъ: въ огонь, въ воду-ли—только вели. Душу отдамъ за тебя!..

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же и Лукерья [въ гостиной].

РАХМАНОВЪ [съ досадой]. Что еще надо?

ЛУКЕРЬЯ. Да съ барышней что-то не ладно.

РАХМАНОВЪ [отстраняясь отъ Клавдіи, которую держалъ за талію]. Какъ не ладно?

ЛУКЕРЬЯ. Трясетъ ее, бьетъ...

КЛАВДІЯ. Господи, страсти какія! Стоило тревожить барина!

ЛУКЕРЬЯ. Къ сердцу, жалится, подкатило. Кровинки въ лицѣ нѣту. Помилуй Богъ, что случится—я-же въ отвѣтѣ.

КЛАВДІЯ. Чему случиться-то? Не въ мѣру опаслива. Вспрысни ее водой. Опамятуется, небось. Не извольте безпокоиться, баринъ. У насъ, бабъ, всего этого много: и

слезъ, и трясу, и блажи. До первой острастки. Что ни хуже баба, то больше въ ней дури сидитъ, да комедничанья...

РАХМАНОВЪ [встаетъ. Строго]. Ну, довольно! [Уходитъ въ гостиную, въ сопровожденіи Лукерьи].

ЯВЛЕНІЕ X.

Клавдія, потомъ **Порфишка** и **Лукашка**.

КЛАВДІЯ [злобно]. Вотъ не было заботы!.. [Подумала]. Пустяки. Бывали при мнѣ зазнобушки эти, да скоро сплывали. Потѣшится, да и вонъ. За эту развѣ дороже заплатитъ, потому барская дочь. [Зоветъ]. Порфирій! Лукашка! [Лакеи входятъ] Убирать со стола. [Лакеи уносятъ все, кромѣ сахарницы и графинчика съ ромомъ] Сказалъ: „постыдно жили". Прискучило... И это бывало. Находило на него, что по мѣсяцу тихо у насъ. Скучаетъ, сердитъ. А тамъ опять все по старому. И Клавдія мила. Чѣмъ больше лихости, удали—тѣмъ и милѣе. А попрекнулъ еще этимъ!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Клавдія, Акулька и потомъ **Рахмановъ**.

АКУЛЬКА [высунулась изъ гостиной]. Вы тутъ? [Подбѣгаетъ]. Барышню въ садъ свели. Подъ ручки вели баринъ съ Лукерьей. Баринъ самъ ей голову уксусомъ примачиваетъ. Накажи Богъ! А она комедничаетъ! Тошно глядѣть. [Прислушалась]. Баринъ! [Стремглавъ убѣгаетъ въ переднюю].

РАХМАНОВЪ [войдя изъ гостиной, проходитъ въ кабинетъ мимо Клавдіи, не обративъ на нее никакого вниманія].

КЛАВДІЯ [сердито взявъ сахарницу и графинъ]. Пристало тебѣ за бабой ухаживаться! [Уходитъ въ гостиную].

ЯВЛЕНІЕ XII.

Чириковъ [пьяный] и **Лукашка** [удерживаетъ его въ дверяхъ лакейской].

ЧИРИКОВЪ. Пусти! Чего ты меня не пускаешь?

ЛУКАШКА. Ну зачѣмъ вамъ сюда? Пойдемте, спать сведу.

ЧИРИКОВЪ. Эхъ, Лукашъ! Хорошій ты малый! А барышню жалко...

ЛУКАШКА. Баринъ заругается. Пойдемте!

ЧИРИКОВЪ. Эхъ, Лукашъ! Ты думаешь—я вино люблю? Нѣтъ. И-и, вотъ какъ не люблю! А пью. Видишь—пью.

ЛУКАШКА. Пойдемте во флигерь. Тамъ побалакаемъ.

ЧИРИКОВЪ. Удрученъ—и пью. Во-отъ! вотъ, дурашка моя! [Поетъ, зажмурясь и приложивъ руку къ уху:]

Эхъ, да не бѣлы-и-и снѣги..

[Лукашка убѣждаетъ его, съ жестами, перестать. Чириковъ не обращаетъ вниманія и поетъ].

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же и Рахмановъ.

РАХМАНОВЪ. Хорошъ! Черезъ губу не плюнетъ.

ЧИРИКОВЪ. Матвѣй Петровичъ!.. Ахъ, Матвѣй Петровичъ! [Тычетъ себя въ грудь]. Черезъ ва-асъ!

РАХМАНОВЪ. Ступай спать.

ЧИРИКОВЪ. Никому не огорчить меня такъ, какъ Матвѣю Петровичу... [Съ умиленіемъ смотритъ на него]. А почему? Въ томъ и штука-съ: по-че-му? [Поетъ:]

Эхъ, да не бѣлы-и-и-и снѣги...

РАХМАНОВЪ [Лукашкѣ]. Убери его.

ЛУКАШКА [подхвативъ Чирикова подъ руки, уводитъ его въ переднюю, причемъ Чириковъ продолжаетъ пѣть].

РАХМАНОВЪ. И напиться по-людски не умѣетъ. Сразу налижется, какъ свинья. „Удрученъ", ха-ха!.. [У окна]. Кто это ѣдетъ? А-а! Григорій Михайлычъ!.. Должно быть, прямо изъ города... Лучше-бы туда не совался!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Рахмановъ, Порфишка, потомъ **Ивковъ.**

ПОРФИШКА [вбѣгаетъ]. Берестовскій баринъ...

ИВКОВЪ [оттолкнулъ лакея въ дверяхъ и врывается съ шумомъ *].

РАХМАНОВЪ. А, Григорій Михайловичъ! [Прищурился на него]. Добро пожаловать! [Порфишка уходитъ].

ИВКОВЪ [внѣ себя, хриплымъ голосомъ]. Отдай дочь!

РАХМАНОВЪ. Или приказъ мнѣ вышелъ такой отъ начальства? Нашелъ гдѣ правду искать! Что сказали? „А можетъ-де у вашей дочки уговоръ былъ съ господиномъ Рахмановымъ?" Въ другомъ мѣстѣ и того хуже: на смѣхъ подняли. Старикъ волосы на себѣ рветъ, а надъ нимъ потѣшаются, подлецы. Тутъ разсвирѣпѣлъ старикъ: „Ироды"! кричитъ, „до Царя дойду!" До Царя далеко, ко мнѣ, видно, ближе.

ИВКОВЪ [кричитъ изступленно]. Дочь отдай!

РАХМАНОВЪ [спокойно]. Самъ виноватъ. Я честью къ тебѣ. Не кто другой,—*я*! А ты лаяться. Забылъ, что въ убогой гордости черту утѣха.

ИВКОВЪ. Надругался надъ нею... Разрази тебя Богъ! Ну и будетъ. Отдай!

РАХМАНОВЪ. Не мели вздора. Глупецъ!

ИВКОВЪ. „Вздоръ"! Развѣ есть въ тебѣ совѣсть?! Пожалѣешь ты?! [Ринулся на него; съ бѣшенствомъ]. Отдай дочь, говорю!

---

*) Онъ въ екатерининскомъ мундирѣ, запыленъ и раздерганъ.

РАХМАНОВЪ [выпрямился, прищурился и поглаживаетъ волосы]. Потише, старикъ! Остерегись. Помни въ чьихъ ты рукахъ!

ИВКОВЪ. Ну, убей меня! На! Легче будетъ! Убей!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ-же и Маша [изъ гостиной вбѣгаетъ съ крикомъ].

МАША. Папенька! [Бросается къ нему на шею].

ИВКОВЪ. Маша!.. Машенька! [Плачетъ, обнимаетъ ее и цѣлуетъ въ лицо, въ глаза, въ голову]. Дочурка моя! Горькая ты моя! [Опоминается]. Стой, стой! Не при немъ, не при этомъ! [Указываетъ на Рахманова].

РАХМАНОВЪ. Марья Григорьевна! Скажите вашему батюшкѣ: съ тѣхъ поръ, какъ вы у меня, причинилъ-ли я вамъ какое-нибудь оскорбленіе, зло?

МАША. Нѣтъ. [Ивковъ быстро взглянувъ на нее].

РАХМАНОВЪ. И теперь я чувствую, что этого не могло-бъ и случиться. Но онъ не вѣритъ. Да и никто не повѣритъ. Такова ужь про меня слава идетъ. Значитъ, разъ вы у меня,—судьба ваша рѣшена и забота объ васъ на моей совѣсти. Но Григорій Михайлычъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобы васъ взять...

ИВКОВЪ. И возьму! Не уйду безъ нея! Живъ не буду, а не уйду!

РАХМАНОВЪ. Этого не будетъ, Марья Григорьевна.

МАША. Ради всего святаго! Отпустите меня!

РАХМАНОВЪ. Не могу. Давеча сказалъ—и довольно.

МАША. Мало вамъ нашего горя?! [Указавъ на отца]. Взгляните, что вы сдѣлали съ нимъ! Вы не настолько...

РАХМАНОВЪ [съ живостью]. Что?!

МАША. Вы не можете не почувствовать, какъ мы несчастны! Умоляю васъ!..

РАХМАНОВЪ [перерываетъ, съ нетерпѣніемъ]. Эхъ!.. Да поймите-же: не могу!

ИВКОВЪ [съ ненавистью]. Не можетъ, не можетъ онъ!

РАХМАНОВЪ [къ Ивкову]. Ну, довольно. Прискучило. Я сейчасъ заткну тебѣ горло. Эй! [Является Порфишка]. Скачи къ попу. Скажи, сейчасъ буду вѣнчаться. Да коляску запречь! [Порфишка уходитъ].

МАША. Ахъ!.. [Помертвѣла].

ИВКОВЪ [прислонился на сложенныя руки къ стѣнѣ. Во всей фигурѣ его отчаяніе].

РАХМАНОВЪ. Вы не хотите?]

МАША [твердо]. Нѣтъ. [Порывисто]. Ни за что!

РАХМАНОВЪ [крѣпко схватилъ ее за руку]. А я *хочу* и *исполню*. Если-бъ на меня все поднялось, слышите?—*все*... и тогда вы будете моею женой!!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Угольная комната. Справа два окна. Слѣва, къ авансценѣ, дверь въ гостинную. Посрединѣ еще дверь, [отворенная],—въ свѣтлый корридоръ. Слѣва диванъ и столъ, между окнами еще столъ [дамскій, рабочій]. По задней стѣнѣ и справа кресла. Мебель краснаго дерева, обитая сафьяномъ. Въ лѣвомъ углу зеркало печи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маша [за шитьемъ, у рабочаго стола]. и **Лукерья** [съ чулкомъ, сидитъ близъ Маши на скамеечкѣ].

ЛУКЕРЬЯ. Что, матушка-барыня, осмѣлюсь спросить: поссорились вы съ бариномъ, что-ли?

МАША. А что?

ЛУКЕРЬЯ [оставляя вязанье]. Да живете-то какъ, словно вы чужая ему.

МАША [помолчала, продолжая шить]. Знаешь, какъ обвѣнчали... Безъ памяти привезли въ церковь; какъ подвели къ аналою—не помню... Въ себя пришла, когда ужь свѣчу въ руки дали. Вскрикнула я, шатнулась! Онъ подхватилъ и руку мнѣ сжалъ... Тутъ я взглянула ему въ глаза, да такъ и застыла... Чувствую—бѣжитъ по мнѣ холодъ, бѣжитъ... Ни шага ступить, ни слова сказать. Чувствую, глазъ онъ не сводитъ съ меня... И давилъ меня его взглядъ, будто тяжестью... Что-то читаютъ, поютъ .. У меня рябитъ въ глазахъ и шумъ въ головѣ. Вдругъ обнялъ, въ лицо жаромъ пахнуло, поцѣловалъ... Вздрогнула я, зарыдала... Всю дорогу рыдала, съ тѣмъ и въ домъ ввели...

ЛУКЕРЬЯ. Попустилъ Господь. Что дѣлать-то! А ему какъ этого не видать, барину? Онъ къ женѣ съ лаской, а у ней вонъ что на душѣ. Ну, видитъ... и Богъ съ ней. Значитъ, вникнулъ, пожалѣлъ...

МАША [съ нетерпѣніемъ]. Перестань, Лукерья! Устала я, мочи нѣтъ, какъ устала! [Бросила шитье, задумывается].

ЛУКЕРЬЯ. Ну, ну! [Вяжетъ. Молчаніе].

МАША [нервно]. Что за крикъ на дворѣ?!

ЛУКЕРЬЯ. Бариновъ голосъ. Прогнѣвилъ кто-нибудь. [Встаетъ и смотритъ въ окно].

МАША. Ахъ, слышать этого не могу! До боли!

ЛУКЕРЬЯ. Да безъ взыска нельзя, матушка. Первое время, при васъ, добрѣе былъ баринъ; а теперь вотъ опять...

МАША [съ горечью]. Ну, такъ! Скажутъ изъ-за меня...

ЛУКЕРЬЯ. Господь съ вами! То-ли бывало! Какая до асъ жизнь-то была?—грѣхъ одинъ! [Уходитъ озабоченная].

МАША [задумчиво]. „Вникнулъ"... „пожалѣлъ"... [Отрицательно покачала головой]. Не то... Какъ я могла пережить это время? Развѣ потому, что была какъ во снѣ, какъ не живой человѣкъ?.. Теперь хуже... тревожно, мысли какъ въ лихорадкѣ... Тяжело! [За сценой грозный голосъ Рахманова: «Скотина. Ну погоди-жь ты»!! Маша вскакиваетъ въ испугѣ].

ЯВЛЕНІЕ II

Маша и **Рахмановъ** [проходитъ изъ корридора въ гостиную, не замѣчая Маши].

РАХМАНОВЪ [гнѣвно]. Шкуру спущу!! Мало того: въ Сибирь негодяя!! [Отворяя дверь въ гостиную, увидалъ Машу. Подходитъ] Испугалъ? Я не зналъ, что вы здѣсь. Бѣсятъ цѣлое утро. То—то, то—другое!.. Ну, полно! Вотъ пуглива! [Погладилъ ее по головѣ]. Впередъ не стану шумѣть, если вы такъ боитесь.

МАША. Я ничего.

РАХМАНОВЪ. Ну, какъ ничего! Сама не своя. Въ послѣднее время я забросилъ хозяйство. Не тѣмъ былъ занятъ... Людишки вмигъ распустились. „Добрѣе, молъ, сталъ баринъ. [Добродушно]. Жизнь намъ пришла! Барыня лютость-то его укротитъ"... Канальи! Ну, а здоровье какъ?

МАША. Теперь слава Богу...

РАХМАНОВЪ. Доктора жду.

МАША. Зачѣмъ?

РАХМАНОВЪ. Жаловалась: слабость, боль въ сердцѣ...

МАША. Благодарю, что заботитесь, но...

РАХМАНОВЪ [прерываетъ]. Что за благодарности! Полно. [Нѣжно беретъ ея руки]. Полѣчись, милая, полѣчись. Поздоровѣешь, можетъ быть веселѣй станешь, ласковѣй. А? [Привлекаетъ Машу къ себѣ. На лицѣ ея неудовольствіе и смущеніе. Отступаетъ]. Иль ты до того ужь несчастна, что ничто не поможетъ? [Усмѣхнулся]. Такъ и знать будемъ. [Идетъ къ двери].

МАША [дѣлаетъ движеніе за нимъ]. Матвѣй Петровичъ!

РАХМАНОВЪ [круто обернулся]. Ну?

МАША [смущенно]. Не гнѣвайтесь ..

РАХМАНОВЪ. А еще что? [Маша молчитъ]. Еще-то что вы мнѣ скажете?

МАША. Что я могу сказать?.. Я не знаю... но мнѣ больно, когда вы сердитесь...

РАХМАНОВЪ [горячо]. Не камень-же я въ самомъ дѣлѣ!.. Что я видѣлъ отъ васъ, кромѣ слезъ, равнодушія и боязни? Вы должны были видѣть, что такая жизнь тяжела мнѣ. Но васъ это не тронуло; вы оставались все той-же. И оставайтесь! Мнѣ надоѣло безпокоиться, ждать. Я не привыкъ къ душевной неладицѣ. Все это я сброшу съ себя. Стоитъ мнѣ свистнуть—и все вернется, чего душа пожелаетъ. Жилъ я до васъ, не тужилъ и жить буду! [Уходитъ].

МАША. Чѣмъ я виновата?.. Надо хоть привыкнуть къ человѣку... Что я могла къ нему чувствовать? Я вся какъ разбитая. А онъ грозитъ: станетъ по прежнему жить! Развѣ онъ не понимаетъ, что это обида? Значитъ—не любовь, а вспышка, прихоть, капризъ! Вотъ что ужасно, что меня мучаетъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Маша и **Чириковъ** [съ большою клѣткою, вычурно раскрашенною. Выглянулъ изъ двери и скрылся].

МАША. Алексѣй Егорычъ! Куда-же вы? Войдите!

ЧИРИКОВЪ [войдя]. Обезпокою-съ?

МАША. Напротивъ, мнѣ всегда хочется съ вами поговорить.

ЧИРИКОВЪ [въ замѣшательствѣ]. Даръ слова... лишенъ-съ. Я больше съ Трезоркой... Кха! [Ставитъ клѣтку на столъ].

МАША. Что за клѣтка? [Подходитъ къ ней]. И скворецъ!

ЧИРИКОВЪ. Ученый-съ. Самъ себѣ кормъ достаетъ и воду-съ. Такъ все пристроено-съ. Изволите увидать.

МАША. Какъ-же вы его выучили?

ЧИРИКОВЪ. Голодъ выучилъ. Этимъ все возможно-съ... [Взялъ клѣтку и въ смущеніи вручаетъ Машѣ]. Вамъ... отъ скуки-съ...

МАША. Спасибо! Добрый вы... Садитесь, Алексѣй Егорычъ. Мнѣ надо съ вами поговорить [Ставитъ клѣтку на столъ].

ЧИРИКОВЪ [сѣлъ и принимаетъ сосредоточенный видъ]. Готовъ. Слушаю-съ.

МАША. Матвѣй Петровичъ запретилъ всякое сношеніе съ папенькой. О томъ, чтобы мнѣ провѣдать его—нечего и думать. Матвѣй Петровичъ, вѣроятно, желаетъ, чтобы папенька самъ пріѣхалъ...

ЧИРИКОВЪ [со вздохомъ]. Гордость!

МАША. Но папенька не поѣдетъ. Будь сестра Люба у насъ, она-бы повидалась со мною; но ея мать заболѣла, и она уѣхала въ тотъ самый день, когда... когда насъ вѣнчали...

ЧИРИКОВЪ. Гмъ! [Въ волненіи утеръ лицо платкомъ].

МАША. Я очень безпокоюсь за папеньку... Мнѣ Богъ знаетъ что представляется... Я знаю его мысли о жизни моей... Онъ изстрадался. А я... что-жъ? я слава Богу... [Быстро утерла слезы]. Зачѣмъ-же папенькѣ убиваться? Онъ старъ, потрясенъ... Боже сохрани, все можетъ случиться... Если я и... не послушаюсь Матвѣя Петровича, право, дурнаго нѣтъ ничего...

ЧИРИКОВЪ [просіялъ]. Понимаю-съ!

МАША. Вы добрый...

ЧИРИКОВЪ [прерывая]. Понимаю, понимаю-съ! [Потираетъ руки отъ удовольствія].

МАША. Стараетесь меня развлекать.

ЧИРИКОВЪ. Еще кролика для васъ дрессирую-съ.

МАША. Вотъ какой вы хорошій! Я и хотѣла васъ попросить... Я на одного васъ могу положиться...

ЧИРИКОВЪ. Понялъ. Знаю-съ. Ружье, яхташъ, Трезорка иси! и къ вамъ, въ Берестово, *на охоту-съ*. [Подмигнулъ].

МАША. Ахъ, какъ я вамъ благодарна! Увидите папеньку, скажите ему...

ЧИРИКОВЪ. Осмѣлюсь прервать. Лучше напишите-съ. Потому я... въ устномъ изложеніи не мастеръ. Проврешься еще. Напишите-съ.

МАША [съ чувствомъ, протянувъ ему обѣ руки]. Спасибо вамъ, милый, добрый, хорошій Алексѣй Егорычъ! Сейчасъ напишу. [Уходитъ въ корридоръ].

ЧИРИКОВЪ. Гмъ! [Крѣпился, крѣпился и захлюпалъ]. Милый... хорошій... Развѣ можно стерпѣть?.. И кто это сказалъ'.. кто сказалъ! [Утираетъ слезы].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чириковъ и Рахмановъ [слѣва].

РАХМАНОВЪ [ткнулъ пальцемъ въ клѣтку]. Что за дрянь?

ЧИРИКОВЪ. Такъ-съ... Птица.

РАХМАНОВЪ. Утѣшаешь? А? Утѣшай, утѣшай! Будешь утолитель печали, воздыханій и тамъ чертъ знаетъ чего. Все въ томъ-же родѣ.

ЧИРИКОВЪ. „Въ томъ-же родѣ"! Нѣтъ, надо понять-съ! Вырвана изъ мирной жизни, брошена—такъ сказать—въ пучину... Надо понять. А вы злитесь.

РАХМАНОВЪ. Что ты смыслишь? Философъ!

ЧИРИКОВЪ. Вотъ свирѣпствуете опять, вой идетъ. А она понимаетъ.

РАХМАНОВЪ. Кто она? Что понимаетъ?

ЧИРИКОВЪ. Марья Григорьевна-съ. Злитесь на нее, а на людяхъ срываете.

РАХМАНОВЪ. Съ чего-же ты взялъ, что я злюсь на Марью Григорьевну? Я, можетъ, и думать о нѣй позабылъ.

ЧИРИКОВЪ. А женились.

РАХМАНОВЪ. Мало-ли я глупостей дѣлалъ! Если изъ жалости женился, то и отъ нея ничего не осталось. Кого жалѣть? За что? Изъ нищеты, изъ ничтожества взялъ себѣ въ жены... Шутка!

ЧИРИКОВЪ. Не чувствуетъ она этого-съ... благодѣянія вашего. Вотъ вы и злитесь.

РАХМАНОВЪ. Что съ дуракомъ говорить!

ЧИРИКОВЪ. Нѣтъ, вы въ ножки ей поклонитесь. Прости, молъ, меня.

РАХМАНОВЪ. Можетъ. и папенькѣ въ ножки?

ЧИРИКОВЪ. И папенькѣ-съ.

РАХМАНОВЪ. Что о?!

ЧИРИКОВЪ. Позвольте-съ...

РАХМАНОВЪ. Молчи! Очень ужь ты расхрабрился! И безъ наслѣдства „говорить" сталъ.

ЧИРИКОВЪ [съ волненіемъ]. Есть за кого-съ... Мало говорить: пострадать!

РАХМАНОВЪ. Смотри, дождешься какъ разъ! Ну, чертъ съ тобой! Надоѣло. [Весело]. Я вотъ о чемъ думаю: не худо-бы встряхнуться, на винокурню съѣздить. А? [Чириковъ отходитъ съ негодованіемъ]. Такую гульбу учиню, что чертямъ тошно станетъ! [Съ одушевленіемъ] Заскучали мои гуляки, любушки-голубушки встосковались! Не гудитъ струна, пѣсни нѣту, смѣха веселаго, удали! Велю всѣхъ собрать, и пойдетъ у насъ пиръ горой, душа на-распашку, ха-ха!

ЧИРИКОВЪ. Значитъ и... и Клавдію?..

РАХМАНОВЪ. А что-жь? Безъ нея какое веселье? Клавдюша захочетъ—мертваго воскреситъ. Свѣтъ изойди — не найдешь другой Клавдіи! [Уходитъ].

ЧИРИКОВЪ [съ убитымъ видомъ] Что-жь это такое?! Я напьюсь.

ЯВЛЕНІЕ V.

Чириковъ и **Маша** [изъ корридора].

МАША. Вотъ письмо... [Съ испугомъ]. Что съ вами? Отчего вы такой?

ЧИРИКОВЪ. Помилуйте! Подлость!

МАША. Да что? Какая?

ЧИРИКОВЪ. Матвѣй Петровичъ... Развѣ можно-съ?.. Я всегда ненавидѣлъ... Даже напивался чрезъ это, чтобъ безобразія не видать... А теперь развѣ можно?

МАША. Объясните пожалуйста!

ЧИРИКОВЪ Старое-съ!.. На винокурню! Кутежъ!

МАША. Въ самомъ дѣлѣ?! [Съ болѣзненной улыбкой] Ну что-жь... [Медленно рветъ письмо].

ЧИРИКОВЪ. Зачѣмъ-же вы рвете?!

МАША. Нѣтъ... я раздумала... Къ чему письмо? Папенька узнаетъ, что Матвѣй Петровичъ опять... Ни вамъ, ни письму не повѣритъ. Не нужно, Алексѣй Егорычъ.

ЧИРИКОВЪ. Нѣтъ-съ, такъ нельзя! Такъ нельзя-съ! Я прямо ему скажу...

МАША [прерываетъ съ живостью]. Ничего! Ради Бога! Меня это не удивляетъ и... мнѣ все-равно.

ЧИРИКОВЪ. Вѣрно-съ. И наплевать! Я отъ себя скажу. Онъ меня мучаетъ. Онъ... я... здѣсь, [Ударяетъ себя въ грудь]. здѣсь онъ у меня. Вотъ-съ! Такъ я могу... потому мучился за него. Да-съ! И я скажу ему под-ле-ца!! [Уходитъ въ чрезвычайномъ волненіи].

МАША [не слушала Чирикова, будучи углублена въ свои мысли]. Что-жь послѣ этого?.. Кончено! Порвалось. [Садится]. Теперь все видно, какъ на ладони, вся жизнь. [Поникла головой].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Маша и Лукерья [изъ коррвдора].

ЛУКЕРЬЯ. Уѣхалъ нашъ баринъ. [Садится на скамеечку и берется за чулокъ].

МАША. На винокурню?

ЛУКЕРЬЯ [съ удивленіемъ]. Ку-да?!

МАША. На винокурню, кутить... Тамъ, говорятъ, у васъ веселье бывало...

ЛУКЕРЬЯ. Не можетъ быть! Срамъ этотъ! Не вѣрьте, матушка.

МАША. Какъ не вѣрить? Правда.

ЛУКЕРЬЯ. Коли правда, вы-то чего-же молчали? Э-эхъ, барыня! А ну какъ баринъ во вкусъ войдетъ, да начнется, какъ до васъ было? Вамъ каково?

МАША. Все равно, тѣмъ-бы кончилось.

ЛУКЕРЬЯ. Не извольте такъ говорить. Нѣтъ-съ, простите старуху, а коли баринъ вправду за старое—на себя пеняйте, сударыня: допустили! И себя губите и барина не жалѣете. Не годится такъ, матушка, не годится! А вы вотъ что-съ: первое—Клавдію вонъ. Зачѣмъ она здѣсь вертится, лукавая?.. [Входитъ Клавдія. Въ сторону]. Ну вотъ! нелегкая принесла!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Маша, Лукерья [въ началѣ] и **Клавдія** *).

КЛАВДІЯ [съ низкимъ поклономъ]. Здравствуйте, барыня. Лукерьюшка, ты спицы искала потоньше. На вотъ!

ЛУКЕРЬЯ [сердито]. Нашла ужъ. Не надо. [Уходитъ].

КЛАВДІЯ. Вотъ такъ-то всѣ! Каждому какъ-бы обидѣть меня. Да Богъ съ ними! Мнѣ одно: чтобы господамъ угодить, да чтобъ про меня выдумокъ не было. Со зла чего ни сплетутъ!.. [Подходя] Сами изволите шить, ручки портить. Мало у насъ дѣвокъ болтается! Мнѣ-бъ приказали...

МАША [нервно]. Нѣтъ, я сама. [Второпяхъ роняетъ наперстокъ и нагибается поднять. Клавдія проворно поднимаетъ его и подаетъ].

КЛАВДІЯ [разсматривая шитье]. Какая строчка у васъ чистая, да ровная! Любо глядѣть. Видать, что много работали. Папенькѣ, чай, сами бѣлье изволили шить?

МАША [съ волненіемъ, но твердо]. Скажи, пожалуйста, что тебѣ нужно?

---

*) Одѣта въ темные цвѣта, очень скромно.

КЛАВДІЯ [съ подавленной злобой, отступая и пожимая плечами]. Простите, барыня... За что изволите гнѣваться?.. Можетъ быть наговоры...

МАША. Я наговоровъ не слушаю и знать ничего не хочу, но забываться не позволю никому; кто-бъ онъ ни былъ! [Встаетъ и идетъ къ корридору. Клавдія, кусая губы, почтительно даетъ ей дорогу].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Маша, Клавдія и Акулька [изъ корридора].

АКУЛЬКА. Барыня! Дохтуръ пріѣхалъ. Баринъ приказали доложить, чтобъ вы пожаловали.

МАША. А развѣ Матвѣй Петровичъ вернулся?

АКУЛЬКА. Вернумшись.

МАША [идя къ гостиной, про себя, съ горечью]. Ѣздилъ приказать, чтобъ *тамъ* было готово! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Клавдія и Акулька.

АКУЛЬКА. Отъ какой хвори лѣчить-то? Хи-хи!

КЛАВДІЯ. Ихъ дѣло, милая. Куда баринъ ѣздилъ?

АКУЛЬКА. Кто-жь его знаетъ! Все бродитъ. Не сидится дома-то.

КЛАВДІЯ. Съ женою.

АКУЛЬКА. Съ такою не засидишься! Скоро васъ вспомнитъ, Клавдія Тарасовна. Ужь вѣрно мое слово, что вспомнитъ.

КЛАВДІЯ. Э, полно врать!

АКУЛЬКА. Вчерась сказалъ-же Порфирію: „Клавдія ай, молъ, больна? Не видно ее?“

КЛАВДІЯ [съ живостью]. Сказалъ?!

АКУЛЬКА. Накажи Богъ!

КЛАВДІЯ. А Порфирій что?

АКУЛЬКА. „Нѣтъ, говоритъ, она ничего".

КЛАВДІЯ. А баринъ?

АКУЛЬКА. Ничего не сказалъ.

КЛАВДІЯ [съ усмѣшкой]. И на томъ спасибо.

АКУЛЬКА. А вы зачѣмъ хоронитесь отъ него? Не видитъ—и мыслей нѣтъ

КЛАВДІЯ. Все вó-время хорошо.

АКУЛЬКА. Оно конечно. Особливо на бариновъ нравъ. Такъ налетишь, что люли! Намедни догадала меня нелегкая сунуться къ нему въ кабинетъ. Ужь не помню зачѣмъ. У нихъ съ барыней тогда врозь пошло.

КЛАВДІЯ. Скоренько!

АКУЛЬКА. А что тамъ любить-то?! [Презрительно]. Хмъ! Ну, вошла. Онъ ка-акъ зявкнетъ! Господи! Я—словно изъ ружья мною выпалили — такъ полетѣла. Ужь въ сѣнцахъ опомнилась, накажи Богъ!

КЛАВДІЯ. Ну вотъ. А то и совсѣмъ вылетишь.

АКУЛЬКА. Дивлюсь я на васъ. Да и всѣ мы.

КЛАВДІЯ. Что удивительнаго?

АКУЛЬКА. Ужь очень вы смирили себя. Прежняя-ль то Клавдія Тарасовна! Другая убивалась бы, плакала, иль зло-бъ ее взяло; а вы—похоже какъ говѣльщицы-ы, когда на духъ имъ идти...

КАВДІЯ. Ишь вѣдь ты смѣтливая какая, право ну! [Погладила ее по головѣ]. Эхъ, дѣвушка! всяко случается: когда грѣшатъ, а когда и каются.

АКУЛЬКА. Вонъ! хрычевка кличетъ, Лукерья! Просто дыхнуть не даетъ, мои матушки! Замытарила! [Уходитъ въ корридоръ].

КЛАВДІЯ. „Забываться" передъ ней! А!.. Я гнусь, терплю, мѣста живаго въ душѣ нѣтъ отъ муки; а она съ такими рѣчами!.. Охъ, трудно мнѣ, трудно! Боюсь, что не выдержу!.. Спросилъ про меня. Иль моя ласка вспо-

мнилась? Женина остудила? Ты цѣловать—она слезы глотаетъ, обнимать—точно каменная. Ха-ха! Ногтя твово не стоитъ, а вонъ какъ! Эхъ, баринъ, по тебѣ она, какъ-же! Знаю, какая тебѣ ласка нужна... Бывало, прижметъ онъ къ груди моей буйную голову — свѣтъ въ глазахъ помутится!. [Изнеможенно садится и нѣсколько мгновеній молчитъ]. Тоска-а... [Ломая руки]. Гло-жетъ меня, ѣ-ѣстъ!.. Мѣста себѣ не найду!.. [Подумала и встаетъ энергично]. Да постой! Только въ домѣ-бы мнѣ удержаться... А ты, знай, кисни, да тоску нагоняй. Былъ мой и будетъ! Дай срокъ! [Уходитъ въ корридоръ].

ЯВЛЕНІЕ X.

Маша и потомъ **Рахмановъ**.

МАША [входитъ изъ гостиной, съ рецептомъ въ рукахъ]. Докторъ, лѣченье... [Пожала плечами]. Точно на смѣхъ! [Бросаетъ рецептъ на столъ и собираетъ свою работу].

РАХМАНОВЪ [входя слѣва]. Рецептъ у васъ?

МАША. На столѣ. [Идетъ къ двери].

РАХМАНОВЪ. Полагаю, что уйти вы успѣете. [Маша остается и кладетъ шитье на столъ]. Докторъ нашелъ у васъ нервическое разстройство. [Садится]. Вамъ нужно спокойствіе. Насколько могу, я стараюсь его доставить. Но вамъ совѣтуютъ еще пріятную и веселую жизнь. Вотъ ужь это задача. Какая-же веселая жизнь въ положеніи *жертвы*? Нелѣпость!

МАША [холодно]. Я ни на что не жалуюсь и ничего не прошу.

РАХМАНОВЪ [насмѣшливо]. Покорность судьбѣ—одна изъ женскихъ добродѣтелей. Только однѣ женщины благоразумны приэтомъ, а другія... [Помолчалъ, глядя на Машу, сохраняющую холодный видъ]. Но я напрасно трачу слова и задерживаю васъ. [Встаетъ, играя рецептомъ]. Надѣюсь, что эта аптечная дрянь вамъ поможетъ.

МАША. Не трудитесь посылать за лѣкарствомъ. Я принимать не стану.

РАХМАНОВЪ [вспыльчиво]. Нѣтъ, станете! [Прошелся и сердито двинулъ рукою ея шитье]. Станете и одѣваться приличнѣй. Вамъ нашитъ ворохъ нарядовъ, а вы ими брезгаете и предпочитаете носить свое дѣвичье тряпье!

МАША. Я-бы просила не стѣснять меня въ этомъ. Я не люблю наряжаться.

РАХМАНОВЪ [возвышая голосъ]. Требую-съ! Упорствомъ въ батюшку!.. Еще: вы совершенно устранили себя отъ хозяйства. Все дѣлается помимо васъ. Отнынѣ хозяйничать будете вы, распоряжаться, приказывать. Вы держите себя въ домѣ, какъ лишній человѣкъ. Это глупо.

МАША [съ пылкой энергіей]. Я и есть лишняя въ домѣ. Лучше всего, если-бъ вы отпустили меня къ отцу. Съ меня довольно!

РАХМАНОВЪ. Что такое-съ?!

МАША. Вы сказали, что я покорилась судьбѣ. Нѣтъ, не судьбѣ покорилась я, а насилію...

РАХМАНОВЪ. Марья Григорьевна!

МАША. Какъ назвать то, что вы со мной сдѣлали? Что я пережила изъ-за васъ? А отецъ? Его раздавило несчастье. Что вы богаты, да властны, да можете безнаказанно губить людей, такъ и правы? Нѣтъ! Это низко, преступно, и я говорю вамъ это въ глаза. Я выстрадала право на это. Вы сказали „жертва". Смѣетесь! Да, я жертва своеволія, прихоти отвратительной, грязной...

РАХМАНОВЪ [гнѣвно]. Совѣтую вамъ замолчать!!

МАША. Это вы могли продѣлывать съ крѣпостными, а не со мной. Мой отецъ такой-же дворянинъ, какъ и вы. Только съ чистою совѣстью. Вы сказали, что станете жить по прежнему. У васъ повернулся языкъ сказать это! Все, что хотите, Матвѣй Петровичъ, но уважать меня вы должны!

[Уходитъ въ гостиную].

РАХМАНОВЪ. Каковы разговоры?! Откуда прыть?! А я

только что ѣздилъ къ ея отцу! Чортъ дернулъ срамиться Этого униженія мало: старичишка не удостоилъ меня принять! Боленъ, изволите видѣть! Каковъ?! Ну, любезные, я окорочу васъ: и дочку и папеньку, съ „чистою совѣстью“.

ЯВЛЕНІЕ II.

Рахмановъ и **Клавдія** [выглянула изъ корридора, притворно пугается и пятится назадъ].

РАХМАНОВЪ. Что-жь ты? Входи!

КЛАВДІЯ [робко, съ смущеніемъ]. Пыль велѣли стереть...

РАХМАНОВЪ. Хорошо. [Ходитъ изъ угла въ уголъ, взглядывая на Клавдію].

КЛАВДІЯ [молча стираетъ пыль съ мебели. Слезы брызнули у нея изъ глазъ. Рахмановъ видитъ это и ходитъ молча. Сдерживаясь, она начинаетъ рыдать, продолжая свое дѣло, переходя отъ мебели къ мебели].

РАХМАНОВЪ [строго]. Чего?!

КЛАВДІЯ. Простите, баринъ. По глупости.

РАХМАНОВЪ [мягче]. Полно дура, полно тебѣ!

КЛАВДІЯ [рыдая]. Тяжко!.. тяжко мнѣ, баринъ!.. Такъ тяжко!..

РАХМАНОВЪ [подошелъ и погладилъ ее по головѣ]. Ну, перестань.

КЛАВДІЯ [схватила его руки и, упавъ на колѣни, осыпаетъ ихъ поцѣлуями].

РАХМАНОВЪ [съ волненіемъ]. Встань.

КЛАВДІЯ (встала, взглянула на него глазами полными страсти). Баринъ! [Бросилась и прижалась къ его груди].

РАХМАНОВЪ [нѣсколько мгновеній не мѣшаетъ ей. Вдругъ, взявъ ее за плечи, отстраняетъ отъ себя]. Прочь! Вонъ изъ дома! Въ ткацкую! И не смѣй казаться мнѣ на глаза! [Быстро уходитъ].

КЛАВДІЯ [поблѣднѣла какъ полотно и потупилась. Секунду спустя, энергично подняла голову. Глаза ея заблистали]. Вонъ!.. Какъ собаку!.. Да что-жь есть въ тебѣ сердце, иль нѣтъ?! Ты-бы

подумалъ: снести-ли мнѣ это, можно-ли жить?!.. А не то, хватилъ-бы меня въ сердце ножемъ—и конецъ!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиная у Рахманова. Прямо широкая стеклянная дверь на каменную террасу, съ которой въ садъ два боковые схода. Терраса обнесена каменною фигурною балюстрадой. Въ гостиной еще двѣ двери: направо въ залъ, налѣво—въ угольную. Обѣ ближе къ угламъ. Справа и слѣва диваны. Передъ ними по овальному стулу, съ бронзовою отдѣлкою. Въ промежуткахъ, по стѣнамъ, кресла и тумбы съ дорогими вазами. Съ потолка виситъ люстра. На стѣнахъ [обои бархатныя, «насыпныя»] фамильные портреты въ золоченыхъ рамахъ. Штофныя драпри и портьеры. Во всю комнату коверъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Любочка [изъ залы] и за нею **Порфирій**.

ПОРФИРІЙ. Барыня, должно быть, въ саду-съ.

ЛЮБОЧКА. А Матвѣй Петровичъ дома?

ПОРФИРІЙ. Никакъ нѣтъ. Изволили въ поле уѣхать. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Любочка и **Маша** [вошла съ террасы и остановилась въ изумленіи].

МАША. Ты-ли это?! Люба! [Бросается ее цѣловать]. Душечка! милая!... Какъ-же я тебѣ рада! Вотъ не ждала! Давно-ли пріѣхала? [Садятся].

ЛЮБОЧКА. Сегодня и сейчасъ-же къ тебѣ.

МАША. Ахъ, сколько разъ я вспоминала тебя! Ну что папенька? Все, все разскажи!

ЛЮБОЧКА. Да плохо... Какъ ты сама до сихъ поръ его не провѣдала? Не грѣшно это, Маша?!

МАША. Если-бъ можно было, неужели я-бы не сдѣлала этого! Богъ съ тобой, Люба!

ЛЮБОЧКА. Отецъ горюетъ, убитъ... Вѣдь онъ заживо похоронилъ! тебя Оплакиваетъ, будто тебя ужь на свѣтѣ нѣтъ!...

МАША. Бѣдный мой, бѣдный!

ЛЮБОЧКА. И запрещать дочери видѣться съ нимъ! Жестоко, безсовѣстно!.. Впрочемъ, чего и ожидать отъ Матвѣя Петровича! А ты сидишь, терзаешься тутъ и шага не смѣешь ступить?! [Рѣшительно]. Поѣдемъ сейчасъ!

МАША. Сейчасъ?!

ЛЮБОЧКА. Ну, да. Я затѣмъ и пріѣхала. Будь увѣрена, я сдѣлаю все, чтобъ тебя *совсѣмъ* отпустили къ отцу. Не вѣкъ-же тебѣ мучиться здѣсь! Старикъ, покрайней мѣрѣ, спокойно умретъ.

МАША. Зачѣмъ ты говоришь объ этомъ?! [Заплакала]. Я вѣдь писала папенькѣ...

ЛЮБОЧКА. Кого-же могло успокоить твое письмо? Оно еще больше разстроило дядю. „Вотъ какое у нея сердце! Все терпитъ, всему покоряется и скрываетъ, лишь-бы утѣшить меня!“ Вотъ что онъ говоритъ. Однако, мы понапрасну теряемъ время. [Встаетъ]. Ѣдемъ!

МАША. Не спѣши, Люба! Пожалуйста!

ЛЮБОЧКА. Но отецъ ждетъ. Пойми!

МАША. Сейчасъ пріѣдетъ Матвѣй Петровичъ...

ЛЮБОЧКА [прерываетъ]. Раскричится на тебя и велитъ сидѣть дома!

МАША. Нѣтъ, Люба... Ты все не то...

ЛЮБОЧКА. Такъ что-же?

МАША. Прежде я-бы поѣхала, не сказавшись. Но Матвѣй Петровичъ *самъ* ѣздилъ къ папенькѣ, *первый*..

ЛЮБОЧКА. Экая важность!

МАША. Да ты выслушай, выслушай! А папенька не захотѣлъ его видѣть, не принялъ.

ЛЮБОЧКА [горячо]. А Матвѣй Петровичъ на тебѣ сорвалъ гнѣвъ! Запретилъ заикаться объ отцѣ!

МАША. И неправда. Вотъ какъ ты судишь! Матвѣй Петровичъ даже не сказалъ мнѣ про это. А ему не легко было снести обиду. Вдругъ я, не сказавши ни слова, уѣду съ тобой! Конечно, ему будетъ непріятно... Я не хочу... Зачѣмъ, когда можно безъ этого?

ЛЮБОЧКА. Ну, я ничего не понимаю! Да что у васъ?.. Разскажи пожалуйста толкомъ.

МАША. Много перемѣнъ, Люба... Матвѣй Петровичъ не тотъ, какъ прежде... гораздо добрѣе. Всѣмъ легче живется...

ЛЮБОЧКА. Стало быть, у васъ ужь не „вертепъ“, какъ говоритъ дядя?

МАША [улыбаясь]. Не вертепъ.

ЛЮБОЧКА. Чудеса! И ты вовсе не такъ несчастна, какъ думаемъ мы?

МАША. Вовсе не такъ.

ЛЮБОЧКА. Такъ что-же, наконецъ?.. Любишь ты Матвѣя Петровича, что-ли?

МАША. Я?.. Привыкаю...

ЛЮБОЧКА. Да говори прямо: любишь?

МАША [смущенно]. Не знаю, Люба... Я ничего не знаю...

ЛЮБОЧКА [зорко на нее посмотрѣла]. Вотъ удивила!.. [Со смѣхомъ]. А я-то ломала голову, какъ ее спасти, выручить!.. Ахъ ты, прелесть моя! [Обняла и горячо поцѣловала ее]. Ну и обрадую-же я дядю!

МАША. Разцѣлуй его, моего дорогаго! Скажи...

ЛЮБОЧКА [весело перебиваетъ]. Чѣмъ разсказывать, пусть лучше посмотритъ самъ! Хочешь, я уговорю его пріѣхать сюда?

МАША. Люба! милая! Если-бъ устроить!

ЛЮБОЧКА. Да ужь положись на меня. Пріѣдетъ. Даже сейчасъ.

МАША. Вотъ будетъ радость! Господи! [Поцѣловала Любу].

ЛЮБОЧКА. Ну смотрите, утѣшьте старика! Главное—Матвѣй Петровичъ... Онъ долженъ понять, съ какимъ чувствомъ дядя войдетъ въ его домъ. [Уходя]. Ужь это твоя забота! (Уходитъ, въ сопровожденіи Маши).

ЯВЛЕНІЕ III.

КЛАВДІЯ [выглянула изъ угольной и входитъ на цыпочкахъ]. Не увидалъ-бы кто!.. [Прислушалась, проворно заглянула на террасу и въ залъ]. Пошли на крыльцо. Покуда проводитъ, да разговоры.. [Подходитъ къ столу, на которомъ лѣкарство и шаритъ въ карманѣ]. Руки точно не свои... [Въ сильномъ волненіи, прислушаваясь и озираясь, беретъ пузырекъ, всыпаетъ въ него порошокъ, взбалтываетъ лѣкарство и ставитъ на мѣсто]. Ну, кончено!.. Застанутъ, а ноги не идутъ... [Хватаясь за голову, съ трудомъ идетъ къ двери въ залъ]. Куда-же я?! Съ ума спятила! Какъ разъ налетишь!.. [Заглянула въ дверь и разомъ приходитъ въ себя]. Вонъ *она* у окошка... *Его* дожидаетъ... [Приложила къ двери ухо]. Ну да! Спрашиваетъ: „не ѣдетъ-ли баринъ?“ [Выпрямилась. Стоитъ гордая, глаза горятъ ненавистью]. Жди! Не долго нарадуетесь! [Уходитъ чрез террасу въ садъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Маша и потомъ **Рахмановъ**.

МАША [изъ залы]. Ѣдетъ!.. Навѣрно встрѣтился съ Любочкой; а ничего, веселъ... Какой онъ молодецъ на своемъ „Ураганѣ“! И чего я совѣщусь при Матвѣѣ Петровичѣ? Какъ ни крѣплюсь, а не могу быть спокойной... Боже сохрани, онъ замѣтитъ! Вотъ стыдъ!..

РАХМАНОВЪ [входя изъ залы, съ фуражкой]. Чудесный день! Насилу установилась погода... А! лѣкарство! [Беретъ пузырекъ]. Я и не видалъ! Принимаете? [Ставитъ пузырекъ на мѣсто].

МАША. Д-да... Помогаетъ.

РАХМАНОВЪ. Вотъ и хорошо, что послушались.

[Краткое молчаніе. Маша что-то вяжетъ крючкомъ. Рахмановъ сѣлъ поодаль и наблюдаетъ ее].

РАХМАНОВЪ. Давеча, у дѣвичьяго крыльца, вижу толпа. Больше все бабы. Увидали меня—въ разсыпную. Позвалъ.— Ты къ кому?—къ барынѣ. А ты?—къ барынѣ. Всѣ къ барынѣ, ха, ха, ха!

МАША. Они съ тѣхъ поръ, какъ вы... Одна женщина приходила ко мнѣ... Вы узнали, что ко мнѣ и съ просьбой... Приказали исполнить... Вотъ они и стали ходить...

РАХМАНОВЪ. Хитеръ народъ! Что-жь, пускай... Такъ и надо, чтобъ васъ любили. Вы по хозяйски... а меня не мѣшать. А то скажутъ: „обабился", ха-ха-ха? [Опять краткое молчаніе. Маша низко склонилась надъ работой. Рахмановъ всталъ и, по привычкѣ, ходитъ по комнатѣ]

РАХМАНОВЪ. Хотите къ отцу?

МАША [съ живостью]. Домой? То есть...

РАХМАНОВЪ. Ничего, ничего, „домой". Рады?

МАША. Я не тому... можетъ быть папенька самъ пріѣдетъ... Вы ѣздили-же...

РАХМАНОВЪ. Къ кому я ѣздилъ?

МАША. Да... къ папенькѣ...

РАХМАНОВЪ. А кто вамъ сказалъ?

МАША. Сказали... И съ Любой мы говорили объ этомъ. Сестра Люба сейчасъ была...

РАХМАНОВЪ. А, та!.. „Сердце звѣриное"...

МАША. Какъ „звѣриное"?!

РАХМАНОВЪ. Она мнѣ дала это прозвище, еще тогда...

МАША [въ смущеніи]. Я просила Любу уговорить... чтобы папенька къ намъ...

РАХМАНОВЪ. „Къ намъ"! Это вы хорошо сказали: *къ намъ*.

МАША. Но я не знаю, какъ вы... Если хотите... можно послать...

РАХМАНОВЪ. Какой вздоръ! Разумѣется хочу и очень радъ. Но больше радъ тому, что вы приняли къ сердцу...

МАША [стыдливо]. Не надо, Матвѣй Петровичъ! [Встаетъ].

РАХМАНОВЪ. Приняли къ сердцу, что я ѣздилъ къ старику. А главное, что зовете его *къ намъ*.

МАША. Простите... Меня тамъ ждутъ... [Убѣгаетъ смущенная].

РАХМАНОВЪ [съ восхищеніемъ, глядя ей вслѣдъ]. Застыдилась, какъ дѣвочка! Милая! [Обернулся къ Чирикову].

ЯВЛЕНІЕ V.

Рахмановъ и **Чириковъ** [вошелъ на уходъ Маши].

РАХМАНОВЪ. А, философъ! [Дружески хлопнулъ его по плечу]. Ну, что ты такъ глупо глядишь?

ЧИРИКОВЪ. Хе-хе-хе!

РАХМАНОВЪ. Съ нѣкотораго времени рожа у тебя необыкновенно торжественна. Какъ увидишь меня, такъ ухмыляешься. Что за причина?

ЧИРИКОВЪ. А сами вотъ веселы-жь вы! [Подмигнулъ на дверь, въ которую убѣжала Маша].

РАХМАНОВЪ. Будто и ты оттого-же? Врешь, братецъ, врешь! Должно быть наслѣдство получилъ. А? [Уходитъ въ садъ].

ЧИРИКОВЪ [со вздохомъ]. Нѣтъ еще-съ. Даже про наслѣдство думать забылъ!.. [Пошелъ къ двери въ залу].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Чириковъ и **Акулька** [изъ угольной].

АКУЛЬКА. Алексѣй Егорычъ! [Таинственно киваетъ и подзываетъ его]. А Клавдія опять въ хоромы пришла. Накажи Богъ!

Баринъ не приказали, а она опять. Вы бы сказали ему! [Чириковъ молчитъ и пытливо смотритъ на нее]. Ей бабушка говоритъ: зачѣмъ? А она: „кое-что изъ добра, говоритъ, еще не взяла". О сю пору не выбралась!

ЧИРИКОВЪ. Эхъ, Акулина!

АКУЛЬКА. Что Акулина? Акулина и есть. Ишь нажила сколько! На возахъ вывози! Дай замужъ отдадутъ, мужeнекъ все растрясетъ. Знаемъ мы Карпа Кондратьича, каковъ онъ есть сахаръ!

ЧИРИКОВЪ. Развѣ Клавдію выдаютъ замужъ?

АКУЛЬКА. А то что-жь! Велѣно-жь ей въ Лозовку ѣхать. А Карпъ прикащикомъ тамъ. И пріѣзжалъ просить барина, чтобъ отдали за него Клавдію. Баринъ и велѣлъ.

ЧИРИКОВЪ. И врешь! А Карпъ нахвасталъ. Вольную ей дадутъ. А тебѣ стыдно. Взъѣлись на Клавдію, точите... За что?

АКУЛЬКА. Я что-жь... я на нее сердцовъ не имѣю. А трудно ей уѣзжать. Накажи Богъ! Лица на ней нѣту, Алексѣй Егорычъ. Она еще что: гдѣ барыня, спрашиваетъ! Знать, хочетъ на послѣдяхъ поклониться. (Уходя, про себя). Значитъ вольную! [Съ живостью]. А я что говорила? Нѣтъ, спорятъ: за прикащика! Вотъ я имъ носъ и утру! [Уходитъ въ угольную].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Чириковъ, Рахмановъ и потомъ Маша.

РАХМАНОВЪ [изъ сада]. Ахъ, хорошо! Вотъ Алексѣй Егорычъ, жили мы, жили съ тобой и дожили! А?

ЧИРИКОВЪ. Слава Богу, Матвѣй Петровичъ.

РАХМАНОВЪ. И все-то мнѣ мило, на все сердце радуется! И на тебя радуется. Помнишь, какъ ты нализался въ „удрученіи", да „не бѣлы снѣги" пѣлъ? Я, братъ, этихъ „снѣговъ" во всю жизнь не забуду. [Взялъ его за плечи.

Чириковъ потупился тронутый]. Ты намъ много помогъ, много! [Обернулся къ входящей Машѣ *) и отступилъ въ удивленіи]. Батюшки! [Чириковъ, радостно потирая руки, уходитъ въ залъ].

МАША. Я встрѣтить папеньку... [Остается близь двери, смущенная].

РАХМАНОВЪ [любуется ею]. Хорошо! чудо какъ хорошо, [Дѣлаетъ къ ней порывистое движеніе, но изъ залы вбѣгаетъ Чириковъ].

ЧИРИКОВЪ [въ попыхахъ]. Ѣдетъ, ѣдетъ! Григорій Михайлычъ ѣдетъ!

РАХМАНОВЪ. А-а! Пойдемъ-же встрѣчать, пойдемъ! [Взялъ Машу за руку и уходитъ съ нею въ залъ, въ сопровожденіи Чирикова].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Акулька и **Полька** [пробираются на цыпочкахъ изъ угольной двери въ залъ].

АКУЛЬКА. Ну-ка, ну! Какъ баринъ тестя-то встрѣтитъ?! [Пріютворили дверь и смотрятъ въ нее].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же и **Лукашка** [неуклюже пробѣгаетъ на цыпочкахъ, размахивая руками и становится къ двери].

АКУЛЬКА [отталкивая Лукашку]. Навалился! Корявый!

ПОЛЬКА. Вонъ они! Глянь! Старый баринъ заплакалъ!

ЛУКАШКА. И то! Ишь!

АКУЛЬКА [всхлипывая]. Заплачешь, дѣвушка! Ништо не заплачешь!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же, **Варька** и **Порфирій** [проходятъ через комнату, при чемъ Порфирій обнялъ Варьку].

ВАРЬКА [увертываясь]. Да ну тебя! Что въ самомъ дѣлѣ!..

ПОРФИРІЙ [осклабился]. А что?

*) Маша изящно одѣта и украшена драгоцѣнностями.

ВАРЬКА. То! Глупость отъ этого произойтить можетъ. Отстань! [Присоединяется къ остальнымъ].

ПОРФИРІЙ [презрительно]. Уставились! Воронье!

ПОЛЬКА. Барыня-то какъ разрядилась!

ЛУКАШКА. Дюже хорошо!

АКУЛЬКА. Идутъ! [Всѣ шарахнулись черезъ комнату въ угольную. Лукашка спотткнулся и чуть-чуть не упалъ].

ЯВЛЕНІЕ XI.

Ивковъ *), Рахмановъ и Маша.

РАХМАНОВЪ [почтительно]. Садитесь, батюшка. Покорно прошу. Очень, очень радъ, что удостоили посѣтить насъ. Пожалуйте, здѣсь вамъ будетъ покойнѣе. [Усаживаетъ Ивкова на диванъ. Маша подкладываетъ ему за спину шитую подушку].

ИВКОВЪ. Благодарю, сударь мой, за ваше привѣтствіе.

МАША. Папенька! Какъ вы ужасно перемѣнились! [Горько заплакала. Рахмановъ смущенно опустилъ голову].

ИВКОВЪ. Не плачь, дочка, не плачь! [Привлекаетъ ее къ себѣ и гладитъ по головкѣ]. Къ тому идетъ. Время... Ну, какъ ты? Дай-ка на себя поглядѣть! [Пытливо и грустно смотритъ ей въ глаза].

МАША. Я слава Богу...

ИВКОВЪ [недовѣрчиво]. Вотъ и хорошо! [Вздохнулъ и грустно задумался].

МАША. Я правду говорю, папенька! Не для того, чтобъ утѣшить васъ. Не извольте такъ думать. Чистую правду!

ИВКОВЪ. Въ одно слово съ Любой... [Переводитъ взглядъ на Рахманова].

РАХМАНОВЪ. Понимаю васъ, батюшка.

ИВКОВЪ. Я вѣдь ничего не говорю, сударь мой.

РАХМАНОВЪ. Какъ вамъ быть спокойнымъ за Машу? Я слишкомъ много надѣлалъ вамъ зла, оскорбилъ васъ, ее...

---

*) Ивковъ входитъ, опираясь на клюку. Онъ ужасно постарѣлъ и осунулся.

Чего вамъ стоило это—видно по васъ. Васъ трудно узнать. Вѣрьте, мнѣ тяжело, батюшка!

МАША [радостно, ласкаясь къ отцу]. Слышите, папенька?

РАХМАНОВЪ. Маша такъ отвѣтила вамъ, будто она счастлива. Вѣрить-ли?—Не знаю.

ИВКОВЪ. А по какой причинѣ, смѣю спросить?

РАХМАНОВЪ. Очень понятно. Вы знаете Машу. Знаете каковъ я, какъ я жилъ... Многое нужно, чтобъ Маша дѣйствительно была счастлива; чтобы въ сердцѣ ея не оставалось ни горечи, ни сомнѣній, ни страха за будущее. Могу-ли я сдѣлать это — не знаю. (Съ любовью глядя на жену). Одно знаю и знаю твердо, что всей душой хочу ея счастья... этимъ живу... что... [Волненіе прерываетъ его рѣчь].

МАША [слушавшая его, съ возрастающимъ восторгомъ, вдругъ подходитъ и крѣпко цѣлуетъ его].

РАХМАНОВЪ. Маша!! [Страстно привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ еще разъ]. Вотъ, батюшка!.. Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ!

ИВКОВЪ. Этому какъ не повѣрить! [Растроганъ]. Да благословитъ васъ Господь и сохранитъ Своей святой милостью! [Встаетъ. Маша цѣлуетъ его руки]. Простите меня! Я точно не вѣрилъ, Матвѣй Петровичъ... У старика душа не отходчива. Страхъ, безпокойство... Тяжко было мнѣ, правда. Я не могъ помыслить, что-бы вы были къ Машѣ такъ хороши, ласковы ..

РАХМАНОВЪ. Да можно-ли иначе? Коли въ душѣ есть что путнаго, она ужь отроетъ, найдетъ!—Вотъ, молъ, этимъ живи, полюдски!

ИВКОВЪ. Спасибо, зятюшка! Успокоили вы меня. [Протягиваетъ къ нему объятія. Рахмановъ цѣлуетъ старика]. Ну, теперь отпустите меня.

МАША [съ мольбой]. Папенька! милый!

ИВКОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Хочется поскорѣй видѣть васъ у себя, принять съ хлѣбомъ—солью, какъ должно. Люба хлопочетъ, къ обѣду васъ ждетъ. Милости просимъ!

РАХМАНОВЪ. Пріѣдемъ, батюшка, съ радостью!

ивковъ. Ну вотъ!.. Рада, Машурка, подъ родительскій кровъ?

маша. Рада, папенька! [Ивковъ растроганный, поцѣловалъ дочь и идетъ въ залъ, въ сопровожденіи Маши. Рахмановъ отворялъ ему дверь и уходитъ за ними].

ЯВЛЕНІЕ XII.

Клавдія [изъ сада, на порогѣ террасы. Съ волненіемъ].

Пила?.. Нѣтъ. Сколько было, столько и есть. [Глубокій вздохъ облегчаетъ ей грудь]. Страхъ какой!.. Кажется, у всякаго *одно* про меня на умѣ... Только всыпала; а что-же *тогда*?.. [Молчитъ, раздумывая, причемъ раза-два быстро взглянула на пузырекъ]. Или разбить мнѣ его, выбросить?! [Съ рѣшимостью входитъ въ комнату]. А потомъ что?.. Была ужь петля на шеѣ... Если-бъ не вошли, лежала-бы я въ сырой землѣ... Не жалѣть-ли мнѣ ихъ, въ радости ихней, да милованьи?! Ха-ха! Сердце выболѣло, нечѣмъ жалѣть. Либо она, либо я! [Энергично пошла къ террасѣ].

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Клавдія, **Маша** и въ концѣ **Рахмановъ** [за сценой].

маша [вбѣгая изъ залы]. Ахъ!.. Какъ ты меня испугала! [Схватилась за грудь].

клавдія. Отсылаютъ... Нынче ѣхать велятъ...

маша. Что-же тебѣ?.. [Берется за пузырекъ съ лѣкарствомъ. Клавдія отвернулась]. Если о чемъ-нибудь попросить...

клавдія. Затѣмъ и пришла. [Маша беретъ со стола ложку]. Напрасно вы... [Кивнула на пузырекъ. Маша удивленно взглянула на нее]. Какая польза? И такъ Богъ здоровья пошлетъ.

маша. О чемъ-же просить?

клавдія [съ волненіемъ]. Говорили, Лозовскій прикащикъ... Замужъ меня... вишь, баринъ велѣлъ..

маша. Не можетъ быть.

КЛАВДІЯ [съ усмѣшкой]. Вы не велите—послушаетъ, не станетъ неволить...

МАША [горячо]. Матвѣй Петровичъ никогда не сдѣлаетъ этого, никогда! Будь покойна.

КЛАВДІЯ. Мудрено.

МАША. Что такое?

КЛАВДІЯ. Успокоиться мнѣ...

МАША [съ волненіемъ]. Ну это... я тутъ ничего не могу.. [Наливаетъ лѣкарство. На лицѣ Клавдіи борьба и ужасъ. Она готова вырвать ложку, чего Маша не видитъ, стоя къ Клавдіи спиной].

РАХМАНОВЪ [въ залѣ] Маша! Гдѣ ты?

КЛАВДІЯ [слабо вскрикнула, схватилась за голову и въ мгновеніе исчезаетъ въ угольную].

МАША [поспѣшно проглотила лѣкарство и, бросивъ ложку, идетъ на встрѣчу]. Здѣсь я, здѣсь!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Маша и Рахмановъ.

РАХМАНОВЪ [войдя, горячо поцѣловалъ жену]. Ну, Маша, прости меня! за все, за все!

МАША. Богъ съ тобой, милый! Зачѣмъ вспоминать!..

РАХМАНОВЪ. Мнѣ одно оправданіе: не возьми я силой, отецъ не отдалъ-бы тебя и ты сама-бы за меня не пошла. А безъ тебя, я-бы погибъ.

МАША. Вотъ ты что говоришь!

РАХМАНОВЪ. Да, Маша, да! Если-бъ не ты, до чего-бы довела меня прежняя жизнь? Вотъ почему я и полюбилъ тебя такъ. Сначала, когда я увезъ тебя и женился, я не понималъ этого. Ещо бродили старыя дрожжи. Я то любилъ тебя, то ожесточался. Я не понималъ, что ты должна была чувствовать, ты — нѣжная, чистая. Надо было многое сломить въ себѣ, чтобы понять. Но я уже не переставалъ думать о тебѣ, къ прежнему не могъ возвратиться, я сталъ

уже *твой*. Я удивлялся себѣ, что поѣхалъ къ твоему отцу, но поѣхалъ...

МАША [смѣясь]. Вмѣсто винокурни! Ахъ, какъ я обрадовалась! Я тогда же узнала. И какъ мнѣ было стыдно, что я вспылила! Помнишь? До тѣхъ поръ я думала, что это не любовь, а забава, капризъ. Горько мнѣ было, обидно! А тутъ словно камень свалился съ души. И все ужь въ другомъ видѣ представилось. Во всемъ я стала искать твоей любви, даже въ томъ, за что негодовала. Само сердце подсказывало... Тутъ я поняла, что давно ужь люблю, можетъ быть съ первой встрѣчи... [Вдругъ взялась за голову и болѣзненно вздохнула].

РАХМАНОВЪ. [тревожно]. Что съ тобой? Головка болитъ?

МАША. Нѣтъ... Прошло. Ужь день такой... Какъ не закружиться головѣ! Столько радости! [Созерцательно]. Ясно, ясно вижу, какъ мы встрѣтились въ первый разъ, все до черточки! [Глядя на него]. Я еще раньше думала о тебѣ, да!.. Про тебя разсказывали такіе чудеса, ужасы!...

РАХМАНОВЪ. Всего было, Маша!.. Милая! [Цѣлуетъ ее].

МАША. Меня очень занимало: что ты за человѣкъ? каковъ собой?... Я помнила нянины сказки и выдумывала свои. А героемъ былъ ты... [Изнеможенно]. Будто предчувствовала, что ты придешь возмешь мое сердце... жизнь...

РАХМАНОВЪ. Маша! ты право нездорова!

МАША. Нѣтъ, милый... не безпокойся... Такъ ты любишь меня? Очень любишь?

РАХМАНОВЪ. Какъ только можно, радость моя! [Нѣжно привлекаетъ ее къ себѣ].

МАША [слабѣющимъ голосомъ]. Милый!.. какъ хорошо!.. [Впадаетъ въ забытье и склоняется къ нему на грудь).

РАХМАНОВЪ [въ испугѣ]. Маша! [Она молчитъ]. Маша!! Господи, да что съ нею?! [Съ ужасомъ смотритъ на нее].

ЗАНАВѢСЪ БЫСТРО ПАДАЕТЪ

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Просторная ткацкая изба. Прямо два окна и одно налѣво. Дверь справа, къ авансценѣ. Въ правомъ углу печь. Прямо, между окнами, ткацкій станокъ. [Изъ этихъ оконъ видѣнъ садъ и каменная ограда]. По лѣвой стѣнѣ лавка, столъ и скамья. Справа, отъ печи до двери, помостъ и палати. Тутъ нѣсколько сундуковъ и узловъ. На столѣ краюха хлѣба, ножъ, деревянная солонка, чашка и горитъ сальная свѣча. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клавдія и Никитишна [спитъ на помостѣ].

КЛАВДІЯ [задумчиво сидитъ на скамьѣ]. Лѣкаря привезли!.. Ничего онъ не сдѣлаетъ, нѣтъ! Не встать ей... И узнать не узнаютъ, ужь зелье такое... А все на меня станутъ думать, ея—скажутъ—дѣла... Не пустилъ-же бурмистръ въ Лозовку.—„Повремени, говоритъ, не до тебя; а можетъ и понадобишься“. Значитъ есть въ головѣ... [Тоскливо]. А ты точно Каинъ!.. Каждаго бойся, дрожи!.. [Заплакала]. Что они со мной сдѣлали! До чего довели!..

НИКИТИШНА [просыпается. Хрипло]. Кха-кха-кха-а!.. Господи помилуй! [Громко зѣвнула]. Ай не ложилась?

КЛАВДІЯ. Спи, бабушка. Еще рано.

НИКИТИШНА. Жутко тебѣ, что-ли? Съ огнемъ сидишь.

КЛАВДІЯ. Сна нѣту. Неможется. Скучно въ потемкахъ лежать.

НИКИТИШНА. И то правда: какое тебѣ спокойствіе! Ночами-то пуще мысли одолѣваютъ. Э-эхъ-ма! [Перевертывается на другой бокъ]. Извелась, бѣдная! [Зѣваетъ]. Господи помилуй! [Засыпаетъ].

КЛАВДІЯ. Что *тамъ* дѣлается?.. Ужъ поскорѣй-бы конецъ! Мочи нѣтъ дожидать!.. [Глядя на окно]. Охъ, завы-ылъ!.. Скверная собака: какъ ночь, такъ выть!.. Ишь заливается!.. За душу тянетъ!.. [Робко]. А можетъ быть по покойнику!.. Можетъ, она ужъ холодная, какъ восковая лежитъ... [На лицѣ ея страхъ]. А вѣдь она приходить ко мнѣ будетъ!.. Будетъ, будетъ!.. Скажетъ: „за что извела? Нешто я виновата? Силой взяли, силой повѣнчали... Гнала-ли я тебя, притѣсняла-ли? Слова не сказала дурнаго. За что-же ты загубила меня"?.. Вотъ съ чѣмъ придетъ. Какъ схоронятъ, въ ту ночь и придетъ... [Вздрогнула]. Что это?! [Съ ужасомъ обвела глазами всю избу и бросается будить старуху]. Бабушка!.. бубушка!..

НИКИТИШНА [съ просонокъ] А!.. что ты?.. [Садится]. Что съ тобой, матушка?

КЛАВДІЯ. Я такъ... ничего...

НИКИТИШНА. Али что померещилось?.. Крыса скребется въ подпольѣ—что страшнаго?

КЛАВДІЯ. Ничего я... Сама не знаю...

НИКИТИШНА. О-о-охъ! [Сострадательно покачала головой и помолчала съ секунду]. Дурно мнѣ приснилось про тебя, Клавдія...

КЛАВДІЯ [сдавленнымъ голосомъ]. Что приснилось-то?

НИКИТИШНА. Можетъ и такъ оно... Зачѣмъ тебя понапрасну тревожить! [Встаетъ]. Никакъ разсвѣло. Слава-те Господи! [Напяливаетъ сермяжный халатишко]. Скотину пора выгонять. А ты хоть таперь-бы заснула. Все-бъ часокъ другой, анъ и полегчаетъ. [Поплелась къ двери]. Господи помилуй! [Уходитъ].

КЛАВДІЯ. Если такъ мучиться, что-жь это за жизнь?! [Задуваетъ свѣчу: въ окна видна заря]. Вонъ лошадей подаютъ. Должно быть лѣкарю. Видно, ему ужъ нечего дѣлать: *кончено*!.. Узнать-бы! Развѣ спросить у кого?.. [Пошла къ двери]. Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно!.. А тихо. [Подняла боковое окошко]. Ни шуму не слыхать, ни голосьбы... [Отходитъ отъ окна]. Да кончено! Словно что оборвалось во мнѣ давеча. Кончено, вѣрно. [Садится подавленная]. Тяжко!.. [Взялась за голову и такъ остается нѣсколько мгновеній]. Вѣдь чуть не вырвала у ней ложку-то!..

Видно, не судьба! Что-жь этакъ-то'.. [Энергично встаетъ]. Нѣтъ, за умъ взяться надо! Еще будетъ время, накаюсь! [Оживляется]. Неужто вернутся мои красные дни?.. Долго-ли жили, чтобъ такъ ужъ привыкнуть? Развѣ ему и жизнь не въ жизнь, безъ нея? За что такъ любить? А меня-то онъ не любилъ?— Вспомнитъ! Есть чему вспомниться!.. [Ходитъ. Походка ея тверда и увѣренна. Лицо дышетъ энергіей]. Такъ-то лучше, чѣмъ томить себя, да голову вѣшать!...

ЯВЛЕНІЕ II.

Клавдія и **Акулька** [вбѣгаетъ].

АКУЛЬКА. Насилу урвалась къ вамъ! Дай-думаю-сбѣгать, сказать Клавдіѣ Тарасовнѣ... Фу! и умаялась! Всю-то ночь на ногахъ, накажи Богъ!

КЛАВДІЯ [съ усиліемъ]. Ну что?.. какъ?..

АКУЛЬКА. Да слава Богу, отходили! совсѣмъ отходили!

КЛАВДІЯ [поражена]. Ну вотъ и... и хорошо... [Вздохнула свободно]. Всѣмъ радость...

АКУЛЬКА. Ужь такая-то радость! Вѣдь ангелъ какой! Въ постелькѣ сидитъ, чай кушать изволитъ. А баринъ ра-адъ! Господи батюшка!

КЛАВДІЯ. Лѣкарь-то что-же?

АКУЛЬКА. Что лѣкарь! Яду, говоритъ, поддано.

КЛАВДІЯ [въ ужасѣ]. Я... я-ду?!

АКУЛЬКА [зорко ее наблюдаетъ]. Да-а! Спасибо, говоритъ, во время захватили, а то-бъ ничего не подѣлать.

КЛАВДІЯ. Полно такъ-ли? Развѣ не бываетъ: вдругъ разнеможешься? А лѣкарю что ни соврать, больше-бы заплатили.

АКУЛЬКА. Стало-быть видно ему: такъ-ли съ барыней, или поддали. Я какъ услыхала про это... Господи-батюшка!— подкатило подъ сердце—не продохну! Такъ испужалась, такъ испужалась!..

КЛАВДІЯ. Какъ не испугаться, ежели правда!

АКУЛЬКА. И у кого рука налегла сдѣлать это?! Чтобъ ему ни дна, ни покрышки, проклятому!

КЛАВДІЯ. И у барыни одни рѣчи съ лѣкаремъ?

АКУЛЬКА. Станетъ она!.. этакій ангелъ! Нѣтъ. Баринъ допытывался: что пила, кушала? кто подавалъ? Не былъ ли кто въ горницѣ изъ дворовыхъ? А у барыни одинъ отвѣтъ: „оставь, ради Христа! Быть, говоритъ, этого не могло. И слышать не хочу!“ [Клавдія задумывается]. А вы что-жь вчерась не уѣхали?.. [Язвительно]. Бурмистръ не пустилъ, сказываютъ?

КЛАВДІЯ [очнувшись отъ задумчивости] Что говоришь?

АКУЛЬКА. До моей-ли вамъ болтовни! Ишь, какая сидите!.. Побѣгу. Неровно хватятся. Съ вами еще бѣды наживешь! [Убѣгаетъ].

КЛАВДІЯ. Все прахомъ!.. Съ чѣмъ я осталась? Только тяготы прибыло... Душу свою губила, на вѣчную муку шла, только-бъ пожить съ нимъ по прежнему!.. Не самъ-ли manилъ меня, привораживалъ? Люби, говорилъ, меня не такъ какъ другія. Всѣ они дрянь передъ тобою. Такъ люби, чтобъ не скучать мнѣ, чтобъ охмѣлѣлъ я отъ любви этой! Чьи рѣчи? Что ты ими надѣлалъ?.. Откуда что взялось! Точно спала я до тѣхъ поръ, да проснулась. Прихлынуло къ сердцу, душу что полымемъ охватило, сама не узнала себя... Вотъ ты что сдѣлалъ со мною и... бросилъ. Вольна-ль я въ себѣ послѣ этого?!

ЯВЛЕНІЕ III.

Клавдія, Лукашка и **Парень** изъ дворни
[всунулись въ избу чрезъ поднятое окно и глазѣютъ на Клавдію].

ЛУКАШКА. Гляди-ко-сь: сиди-итъ!

КЛАВДІЯ [вставая]. Вамъ чего нужно?

ЛУКАШКА. Ничаво. Поглядѣть.

КЛАВДІЯ. Чего не видали? Пошли прочь!

[Подъ другими окнами, на дворѣ, собираются дворовые, больше женщины].

ЛУКАШКА [не двигаясь, Парню]. Надо быть караулъ къ ей приставять!

ПАРЕНЬ. А то какъ-же! Караулъ первымъ дѣломъ... [Отъ напора любопытныхъ, разбивается одно изъ оконъ, что въ глубинѣ. Зазвенѣло стекло].

КЛАВДІЯ [крикомъ]. Что-жь это такое?! Прочь! всѣ! Прочь, говорю! [Опускаетъ боковое окно. Одинъ изъ толпы крикнулъ: „баринъ"! Всѣ разбѣгаются].

КЛАВДІЯ. Вотъ ужь какъ!.. всѣ!!. Нѣтъ, докажи! Говорить можно все. Докажи-и!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клавдія и Рахмановъ.

РАХМАНОВЪ [съ подавленнымъ гнѣвомъ, спокойно]. Нашелся лиходѣй, умыслилъ барыню отравить. Ты?

КЛАВДІЯ. Ничего я про это не знаю.

РАХМАНОВЪ. Не знаешь. Вчера утромъ ты была въ хоромахъ. Зачѣмъ?

КЛАВДІЯ. Барынѣ поклониться, попросить, чтобъ замужъ меня не неволили. Слышала, что хочешь меня за прикащика сбыть, концы схоронить. Милостивъ больно. У насъ барыня всѣмъ вертитъ. Къ ней и пошла. Заступись, молъ, матушка. Довольно надо мной надругались! Не вели мужу себя срамить. Вѣрною я была полюбовницей. И душа и красота моя—все въ него ушло. А онъ меня прикащику отдаетъ, мужику. Развѣ мужикъ ему ровня?

РАХМАНОВЪ [сдерживаясь съ трудомъ]. Придержи языкъ!

КЛАВДІЯ. Намолчалась я. Будетъ. Молчала, пока сердце выболѣло! [Сложила на груди руки и отвернулась].

РАХМАНОВЪ. Я не выдавалъ тебя за прикащика. Врешь. Такъ и сказать велѣлъ. Значитъ ты за другимъ приходила.

КЛАВДІЯ. Сказать мнѣ сказали, да какъ тебѣ вѣрить? Говорилъ-же, что любишь меня, не промѣняешь *ни на кого.*

Вѣдь говорилъ? Ничѣмъ я не провинилась. Любила: бѣлый свѣтъ въ тебѣ былъ—вотъ какъ любила! А выгналъ же, какъ собаку негодную выгналъ! Пусть твоя барыня такая-сякая золотая, хорошая. Да мнѣ-то что? Легче-ль отъ этого? А ты прогналъ и думать обо мнѣ позабылъ. Вотъ какъ тебѣ вѣрить!

РАХМАНОВЪ. Значитъ не ты дала яду?

КЛАВДІЯ. Экъ тебѣ хочется доѣхать меня! Сказала—не я.

РАХМАНОВЪ [настойчиво]. Такъ не ты?

КЛАВДІЯ. Не вѣритъ. Пытать будешь? Пытай. Хоть на куски рѣжь. Лютѣе той пытки, что я вынесла изъ-за васъ— не придумать.

РАХМАНОВЪ. А что было-бъ, если-бъ барыню схоронили, а дѣло-бы не открылось? Думала ты?

КЛАВДІЯ. Съ чего-жь было думать? Развѣ я знала, что барыня захвораетъ?

РАХМАНОВЪ. Не все-же мнѣ горевать! Потосковалъ-бы и полно. А тутъ ты... Лукавишь, льнешь, ластишься... И сталъ-бы я вспоминать, какъ мы жили съ тобою. А жили ничего, весело...

КЛАВДІЯ [съ волненіемъ]. Не говори такъ! оставь!

РАХМАНОВЪ. Старая любовь долго помнится... И сталъ-бы я заглядываться на тебя...

КЛАВДІЯ. Не дразни, баринъ!

РАХМАНОВЪ. Дальше, да больше...

КЛАВДІЯ [дрожащимъ голосомъ]. Баринъ!!

РАХМАНОВЪ. И опять сталъ-бы цѣловать-миловать Клавдюшу... [Клавдія вдругъ зарыдала. Тихо]. Ты отравила?

КЛАВДІЯ [рыдая]. Хоть-бы крошечку пожалѣлъ!.. Господи!..

РАХМАНОВЪ [грозно]. Сознайся: ты?

КЛАВДІЯ [переставая рыдать]. Я.

РАХМАНОВЪ [глаза его сверкнули. Глухо]. А въ чемъ дала?

КЛАВДІЯ [понуривтись]. Въ лѣкарствѣ.

РАХМАНОВЪ [съ яростью]. Подла-я!! Змѣя!! [Схватилъ со стола ножъ и замахивается].

ЯВЛЕНІЕ V и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ-же и Маша.

МАША [схватываетъ мужа за руку]. Матвѣй Петровичъ!!

РАХМАНОВЪ [задыхаясь]. Она... она дала яду!..

МАША. Ради Бога!.. Я ужь просила тебя!..

РАХМАНОВЪ [бросаетъ ножъ на полъ]. Рукъ не хочу марать! Кандалы, плети, каторга—вотъ тебѣ что! [Машѣ]. Пойдемъ, милая! Зачѣмъ ты пришла?!

МАША. Я видѣла по тебѣ, предчувствовала. [Закрываетъ руками лицо]. Ужасъ какой!!

РАХМАНОВЪ [беретъ ея руки]. Пойдемъ, голубка моя!

МАША. Ты простишь... Она слишкомъ несчастна!..

РАХМАНОВЪ. Ее простить?!

МАША. Если любишь меня, прости!

КЛАВДІЯ [насмѣшливо]. Простишь? Любишь—долженъ простишь.

РАХМАНОВЪ [круто повернулся къ Клавдіи]. Что?!

МАША [бросается къ нему]. Не слушай, не слушай ее! Она сама не знаетъ, что говоритъ. Ты долженъ понять ... все... Пускай ѣдетъ. Позволь!

КЛАВДІЯ. Нужно-ли мнѣ прощенье твое? Что имъ дѣлать? Все отняла, душу выѣла—и прощаетъ!!

МАША. Милый! пожалуйста!..

РАХМАНОВЪ [взявъ Машу за талію, послѣ краткаго колебанія]. Ну, будь по твоему. [Обернувшись къ Клавдіи, черезъ плечо]. Слышала? Уѣзжай!

КЛАВДІЯ [изступленно]. Куда?! Загубили и милуютъ! А мнѣ жизнь вотъ какъ нужна... [Мгновенно поднимаетъ съ пола ножъ] Вотъ!! [Зарѣзывается. Маша съ крикомъ прячетъ лицо на груди Рахманова].

ЗАНАВѢСЪ.

ПРОСТАЯ ИСТОРІЯ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Въ третьемъ дѣйствіи двѣ картины).

Дѣйствующія лица:

Яковъ Андреевичъ Сильвачевъ, командиръ резервнаго баталіона, среднихъ лѣтъ.

Анна Марковна, жена его.

Сергѣй Прокофьевичъ Разваловъ, купецъ, лѣтъ подъ сорокъ, холостой.

Никандръ Прокофьевичъ, братъ его, лѣтъ 27-ми.

Вѣра Дмитріевна, жена его, молодая женщина.

Алексѣй Ивановичъ Ветонскій, помѣщикъ, родственникъ Сильвачева, пожилой.

Аравинъ, молодой человѣкъ.

Агафья, бѣдная женщина, старушка.

Власъ, старый лакей Сильвачева.

Степанъ, довѣренное лицо Разваловыхъ, старикъ.

Татьяна, горничная Разваловыхъ.

Мальчикъ.

Почталіонъ.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ торговыхъ городовъ средней Россіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Городской садъ. Поперекъ сцены липовая аллея. На ней скамья. Въ глубинѣ большіе кусты сирени, образующіе бесѣдку, къ которой съ аллеи ведетъ усыпанная пескомъ дорожка. Дальше деревья. За ними видъ города.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сильвачёвъ [въ кителѣ, снявъ фуражку, задумчиво сидитъ на скамьѣ] и **Почталіонъ** [справа].

ПОЧТАЛІОНЪ. Господинъ полковникъ, вамъ письмо-съ. [Ищетъ его въ сумкѣ].

СИЛЬВАЧЕВЪ. Есть?

ПОЧТАЛІОНЪ. На домъ къ вамъ несъ. Извольте получить. [Отдаетъ конвертъ и поклонившись, уходитъ влѣво].

СИЛЬВАЧЕВЪ. Отъ жены... Ничто не можетъ такъ разстроить меня, какъ эти письма!.. Изящный конвертъ, вычурный штемпель... твердый холодный почеркъ... Онъ такъ же красивъ, какъ она, и такъ же... бездушенъ. [Нервно вскрываетъ конвертъ и, вынувъ письмо, бросаетъ конвертъ на землю]. Конечно — денегъ. Знаю заранѣе. [Читаетъ. Усмѣхнулся]. Ну, такъ, такъ!.. Для того и живу, чтобы посылать *туда* деньги. Все кончено между нами, все!.. но это не мѣшаетъ пользоваться моими средствами, чуть не требовать въ нихъ отчета. И это послѣ того!.. Лучше не вспоминать. [Взглянулъ на подпись]. „Любящая тебя жена"! [Горько усмѣхнулся].

ЯВЛЕНІЕ II.

Сильвачевъ и Ветенскій [быстро входитъ слѣва].

ВЕТЕНСКІЙ. А, Яковъ Андреичъ!.. Батюшки, какой хмурый! Что съ тобой?

СИЛЬВАЧЕВЪ [пожимая его руку]. Ничего.

ВЕТЕНСКІЙ. Я, кажется, засталъ тебя за письмомъ. [Поднялъ конвертъ]. По-ни-ма-ю! Рука прелестной кузины, ха, ха! Получилъ?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Да.

ВЕТЕНСКІЙ. Не желаетъ ли она возвратиться къ законному сожительству?.. Не пугайся. Поблѣднѣлъ даже. [Садится].

СИЛЬВАЧЕВЪ. Есть вещи, которыми не шутятъ, Алексѣй Иванычъ!

ВЕТЕНСКІЙ. Я и не шучу. Скажи пожалуйста, что ей отъ тебя нужно? Она постыдно бросила тебя... Непостоянство у насъ, Ветенскихъ, въ крови, ха-ха!.. Она укатила за этимъ князькомъ въ Петербургъ и тамъ почти открыто сожительствуетъ съ нимъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ [рѣзко]. Прошу—перестань!

ВЕТЕНСКІЙ. Но, любезный другъ, бросаютъ и прекрасныхъ людей. Это дурно рекомендуетъ не ихъ, а женщинъ, которыя такъ поступаютъ. Да, Annette создала тебѣ весьма гнусное положеніе. Но если ты киснешь въ немъ — самъ виноватъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Я уже просилъ... Тебѣ непремѣнно нужно говорить о томъ, что меня раздражаетъ. Болтунъ.

ВЕТЕНСКІЙ. Не болтовня, а участіе...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Полно пожалуйста!.. Да если-бъ и участіе, то я его не прощу. Сплетничаютъ также подъ видомъ участія. А ты любишь сплетни... Люди праздные всегда таковы.

ВЕТЕНСКІЙ. Согласенъ. Я праздный человѣкъ. Пьянствую, якшаюсь со всякой дрянью и такъ далѣе. Но все это не мѣшаетъ мнѣ относиться къ тебѣ съ участіемъ и

ясно понимать твое положеніе. Будь я на твоемъ мѣстѣ, неужели—думаешь—я допустилъ бы испортить всю свою жизнь, какъ допустилъ это ты? У тебя всѣ права на разводъ. Отчего ты имъ не воспользовался? Мало того, ты остаешься въ какой-то зависимости отъ Annette, посылаешь ей деньги и все. Бываютъ семьи, гдѣ отношенія супруговъ сплелись въ такой узелъ, который самъ чертъ не распутаетъ; и мужъ и жена виноваты по своему. А ты— правъ безусловно; совѣсть твоя чиста, слѣдовательно ты имѣешь полное право поступить, какъ лучше.

сильвачевъ. Все это легко говорить...

ветенскій. А что бы сдѣлать, нуженъ характеръ. Конечно. Въ твоемъ положеніи довольно было одной рѣшительной сцены, что бы повернуть по своему... Нечего ухмыляться!.: Но тебя или не хватило на это и ты боишься жены, или любишь ее—кто разберетъ!

сильвачевъ. Думай, какъ хочешь.

ветенскій. Гмъ! зачѣмъ ты все посматриваешь въ ту сторону? Поджидаешь кого?

сильвачевъ [съ неудовольствіемъ]. Никого не поджидаю. Съ чего ты взялъ?

ветенскій. Ха, ха, ха! Зачѣмъ-же сердиться? Подозрительно, братъ, подозрительно!

сильвачевъ. Э, отвяжись!

ветенскій. Мѣшаю?

сильвачевъ. Нисколько.

ветенскій. Такъ, или не такъ, но мнѣ хочется съ тобой побесѣдовать.

сильвачевъ. Вѣрно что-нибудь нужно? Слишкомъ ты участливъ сегодня. Съ тобою всегда такъ.

ветенскій [ударяя его по плечу]. Ха, ха, ха! Каковъ! Подозрительность, милый мой, черта весьма гнусная. Ну, а... дѣльце дѣйствительно есть къ тебѣ, есть.

сильвачевъ. Какое?

ветенскій. Видишь-ли... Я вѣдь, кажется, долженъ тебѣ?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Долженъ.

ВЕТЕНСКІЙ. Плохи дѣла, очень плохи. Арендаторъ, скотина, задержалъ платежъ...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Лучше скажи—впередъ не даетъ. Ну?

ВЕТЕНСКІЙ. Гмъ!.. ты того... не можешь мнѣ... четвертную? Понимаешь—зарѣзъ!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Д-да, весьма гнусная черта подозрительность. [Неохотно]. Такъ и быть, на. [Достаетъ деньги].

ВЕТЕНСКІЙ [засунулъ ихъ въ карманъ жилета]. Вскорѣ получишь. Пожалуйста не безпокойся.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Ну, это еще увидимъ!

ВЕТЕНСКІЙ [небрежно развалился]. Что? Ты говоришь такимъ тономъ, какъ будто я легко относусь къ чужому карману...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Теперь придираться начнетъ. Чудакъ!

ВЕТЕНСКІЙ. Не придираться, а... Те-те-те! господинъ Аравинъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Аравинъ [справа].

ВЕТЕНСКІЙ. Куда вы такъ стремительно мчитесь?

АРАВИНЪ [раскланивается съ улыбкой]. По дѣлу-съ.

ВЕТЕНСКІЙ. Всегда по дѣлу, какъ я всегда безъ дѣла. [Сильвачеву]. Замѣчательный молодой человѣкъ. Рекомендую. [Аравину]. Такъ какъ вы все и всѣхъ знаете, то этотъ пріятель мой, въ рангѣ полковника, вамъ не безъизвѣстенъ, конечно?

АРАВИНЪ. Какъ же-съ! [Почтительно кланяется Сильвачеву]. Весьма, весьма пріятно.

ВЕТЕНСКІЙ. Сей молодой человѣкъ замѣчателенъ тѣмъ, что, появившись у насъ, прямолинейно заявилъ, что ищетъ карьеры и денегъ. Только карьеры и денегъ. Вожделѣю, молъ, и все тутъ. И всѣ обязаны мнѣ въ этомъ содѣйствовать

потому что я родился съ извѣстными аппетитами. А всякій, кто не содѣйствуетъ, тотъ есть мерзавецъ.

АРАВИНЪ. Ха, ха! вы извѣстный шутникъ. [Сильвачеву]. Отъ Алексѣя Иваныча всѣмъ достается; но за это на него какъ-то не обижаются.

ВЕТЕНСКІЙ. Ехидничаетъ! А не будь я хорошъ съ вашимъ начальствомъ, вы не такъ отвѣтили-бъ мнѣ. Совѣтую быть со мною вдвое почтительнымъ: кузина моя, его жена, родная сестра *главнаго директора* вашей дороги.

АРАВИНЪ [присаживается къ Сильвачеву]. А ваша супруга?..

ВЕТЕНСКІЙ [перебиваетъ]. Не подбирайся, братъ, далеко. [Сильвачеву]. Однимъ изъ средствъ для своихъ цѣлей, господинъ Аравинъ избралъ барынь. Говоритъ, еще папенька совѣтовалъ ему это. И успѣваетъ, даже весьма пронзительно.

АРАВИНЪ. Ха, ха, ха!

ВЕТЕНСКІЙ [въ сторону]. Что за нахалъ! [Аравину]. Впрочемъ и вамъ не всегда удается. [Подмигнулъ]. Знаю, батенька, знаю-съ!

АРАВИНЪ. Интересно—что?

ВЕТЕНСКІЙ [Сильвачеву]. Есть здѣсь купчиха Развалова. Премиленькая. То есть, купчиха она собственно по мужу, а происходитъ изъ дворянской семьи...

СЕЛЬВАЧЕВЪ. Какая Развалова?

АРАВИНЪ. Алексѣй Иванычъ разумѣетъ, вѣроятно, ту самую, съ которою вы, кажется, изволите быть знакомы?

ВЕТЕНСКІЙ [съ интересомъ]. Развѣ ты знакомъ съ Разваловой?

СИЛЬВАЧЕВЪ [въ замѣшательствѣ]. Д...да..немного.

АРАВИНЪ [ехидно]. По крайней мѣрѣ, говорятъ... васъ часто видѣли вмѣстѣ...

ВЕТЕНСКІЙ [зорко взглянувъ на Сильвачева, перебиваетъ]. Что про васъ говорятъ—интереснѣй. [Сильвачеву]. Надо пояснить, что въ качествѣ служащаго на желѣзной дорогѣ, господинъ Аравинъ избралъ поѣзда мѣстомъ полезныхъ знакомствъ и

пріятныхъ похожденій. Ну, вотъ ѣдетъ недавно эта самая Развалова не знаю куда. Господинъ Аравинъ садится на поѣздъ и три станціи неотвязно атакуетъ ее, понимаешь ли — до того, что бѣдняжка наконецъ въ слезы...

АРАВИНЪ. Интересно, кто сочинилъ это вранье?

ВЕТЕНСКІЙ. Очевидецъ разсказывалъ. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ вами и у него ужасно чесались на васъ руки за это.

АРАВИНЪ. Желалъ бы я съ нимъ побесѣдовать! [Встаетъ].

ВЕТЕНСКІЙ. Струсите.

АРАВИНЪ. Ха, ха! (Сильвачеву). Имѣю честь кланяться.

ВЕТЕНСКІЙ. А вѣдь вы не простите Разваловой. Анонимное письмецо, что-нибудь въ этомъ родѣ, а? [Аравинъ презрительно взглянулъ на Ветенскаго, вскинулъ плечами и уходитъ влѣво].

СИЛЬВАЧЕВЪ [вставая]. Однако, ты ужъ слишкомъ...

ВЕТЕНСКІЙ. Помилуй! Нахалъ, шантажистъ... [Разговаривая, уходятъ вправо. Нѣсколько секундъ сцена пуста].

ЯВЛЕНІЕ. IV.

Вѣра Дмитріевна [входитъ слѣва съ букетомъ въ рукахъ] **и Агафья.**

АГАФЬЯ [за сценой]. Вѣра Дмитріевна, а Вѣра Дмитріевна!.

ВѢРА [остановилась и обернулась]. Агафья!

АГАФЬЯ [входитъ слѣва, запыхавшись]. Уфъ!.. насилу тебя догнала! [Кланяется].

ВѢРА. Здравствуй!

АГАФЬЯ. Ножки твои молодыя, рѣзвыя... ужъ я бѣжала за тобою, бѣжала!.. Поминаньице твое. [Развертываетъ его изъ платка и подаетъ]. Въ церкви забыть изволила.

ВѢРА. Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!

АГАФЬЯ. Отецъ діаконъ вынесъ мнѣ и говоритъ: снеси, говоритъ, Вѣрѣ Дмитріевнѣ.

ВѢРА. Спасибо, милая.

АГАФЬЯ. Ну, какъ ты, все ли въ добромъ здоровьѣ, матушка моя?

ВѢРА. Слава Богу. Заходи къ намъ. [Повернулась идти, но взглянувъ по направленію аллеи, остается. Про себя].. Кажется онъ... [Старухѣ поспѣшно]. Заходи, Агафьюшка. Я всегда рада.

АГАФЬЯ. Покорнѣйше благодарю, красавица моя, благодѣтельница! Ужь я и то...

ВѢРА [прерывая] Ну, прощай. Нынче зайди. [Отходитъ].

АГАФЬЯ. Зайду, матушка, зайду. Будь здорова. [Поклонилась и уходитъ вправо].

ВѢРА. Да, онъ... На встрѣчу не пойду, не могу... Чувствую, что покраснѣю. Что онъ подумаетъ? [Садится на скамью]. Я вѣдь не искала его... Случайность... Ничего въ этомъ дурнаго нѣтъ... Встрѣтиться можно со всякимъ... [Подумала]. Зачѣмъ я лукавлю, зачѣмъ я обманываю себя? Идя садомъ, развѣ я не думала, что можетъ быть встрѣчу его? Я отъ себя потихоньку подумала такъ. Я затѣмъ и пошла этой дорогой... [Украдкой взглянула въ ту-же сторону]. Остановился съ Агафьей. Развѣ она его знаетъ? . Нѣтъ, вернусь. Не хорошо. [Встала]. Улицей обойду. [Пошла въ лѣвую сторону].

ЯВЛЕНІЕ V.

Вѣра Дмитріевна и Сильвачевъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. [поспѣшно входитъ справа]. Вѣра Дмитріевна! [Вѣра оборачивается. Она уже у самой калитки]. А я сейчасъ только замѣтилъ васъ. Здравствуйте! [Рукопожатіе]. Какъ я радъ!.. Вы торопитесь домой, или...

ВѢРА. Не... особенно.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Такъ сядемъ?... или пройдемся?

ВѢРА. Пожалуй, сядемте. [Садятся на скамью].

СИЛЬВАЧЕВЪ. А я давно здѣсь. По моимъ соображеніямъ, вы должны были быть въ церкви...

ВѢРА. Была.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Но обѣдня давно отошла... Васъ все не было. Я уже потерялъ надежду...

ВѢРА. Я заходила въ оранжерею.

СИЛЬВАЧЕВЪ. А! Букетъ оттуда?

ВѢРА. Да.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Прелестный!

ВѢРА. Не правда ли? Цвѣты моя слабость.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Прекрасная слабость. Ну, какъ поживаете? Здоровы ли? Я узналъ, что вы часто бываете больны.

ВѢРА. Случается. Въ третьемъ году у меня воспаленіе было. Съ тѣхъ поръ покашливаю.

СИЛЬВАЧЕВЪ. А вамъ бы основательно полечиться, у хорошаго доктора. Знаете, какъ опасно запустить болѣзнь? Да и какъ вылечили васъ послѣ воспаленія? Это чрезвычайно важно. Право, займитесь собою.

ВѢРА. А вы у кого же узнали, что я бываю не здорова? Разспрашивали?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Вы вѣдь не откровенны, ничего про себя не разсказываете.—„Не стоитъ, да интереснаго нѣтъ ничего"—вотъ ваши отвѣты. Ну, и разпрашивалъ, да. Все узналъ: вашу жизнь, ваше замужество, прошлое...

ВѢРА. Однако вы любопытны!

СИЛЬВАЧЕВЪ [тономъ упрека]. Развѣ это такъ называется? Неужели меня могутъ интересовать подробности о человѣкѣ, къ которому я не чувствую никакого участія?

ВѢРА. Что же вамъ говорили?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Грустная повѣсть, Вѣра Дмитріевна! Во первыхъ, что въ дѣтствѣ и юности вы много видѣли горя...

ВѢРА. Да... росла сиротой, въ бѣдности...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Потомъ васъ выдали замужъ... Говорятъ, что вы не хотѣли... но богатый человѣкъ...

ВѢРА [съ живостью]. Вотъ и не правда. Вовсе не потому что богатый... А вы и повѣрили?.. Ничего другаго не оставалось... Я тогда была будто деревянная, за кого бы ни отдали... Такъ наболѣло... Когда ужъ стали вѣнчать,

опомнилась... И вдругъ на меня напалъ страхъ, такой страхъ, что я едва на ногахъ устояла.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Какъ это горько, какъ это ужасно!.. И, знаете, голубушка, послѣ всего, что вы пережили, притомъ, что и въ замужествѣ, говорятъ, ваша жизнь не красна, я удивляюсь на васъ...

ВѢРА. Кажется, нѣтъ ничего удивительнаго.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Удивляюсь тому, что въ васъ ни раздражительности, ни озлобленія, ни апатіи, словомъ ничего, что̀ остается послѣ тяжелыхъ испытаній и-главное... при безнадежности. Въ васъ ясное, доброе, хорошее спокойствіе, полное особенной прелести.

ВѢРА. Ну, ужь не знаю.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Это видно по всему, по вашему взгляду, по вашей хорошей, немного грустной улыбкѣ, по всему!

ВѢРА [со вздохомъ]. Во мнѣ нѣтъ того спокойствія, какъ кажется вамъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Да? [Подумалъ]. Скажите, голубушка... Но можетъ быть я напрашиваюсь на излишнюю откровенность?

ВѢРА. Я бы сказала, но не умѣю, да и не знаю что... Какъ-то глухо, не ясно самой... Если примѣръ взять. Положимъ, мнѣ сдѣлали непріятность. Если я и огорчусь, то все-таки принимаю спокойно; но въ тоже время чувствую, что это поверхностно, а что задѣнь меня глубже, я вовсе не такъ поступлю... Силу такую чувствуешь въ себѣ, скрытую. Понимаете? Впрочемъ, я, должно быть, глупости говорю.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Нѣтъ, нѣтъ, я отлично васъ понимаю.

ВѢРА. Такъ видите .. Вотъ я и не знаю, какъ бы тогда поступила. Можетъ быть, такъ, что всю жизнь проклинала-бъ себя. [Смотритъ на часы]. Однако пора домой.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Пожалуйста!:. Я только что получилъ очень непріятное письмо...

ВѢРА. Отъ... оттуда?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Ну да, отъ жены. Поднялись тяжелыя

воспоминанія, тѣмъ болѣе тяжелыя, что я былъ отъ нихъ дальше, нежели когда нибудь. И вдругъ вы! Я такъ обрадовался вамъ! Когда васъ увидишь, такъ и живешь цѣлый день подъ этимъ впечатлѣніемъ. И какой это хорошій день! А завтра опять ищешь случая встрѣтиться съ вами. Видѣть васъ — стало для меня привычкой, больше: потребностью.

ВѢРА. Не надо придавать мнѣ такого значенія... Ну, вы меня понимаете...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Но какъ-же, если это такъ?

ВѢРА. Во первыхъ, вы можете ошибаться во мнѣ...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Вѣра Дмитріевна! Я не мальчикъ.

ВѢРА. А главное не нужно потому, что не пришлось-бы отвыкать...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Отвыкать?! [Грустно задумался].

ВѢРА [подавляя волненіе]. Ну вотъ стали какой!.. О чемъ вы задумались?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Что сказала и спрашиваетъ!.. „Отвыкать"!.. Вы такое милое, отрадное явленіе въ моей горькой жизни, что съ вами я забывался, отдыхалъ душею и боялся смотрѣть впередъ, не думая ни о чемъ, кромѣ васъ...

ВѢРА. Но какъ-же не думать?

СИЛЬВАЧЕВЪ [съ горечью]. Да. Нельзя закрывать глаза на свое положеніе, нельзя не считаться съ нимъ... Но каково это?

ВѢРА. Я не говорю, что легко...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Ахъ, мучительно!

ВѢРА [низко опустивъ голову]. Можетъ быть... и не для васъ одного...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Голубушка моя! [Схватилъ ея руки]. Какъ-бы я разцѣловалъ ваши ручки за это!

ВѢРА [освобождаетъ руки]. Вы забыли, что мы на бульварѣ. [оглянулась]. Ахъ! [Понизивъ голосъ]. Какъ вы не осторожны!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Господинъ, идущій сюда, вашъ знакомый?

ВѢРА. Деверь... Ну, если замѣтилъ?..

сильвачевъ [неувѣренно]. Нѣ-ѣтъ.

вѣра. Вообще не ловко... Онъ не знаетъ, что мы знакомы.

сильвачевъ. Я буду въ отчаяніи, если вамъ сдѣлаютъ непріятность...

вѣра. Нѣтъ... Онъ хорошій... Ничего... Кстати я васъ познакомлю.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Вѣра Дмитріевна, Сильвачевъ и Сергѣй Прокофьичъ Разваловъ *).

сергѣй прокоф. Вѣрочка! Вотъ не ожидалъ встрѣтить!

вѣра. Я изъ церкви... Въ оранжерею зашла... Встрѣтились... Но позвольте васъ познакомить, господа. Братъ моего мужа, Сергѣй Прокофьичъ... Яковъ Андреевичъ Сильвачевъ.

сергѣй прокоф. Весьма пріятно-съ. [Пожимаетъ Сильвачеву руку].

вѣра. Помните, я разсказывала, что меня едва не задавили въ соборѣ... когда проѣзжалъ митрополитъ?

сергѣй прокоф. Ахъ, да!

вѣра. Яковъ Андреичъ былъ такъ добръ, взялъ меня подъ защиту, пока схлынула толпа...

сергѣй прокоф. Не зналъ. Позвольте поблагодарить васъ, Яковъ Андреичъ.

сильвачевъ. Помилуйте, объ этомъ не стоитъ и говорить!

сергѣй прокоф. Какъ же не поблагодарить за такое вниманіе! Да, говорили, въ соборѣ была тогда страшная давка. Какую-то старуху такъ притиснули къ двери, что къ вечеру померла. И самого Владыку, говорятъ, чуть съ ногъ не сбили. Народъ грубый-съ, а всякому желательно

*) Сергѣй Разваловъ, по одеждѣ и внѣшнему виду, вовсе не походитъ на купца.

получить святительское благословеніе. Очень, очень признателенъ, что изволили взять Вѣрочку подъ свое покровительство. Осмѣлюсь надѣяться, что сдѣлаете намъ честь, посѣтите насъ? Вѣра, развѣ ты не приглашала господина полковника?

ВѢРА. Я хотѣла...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Какъ же ты?.. Съ этого слѣдовало начать.

ВѢРА. Я буду очень рада, если Яковъ Андреичъ...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Съ удовольствіемъ. Благодарю васъ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Вотъ и прекрасно. Вѣра у насъ домосѣдка, знакомствъ не любитъ. Правду сказать, много ли здѣсь и людей, съ которыми пріятно знакомство? Одни— народъ сѣрый, а другіе... Можетъ быть, видали нашихъ щеголихъ на вокзалѣ-съ, въ веселой компаніи?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Случалось.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Ну, то-то. Шампанское, пьяный смѣхъ и всякое безобразіе. Наши цивилизованныя, хе, хе! Къ этимъ Вѣра ужь ни съ какой стороны не подходитъ. Вотъ и живетъ въ уединеніи. Поэтому я особенно радъ знакомству съ вами, Яковъ Андреичъ. Въ нашей однообразной жизни, человѣкъ просвѣщенный, всѣми уважаемый—неоцѣненный гость.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Я не изъ веселыхъ людей, Сергѣй Прокофьичъ. Мое общество едва ли можетъ развлечь и... Во всякомъ случаѣ, приглашеніе ваше принимаю съ искреннимъ удовольствіемъ. [Вѣра беретъ Развалова подъ руку].

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Хочешь идти?

ВѢРА. Пора.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. И такъ, будемъ ждать-съ. За честь почтемъ... До пріятнаго свиданія, Яковъ Андреичъ! [Раскланиваются и уходятъ съ Вѣрою вправо].

СИЛЬВАЧЕВЪ [садится]. Однако, вышло не ловко. Разваловъ не могъ не замѣтить нашего смущенія. Очевидно, онъ былъ непріятно удивленъ, хотя скрылъ и держался съ

достоинствомъ. Можетъ быть, для того, чтобы дать ей оправиться?.. Возможно и то, что у нихъ произойдетъ непріятное объясненіе. Вотъ ужь это досаднѣй всего!.. А, забыла! [Взялъ со скамьи букетъ]. Она сказала, что любитъ цвѣты. Пришлю ей самыхъ лучшихъ изъ оранжерей. Эти возьму на память... Встрѣча съ Разваловымъ вводитъ меня въ дѣйствительность. Непріятная встрѣча! Знакомство съ мужемъ ея будетъ еще непріятнѣй, а неизбѣжно... Если вдуматься въ ея и свое положеніе—куда я иду?.. Я былъ слишкомъ не сдержанъ сегодня. Не хорошо... Да при ней нельзя, при ней всякая нерѣшительность пропадаетъ! Что за прелесть она!.. А между тѣмъ все противъ насъ. Она права, что нельзя не думать объ этомъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сильвачевъ и Ветенскій [справа].

ВЕТЕНСКІЙ. Ба! ты еще здѣсь? А я успѣлъ отлично позавтракать, даже съ шампанскимъ. Захожу въ ресторанъ выпить водки. Слышу изъ коридора шумъ, гвалтъ.—Что такое?—„Никандръ Прокофьичъ изволятъ"... А, Разваловъ! Значитъ, кутежъ, разливанное море. Туда!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Это какой же Разваловъ?

ВЕТЕНСКІЙ. Младшій. Ихъ два брата. Мужъ той особы, съ которой ты, оказывается, знакомъ. Гмъ! дѣло не чисто!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Перестань!

ВЕТЕНСКІЙ. Ну, сей самый Никандръ—первый у насъ безобразникъ. Только что я къ нимъ вошелъ, вся компанія загалдѣла, цѣловаться лѣзутъ. Сейчасъ шампанчика... [Хотѣлъ, не замѣчая букета, сѣсть не него, но Сильвачевъ успѣлъ его взять и переложилъ на другую сторону]. Это откуда у тебя?.. Те-те-те! Я сейчасъ встрѣтилъ Развалову...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Такъ что же?

ВЕТЕНСКІЙ. Ужь не свиданіе ли было у васъ? Признавайся: ея букетъ?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Нѣтъ.

ВЕТЕНСКІЙ. Ну, и врешь. Не съ неба же онъ свалился? Ахъ, скромникъ! Каковъ? Впрочемъ, ты въ унылой меланхоліи, въ состояніи, когда, такъ сказать, грусть щемитъ сердце. Оно часто бываетъ у старѣющихъ дѣвъ и барынь подъ сорокъ. Чрезвычайно легко влюбиться тогда. Ну, и катай. Она премиленькая.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Не понимаю, къ чему ты несешь этотъ вздоръ!

ВЕТЕНСКІЙ. Скажите! Да вѣдь ты съ нею знакомъ? И Аравинъ говорилъ, что васъ видали вмѣстѣ. Ты даже покраснѣлъ...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Знакомъ случайно и очень мало...

ВЕТЕНСКІЙ. То и плохо, милый другъ, что „случайно". Случай для такихъ, какъ ты—все, судьбу вашу строитъ. Взять хоть твою женитьбу...

СИЛЬВАЧЕВЪ [съ досадой]. Опять!

ВЕТЕНСКІЙ. Нѣтъ, постой. Ты вовсе не увлекался кузиной, когда женился на ней. На моихъ глазахъ было. Она выбрала тебя и взяла. Не она, такъ другая взяла бы точно также. Значитъ, женитьба твоя—случайность. И случайное знакомство съ Разваловой...

СИЛЬВАЧЕВЪ [встаетъ]. Довольно! Объ одномъ прошу тебя, Алексѣй Иванычъ, пожалуйста не болтай про это.

ВЕТЕНСКІЙ [серьезно и искренно]. Напрасно, пріятель, считаешь меня за сплетника. Не Аравинъ же я въ самомъ дѣлѣ! Если давича я сказалъ, что принимаю въ тебѣ искреннее участіе, то сказалъ совершенно серьезно. И—какъ знать?—можетъ быть, вскорѣ ты убѣдишься въ этомъ на дѣлѣ...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Извини, если такъ... [Въ отдѣленіи вдругъ раздается нестройный Камаринскій, исполняемый двумя визгливыми скрипками, контрабасомъ, хриплою валторною и турецкимъ барабаномъ].

ВЕТЕНСКІЙ. Слышишь? Это они. На воздухъ перешли безобразничать.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Кто они?

ВЕТЕНСКІЙ. А вотъ кто.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и **Никандръ Прокофьевичъ Разваловъ** [подгулявшій, въ довольно растерзанномъ видѣ, стоитъ въ глубинѣ сцены, на дорожкѣ].

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Ветенскій!.. Алеша!.. Иди къ намъ!.. Мы на прохладу... Ахтерку подцѣпили, братъ! опереточную... Плясать заставимъ, ха, ха!.. Тутъ бу-детъ!.. Иди проворнѣй!

ВЕТЕНСКІЙ [подмигнулъ Сильвачеву]. Хочешь, познакомлю?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Уволь. [Ветенскій пошелъ къ Никандру [Прокоф.]. Такъ этотъ-то ея мужъ?!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Большая комната въ домѣ Разваловыхъ, съ богатою обстановкою. Налѣво, въ углу, стеклянная дверь на балконъ, въ садъ; посерединѣ дверь въ залу, направо—въ комнату хозяйки.—По лѣвой сторонѣ окна, уставленныя цвѣтами. У двери въ садъ также цвѣты, на низенькихъ деревянныхъ тумбахъ. По правой стѣнѣ диванъ, столъ передъ нимъ и кресла. Надъ диваномъ овальное зеркало. По лѣвой—кушетка и рабочій столикъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сергѣй Прокофьичъ [сидитъ на кушеткѣ, въ очкахъ и читаетъ книгу], **Никандръ Прокофьичъ** [ходитъ по комнатѣ] и **Вѣра** [съ лейкою у цвѣтовъ].

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Намъ только и дѣла, что съ цвѣтами возиться! Во всемъ домѣ натыканы. Одна сырость.

[Вѣра перестаетъ поливать]. Развела!.. Я вотъ повыкидать велю половину. — Анемподистъ Иванычъ пріѣхалъ вчера. Гость почтенный. Хозяйкѣ принять бы, какъ должно. А моя съ грязными руками на встрѣчу. Вишь, цвѣты пересаживала!.. Одѣта чортъ знаетъ какъ. Срамъ!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Гмъ!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Анемподистъ Иванычъ свою-то жену разрядитъ, прокатится съ нею — въ носъ шибанетъ встрѣчному. Всякій ей нарядъ въ красоту. А мою во что ни ряди — нѣту вида. [Вѣра сѣла на диванъ. Становясь передъ нею]. Да гнушается еще, наряды въ сундукахъ гніютъ!

ВѢРА. Я не люблю наряжаться.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Потому что цѣны мужниной заботѣ и вниманію не имѣешь. Вотъ почему. Кажется, прежде въ нищетѣ жила, въ отрёпьяхъ ходила, должна бы чувствовать, что для тебя дѣлаютъ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [снимая очки, Вѣрѣ]. У брата голова болитъ. Кутилъ вчера.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Кутилъ. И опять буду. Что жъ изъ этого? Чего мнѣ дома сидѣть? Не съ женой ли?—Утѣха!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Перестань!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Вотъ еще!.. О чемъ съ нею разговоры вести? Одна скука. Ни она компанію составить тебѣ, ни разуважить, ни распотѣшить!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Ступай, Вѣрочка, къ себѣ. Вздорныя рѣчи не зачѣмъ слушать. [Вѣра уходитъ въ правую дверь].

ЯВЛЕНІЕ II.

Сергѣй Прокофьичъ и Никандръ Прокофьичъ.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Нѣтъ, не вздорныя, а...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Ка-акъ? Что ты безобразникъ, такъ и жена, въ угоду тебѣ, должна то-же дѣлать?

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Ты за нее заступникъ всегда. Въ чемъ надо, по твоему дѣлаю, не прекословлю; ну и ты не препятствуй мнѣ, не шныряй въ каждый слѣдъ. Вотъ еще!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Что ты сказалъ?!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Да право! Коли нравъ у меня такой!.. Лошадь, къ примѣру, такую мнѣ, чтобы какъ чертъ, изъ оглоблей рвалась. Ахнуть и слѣдъ простылъ. Пить ежели, такъ чтобы во весь развертъ... Значитъ, кровь во мнѣ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Если ты таковъ по натурѣ, такую-бъ и жену бралъ. Раньше смотрѣть нужно было. А жена ни въ чемъ не повинна и обижать ее не дадутъ.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Не любя она шла за меня. Вотъ что. Зачѣмъ шла, если такъ? На деньги польстилась, на богатое житье!..

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Стой, стой! Это ужь подло. Хотѣла она за тебя идти? Не зналъ ты, что силой ее выдавали? Не зналъ, что подневольная она была, сирота горькая? Не зналъ?

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Ну... зналъ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. То-то и есть. Не остерегалъ я тебя, не урезонивалъ?

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Врѣзамшись былъ, вынь да положь!.. Гдѣ глаза были? Чертъ знаетъ!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Видѣлъ я, очень хорошо видѣлъ, что Вѣра тебѣ не подходитъ. Ты и слушать меня не хотѣлъ. Что вышло? Ты сразу ее запугалъ, а потомъ бросилъ и сталъ обижать. Хорошо? А жена она тебѣ добрая, честная. Грѣшно, Никандръ!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Я что-жь... Когда обидишь ее — жалко.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Ну, не всегда тебѣ жалко.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Неровёнъ часъ... Въ сердцàхъ какая-же жалость? Ежели осерчаю, тутъ, братъ... тутъ ужь во мнѣ жалости никакой. Истязать могу.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Отлично про это знаю. И тѣмъ больше ты безобразничаешь, тѣмъ больше человѣческій образъ теряешь. На весь городъ отъ тебя шумъ идетъ. Кутежи, попойки...

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Постой—ухожусь. Говорю—кровь. Утромъ, вставши, не знаешь, куда силу дѣвать; она въ тебѣ словно пудовики перекатываетъ, даже грузно.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Сударушекъ позавелъ. Какая такая Сонька у тебя тамъ, плясунья?

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Ужь и пляшетъ, каналья, то есть ахъ какъ! Вчерась какъ пошла, какъ завилáсь... [Приплясываетъ и напѣваетъ].

Ахъ, вы лапти мои,
Лапотòчки мои!
Ахъ, вы частенькіе,
Головастенькіе!..

Жги, жаррь, чортъ побери!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Хорошо, очень хорошо! Жена тоже смекаетъ..

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. А пусть...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. То-то пусть! Всякій стыдъ потерялъ. Тебѣ все равно что люди ни скажутъ, во вниманіе не берешь.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Да полно тебѣ, полно! Ну, что ты... э-эхъ! Понимаю, хорошаго нѣту, точно. Говорю—ухожусь. Пойдетъ начальить умастъ хоть кого .. Коли-бъ я не почиталъ тебя, али какъ... А то—самъ знаешь—всею душей... Замѣсто отца... Кабы не ты, не живи я за тобой, какъ за стѣной каменной...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. И не дурилъ бы. Образумься, Никандръ. Время. А главное—жену... Боже тебя сохрани!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. А Богъ съ ней! Развѣ я какъ?.. Нынче же ей гостинецъ куплю. [Уходитъ. Сергѣй махнулъ на него рукой].

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Крѣпко жаль Вѣрочку. Какая ей,

жизнь, чего ждать? Жить бы ей душа въ душу, тихо, любовно... Такая вотъ и невѣста моя была, покойница Маша. И лицемъ схожи удивительно, будто сестры родныя... Раздумаешься объ одной, другая на умъ прійдетъ. Такъ всегда... Потому должно быть Вѣрочка и мила мнѣ. А Никандръ знай дудитъ: „погоди, ухожусь!“ Добро! И уходишься, кой въ тебѣ прокъ?.. Гмъ!.. Съ нѣкотораго времени замѣчаю, что на брата у меня озлобленіе какое-то... За Вѣру?.. Скверное, ѣдкое чувство... Схлынетъ оно, будто совѣстно станетъ. Что такое?.. Потому, вѣроятно, что Никандръ ужь терпѣніе мое истощилъ. Вотъ еще Сильвачевъ... Никакъ не могу отдѣлаться отъ непріятнаго чувства, когда встрѣтилъ ихъ съ Вѣрой. Избѣгаю думать объ этомъ, даже боюсь... слишкомъ это волнуетъ меня... а все думается.

ЯВЛЕНІЕ III.

Сергѣй Прокофьевичъ и Вѣра.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Ты, Вѣрочка, не огорчайся, что братъ... Безъ разума мелетъ.

ВѢРА. Правду сказать, Сергѣй Прокофьичъ, какая я ему и жена? Вовсе не подходящая... А все же обидно бываетъ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Въ обиду тебя не дадутъ. Помни всегда. [Погладилъ ее по головкѣ].

ВѢРА. Конечно, еслибъ не вы, совсѣмъ бы мнѣ плохо... Очень ужъ вы добры ко мнѣ и участливы... Заступитесь, образумите... Съ вами легко, хорошо... Вы серьезный всегда, невеселый, а мнѣ легко и всякій я вамъ вздоръ говорю, что на умъ взбредетъ

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. То и хорошо, то и дорого мнѣ.

ВѢРА. Сергѣй Прокофьичъ, отчего я никогда не видала васъ веселымъ?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Вотъ о чемъ вздумала!.. Интереснаго, кажется, въ этомъ немного... Характеръ такой у меня.

ВѢРА. Нѣтъ. Я всматривалась. Это потомъ сдѣлалось съ вами... Горе налегло, что ли?.. Еслибъ характеръ, такъ бы и видно было, а то нѣтъ. Чему вы улыбаетесь? Правду я говорю?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Можетъ быть. У тебя сердце чуткое... [Смотритъ на нее съ чувствомъ]. И спасибо тебѣ, большое спасибо!

ВѢРА. За что?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. За участіе. Ни въ комъ я не видалъ его, Вѣра, то есть къ душѣ-то своей, ни въ комъ... [Въ волненіи пожалъ ея руку и сталъ медленно ходить по комнатѣ]. Да, жизнь моя пришла одиноко, сурово... Потерю перенесъ тяжкую... И въ томъ несчастіе мое, что образованія не получилъ. Отъ природы былъ любознателенъ чрезвычайно, все интересовало меня. Сталъ учиться, читать, лабораторійку завелъ, микроскопъ и разныя разности. Гору книгъ перечелъ, всякихъ, да толку не вышло изъ этого... Нить утерялъ. Великій поэтъ нашъ сказалъ:

„Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ и все безъ толку“.

Такъ вотъ и я. А тутъ, по смерти родителя, за торговое дѣло взяться пришлось. И остался я ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ. Отъ своего брата купца отсталъ, а къ образованнымъ не присталъ... О чемъ задумалась?

ВѢРА [очнувшись отъ задумчивости]. Что вы?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Задумалась, молъ, о чемъ?

ВѢРА. Я? Слушала.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ [съ принужденнымъ смѣхомъ]. Ну, хорошо, пусть такъ. Вѣдь и занимательнаго въ моей рѣчи не много.

ВѢРА [въ смущеніи]. Право, я...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Да хорошо! [Прошелся молча]. За послѣднее время ты поблѣднѣла. Иль опять безсонница, грудь болитъ?

ВѢРА. Да, нервы что-то...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [съ испытующимъ взглядомъ]. Возбуждены. Замѣтилъ. Пошли за докторомъ.

ВѢРА. Ахъ, надоѣли они мнѣ!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [останавливаясь у двери въ садъ]. Ба! какіе прекрасные цвѣты!

ВѢРА. Гдѣ?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. А вонъ, на балконѣ. Новость. Купила?

ВѢРА. Н...нѣтъ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Откуда же они?

ВѢРА. Не знаю.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Какимъ же образомъ они попали сюда?

ВѢРА. Прислали... Садовникъ принесъ...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Прислали? Кто же прислалъ?

ВѢРА. Не знаю.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Такъ и не дозналась кто?

ВѢРА. Нѣтъ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Интересно. [Молчаніе. Измѣнившимся голосомъ]. Ухаживаетъ за тобой кто-нибудь, что присылаетъ подарки, а ты принимаешь?

ВѢРА. Я не видала, какъ ихъ принесли... хватилась спросить—откуда? а садовникъ ушелъ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Вѣра, ты правду говоришь: *не знаешь*, кто прислалъ цвѣты? [Зорко на нее смотритъ].

ВѢРА. Нѣтъ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Но догадываешься?.. Глаза опустила. Не хорошо скрывать... Такъ и не скажешь—отъ кого и что это значитъ?

ВѢРА [холодно]. Я уже сказала вамъ, что не знаю.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Женщина обыкновенно принимаетъ небрежный тонъ, когда говоритъ о томъ, что ей нужно скрыть, и весьма легко обижается, когда виновата. [Вѣра пожала плечами]. Но эту личину не трудно понять!

ВѢРА. Изъ чего вы волнуетесь, Сергѣй Прокофьичъ? Не понимаю.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Волнуюсь?.. Я ничего... Меня это прямо не касается.

ВѢРА. И мужа моего не касается. Богъ знаетъ изъ чего дѣлать исторію! Вы меня удивляете.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [круто повернулся къ ней, крикливо]. Что-жь я, по вашему, долженъ молчать? а? молчать? Долгъ мой замѣтить, если вижу дурное, если...

ВѢРА [прерываетъ]. Да, вы въ правѣ замѣтить, если бъ я дѣйствительно сдѣлала дурное. И мнѣ никого бы не было такъ стыдно, какъ васъ... какимъ я знала васъ до этой минуты, а не такимъ, каковы вы теперь, съ недобрымъ лицемъ, въ этомъ... непонятномъ волненіи. Такая перемѣна въ васъ... Мнѣ ужасно горько отъ этого.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Не знаю, какую ты усматриваешь во мнѣ перемѣну, но я... до сего времени считалъ тебя честною, прямою женщиной...

ВѢРА. И перемѣнили мнѣніе? Почему, позвольте спросить?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Съ тѣхъ поръ, какъ я наткнулся на васъ съ Сильвачевымъ, вѣра въ тебя поколебалась во мнѣ...

ВѢРА. Вотъ что!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Меня стало грызть сомнѣніе... Я его подавлялъ... Но теперь увѣренъ, увѣренъ, что цвѣты присланы Сильвачевымъ, что ты это знаешь и...

ВѢРА. Лгу? Вы ошибаетесь, Сергѣй Прокофьичъ. Если цвѣты дѣйствительно отъ Сильвачева, то я не вызывала его на эту любезность. Вы сами, когда познакомились съ нимъ, радушно пригласили его бывать и правильно взглянули на наше знакомство. Другаго я и не ожидала отъ васъ. Но вы говорите, что съ тѣхъ поръ васъ что-то *грызетъ*. Выходка ваша, обидная и грубая—извините меня—есть послѣдствіе тѣхъ подозрѣній, которыя запали вамъ въ душу. Отчего это случилось—не понимаю и скорблю, что такъ вышло. Но если вы дорожите моимъ уваженіемъ, если хотите, что-бы я жила, какъ жила, то не оскорбляйте меня! Иначе, можетъ кончиться дурно.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. А-а! ты высказалась достаточно ясно. Понимаю. Даже лучше самой тебя понимаю, что въ тебѣ происходитъ. Сомнѣній нѣтъ... Достаточно ясно. А къ этому надо добавить, что люди особенно склонны обвинять другихъ, когда есть за что обвинить себя. Совѣсть къ этому побуждаетъ, совѣсть!

ВѢРА. Не то! Ни къ чему меня совѣсть не побуждаетъ. Вовсе не то! Я чувствую, что въ васъ что-то особенное, небывалое, что оскорбляетъ меня, мое уваженіе и привязанность къ вамъ. Ну, объясните мнѣ, что это такое? Я не знаю, но чувствую. Это и ожесточаетъ меня. Объясните!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. (подавленнымъ голосомъ). Мнѣ кажется, что ты слишкомъ нервна... а нервные люди... (Замялся).

ВѢРА (съ живостью). Что?.. И почему вы смутились?.. и поблѣднѣли? Чѣмъ объяснить это? Облегчите меня, скажите!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Оставимъ, Вѣра! (Уходитъ).

ВѢРА. Нѣтъ, сердце меня не обманываетъ. Въ Сергѣѣ Прокофьичѣ что-то отталкивающее... Говори онъ кротко, по прежнему, и я разрыдалась бы у него на груди, какъ бы ни была виновата. А теперь мнѣ не пріятно подать ему руку... Да, начинается новая жизнь, совсѣмъ другая... Если все сообразить, разобрать, то Сергѣй Прокофьичъ отчасти и правъ, что набросился на меня... Въ эти нѣсколько дней я избѣгала Якова Андреича. Но чего мнѣ стоило переломить себя и сидѣть дома, не видя его!.. и зная, какъ онъ огорченъ этимъ, хандритъ!.. Ужасно жалко его... Какъ онъ хорошо это сказалъ: „вы такое отрадное явленіе въ моей горькой жизни“. Милый!.. Цвѣты, конечно, прислалъ онъ; но отчего самъ не ѣдетъ?.. А если Сергѣй Прокофьичъ какъ нибудь стороною отклонилъ его визитъ? Теперь я допускаю эту возможность. О, тогда... тогда я докажу, что опека надо мною напрасна!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вѣра и Агафья.

АГАФЬЯ. Богъ милости прислалъ!

ВѢРА. Здравствуй, Агафьюшка!

АГАФЬЯ. Здравствуй, красавица моя! [Цѣлуются].

ВѢРА. Отъ обѣдни?

АГАФЬЯ. Какъ же, была, матушка, была.

ВѢРА. Садись.

АГАФЬЯ. Ту-утъ? Будто какъ и не идетъ мнѣ...

ВѢРА. Садись, ничего. Чаю не дать-ли?

АГАФЬЯ. Сейчасъ отъ чаю, матушка. Пила. Благодарствую. [Садится]. У кого пила-то, спроси. Подивишься.

ВѢРА. У кого же?

АГАФЬЯ. У полковника.

ВѢРА [съ живостью]. Сильвачева?

АГАФЬЯ. Да-а! Шутка—въ честь какую попала!

ВѢРА. Какимъ образомъ?

АГАФЬЯ. Къ нему-то? Зазвалъ. Онъ вѣдь добрѣющей души, ангельской. Нами, бѣдными, не брезгаетъ. Помогаетъ мнѣ, пошли ему Царица Небесная!.. Привелъ къ себѣ, въ кресло посадилъ, не хуже какъ ты. Вотъ-те и Агафья, хе, хе!

ВѢРА. Ну, какъ же, какъ?

АГАФЬЯ. Что, матушка?

ВѢРА. Какъ живетъ, въ квартирѣ какъ у него?

АГАФЬЯ. А хорошо, такъ-то хорошо! Чисто, свѣтло. Квартирка по себѣ небольшая, а хорошо. Будто какъ и не военный живетъ, схоже—келейка. Ужь и ласковъ же, Боже мой! Я такихъ и не видывала изъ мущинскаго пола.

ВѢРА. Ну, какъ же вы, о чемъ говорили?

АГАФЬЯ. О многомъ, матушка, разговоръ былъ. Про мою сиротскую долю разспрашивалъ. Участливый онъ... О тебѣ говорили.

ВѢРА. Обо мнѣ? Что же обо мнѣ-то?

АГАФЬЯ. Хвалилъ. „Милая, говоритъ, она такая, видно, что души безподобной. На лицѣ говоритъ, у ней это написано“... [Вѣра стремительно обняла старуху и крѣпко поцѣловала, такъ что та удивилась]. Какъ ты меня... хе-хе-хе! Веселенькая стала, пташка моя.

ВѢРА. Съ тобой всегда весело. А знаешь, Сергѣй Прокофьичъ звалъ полковника къ намъ. Они познакомились.

АГАФЬЯ. Сказывалъ, какъ же.

ВѢРА. Не собирается?

АГАФЬЯ. Очень, говоритъ, желательно къ Разваловымъ, да все недосугъ, вишь.

ВѢРА. Недосугъ?.. Нашелъ бы время, еслибъ хотѣлъ.

АГАФЬЯ. Это точно. Ну, будто какъ сумлѣвается онъ, то-сё... Я такъ, матушка, замѣчаю, что не карахтеренъ онъ. Думаетъ, да отдумаетъ. Къ примѣру, лежали у него письма написаны. Позвалъ слугу Лакей у него Власъ.— „На, велитъ, на почту снеси“. Отдаетъ два письма. Только вышелъ Власъ, онъ опять его кличетъ.—„Подай, говоритъ, назадъ“... письма тѣ. „Это, говоритъ, снеси, а это не надо“. Взялъ его, подумалъ, повертѣлъ-повертѣлъ и въ клочки. Власъ и говоритъ... Сердитый такой.—„Хоть бы конвертовъ, говоритъ, не изводили зря. Больше нарвете ихъ, чѣмъ въ дѣло пойдутъ“. А конверты, вишь, все штемпельные. Такъ вотъ, матушка. Изъ всего человѣка видать.

ВѢРА [со вздохомъ]. Да. [Отошла къ столу и перелистываетъ книгу]. А про ту... про жену свою не говорилъ ничего?

АГАФЬЯ. Ну вотъ! Станетъ онъ объ ней говорить! Ништо весело?

ВѢРА. Портретъ ея не видала?

АГАФЬЯ. Статочное дѣло ему патреты ея развѣшивать! Что ты, матушка!

ВѢРА. А можетъ быть онъ все еще любитъ ее? Чего не бываетъ!

АГАФЬЯ. А Христосъ знаетъ! Да что мы все объ немъ, да объ немъ! Ай онъ сродственникъ тебѣ?

ВѢРА. И правда. Ну, пойдемъ накормлю. Пирога съ маслицемъ скушаешь.

АГАФЬЯ [встаетъ]. Ахъ, ты пташка моя, благодѣтельница! Ну, пойдемъ, пойдемъ' Видно, съ утра мнѣ праздникъ сегодня. [Уходятъ въ дверь направо].

ЯВЛЕНІЕ V.

Сильвачевъ [въ визитной формѣ] и Сергѣй Прокофьичъ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [пропуская гостя впередъ]. Вотъ вы и изволили пожаловать къ намъ! Весьма радъ-съ. Покорно прошу садиться.

СИЛЬВАЧЕВЪ [садится]. А Вѣра Дмитріевна?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Дома. Она ожидала васъ скорѣй у себя видѣть.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Все собирался, но... какъ-то не приходилось. Здоровье ея?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Ничего... но въ расположеніи ея духа замѣчается нѣкоторая перемѣна за послѣднее время.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Да? Какая же?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [про себя]. Какъ это интересуетъ его! [Сильвачеву]. То она разсѣяна, задумчива, то не въ мѣру и... странно оживлена. Въ этомъ состояніи на женщинъ иногда ласковость нападаетъ, участливость... даже къ тому, чѣмъ въ сущности онѣ вовсе не интересуются. [Съ усмѣшкой]. Избытокъ чувствъ. . Я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ сегодня Ну, бываетъ и раздражительна...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Вѣра Дмитріевна?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ Даже слишкомъ. А въ раздражительности нервная женщина способна высказаться откровеннѣй, чѣмъ бы желала [Останавливаетъ на немъ испытующій взглядъ].

СИЛЬВАЧЕВЪ' [про себя, въ смущеніи]. У нихъ что-то вышло.

[Сергѣю]. А я думалъ—наоборотъ, что Вѣра Дмитріевна характера ровнаго, всегда спокойна...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [съ усмѣшкою]. Надо полагать, что спокойствіе ея чѣмъ-нибудь возмутилось. Во всякомъ случаѣ, неровность въ расположеніи ея духа слѣдуетъ приписать не тѣлесному разстройству. Случалось вамъ наблюдать такія явленія и вдумываться въ причины ихъ, Яковъ Андреичъ?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Ахъ, мало ли причинъ!.. Скорѣе всего ближайшія...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. То есть *въ семьѣ*, вы хотите сказать?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Зачѣмъ же? Нѣтъ... Вообще это такой затруднительный вопросъ... [Про себя]. Что за выпытыванье? [Сергѣю]. А вы, кажется ведете самую обширную торговлю въ здѣшнихъ мѣстахъ?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [безучастнымъ тономъ]. Порядочную... Хлѣбное дѣло у насъ... А вотъ и Вѣра!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Вѣра.

ВѢРА [радостно]. Здравствуйте, Яковъ Андреичъ! Наконецъ-то вы у насъ! Какъ я рада!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [въ сторону]. Слишкомъ даже. [Принимаетъ наблюдательное положеніе, что замѣчено Вѣрой].

ВѢРА. Не хотите ли кофею, закусить?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Нѣтъ, очень вамъ благодаренъ. [Краткое молчаніе].

ВѢРА. Что новенькаго?

СИЛЬВАЧЕВЪ Да что вамъ сказать? Право, не знаю. Жизнь въ вашемъ городѣ такъ однообразна... Ни общественныхъ развлеченій, ничего...

ВѢРА. Да. У насъ что ни открывали: театръ, циркъ—все погибало, по недостатку публики и сочувствія. Сергѣй Прокофьичъ говоритъ... и очень мѣтко... что городъ нашъ

похожъ на грязнаго и сердитаго кулака, какихъ встрѣтите здѣсь на каждомъ шагу. [Оба взглянули на Сергѣя. Молчаніе].

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [усмѣхнулся и рѣзко перемѣнилъ позу]. А я все любуюсь на цвѣты, которые неизвѣстно кто прислалъ Вѣрѣ. Великолѣпные!

ВѢРА [вспыльчиво]. Яковъ Андреичъ, кажется, не такой любитель цвѣтовъ, чтобы этимъ интересоваться.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Гмъ!

ВѢРА. Что вы подѣлываете?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Все тоже... служба, читаю...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Если Яковъ Андреичъ и не охотникъ до цвѣтовъ, то могъ освѣдомиться, что ты любишь ихъ. Вы вѣдь видались...

ВѢРА [въ сторону]. Невыносимо!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. И сдѣлать въ этомъ отношеніи пріятное развѣ не естественно со стороны любезнаго кавалера?

СИЛЬВАЧЕВЪ. То есть, вы хотите спросить: я ли прислалъ цвѣты?—Да, я.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. А Вѣра никакъ не могла догадаться!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Простите, Вѣра Дмитріевна, что я позволилъ себя...

ВѢРА [съ чувствомъ]. Очень, отъ всей души благодарю васъ! [Крѣпко пожала ему руку. Сергѣя Прокоф. покоробило].

СИЛЬВАЧЕВЪ [Сергѣю Прокоф.]. Но во всякомъ случаѣ, я не имѣлъ причинъ дѣлать изъ этого тайну. А если поступокъ мой сочтенъ неловкимъ, прошу извинить.

ВѢРА. Напротивъ, у васъ надо просить извиненія, Яковъ Андреичъ, у васъ!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Къ чему это!

ВѢРА. Мнѣ стыдно... я возмущена!..

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Чтобы тебя успокоить, я не стану мѣшать вашей бесѣдѣ. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сильвачевъ и Вѣра.

сильвачевъ. Что это значитъ?! [Вѣра горько заплакала]. Перестаньте, Вѣра Дмитріевна! Ну, стоитъ ли?.. Пожалуйста!.. Еслибъ я могъ предвидѣть...

вѣра. Кто же могъ это предвидѣть? Неужели я не предупредила бы васъ, еслибъ ожидала, что васъ такъ примутъ?

сильвачевъ. Успокойтесь, пожалуйста!

вѣра. Сергѣй Прокофьичъ меня поразилъ. Онъ ли это? Онъ ли, всегда добрый, ласковый, деликатный? Теперь только я поняла, какое значеніе въ моей жизни имѣло все это. Да, вотъ почему я была спокойна; вотъ почему не принимала къ сердцу оскорбленій отъ мужа и мало ли чего! Нѣтъ этого—и все пошатнулось, будто рушилась опора какая-то. Я удивительно ясно сознаю это. Именно рушилось все. Сегодня Сергѣй Прокофьичъ впервые возмутилъ меня. Теперь оскорбилъ за себя и за васъ, въ особенности за васъ... Помните, я сказала, что не знаю, какъ снесу, если задѣнутъ меня за живое, какою стану тогда? Это самое и случилось.

сильвачевъ. Я предчувствовалъ, что выйдетъ непріятность. Потому и медлилъ къ вамъ, хотя мнѣ ужасно хотѣлось васъ видѣть... Вы не выходили у меня изъ головы, я ни минуты не былъ покоенъ... Нигдѣ не видя васъ, я понялъ, что вы меня избѣгаете.

вѣра. Вы что же подумали?

сильвачевъ. Что... что въ васъ нѣтъ живаго сочувствія къ тому, что я высказывалъ въ послѣдній разъ...

вѣра. Ахъ, это?... Я васъ очень ждала... [Съ ироніей]. А васъ „предчувствія" заставили „медлить"!

сильвачевъ. Главное, я боялся навлечь непріятность на васъ. Такъ, къ несчастью, и случилось. Понятно, что

здѣсь мнѣ бывать не возможно. Слишкомъ ясно показали, что этого не хотятъ. Но неужели?..

ВѢРА. Что?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Неужели по одному этому мы не будемъ видѣться съ вами?

ВѢРА [съ оттѣнкомъ негодованія]. Что другое, а *это* — для меня не причина.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Но по другимъ, личнымъ причинамъ? Помните нашъ разговоръ? [Вѣра не отвѣчаетъ]. Скажите-же!.. Милая!..

ВѢРА [рѣшительно]. Увидимся. [Отходитъ]. А теперь уходите. Мнѣ лучше остаться одной...

СИЛЬВАЧЕВЪ [взявъ шапку]. Такъ увидимся? [Она молчитъ, потупившись и подавляя волненіе. Онъ взялъ ея руку]. Когда-же, когда?

ВѢРА. До свиданья. [Хочетъ отойти, онъ нѣсколько разъ цѣлуетъ ея руку]. Идите, идите! [Сильвачевъ уходитъ. Съ сильнымъ движеніемъ]. Еще минута, и я-бы не выдержала, я все сказала-бъ ему!.. Если-бъ Сергѣй Прокофьичъ зналъ, какъ онъ приблизилъ меня къ нему! Да, любовь забрала всю мою душу. Пускай, что хотятъ, то со мною и дѣлаютъ!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Сцена предъидущаго дѣйствія..

ЯВЛЕНІЕ I.

Татьяна [передъ зеркаломъ надѣваетъ галстучекъ яркаго цвѣта].

ТАТЬЯНА. Ишь распрекрасно какъ! Ай да миленькій, зналъ чѣмъ угодить!.. Еще зонтикъ, посулился, куплю, да перчатки... Ежели зонтикъ, да шляпку—чѣмъ не барыня!

ЯВЛЕНІЕ II.

Татьяна и Степанъ [съ письмомъ въ рукахъ].

СТЕПАНЪ. Туда же передъ зеркаломъ! Нескладёха!

ТАТЬЯНА. Ужь вы завсегда невѣжество скажете. А еще умственный человѣкъ!

СТЕПАНЪ. Да!

ТАТЬЯНА. А я на образованнной ногѣ и невѣжества слушать не въ аппетитѣ-съ, потому вы охальникъ.

СТЕПАНЪ. Задать бы тебѣ острастку хорошую, дѣвка!.. а то и вовсе со двора долой.

ТАТЬЯНА. А нуждаюсь! Да хоть сейчасъ. То же о себѣ понятія имѣемъ достаточно.

СТЕПАНЪ. Какъ не имѣть! — Сергѣя Прокофьича не видала?

ТАТЬЯНА. По саду гуляетъ.

СТЕПАНЪ. На, снеси письмо. [Отдаетъ его]. Скажи, молъ, какой-то человѣкъ принесъ, а отъ кого—не сказалъ. Нѣтъ, подай. Самъ снесу. [Взялъ письмо обратно]. Ты еще засунешь куда-нибудь. [Татьяна презрительно фыркнула]. А хозяйки иль опять дома нѣтъ?

ТАТЬЯНА [съ ехидствомъ]. Нѣту, Степанъ Лукьянычъ, нѣту-съ, хи-хи-хи!

СТЕПАНЪ. Чему, дура, хихикаешь?

ТАТЬЯНА. Я-ли дура, или другіе кто у насъ въ дуракахъ есть—еще увидимъ-съ!

СТЕПАНЪ [грозится]. Ой, Танька!.. Знаешь что̀—сказывай, а не то—вотъ те Христосъ—такъ проучу!...

ТАТЬЯНА. Ишь налетѣлъ!.. Можетъ, хозяйка-то ваша ти-ли-ли!.. Почемъ я знаю? Мужъ чертитъ, а ей все сухотиться? Нужно! Опять нашей сестрѣ свихнуться даже очень просто.

СТЕПАНЪ. Да, вотъ тебѣ, потому въ тебѣ бѣсъ гуляетъ. Какъ же ты смѣешь плести на хозяйку?!

татьяна. Ничего я не плету. А ежели кто оглядки вокругъ себя не имѣетъ, оченно отъ этого случается плохо-съ! [Уходитъ в боковую дверь].

степанъ. Точно, есть слухъ... Эхъ, Господи!.. Не даромъ и Сергѣй Прокофьичъ туча-тучею... [Задумался]. Да, письмо. Надо снести. [Уходитъ въ садъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Вѣра [быстро входитъ изъ средней двери, торопливо снимаетъ шляпку и альму и какъ ни попало бросаетъ ихъ].

вѣра. Никого... Слава Богу, что никто не видитъ меня. Закрылась руками и черезъ секунду отняла ихъ]. Милый, какъ онъ любитъ меня!.. Вотъ это жизнь, вотъ это счастье!.. Я не ждала его, никогда. Я свыклась съ мыслью, что кое—какъ проживу свою жизнь, безъ свѣта и радости. И вдругъ!.. О, за такое счастье вынесешь все!.. [Задумалась]. Вынесешь... Вотъ и дрогнуло сердце. Зачѣмъ эти мысли такъ скоро приходятъ?.. Да, какъ-то сложится жизнь?.. Все должно пойти по иному, все .. [Рѣшительно]. Но я твердо приму послѣдствія, безъ увертокъ и лжи, что ни ожидало-бъ меня. Силъ во мнѣ достанетъ на все. Милый, милый! безъ ума, безъ памяти люблю тебя, радость моя!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Вѣра и Сергѣй Прокофьичъ [черезъ залу входитъ изъ сада, опираясь на палку, съ письмомъ въ рукахъ. Онъ блѣденъ, взволнованъ и грузно садится въ кресло].

сергѣй прокоф. Чортъ побери!.. что за пасквиль, что за гадость такая!.. [Тяжело дышетъ и ослабляетъ галстукъ]. И кто писалъ? [Сжимаетъ въ кулакѣ письмо]. Кто этотъ мер-за-вецъ?!

вѣра. Чѣмъ вы такъ взволнованы, Сергѣй Прокофьичъ?

сергѣй прокоф. Помилуй!.. Не хочу вѣрить, я вѣрить не хочу, что бы ты дошла до того .. [Жадно выпиваетъ стаканъ воды].

ВѢРА. До чего-же я дошла?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. А вотъ пишутъ... Была ты у Сильвачева?

ВѢРА. Сильвач... [Про себя]. Узнали!.. [Сергѣю Прокоф.]. Значитъ, объ этомъ вамъ пишутъ?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Была, или нѣтъ?.. [Молчаніе. Кричитъ]. Отвѣчай!

ВѢРА [рѣшительно]. Была.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Была а?! [Поднимается].

ВѢРА. Скрываться не стану. Сама бы все разсказала. Была. Люблю его и была.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Люб... любишъ?! [Губы его задрожали].

ВѢРА. Люблю.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. И... и такъ смѣло... такъ нахально говоришь это?!

ВѢРА [съ вызывающимъ видомъ]. Да, смѣло. Вотъ какъ: если бы всю жизнь муку за это нести,—понесу, но стану благословлять свою любовь и съ нею лягу въ могилу.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. (кричитъ). Молчать!! Не говори такъ, не смѣй! Ты мнѣ... ты мнѣ душу терзаешь!..

ВѢРА [значительно]. *Вамъ?*

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Не допущу!.. Убью, убью его, негодяя!!

ВѢРА. Сергѣй Прокофьичъ, не вынуждайте высказать вамъ горькую, постыдную правду... Ужасно тяжело это... Вы—человѣкъ, котораго я уважала видитъ Богъ какъ!..

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Что же ты можешь сказать про меня? Говори! Уважала! Ха, ха, ха! Говори! Я приказываю!

ВѢРА. Извольте. Вы забыли, что я жена вашего брата Вы изъ *личнаго*, низкаго чувства, стали преслѣдовать меня, ревновать...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [Поблѣднѣлъ. Съ испугомъ]. Что?!

ВѢРА. Оскорблять. И это въ то время, когда упрекнуть меня было не за что. Сначала я не могла понять этого. Я смутно чувствовала, что между нами возникаетъ что—то

тяжелое, нехорошее; но гнала подозрѣнія, какъ недостойныя васъ. Но когда я поняла все, убѣдилась, мнѣ стало больно, обидно и... гадко. Я ужаснулась положенію, въ которое ставило меня ваше чувство. Съ одной стороны—грубый, несправедливый, развратный мужъ, съ другой—вы...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [садится еще блѣднѣе. Какъ бы обороняясь отъ удара]. Довольно, довольно!

ВѢРА. Вѣдь это адъ! Прежде, изъ одного того, чтобы не уронить себя въ вашемъ мнѣніи, я, можетъ быть, поборола бы себя; но когда даже вы, когда все отвращало меня отъ семьи, я слѣпо пошла за своею любовью.—Вотъ что наболѣло у меня на душѣ, Сергѣй Прокофьичъ. Я не хотѣла вамъ говорить... вижу, какъ тяжело вамъ... но вы сами заставили. Теперь вы знаете все. [Уходитъ къ себѣ].

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Неужели?... Боже мой, неужели я?!.. [Закрылся руками. Отнимая ихъ]. Низость! подлость!.. Да она права... Все ясно... Она меня разгадала... Я не смѣлъ въ себя заглянуть... Подавлялъ совѣсть, когда она говорила во мнѣ... Лгалъ передъ собою, постыдно лгалъ, подъ личиною родственныхъ чувствъ... До-жить до та-кой мер-зости!!.. [Сидитъ молча, низко опустивъ голову. Рѣшительно]. Уѣхать! [Встаетъ]. Уѣхать не медля! Я не смѣю взглянуть имъ въ глаза, ни брату, ни ей... А вдругъ и Никандра обо всемъ извѣстили?.. Вѣдь онъ способенъ на все... Надо ей помочь, защитить... Бросить ихъ въ такомъ положеніи не возможно... Помочь непремѣнно... И мнѣ легче будетъ, и она... [Голосъ его дрогнулъ] по крайней мѣрѣ не станетъ вспоминать обо мнѣ съ отвращеніемъ... [Поспѣшно отираетъ слезы].

ЯВЛЕНІЕ V.

Сергѣй Прокофьичъ и **Степанъ** [осторожно входитъ изъ сада].

СТЕПАНЪ. Сергѣй Прокофьичъ, батюшка!.. [Съ участіемъ подходитъ къ нему].

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [оправляясь]. А, Степанъ!.. Вотъ что

Степанъ: нынче я, можетъ статься, уѣду... съ курьерскимъ. Такъ, на всякій случай, приготовь...

СТЕПАНЪ. Ѣхать изволите?.. Слушаю-съ. Ишь вѣдь... Ахъ, Господи, растревожились какъ!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Перестань. Дѣло на твоихъ рукахъ остается, Лукьянычъ.

СТЕПАНЪ. Будьте покойны.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Еще бы! Такъ приготовь, братецъ... Да того... позови Вѣру Дмитріевну. Она у себя.

СТЕПАНЪ. Слушаю-съ. [У боковой двери]. А когда-же обратно изволите быть?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Не знаю, ничего не знаю. Позови-же. [Степанъ уходитъ]. Успокоить ее и... Братъ узнаетъ — бѣда! Лучше всего ей уѣхать, хоть на время... Какъ ихъ оставить вдвоемъ?.. А самому оставаться... силъ моихъ нѣтъ, не могу!

ЯВЛЕНЕ VI.

Сергѣй Прокофьичъ и Вѣра.

ВѢРА [сухо]. Что вамъ угодно?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [озабоченно подходя къ ней]. Вѣрочка.,. вотъ что... Тутъ у меня... [Торопливо достаетъ изъ бумажника пачки кредитокъ]. Возьми.

ВѢРА. Деньги?! [Отступаетъ]. Это зачѣмъ?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Нужны будутъ... Если мужъ спроситъ... узнаетъ... ты вѣдь все скажешь ему?.. про...

ВѢРА. Конечно скажу.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. То-то... Я тебя знаю... Такъ вотъ... Ты не безпокойся, я поговорю съ нимъ, съ Никандромъ... вотъ какъ поговорю!.. А всего лучше тебѣ... хоть на время... подальше. Понимаешь?

ВѢРА. Я и такъ собираюсь. Уѣду.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Ну вотъ... Возьми-же деньги... чтобы ни отъ кого не зависѣть и все... Важно это. Бери, или я

такъ долженъ понять, что ты... презираешь меня. А это... это убьетъ меня, Вѣра. На-же, прячь, прячь! [Она беретъ деньги]. Такъ какъ я уѣзжаю...

ВѢРА. Вы?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. По дѣламъ. Телеграмму получилъ... Не отложно... Такъ ты безъ меня отъ Никандра подальше... Вообще какъ желаешь, какъ тебѣ сердце... Вотъ и все... [Голосъ его задрожалъ]. И Господь съ тобой... да будетъ надъ тобой милость Его святая!.. [Вѣра посмотрѣла на него глазами полными слезъ и вдругъ схватила его руку, чтобы поцѣловать]. Что ты, что ты!.. Кажется, братъ... Ну, прощай! [Поцѣловалъ ее въ голову]. Прощай, Вѣра, и того... не поминай... лихомъ. [Смахнулъ слезы и быстро уходитъ въ заднюю дверь. Вѣра въ рыданіяхъ уходитъ къ себѣ. За сценой гнѣвный голосъ Никандра].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Никандръ Прокофьичъ и потомъ **Сергѣй Прокофьичъ.**

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [входитъ въ гнѣвномъ волненіи]. Что-жъ мнѣ теперь съ нею сдѣлать?! Убить? [Шагаетъ по комнатѣ. Входитъ братъ]. Тихоня! кислятина! Какова?! Ну, чортъ возьми!..

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. И тебѣ какой-то подлецъ написалъ про Вѣру?

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. А вотъ я допытаюсь, правда-ли это, или нѣтъ. Эй, жена!.. Тьфу, какая она мнѣ жена! Чортъ! [Кричитъ]. Вѣра!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Погоди, не кричи. Я ужь говорилъ съ нею объ этомъ.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Ну?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Призналась.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. А-а!.. Хорошо же! Я т-тебя!! [Идетъ къ боковой двери, сжавъ кулаки].

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [удерживаетъ его]. Стой! [Возвышая голосъ]. Если *я* говорю, такъ ты слушай!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [посмирнѣлъ]. Что слушать-то? Извѣстно какіе твои разговоры...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [грозно]. Никандръ!.. Не мнѣ твоимъ умомъ жить... А въ такомъ дѣлѣ однимъ гнѣвомъ пути не сыщешь. Я разсудилъ какъ быть... и за лучшее почелъ удалить ее.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Выгналъ?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Она и такъ тебѣ не нужна, въ забросѣ давно. А чтобы заткнуть рты, не корили-бы насъ... понимаешь?.. не корили-бъ, что мы поблажаемъ, или какъ... наилучшее — удалить. Всякъ похвалитъ тебя за это, по здѣшнимъ понятіямъ, и никакого на тебя черезъ Вѣру позора не ляжетъ... хоть сраму тебѣ, кажется, не прибавитъ ничто.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Слышали. Будетъ! Знаемъ все это достаточно. Прогнать! Какъ-же: ступай, молъ, себѣ милашечка куда желательно. Покорнѣйше благодаримъ! Такъ? Ну нѣтъ, шалишь! Сперва разсудить, расказнить ее, а тамъ ужь ступай къ чорту, коли будешь жива.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Расказнить!.. На это сейчасъ. Чего другаго, а звѣрства въ насъ сколько угодно.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. А вотъ покажемъ, что въ насъ такое! [Рвнулся къ боковой двери].

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [заступаетъ ему дорогу]. Пальцемъ не тронешь.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [сжавъ кулаки]. Я-я?!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [скрестилъ руки и выпрямился]. Ты. Не дамъ, не позволю!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Вотъ хорошо, вотъ прекрасно! Значитъ, ты за обманъ, за распутство ея стоишь?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. За человѣка стою, за душу его стою я. За то стою, чтобъ не изнывала душа человѣка въ несчастьи. Далъ ли ты счастье женѣ?—Нѣтъ. Ты шесть лѣтъ

оскорблялъ, унижалъ ее, мѣнялъ на всякую дрянь, въ раз гулѣ, въ пьяномъ развратѣ. Если-бъ не я, ты подъ пьяную руку билъ бы ее, въ гробъ бы вогналъ. А она живая душа, Никандръ, и ей свѣта и воздуха нужно. Суди же по совѣсти, будь справедливъ. И ты будешь справедливъ, Никандръ [взялъ его руку], потому что правда не заглохла въ тебѣ. Скажи по чести, какъ передъ Господомъ Богомъ: виноватъ ты передъ Вѣрой, вѣдь кругомъ виноватъ?

никандръ прокоф. [понурился]. Ну... виноватъ.

сергѣй прокоф. [беретъ его за плечи]. Спасибо, братъ. Честное, святое слово сказалъ ты. Такъ если она виноватою стала, тебѣ-ли судить ее и карать? Нѣтъ, милый мой. Пускай судятъ ее Господь, да совѣсть ея... Правда? Обѣщаешь?.. Слово!.. [Протягиваетъ ему руку. Никандръ, не поднимая головы, медленно даетъ свою]. Не знаешь ты... и никогда не узнаешь, насколько меня облегчилъ...

никандръ прокоф. Что ужь тамъ!.. Извѣстно: миротворецъ, потатчикъ...

сергѣй прокоф. Не то, братъ, не то!.. Есть мнѣ имя другое... И вотъ когда сотрется оно въ моей совѣсти... Миротворцы съ миромъ въ душѣ живутъ, братъ... А ты облегчилъ мою душу, помогъ... Спасибо! [Крѣпко поцѣловалъ его и уходитъ].

никандръ прокоф. Разчувствовался. Даже невразумительно говорить сталъ... [Ходитъ большими шагами]. Ну, мнѣ не уходиться этимъ манеромъ!.. [Кричитъ]. Лошадей! Кто тамъ? Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Никандръ Прокофьичъ и Степанъ.

степанъ. Что прикажете?

никандръ прокоф. „Чорта“ заложить, тройку! съ бубенцами, со звономъ. Живо! Да кнутъ положить мнѣ хорошій!

СТЕПАНЪ [про себя]. Прощай кони! Загонитъ. [Уходитъ].

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Ахъ, и покачу! Вихрю не догнать, такъ помчусь!.. До чего дошло, а!.. Опозорили!.. Скажи кто-нибудь, что можетъ такое случиться, разразилъ бы! А тутъ самого ошарашили... Ну, попадись мнѣ этотъ полковникъ! Узнаетъ, какъ чужихъ женъ сбивать! Покажу! . А у брата я во всемъ виноватъ. Вишь, съ самаго начала виноватъ: и женился-то зря, не размысливъ, и жену обижалъ и велъ себя нельзя хуже... Что правда, то правда... Много Вѣра обидъ приняла... Я и во вниманіе не бралъ, словно такъ и быть надлежало... Вотъ и наказуетъ Господь, да!.. А все лучше покамѣсть не видать мнѣ ее... Поостеречься... Неровёнъ часъ... [Задумчиво ходитъ, заложивъ руки за спину]. Степанъ!

СТЕПАНЪ [входя]. Сейчасъ будутъ готовы, Никандръ Прокофьичъ.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Что готовы?

СТЕПАНЪ. А лошади-съ. Приказали вѣдь...

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Да, да! Гм, хозяйка-то... дома, иль нѣтъ?

СТЕПАНЪ. Уѣхала-съ... вещи забрамши уѣхала. [Со вздохомъ, глядя въ сторону]. Не ладно.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [вспыльчиво]. А я съ тобой разговариваю объ этомъ? Вѣдь нѣтъ? Такъ чего же ты... чортъ!!

СТЕПАНЪ. Ваше дѣло, извѣстно.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Да ты за обиду не принимай, что я тебя, стараго человѣка...

СТЕПАНЪ. Привычны-съ.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [положивъ руку ему на плечо]. Не обижайся, Лукьянычъ... потому [сердечно] тошно вѣдь мнѣ, тошно!

ЗАНАВѢСЪ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Пріемная Сильвачева. Въ задней стѣнѣ дверь въ прихожую, направо въ спальню. Налѣво два окна, между которыми письменный столъ. По правой стѣнѣ диванъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сильвачевъ [за письменнымъ столомъ] и **Власъ** [медленно и безцѣльно снуетъ по комнатѣ, передвигая мебель, смахивая пыль, причемъ ядовито ухмыляется на барина и покашливаетъ].

СИЛЬВАЧЕВЪ [теряя терпѣніе]. Несносно!.. Что ты толчешься здѣсь? Что тебѣ нужно?

ВЛАСЪ. Что нужно!.. Прибираю.

СИЛЬВАЧЕВЪ [повертывается къ нему съ кресломъ]. Нечего прибирать. Ступай!

ВЛАСЪ. Ступай!.. Потому какъ она безпорядокъ надѣлала у насъ... эта... гостья-то, [Сильвачевъ отвернулся къ столу]. Гм!.. Коли такое безобразіе завелось, тутъ не то что порядокъ, тутъ ужь все врозь пойдетъ, все! И сраму не оберешься, потому ежели милашка...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Убирайся вонъ!

ВЛАСЪ [ехидно посмотрѣлъ на него и торжественно достаетъ изъ кармана длинныя женскія перчатки]. Извольте получить.

СИЛЬВАЧЕВЪ [вскакиваетъ]. Что еще?

ВЛАСЪ. Перчатки. Эта... забыла вчерась. Вотъ. [Сильвачевъ вырвалъ ихъ и уходитъ въ боковую дверь]. Что, или совѣстно стало? Погоди, я тебя допеку!.. Ишь какую волю забралъ!.. Коли тебѣ влѣзло въ голову, такъ перво-на-перво скажи мнѣ: Власъ, такъ, молъ, и такъ... Ну и допущу, коли по

моему разсужденію выходитъ статья подходящая. А то ничего я не знаю, не вѣдаю и вдругъ—милашка! Нѣ-ѣтъ, погоди! Всякъ знаетъ, что къ барину мимо меня хода не полагается. Власъ Кондратьичъ у всего нашего баталіона въ почетѣ, у всѣхъ офицеровъ. Всякъ деньги ему суетъ, только благоволи. Да! А эта хоть бы рублевку! [Понюхалъ табаку]. Узнаешь ты Власа Кондратьича, погоди!.. Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Власъ и мальчикъ.

мальчикъ [бойко]. Полковникъ дома?

власъ. Не полковникъ, а господинъ полковникъ. Болванъ! Чего тебѣ?

мальчикъ. Записка къ нимъ.

власъ. Отъ кого?

мальчикъ. Тамъ написано отъ кого.

власъ. Написано! Подай!

мальчикъ. Самому въ руки велѣли отдать.

власъ. Подай, говорю!

мальчикъ. Имъ въ руки, а то не приказано.

власъ. Не приказано! Пошелъ вонъ!

мальчикъ. Барина кликните, тогда и пойду.

власъ. Поросенокъ! Я тебѣ укажу дорогу! [Схватилъ его за ухо. Мальчикъ кричитъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Сильвачевъ.

сильвачевъ. Что такое?! Оставь! [Освобождаетъ мальчика].

мальчикъ. Чего онъ дерется! Къ вамъ записку прислали отдать... Вѣра Дмитревна... а онъ дерется...

сильвачевъ. Отъ Вѣр... Дай сюда! [Взялъ записку и въ волненіи распечатываетъ ее. Власъ, схвативъ мальчика за плечи, пятитъ его въ двери].

мальчикъ. Да что вы!.. Можетъ, отвѣтъ дадутъ...

власъ. Никакого отвѣта не будетъ; а тебѣ будетъ, тебѣ я... [Вытолкнулъ мальчика въ прихожую и ушелъ за нимъ].

сильвачевъ [читаетъ]. „Все узнано"... Узнано?! [Читаетъ]. „Переѣхала пока въ слободу, къ Агафьѣ. Близь церкви, сѣренькій домикъ, гдѣ портной... Жду съ нетерпѣніемъ"... Что же теперь дѣлать? Уѣхать, увезти ее?.. Лагерное время, ни за что не отпустятъ... И куда увезти?.. Переѣхала. То-есть выгнали? Мужъ звѣрь... Ну да, разумѣется... Огласка, скандалъ, оскорбленія!.. Каково ей?.. Просто сердце упало... Надо къ ней ѣхать... сейчасъ... Обдумать, успокоить ее... Сразу ничего не придумаешь. Мысли спутались, сбились... Главное—успокоить... [Садясь и хватаясь за голову]. Что я надѣлалъ, что я надѣлалъ!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сильвачевъ и Ветенскій.

ветенскій. Скажи пожалуйста, что у тебя творится?

сильвачевъ [съ испугомъ]. У меня?

ветенскій. Помилуй! Твой Власъ вцѣпился въ какого-то мальчика. Тотъ вырывается, оретъ...

сильвачевъ [идя къ двери]. Ахъ, этотъ Власъ!..

ветенскій [удерживая его]. Успокойся. Я выручилъ мальчика. Улепетываетъ во всѣ лопатки. А чѣмъ провинился онъ, твой личарда такъ и не соизволилъ сказать.

сильвачевъ. Да ничѣмъ... Записку принесъ.

ветенскій. Пасквиль?

сильвачевъ. Нѣ-ѣтъ!.. Отъ нея... Вѣра пишетъ.

ветенскій. Кто? Ха, ха, ха! Хорошъ сюрпризъ Вѣрочкѣ! Нѣжное посланіе и въ отвѣтъ—трепка! Ха, ха, ха!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Ну, можешь судить, въ какія положенія ставитъ меня этотъ дуракъ! [Въ волненіи ходитъ по сценѣ].

ВЕТЕНСКІЙ. Вольно-же сносить опеку лакея! Грубая бестія. Хозяйничаетъ у тебя и ко всему этому—взяточникъ. Но это не такъ важно, что-бы очень ужь волноваться. Помилуй, на тебѣ лица нѣтъ!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Еще бы... такія вѣсти!..

ВЕТЕНСКІЙ. Отъ жены что-нибудь?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Нѣтъ. Записка...

ВЕТЕНСКІЙ. Да, да, да! Что же такое?

СИЛЬВАЧЕВЪ. А видишь... Да лучше прочти.

ВЕТЕНСКІЙ (прочелъ записку и свистнулъ). Дѣло дрянь! Я во всякихъ передѣлкахъ бывалъ, но отъ любовныхъ избавилъ Господь. Никогда не связывался съ порядочной женщиной. Что же ты думаешь дѣлать?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Я просто голову потерялъ.

ВЕТЕНСКІЙ. Вижу.

СИЛЬВАЧЕВЪ. И какъ это могло обнаружиться!.. такъ скоро!

ВЕТЕНСКІЙ. Весьма просто. „Спроси у сосѣда, что дома дѣлается", говоритъ пословица. Наконецъ, Вѣрочка при первомъ подозрѣніи, вѣроятно, призналась сама.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Ты думаешь?

ВЕТЕНСКІЙ. Увѣренъ. Нервная женщина. У нихъ эти порывы естественны. Наконецъ, у женщинъ... я разумѣю хорошихъ... любовь всегда близка къ самоотверженію. По нашему, Вѣрочка проболталась; а по ея выходитъ, что она „освятила" свою любовь, „все принесла ей въ жертву", и прочее. Не разсчетливо, глупо, особенно на взглядъ адюльтерныхъ пройдохъ, но во всякомъ случаѣ—честно и даже возвышенно.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Конечно, такъ и должно было случиться, конечно...

ВЕТЕНСКІЙ. Но ты досадуешь, что обстоятельства треснули тебя по лбу. Да, вся эта исторія врывается въ

твою жизнь и комкаетъ въ ней все. Это, разумѣется, не легко. Но интересно знать: что сильнѣе въ тебѣ—эта ли досада, или участіе къ женщинѣ, которой ты, конечно, клялся въ любви?

сильвачевъ. Какая тутъ досада! Ничего ты не понимаешь! Неожиданность. Знай я, что случится такой переворотъ, я бы все обдумалъ и записка Вѣры не застала бы меня въ расплохъ.

ветенскій. Такъ ли? Ты бы волновался, рѣшался и ничего бы не предпринималъ. Припомни цвѣты.

сильвачевъ. Что цвѣты?

ветенскій. Ты чуть не цѣлую недѣлю собирался отослать ихъ Вѣрѣ Дмитріевнѣ.

сильвачевъ. На это были свои причины.

ветенскій. Ну да, предположенія, сомнѣнія разныя. У васъ всегда такъ. Да ты серьезно любишь Вѣру, или такъ себѣ, увлекся?

сильвачевъ. Нелѣпый вопросъ! Конечно, серьезно.

ветенскій. Если такъ, то на твоемъ мѣстѣ я давно бы ужъ былъ *тамъ*, въ сѣренькомъ домикѣ, у Агафьи.

сильвачевъ [засуетился]. Я и хотѣлъ и ѣду сейчасъ. [Застегиваетъ сюртукъ]. Но все же надо придумать, какъ устроить, чѣмъ успокоить Вѣру.

ветенскій. Для этого прежде всего надо самому успокоиться.

сильвачевъ. Не могу. Меня мучаетъ, что я во всемъ виноватъ. Пойми! Хорошо-ли, дурно-ли, но положеніе ея было опредѣленное. Она спокойно жила до меня. А теперь? Что я дамъ ей въ замѣнъ?

ветенскій. Чудакъ! Если она сама предпочла твою любовь прежнему положенію, о чемъ же мучиться тебѣ? Ты не завлекалъ ее, не ухищрялся, во что-бы то ни стало, овладѣть ею...

сильвачевъ. Понятно.

ветенскій. Скорѣе наоборотъ. Ты вѣроятно, былъ

сдержаннѣй съ нею, чѣмъ всякій другой на твоемъ мѣстѣ. И почему? Потому что боялся взять на совѣсть ея судьбу, робѣлъ.

сильвачевъ. Не робость, а было надъ чѣмъ задуматься, разумѣется.

ветенскій. И выходитъ по моему. Себялюбіе безхарактерныхъ людей, милый мой. Всѣ вы таковы. Истинная любовь, особенно при обстоятельствахъ исключительныхъ, какъ у васъ, требуетъ рѣшимости, воли, а это вамъ и ужаснѣй всего. Выходитъ, что и тутъ тебя *взяли*, пока ты не остылъ отъ колебаній и страховъ за будущее.

сильвачевъ [взялъ фуражку и надѣваетъ перчатки]. „Взяли“! Говорить такъ—значитъ не понимать Вѣры, не знать, что эта женщина достойна высокаго уваженія.

ветенскій. Ахъ, Боже мой! Развѣ я осуждаю ее? Я говорю только, что нравственный подъемъ у нея сильнѣе, нежели у тебя. Поэтому не она шла за тобою, а ты за нею. Это не исключаетъ ни скромности Вѣры, ни порядочности во всѣхъ отношеніяхъ...

сильвачевъ. Ну ѣду.

ветенскій. Ободрись и будь молодцемъ. Тебѣ предстоитъ серьезно позаботиться о Вѣрѣ. Теряться не время.

сильвачевъ Конечно. Спасибо за участіе: Отъ нея я къ тебѣ. Постой-ка, кто-то подъѣхалъ... [Смотритъ въ окно]. Она!

ветенскій. Вѣра Дмитріевна? Ну, вотъ что, дружище. Мнѣ жаль ее и тебя также. Надо васъ выручать. У меня есть планъ. Все постараюсь устроить. Иди же, встрѣчай, а я пройду чернымъ ходомъ.

сильвачевъ [горячо пожимаетъ ему руку]. Спасибо, спасибо тебѣ!

ветенскій. Ступай ужь, ступай! [Сильвачевъ уходитъ]. Если женщина беретъ такихъ, какъ мы, то не попадется въ просакъ, потому что знаетъ, что беретъ дрянь; а эти... Вѣдь вотъ прекрасный человѣкъ, добрый, честный, а можно ли довѣрить ему судьбу? [Уходитъ въ боковую дверь].

ЯВЛЕНІЕ V.

Сильвачевъ и Вѣра [Онъ держитъ ея руки].

вѣра. Я писала...

сильвачевъ. Получилъ, получилъ. Сію минуту хотѣлъ ѣхать къ тебѣ. Задержалъ Ветенскій.

вѣра. Мальчикъ, съ которымъ послала записку, не возвращался Мнѣ не терпѣлось...

сильвачевъ. И прекрасно сдѣлала, что пріѣхала. Милая, милая!.. [Цѣлуетъ ея руки. Садятся]. Ну что, какъ? Я былъ пораженъ. Я измучился за тебя!

вѣра. Вотъ и хотѣлось поскорѣй увидаться... узнать, какъ ты примешь... и еще разныя мысли... А вышло у насъ вотъ какъ...

сильвачевъ. Дикая, грубая сцена? угрозы? Голубка моя! [Порывисто привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ].

вѣра. Нѣтъ, милый. Деверь получилъ про насъ анонимное письмо...

сильвачевъ [вставая]. И кому это нужно?! Неужели Аравинъ? Негодяй! [Прошелся въ волненіи].

вѣра. Ну, разгорячился. Я не стала скрывать. Что-нибудь одно... Иначе я не могла...

сильвачевъ [садясь и беря ея руку]. Еще бы! Конечно!

вѣра. Онъ же, Сергѣй Прокофьичъ, устроилъ такъ, что съ мужемъ у насъ ничего не было.

сильвачевъ. Да-а? Ну, слава Богу! Это мучило меня больше всего. Слѣдовательно, ты сама уѣхала, а не то, чтобы?..

вѣра. Сама.

сильвачевъ. Гора съ плечъ!

вѣра. И въ этомъ помогъ Сергѣй Прокофьичъ. Отличный онъ. Боюсь, что я была слишкомъ несправедлива къ нему... преувеличила, придралась... Такъ мнѣ *нужно* было и придралась...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же і Власъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Что тебѣ?

ВЛАСЪ [значительно]. Звали?

СИЛЬВАЧЕВЪ [глядя въ сторону]. Не думалъ. Ступай! [Влас не трогается]. Ступай, сказано тебѣ! Да не принимать никого!

ВЛАСЪ. Время ли добрыхъ людей принимать, ежели...

СИЛЬВАЧЕВЪ [поднимаясь]. Что-о?! Ты, я вижу, хочешь, чтобы я прогналъ тебя, а?! [Подступаетъ].

ВЛАСЪ. Дѣ-ла! [Гнѣвно взглянулъ на Вѣру и уходитъ, хлопнувъ дверью].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Сильвачевъ и Вѣра.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Животное!.. Не обращай вниманія, Вѣра. Онъ несносенъ, но, право, не дурной человѣкъ... Ну, да что объ этомъ! [Опять ходитъ съ озабоченнымъ видомъ]. Что я хотѣлъ сказать?.. Да! Былъ Ветенскій. Обѣщалъ... Онъ принимаетъ въ насъ живое участіе... Я гораздо хуже думалъ о немъ... Все обѣщаетъ устроить. Я не знаю еще какъ и что, но все будетъ сдѣлано... На бѣду лагерное время, а то бы намъ лучше всего уѣхать пока... Это бы самое лучшее... О чемъ ты такъ грустно задумалась, голубка моя? [Садится и обнимаетъ ея талію].

ВѢРА [съ подавленнымъ вздохомъ]. Мнѣ кажется, что ты слишкомъ... озабоченъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Но естественно..

ВѢРА. И непріятно озабоченъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Перестань! При тебѣ я спокойнѣе, и нѣтъ ужь той путаницы въ головѣ .. Все устроится. Не говори такъ, радость моя.

ВѢРА. Нѣтъ, дай высказать. Меня измучили эти мысли. Все случилось вдругъ, измѣнилось круто и, можетъ быть, вовсе не такъ, какъ бы ты желалъ...

СИЛЬВАЧЕВЪ [съ упрекомъ]. Вѣра!

ВѢРА. Хлопоты изъ-за меня, безпокойства... Станутъ говорить, осуждать... Тебя это поставитъ въ неловкое положеніе, даже по службѣ. Все это пришло тебѣ въ голову послѣ моей записки. Вотъ и „путаница“ въ мысляхъ...

СИЛЬВАЧЕВЪ [съ нетерпѣніемъ]. Ахъ!,. Кончила ты?

ВѢРА. Во всякомъ случаѣ предупреждаю тебя, что имѣю средства жить независимо отъ семьи...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Вѣра, Вѣра! Извини, но возмутительно, что ты говоришь! За кого ты считаешь меня?

ВѢРА. Прости, милый! [Беретъ его руку].

СИЛЬВАЧЕВЪ. Развѣ я...

ВѢРА [прерываетъ]. Погоди. Выслушай. Я вѣдь не о себѣ безпокоюсь, не о своемъ положеніи думаю; а только о тебѣ, объ одномъ тебѣ. Я хотѣла узнать, что тамъ, въ глубинѣ души, не шевельнулось ли у тебя недовольства, досады...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Опять ты свое!

ВѢРА. Выслушай, милый, не горячись. Это можно не высказать, даже подавить въ себѣ. Благородный и любящій человѣкъ такъ и сдѣлаетъ. Но то, что западетъ въ душу, обнаружится послѣ... Мало-ли случаевъ, которые могутъ вызвать эти затаенныя чувства, особенно въ нашемъ положеніи!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Такъ они есть у меня? Ты непремѣнно хочешь навязать ихъ мнѣ? Почему? Говори откровенно. Откуда эти сомнѣнія? Не потому ли, что я показался тебѣ „непріятно озабоченнымъ“? Откровенно, Вѣра!

ВѢРА. Сомнѣнія явились сами собою, изъ нашего положенія. Я затѣмъ и летѣла сюда, чтобы все уяснить. И теперь же, въ началѣ, чтобы потомъ не было сожалѣній, досады... Потомъ я можетъ быть не переживу этого!.. И довольно было взглянуть на тебя...

сильвачевъ. Чтобы сомнѣнія укрѣпились? Понимаю. Я растерялся, не съумѣлъ успокоить тебя. Вотъ что скажу я на это. Человѣкъ съ характеромъ сразу сообразитъ все и пойметъ, какъ ему дѣйствовать. Онъ ни на что не закрываетъ глаза, рѣшителенъ и спокоенъ. Я не таковъ и жестоко поплатился за это въ жизни. Ты знаешь. Вся моя сила—любовь къ тебѣ.

вѣра. Милый!

сильвачевъ. Она дастъ мнѣ и твердость и увѣренность въ себѣ и спокойствіе! Ну, а сомнѣнія твои—клянусь! тѣни ничего такого не было у меня,—недовольства, или досады—тѣни не было, Вѣра!

вѣра. Прости, мой хорошій! [Поцѣловала его].

сильвачевъ. Одна забота, одна мысль у меня: чтобъ тебѣ было хорошо; чтобъ я съумѣлъ это устроить; чтобъ ты, радость, сокровище мое, была довольна и счастлива!

вѣра. Я счастлива, милый, такъ счастлива!.. [Порывисто обняла его и цѣлуетъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната. Въ задней стѣнѣ отворенная дверь въ садъ, направо дверь въ прихожую и окно, налѣво—въ спальню. Обстановка простая, чистенькая и веселенькая.

ЯВЛЕНІЕ I.

Вѣра [съ шитьемъ] и **Агафья** [сидятъ].

вѣра. Спасибо, Агафьюшка, что зашла навѣстить. Гдѣ же ты на богомольѣ была?

агафья. А въ пу́стыни. Вѣдь икону вчерась оттуда

подняли. Самъ алхарей... Къ намъ въ городъ перенесли Царицу Небесную. Али забыла?

ВѢРА. Ахъ, да, да!

АГАФЬЯ. Видно, все-то ты здѣсь перезабыла... И какъ у насъ поживаютъ—не спросишь... Поглядѣла бы, какая въ Никандрѣ Прокофьичѣ перемѣна...

ВѢРА. Не надо.

АГАФЬЯ. Да вѣдь я къ тому.:.

ВѢРА. Не надо. Перестань!

АГАФЬЯ. Ну, перестану, перестану, коли слышать не хочешь! [Молчаніе. Вѣра склонилась надъ шитьемъ. Иголка ея быстро мелькаетъ].

ВѢРА. А Сергѣй Прокофьичъ?

АГАФЬЯ. Да все, матушка, нѣту. Тогда же уѣхалъ, какъ ты. Съ тѣхъ поръ ни слуху, ни духу. [Вѣра тяжело вздохнула]. Такъ вотъ какъ ты устроилась! Хорошо. И у насъ говорили, что хорошо у тебя на усадьбѣ.

ВѢРА [съ досадою]. А почемъ знаютъ въ городѣ, какъ и что у меня?

АГАФЬЯ. Хе-хе! А ты думаешь, что уѣхала, такъ о тебѣ и забыли? Во-на! Еще какой говоръ идетъ!

ВѢРА. Какъ меня это бѣситъ! [Обрываетъ нитку].

АГАФЬЯ. Что дѣлать! На чужой ротокъ не накинешь платокъ. [Встаетъ]. Ну, матушка, я пойду.

ВѢРА. Куда-же? Посиди!

АГАФЬЯ. И пора, да и то сказать: какая отъ меня радость? Только разстройство. Все о томъ болтаю, что тебѣ забыть нужно...

ВѢРА. Посиди, Агафьюшка, я тебѣ рада. Разскажи что-нибудь.

АГАФЬЯ [садится]. Что же тебѣ разсказать? Про себя Нешто? [Зорко на нее поглядѣла]. Изволь. Послушай, какую мнѣ Господь долю послалъ. Разскажу. Въ свою пору была я, милая моя, дѣвка не изъ послѣднихъ. И нрава веселаго, и съ лица ничего себѣ и работница. Ну, выдали замужъ. И

попался мнѣ мужъ до вина злющій, да буйный. Какъ выпилъ, на двѣнадцать ножей полѣзетъ. Вотъ какой. Съ каждымъ встрѣчнымъ ссора и сейчасъ въ носъ, да въ рыло. Въ буйствѣ на разбой хаживалъ. Вотъ до чего. И зазнала же я съ нимъ горя, матушка моя! Какъ, бывало, праздникъ подходитъ, я за вытье, потому быть мнѣ битой. Ну, и бивалъ! Такъ бивалъ, что по три недѣли лежала я почитай что безъ памяти, тѣло, бывало, что чугунъ черное.

ВѢРА [прерываетъ]. Ужасно! И ты терпѣла?!

АГАФЬЯ. Какъ быть-то? Судьба. Господь терпѣлъ, да и намъ велѣлъ. Однако не въ моготу стоновилось, особливо какъ сталъ мужъ грозить, что и вовсе убьетъ. Приходило на мысль руки на себя наложить. Что жъ, думала я: мужъ въ тѣлѣ волёнъ, а душа моя. Да Богъ спасъ.—Й такъ-то мучилась я безъ малаго двадцать годовъ. Шутка? Гнись, да бодрись—что дѣлать? И не только стороннимъ кому, а и роднымъ никогда про это не сказывала. Боже избави! Даже осерчаю, бывало, какъ начнутъ спрашивать, да жалѣть.—Вотъ, матушка ка̀къ—бываетъ—люди живутъ. Не къ твоей судьбѣ приравнять!

ВѢРА [въ волненіи]. Вотъ ты къ чему свела! Ну, это напрасно. Я ничьихъ совѣтовъ не спрашиваю. Худо ли, хорошо ли я поступила—такъ тому и быть.

АГАФЬЯ. Твоя воля, матушка. Кто вь грѣхѣ, тотъ и въ отвѣтѣ. Извѣстно. [Помолчали]. Что жъ ты все такъ и будешь здѣсь проживать?

ВѢРА. Нѣтъ... Думаю переѣхать въ Москву.

АГАФЬЯ. *Съ нимъ?..* Стало быть, онъ тамъ о мѣстѣ хлопочетъ?.. [Вѣра не отвѣчаетъ]. Какъ выйдетъ мѣсто, такъ вы?..

ВѢРА [прерываетъ съ досадою]. Ну да, да! Нельзя же здѣсь оставаться. Что будетъ—увидимъ.

АГАФЬЯ [тяжело вздохнула. Подумавши]. По крайности вотъ что скажи, болѣзная моя. Люблю вѣдь я тебя крѣпко. Потому и спрашиваю. Какъ вы между собой?

ВѢРА [отложила работу, съ оживленіемъ]. А вотъ какъ, Агафь-

юшка: и не думалось и не грезилось, что можно любить такъ. Хорошо мнѣ съ нимъ, такъ хорошо, что я ни о прошломъ не думаю, ни впередъ не загадываю. Онъ такой добрый, благородный, прекрасный!

АГАФЬЯ. Ну, слава Богу. Хоть это-то. И спокоенъ?

ВѢРА [задумалась]. Этого не скажу... Ужь характеръ такой у него...

АГАФЬЯ. Знаю. То и горе, что за такимъ крѣпко не жить. Ну, да что будешь дѣлать? А ты его поддержи, когда успокой, когда ободри. Только любилъ бы, а то все ладно будетъ. [Поднимается]. Затѣмъ прощай, матушка. Напоила, накормила, привѣтила. Спасибо тебѣ.

ВѢРА. Посиди!

АГАФЬЯ. Нѣтъ, матушка, пора, пора. Засидѣлась.

ВѢРА. Ну, что дѣлать! Дай хоть провожу. За садомъ по полевой дорожкѣ ближе тебѣ, чѣмъ по большой дорогѣ идти.

АГАФЬЯ. Ну что жь, проводи, проводи! [Уходятъ въ садъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна Марковна и **Аравинъ** [изъ прихожей].

АННА МАРКОВНА. Вотъ гдѣ голубки свили гнѣздышко! Очень мило.

АРАВИНЪ. Среди полей-съ, въ поэтическомъ уединеніи, ха-ха-ха!

АННА МАРКОВНА [осматривается]. Ce n'est pas mal du tout. А! портретъ мужа! Въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ и зелени... [Съ гримасой]. Мѣщанская идиллія.

АРАВИНЪ. Совершенно вѣрно-съ. Уголокъ этотъ устроилъ имъ господинъ Ветенскій.

АННА МАРКОВНА. Cousin?—Не исправимъ!

АРАВИНЪ Это была заброшенная усадьба. Какъ изволите видѣть, все отдѣлано зáново: мебель, обои... Влѣзло

въ копѣечку-съ И сюда-то супругъ вашъ, такъ сказать, прилетаетъ на крыльяхъ любви, ха-ха-ха! Кстати отъ города близко.

АННА МАРКОВНА. Да, они не дурно устроились. Droles de gens!.. Я очень признательна вамъ, monsieur Аравинъ, что вы довели обо всемъ этомъ до моего свѣдѣнія.

АРАВИНЪ. Почелъ долгомъ поставить въ извѣстность...

АННА МАРКОВНА. Merci. Сначала, получивъ ваше письмо... отъ лица совершенно мнѣ неизвѣстнаго... я подумала, что это пасквиль; но вскорѣ ваше любезное участіе объяснилось, а дальнѣйшая переписка наша открыла мнѣ все.

АРАВИНЪ [съ поклономъ]. Вашъ покорный слуга, Анна Марковна.

АННА МАРКОВНА. Но долгъ платежемъ красенъ. Мнѣ бы хотѣлось быть вамъ полезной.

АРАВИНЪ. Въ сношеніяхъ, которыя я осмѣлился завязать съ вами, мною руководило безкорыстное чувство, повѣрьте!.. чувство глубокаго уваженія и участія къ женщинѣ, права которой такъ нагло попраны...

АННА МАРКОВНА. Надѣюсь, дѣло не трудно поправить.

АРАВИНЪ [вкрадчиво]. Но если вы настолько внимательны, что расположены въ пользу моихъ интересовъ...

АННА МАРКОВНА. О, совершенно.

АРАВИНЪ. То мнѣ остается благодарить, искренно благодарить васъ. [Цѣлуетъ ея руку]. Принимая во вниманіе, что вашъ достойный братецъ—главный директоръ дороги, на которой я служу...

АННА МАРКОВНА. Въ самомъ дѣлѣ? А ваше мѣсто?

АРАВИНЪ. Весьма незначительное... по технической части...

АННА МАРКОВНА. Я напишу. Constantin охотно для меня сдѣлаетъ. Вы скажете потомъ, чего бы хотѣли. Теперь забуду. [Аравинъ кланяется]. Однако гдѣ же *она?*

АРАВИНЪ. Если не ошибаюсь, вотъ мелькнуло ея платье, въ саду... Да, она-съ. [Вѣра проходитъ въ глубинѣ черезъ сцену].

АННА МАРКОВНА [надвинув pince-nez]. Эта-а?! [Усмѣхнулась].

АРАВИНЪ. Увлечься ничтожествомъ, имѣя счастье обладать такою супругой!..

АННА МАРКОВНА [съ ироніей]. Il parait, que vous voulez me faire des compliments? Интрижка не есть увлеченіе, monsieur Аравинъ.—Однако интересно взглянуть, какъ у нихъ?.. [Уходитъ налѣво].

АРАВИНЪ [быстро потираетъ руки]. О, чрезъ эту барыню можно отлично обдѣлать дѣлишки!.. А если приволокнуться? Чѣмъ чортъ не шутитъ?.. Пожила, но не дурна... изящна, пикантна... Холодная самоувѣренность, иронія—люблю! Вотъ ужъ гдѣ ни капли сентиментальности. Скорѣе страстность, даже цинизмъ. Отчего и не пуститься въ амуры? Кто умно ведетъ дѣла съ женщинами, никогда не проигрываетъ.

АННА МАРКОВНА [входя]. Однако, они устроились совсѣмъ по семейному!

АРАВИНЪ. Я вамъ докладывалъ.

АННА МАРКОВНА. Я не знаю этой женщины; но по нѣкоторымъ мелочамъ обстановки, отчасти познакомилась съ нею

АРАВИНЪ. Она съ характеромъ.

АННА МАРКОВНА. Какъ велико ея вліяніе на моего мужа—а оно несомнѣнно—мы вскорѣ увидимъ. Но возможно, что меня вынудятъ на нѣкоторыя особенныя мѣры... Могу ли я положиться на васъ?

АРАВИНЪ. Безусловно, во всемъ-съ.

АННА МАРКОВНА. Напримѣръ, вы мнѣ поможете войти въ сношенія съ... какъ его? Разваловъ?

АРАВИНЪ. Ея мужъ? Разваловъ-съ, Никандръ Прокофьичъ.

АННА МАРКОВНА. Говорятъ, онъ грубъ и кутила?

АРАВИНЪ. Совершеннѣйшій скотъ.

АННА МАРКОВНА. Тѣмъ лучше. Конечно, я предполагаю крайнюю мѣру; едва ли въ ней встрѣтится надобность; но если бы...

АРАВИНЪ. Повторяю, я весь къ вашимъ услугамъ.

АННА МАРКОВНА. Merci. [Пожала ему руку]. Вы очень милы. Я постараюсь быть вамъ полезной. [Аравинъ цѣлуетъ ея руку]. Особа эта, кажется, идетъ сюда. Пока до свиданья. Я напишу брату. Напомните. [Аравинъ еще разъ цѣлуетъ ея руку и удаляется вправо].

ЯВЛЕНІЕ III.

Анна Марковна и Вѣра.

ВѢРА [въ саду]. Лошади... пріѣхалъ! [Вбѣгаетъ на балконъ]. Яша! [Вошла и изумилась]

АННА МАРКОВНА. Его жена.

ВѢРА. Же-на?! [Отступила].

АННА МАРКОВНА. Вы поражены и непріятно поражены. Натурально. Стремились въ объятія мужа и налетаете на жену, ха-ха! Мужъ мой не меньше васъ былъ смущенъ моимъ возвращеніемъ. Онъ такъ смѣшно растерялся, такъ странно принялъ меня!.. Я тотчасъ догадалась, что дѣло не чисто и вскорѣ узнала все. Въ вашемъ городишкѣ это дѣло одной минуты. И такъ: любовь, да еще какая! пылкая, романическая, съ побѣгомъ, ха-ха! Узнаю гдѣ гнѣздо моихъ голубковъ et me voici.

ВѢРА. [про себя]. Опомниться не могу!

АННА МАРКОВНА. А вы премило устроились, да. Уединенный хуторокъ, заброшенная усадьба, роща... Миленькій пейзажъ во вкусѣ Фета. Подъѣзжая, мнѣ даже вспомнились его стихи... Какъ это?.. „Шепотъ, робкое дыханье... трели соловья... лобзанія и слезы“.

ВѢРА. Что же вамъ угодно?

АННА МАРКОВНА. Ахъ, не принимайте трагическаго тона, фи!.. Познакомиться съ вами. Надѣюсь, мое любопытство очень понятно. [Разсматриваетъ ее въ pince-nez], Выборъ мужа не дуренъ, д-да!..

ВѢРА [отвертываясь, съ нетерпѣніемъ]. Ахъ!.. [Подступаетъ]. Зачѣмъ вы пріѣхали?

АННА МАРКОВНА. Вотъ наивный вопросъ! Жена пріѣзжаетъ къ мужу, въ свою семью, а ее спрашиваютъ, зачѣмъ она пріѣхала! Въ вашемъ... сомнительномъ положеніи тѣмъ неумѣстнѣй подобный вопросъ, моя душечка.

ВѢРА. Понимаю. Когда понадобилось бросить мужа, вы его бросили; когда разочли, что выгоднѣе возвратиться къ нему—возвращаетесь. На что проще!

АННА МАРКОВНА. Начать съ того, что никто, а тѣмъ болѣе вы, не въ правѣ входить въ мою семейную жизнь. Это первое. Затѣмъ, почему вы думаете, что я „бросила" мужа? Васъ увѣрили въ этомъ, въ извѣстныхъ цѣляхъ? Возможно. Я уѣхала въ Петербургъ лечиться, потому что здѣшніе доктора едва не уморили меня. Выздоровѣла и пріѣзжаю домой. [Вѣра усмѣхнулась]. Я понимаю, что вамъ не пріятно мое возвращеніе...

ВѢРА. Не обо мнѣ рѣчь. Если бъ вы подумали, насколько оно пріятно Якову Андреичу, то, можетъ быть, отдумали бы пріѣзжать...

АННА МАРКОВНА. Однако нельзя сказать, чтобъ вы были скромнаго о себѣ мнѣнія!..

ВѢРА. Но кто думаетъ только о себѣ, тому свойственно ни во что не ставить другихъ.

АННА МАРКОВНА. Напримѣръ, ваше положеніе, душечка, едва ли можетъ тронуть меня настолько, чтобы проливать надъ нимъ слезы.

ВѢРА. Опять не обо мнѣ рѣчь. Я знаю, чего отъ васъ ожидать...

АННА МАРКОВНА. Дѣлаетъ честь прозорливости вашей.

ВѢРА. Глупо было бы говорить съ вами какъ съ сердечною женщиной. Повторяю: все дѣло въ счастіи Якова Андреича. Вы, конечно, знаете, что онъ не можетъ имѣть добрыхъ чувствъ къ вамъ...

АННА МАРКОВНА. C'est gentil!

ВѢРА. Что ихъ не было и не будетъ; что вся ваша сила—въ его уступчивости, добротѣ, словомъ въ слабости его характера; что онъ будетъ вдвое несчастнѣе съ вами, нежели былъ до того, какъ вы разошлись. Зная все это, неужели вы можете сознательно губить человѣка? Да, губить! Поступить такъ способна только черствая эгоистка, женщина, у которой ни порядочности, ни чувства собственнаго достоинства. Только такая!

АННА МАРКОВНА. Ну-съ, я терпѣливо выслушала вашу галиматью, моя душечка, и только потому, что персона подобная вамъ не можетъ оскорбить порядочную женщину...

ВѢРА. О, васъ ничѣмъ нельзя пристыдить, ничѣмъ!..

АННА МАРКОВНА [злобно]. Особенно содержанкѣ моего мужа, которому вздумалось позабавиться отъ скуки.

ВѢРА [гнѣвно]. Вы лжете!

АННА МАРКОВНА. Ого!

ВѢРА. Да, лжете, клевещете!

АННА МАРКОВНА. Ха-ха-ха! Знаете ли, душечка, мнѣ очень васъ жалко, не шутя. Вы такъ серьезно все принимаете... Домикъ построенный на пескѣ... la petite amourette en question... представляется вамъ какою-то твердыней. Любовь... Вы удивительно наивны въ любви... Скажите, вы очень въ него влюблены?

ВѢРА. Мы кончили. Я не удерживаю васъ.

АННА МАРКОВНА. Смѣшная! Если вы забыли стыдъ, святость долга, высокія обязанности жены...

ВѢРА. *Вы* говорите объ нихъ, *вы?!*

АННА МАРКОВНА. То конечно влюблены какъ кошка. Иначе я въ правѣ считать васъ за вѣтреную особу... une coureuse... которая падка на любовныя похожденія и чѣмъ ихъ больше, тѣмъ считаетъ себя счастливѣй.

ВѢРА. Я велю подать вашихъ лошадей.

АННА МАРКОВНА. Да она уморительная! А, кто-то пріѣхалъ! (Глядя въ окно). Мужъ. Кстати! Идите же встрѣчать, киньтесь въ объятія, ха-ха-ха!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Сильвачевъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Здѣсь! Такъ и зналъ! такъ и зналъ, что вы сюда явитесь! [Бросаетъ фуражку].

АННА МАРКОВНА. Полюбоваться на ваше счастье. Еще бы! Въ наше время это большая рѣдкость.

СИЛЬВАЧЕВЪ [Вѣрѣ]. Оставьте насъ. Мнѣ нужно поговорить съ нею... рѣшительно, навсегда!

АННА МАРКОВНА. Однако!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Пора положить конецъ!.. Довольно!

АННА МАРКОВНА. Яковъ Андреичъ, я начинаю бояться [Вѣрѣ]. Какой онъ сталъ у васъ грозный, ой-ой!

СИЛЬВАЧЕВЪ (пожавъ руку Вѣры). Оставьте насъ.

ВѢРА. Да, Яковъ Андреичъ, объяснитесь рѣшительно и разъ навсегда! Докажите, что вы живете не для *обстановки* и *удобствъ* женщины, которая только въ этомъ видитъ ваше значеніе.!.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Все, все!

ВѢРА. Вы довольно намучились и не захотите опять надѣть на себя ярмо, хотя имѣютъ наглость воображать, что принудить васъ къ этому и естественно и очень легко. [Уходитъ къ себѣ, гнѣвно взглянувъ на Анну Марковну].

ЯВЛЕНІЕ V.

Анна Марковна и Сильвачевъ.

АННА МАРКОВНА. Гмъ! Voilà un vrai coup d'éperons pour exiter un amour propre, ха-ха-ха!

СИЛЬВАЧЕВЪ (подходя къ женѣ, въ сильномъ волненіи]. Когда вы оставите меня въ покоѣ? Когда перестанете мучить?

АННА МАРКОВНА. Мучить? Какъ это громко!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Съ первыхъ дней нашего супружества началась эта мука. Ваши капризы, сцены, пошлое кокетство, вашъ грубый эгоизмъ—оскорбляли, унижали меня постоянно и передъ всѣми. Я имѣлъ слабость уступать вамъ; ласкою, просьбами старался смягчить васъ. Къ чему повело это? Къ тому, что вы стали третировать меня, какъ лакея, и безстыдно заводили интриги у меня на глазахъ! Я близокъ былъ къ тому, чтобъ пустить себѣ пулю въ лобъ отъ всей этой каторги...

АННА МАРКОВНА. Нѣсколько напоминаетъ бульварную трагедію. Ну-съ?

СИЛЬВАЧЕВЪ. И пустилъ бы, еслибъ вы не уѣхали съ князькомъ въ Петербургъ.

АННА МАРКОВНА. Кончили вы?

СИЛЬВАЧЕВЪ. Вы уѣхали. Все было кончено между нами. Я могъ просить развода и получилъ бы его. Но вы считали себя въ правѣ пользоваться моимъ трудомъ; вы требовали денегъ и грозили возвратиться, когда я запаздывалъ высылать ихъ. Я посылалъ все, что имѣлъ, я *откупался* отъ васъ...

АННА МАРКОВНА. Неужели? C'est trop fort...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Вы это знали и не стыдились этого. Какъ назвать женщину, которая такъ поступаетъ? Есть у ней совѣсть, честь? И послѣ всего вы пріѣзжаете, какъ ни въ чемъ не бывало!..

АННА МАРКОВНА. Не во время. Соглашаюсь. И вотъ причина вашихъ громкихъ фразъ и вульгарныхъ обвиненій.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Такъ, или не такъ, но я рѣшительно объявляю, что не стану жить съ вами. Я стряхну съ себя положеніе, которое имѣлъ слабость сносить. Я свободенъ жить, какъ хочу.

АННА МАРКОВНА. О, да это бунтъ! Вотъ что значитъ влюбиться! Удивительно, какъ я до сихъ поръ не въ обморокѣ. Будьте любезны прочитать эту телеграмму. [Достаетъ

ее изъ сумочки и подаетъ]. Получила сегодня. Надѣюсь, она нѣсколько васъ успокоитъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ [читаетъ]. „Вашъ мужъ переводится въ 113 полкъ, близь Варшавы"... Что это значитъ?!

АННА МАРКОВНА. Сегодня же вы получите телеграмму о томъ, чтобы немедленно сдать баталіонъ и отправиться къ мѣсту новаго назначенія.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Ваши происки?! Понимаю!

АННА МАРКОВНА. Скажите лучше—забота о васъ. Ахъ, какъ вы опустились! Вы ничего не замѣчаете и не хотите видѣть, кромѣ этого уголка, съ его мѣщанскими прелестями. Между тѣмъ, вы въ невозможномъ, въ нелѣпомъ положеніи. Такъ продолжаться не можетъ. Вы—басня всего города. На васъ указываютъ пальцами, какъ на трактирнаго ловеласа. Офицеры краснѣютъ за васъ, начальство хмурится...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Теперь понятно, чѣмъ вы добились моего перевода. Прекрасно! [Рветъ телеграмму въ клочки]. Я выхожу въ отставку.

АННА МАРКОВНА. Чтобы остаться безъ куска хлѣба? Этого не будетъ, Яковъ Андреичъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Будетъ-съ!

АННА МАРКОВНА [энергично]. Не будетъ, повторяю вамъ. Или я подниму такую бурю, что вы же станете умолять, чтобы я пощадила ту, которую вы такъ обожаете. Вашимъ рѣчамъ я не придаю значенія, что—надѣюсь—и доказала, терпѣливо выслушавъ всякій вздоръ; но дѣло... дѣло крѣпко въ моихъ рукахъ, Яковъ Андреичъ. И это для вашего же блага, для блага семьи.

СИЛЬВАЧЕВЪ. У меня нѣтъ семьи.

АННА МАРКОВНА. Вы это говорите вашей женѣ?—Забавно!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Между нами все кончено.

АННА МАРКОВНА. Ошибаетесь. Какъ ваша жена, я хочу и буду занимать должное положеніе. Я не дура, чтобъ не оградить себя отъ вашей связи съ какою-то мѣщанкой...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Вы... вы мизинца не стоите этой женщины!

АННА МАРКОВНА. Очень любезно! Я и не стану марать себя сравненіемъ съ нею. Наконецъ, между нами есть другая, священная связь: сынъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Сынъ?! И у васъ повернулся языкъ сказать это?!. Вы отлично знаете, что это не мой ребенокъ.

АННА МАРКОВНА. Вы хотите очернить меня, чтобы найти оправданіе вашей пошлой интригѣ...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Невыносимо!

АННА МАРКОВНА. Благородная цѣль! Но ребенокъ носитъ вашу фамилію...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Каюсь, что допустилъ это!

АННА МАРКОВНА. Если вы отвергаете сына, чтобъ онъ не стоялъ между вами и вашей любовницей, то въ метрикѣ, *документально* вы значитесь его отцемъ, слѣдовательно обязаны по отношенію къ нему родительскимъ попеченіемъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ [въ изступленіи]. Я ненавижу васъ! Проклинаю тотъ часъ, когда мы встрѣтились съ вами!

АННА МАРКОВНА. Сожалѣю; но это не помѣшаетъ мнѣ овладѣть положеніемъ и за зло платить вамъ добромъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ [быстро подходя къ ней]. Послушайте! Уѣзжайте! уѣзжайте сію минуту, не то я за себя не ручаюсь!..

АННА МАРКОВНА. Уѣхать и оставить васъ въ сладостномъ tête à tête? Нѣтъ, пора этому положить конецъ, Яковъ Андреичъ. Я безъ васъ не уѣду.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Что-съ?

АННА МАРКОВНА. Да. А если вы вздумаете пріѣхать сюда еще разъ, то встрѣтитесь... съ мужемъ вашей amante, съ Разваловымъ. Я позабочусь объ этомъ. Онъ горитъ нетерпѣніемъ раздѣлаться съ вами. Вообще послѣдствія для любовниковъ выйдутъ плачевныя, ха, ха!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Не шутите этимъ, Анна Марковна, ой не шутите!

АННА МАРКОВНА. Я говорю совершенно серьезно.

СИЛЬВАЧЕВЪ [внѣ себя]. Если ты осмѣлишься... я... я не отвѣчаю, что случится съ тобою!!

АННА МАРКОВНА. Представьте, что я ни крошечки васъ не боюсь. Полно фиглярничать! Впрочемъ, уѣдемъ въ Варшаву, съ васъ какъ рукой сниметъ все это. Тамъ вы вскорѣ получите полкъ... Мнѣ обѣщано... Некогда будетъ волноваться по пустякамъ...

СИЛЬВАЧЕВЪ [отходя, упавшимъ голосомъ]. Напрасныя ожиданія.

АННА МАРКОВНА [про себя]. Стихаетъ! Послѣ вспышки, изъ него хоть веревочки вей. [Мужу, приближаясь къ нему]. А здѣсь все войдетъ въ прежнюю колею. Поплачутъ и утѣшутся. Не безпокойтесь.. Однако, пора. [Надѣваетъ перчатку]. Успѣемъ дома наговориться.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Давно жду-съ. Прошу васъ! [Указываетъ на дверь].

АННА МАРКОВНА. Я уже сказала, что мы ѣдемъ вмѣстѣ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Нѣтъ!

АННА МАРКОВНА. А! Въ такомъ случаѣ и я не ѣду. [Садится].

СИЛЬВАЧЕВЪ [молча ходитъ большими шагами. Вдругъ останавливается]. Все равно. Ѣдемте!

АННА МАРКОВНА [встаетъ]. Вашу руку.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Вамъ угодно шутить?

АННА МАРКОВНА. Нисколько. Будьте же вѣжливы съ женщиной. [Съ лукавой улыбкой]. Наконецъ, это васъ ни къ чему не обязываетъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Лошади ждутъ. [Пошелъ къ двери].

АННА МАРКОВНА [садится опять]. Вы до того одичали, что забыли всякое приличіе, Яковъ Андреичъ!

СИЛЬВАЧЕВЪ [гнѣвно]. Если ужь нѣтъ другаго средства заставить васъ уѣхать отсюда...

АННА МАРКОВНА. Нѣтъ. [Сильвачевъ подходитъ, она беретъ его подъ руку и оба направляются къ двери].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Вѣра.

ВѢРА [входитъ слѣва]. Яковъ Андреичъ!.. вы уѣзжаете?.

АННА МАРКОВНА. Да, душечка, уѣзжаемъ. Я ревнива и боюсь оставить васъ съ глазу на глазъ. Вы что-то хотите сказать?

СИЛЬВАЧЕВЪ [высвободивъ руку, подходитъ къ Вѣрѣ]. Не слушайте ее!..

ВѢРА [Аннѣ Марковнѣ]. Вамъ я сказала все и, кажется—откровенно; а что сказала бы Якову Андреичу—онъ и самъ знаетъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Я сегодня вернусь... непремѣнно... Не безпокойтесь ни о чемъ. Я все псверну по своему! [Пожалъ ея руку и быстро уходитъ].

АННА МАРКОВНА. Не вѣрьте, душечка. Ничего онъ по своему не повернетъ и къ вамъ я его не пущу. Вы видѣлись съ нимъ въ послѣдній разъ. [Уходитъ. Вѣра долго смотритъ имъ вслѣдъ, потомъ бросается въ кресло и отчаянно рыдаетъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Прежняя комната у Разваловыхъ. На всемъ замѣтно запустѣніе и безпорядокъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Никандръ Прокофьичъ [сидитъ за стаканомъ чая] и **Агафья.**

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [допивая чай]. Ну-ка, Агафьюшка, стаканчикъ еще!

АГАФЬЯ. Сейчасъ, батюшка, налью. [Уноситъ стаканъ въ смежную комнату].

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [посвисталъ и рѣзко перемѣнилъ позу]. Фу, тощища какая! [Агафья вноситъ налитой стаканъ]. А себѣ что же?

АГАФЬЯ. Напилась, благодарю покорно.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. А знаешь что? Я совсѣмъ перетащу тебя жить къ себѣ... [съ усмѣшкой] замѣсто хозяйки...

АГАФЬЯ. Рада служить твоей милости, а это... къ хозяйкѣ приравнивать меня не хорошо; грѣшно этимъ смѣяться, отецъ мой.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. У тебя все грѣшно.

АГАФЬЯ. Потому со зла ты это сказалъ, про хозяйку, со зла.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Ну, полно! А жить перетащу. Домъ запустѣлъ... Сразу осиротѣлъ я... Хоть бы домовой завелся, все-бъ веселѣе.

АГАФЬЯ. И, что ты, что ты, отецъ мой!.. Тьфу! Съ нами крестная сила. Долго ли накликать! А-ахъ!.. Теперь безпремѣнно двери закрестить нужно, да богоявленской водою въ углахъ окропить... Ишь что сбрехнулъ!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Окропимъ. [Допилъ чай и всталъ]. И куда братъ запропастился, Сергѣй?!

АГАФЬЯ. Было отъ него письмо-то, али нѣтъ?

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Всего одно изъ Нижняго отписалъ. Хочу, писалъ, по Волгѣ проѣхаться, значитъ книзу, на Казань, Самару, Царицынъ...

АГАФЬЯ. Мѣста хорошія. Знаю.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Съ тѣхъ поръ ничего не извѣстно, вотъ ужь... сколько?.. да, съ мѣсяцъ прошло... Меня сумлѣніе даже беретъ: здоровъ ли, не случилось ли чего?

АГАФЬЯ. Господь милостивъ. Кабы, помилуй Богъ, захворалъ, отписалъ бы, потому кáкъ на чужой сторонѣ хворому? Нѣтъ. А такъ онъ... дѣлами позадержался, иль что... Въ пути не видать время-то.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. И уѣхалъ—удивилъ. Однимъ часомъ собрался. Зачѣмъ? Куда? Такъ мнѣ за него безпокойно!

АГАФЬЯ. Богъ милостивъ. Пріѣдетъ. А ты молебенъ отслужилъ бы заздравный...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Степанъ [входитъ поспѣшно].

СТЕПАНЪ. Сказываютъ, Сергѣй Прокофьичъ пріѣхали.

АГАФЬЯ. Ну вотъ!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Ужели?! Гдѣ же, гдѣ онъ?

СТЕПАНЪ. Давешь пріѣхалъ, на раннемъ поѣздѣ.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. На раннемъ? Не можетъ быть! Такъ гдѣ же онъ? Соврали, а ты...

СТЕПАНЪ. Вѣрно. Видѣли ихъ. Со станціи, вишь, взяли ошадей, да прямо къ доктору поѣхали, къ Красноглазову.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Ну?

СТЕПАНЪ. А забравши доктора... *туда*... на хуторъ.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Съ докторомъ?

СТЕПАНЪ. Точно такъ. Надо полагать, дорогой узнали что-нибудь этакое... Потому, какъ слышно, она не здорова... [тихо, потупившись] Вѣра Дмитревна...

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Кто тебѣ набрехалъ? Набрехали?

СТЕПАНЪ [разсматривая и потрогивая рѣзьбу па спинкѣ кресла]. Нѣтъ, оно точно... Слухъ былъ... Правильно...

АГАФЬЯ [прослезилась]. Голубушка моя!

СТЕПАНЪ. Я было и вамъ сбирался сказать.. да...

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [съ укоромъ]. Сбирался!

СТЕПАНЪ. Коли она одинёшенька тамъ... да захворала... оно точно... Потому какая тамъ помощь, призоръ?.. Ну, я и того...

АГАФЬЯ. Напрасно не сказалъ, Лукьяныч, напрасно!.. Хоть мнѣ бы .. Я бы къ ней, болѣзной, въ тужь бы минуту...

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Слава Богу, хоть братъ-то пріѣхалъ! слава Богу!

СТЕПАНЪ. Ужь и я такъ-то, Никандръ Прокофьичъ. Насилу дождались. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Никандръ Прокофьичъ и Агафья.

никандръ прокоф. Теперь отлегнетъ... Полно одному куковать!.. Теперь... Какъ-то *тамъ*? [Остановился передъ горшкомъ съ цвѣтами и задумчиво пробуетъ землю]. Земля точно камень... Безъ призора что значитъ... Этакъ цвѣты и въ отдѣлку повянутъ... Агафья!

агафья. Что, батюшка мой?

никандръ прокоф. Ты бы того... лейку взяла бы, а?.. взяла бы, да полила цвѣты-то...

агафья. И какъ мнѣ самой объ этомъ не вспомнилось! А-ахъ, дура старая, право дура! [Уходитъ].

никандръ прокоф. Да, безъ призора они того... [Вздохнулъ]. Надо садовника позвать, пусть пересадитъ какіе... Не велика радость отъ нихъ, чахлыхъ-то! [Агафья входитъ съ лейкою]. Постой старая! Дай я самъ... [Съ озабоченнымъ видомъ поливаетъ цвѣты. Агафья утираетъ слезы]. А помнишь... помнишь, въ какомъ они были у насъ порядкѣ?..

агафья. Какъ не помнить! Вѣдь ужь какъ она за ними старалась!.. Любила, сердечная... Всѣ листочки, бывало, перетретъ, перемоетъ... Тамъ подвяжетъ, какой горшекъ къ солнышку повернетъ. И всякая вѣточка, бывало, приметcя у нея, веселенькая стоитъ, любо глядѣть!.. Какъ не помнить, отецъ мой, помню! [Тяжело вздохнула].

никандръ прокоф. Заголоси еще!

агафья. Человѣкомъ бываетъ. Цвѣтами займаться— сердце доброе надо имѣть. Ужь это вѣрно.

никандръ прокоф. [прерывая]. На, отнеси лейку... Пойдетъ!.. (Агафья пошла къ двери). Да того... Тамъ у ней въ комнатѣ какіе стоятъ...

агафья. Полью, батюшка, полью. (Уходитъ).

никандръ прокоф. Э-эхъ-ма!.. [Прошелся въ задумчивости]. Какая въ мысляхъ перемѣна случается! Дивно!.. Ужли я

точно затосковалъ?.. Была здѣсь—только въ досаду вводила, а не стало ее... и то вспомнится, и это въ голову лѣзетъ... Кротость ея... голосъ ласковый, тихій... глаза эти добрые... Чего и не примѣчалъ никогда, теперь представляется. Сказать бы—въ нервахъ у меня разстройство?.. Даже смѣшно. Какіе тутъ нервы, когда изъ меня дубиной слезы не вышибешь?.. Нѣтъ. А уходился я, все опостылѣло. Вѣрно. Вино--видѣть его не могу. Потому—думать надо—здорово перепилъ, натура и не примаетъ... А хуже такъ, какъ сейчасъ. Бывало что ни хватитъ за сердце—ахнулъ, ррраскатился, ажь чертямъ тошно, и прошло! Ну, послѣ того день—другой въ туманѣ походишь, покамѣсть расправишься, да всякій въ тебѣ предметъ въ порядокъ придетъ... Теперь хуже, куда стало хуже!.. Ну, братъ пріѣхалъ—встряхнусь, отлегнетъ. Ужь и какъ же я радъ ему!.. Ишь вѣдь не ко мнѣ сперва, а *туда*!.. Брата въ послѣдніе ставитъ... Съ чѣмъ-то пріѣдетъ оттуда?... Бросили... Хорошо! Насмѣялись и бросили!.. Къ тому-жь не здорова... Какъ братцу не расчувствоваться! Онъ у меня такой миротворецъ. Нѣ-ѣтъ, на меня не разсчитывай, я не очень... шалишь! По дѣломъ, по дѣломъ ей!.. Знаю, какую Сергѣй пѣсенку запоетъ. Дудки! Назадъ сверта нѣту, тутъ никакихъ!.. Разжалобить меня или какъ — вре-ешь!! (Входитъ Сергѣй Прокофьичъ). Братъ, голубчикъ! [Бросается его обнимать].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Никандръ Прокофьичъ и Сергѣй Прокофьичъ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Здравствуй, Никаша, здравствуй!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Батюшки, постарѣлъ какъ! Съ чего? Или хворалъ?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Нѣтъ, слава Богу... Я ничего. И ты, братъ... Дай-ка на себя поглядѣть... Ну-у!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. А что?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Словно другой человѣкъ.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Уходился.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. *Уходился*?

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Шабашъ! [Махнулъ рукой]. Тоска безъ тебя одолѣла. А ты запропалъ... Да и вернувшись не меня держалъ въ мысляхъ... Утромъ еще, сказывали, пріѣхалъ, а сейчасъ дѣло къ вечеру. Вотъ ты какъ обо мнѣ помнилъ!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Слѣдовательно ты знаешь, что я былъ у Вѣры?

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Къ ней первымъ дѣломъ! Какъ не знать!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. И все про нее знаешь?

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Люди болтали, а я не спрашивалъ... Мнѣ что!.. не интересуюсь.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. И что съ Сильвачевымъ у нихъ кончено, что онъ... уѣхалъ и уѣхалъ совсѣмъ? Знаешь?

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. И какого черта объ немъ вспоминать!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Знаешь. Хорошо. Ну, а это извѣстно тебѣ, что она... что сгибла наша Вѣруня?

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Какъ сгибла?! какимъ манеромъ?!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Тѣни отъ нея не осталось... Вотъ какъ уходили ее...

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Развѣ такъ ужь больна?... Сказывали... Да ты... врешь! Понимаю. Коли имѣешь въ предметѣ напугать меня, чтобъ разжалобить...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Что жалобить! Довольно взглянуть на тебя: готовъ. Нѣтъ, Никандръ, нѣтъ, милый мой!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [упавшимъ голосомъ]. Полно, неужли такъ ужь ей худо?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Не жилица.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Господи!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Плохо въ груди... Красноглазовъ прямо сказалъ, что... недолго...

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Мало ли что онъ сказалъ! Чортъ! Ну, въ Крымъ, на теплыя воды... Куда тамъ ихъ возятъ? Чего бы ни стоило!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Поздно. Самъ погляди. [Пошелъ къ двери],

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [робко]. Развѣ... развѣ она съ тобой?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Привезъ. Ни за что не хотѣла ѣхать. Насилу уговорилъ. [Уходитъ].

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Господи!.. Похолодѣло. (Схватился за грудь). Ноги трясутся... Страхъ беретъ, страхъ!.. (Въ дверяхъ, подъ руку съ Сергѣемъ Прокофьичемъ, появляется Вѣра. Она блѣдна, худа, съ темными кругами подъ глазами, съ яснымъ и неподвижнымъ взоромъ. Никандръ Прокофьевичъ, увидавъ жену, пошатнулся и схватился за кресло).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Вѣра Дмитріевна.

ВѢРА. Я не хотѣла ѣхать сюда... Сергѣй Прокофьичъ настоялъ... Тяжело... (Сергѣю). Зачѣмъ вы меня увезли? Развѣ не все равно?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Сядь, Вѣрочка, сядь. Дай раздѣну. [Снимаетъ съ нея верхнюю одежду. Никандръ Прокофьичъ, опустивъ голову принимаетъ ея вещи, шляпу]. Вотъ такъ. Теперь сядемъ. (Никандръ Прокофьичъ подвигаетъ кресло. Она садится). Устала? Закачало тебя?

ВѢРА. Устала. [Принимаетъ обезсиленную позу, откинувъ голову на спинку кресла].

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [тихо Сергѣю]. Не лучше-ли уложить?

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [тихо]. Подожди, отдохнетъ.

ВѢРА. Вотъ я опять здѣсь!.. Какъ грустно, уныло!.. Никандръ Прокофьичъ... я очень виновата передъ вами...

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Не надо, не надо!.. Забылъ.

ВѢРА. Добрый вы... Жалко что мнѣ ничто ужь не въ радость... и доброта ваша... Ничего ужь не нужно... Другія у меня мысли теперь и чувства... Я ужь какъ не жи-

вые... (Взглянула на него). Какъ вы измѣнились!.. (Сергѣю). И вы... И во всемъ я виновата. [Поникла головой].

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Пережитое вспоминать не зачѣмъ, Вѣрочка.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Правда! Кто старое помянетъ... [Глотая слезы]. Правда, братъ!

ВѢРА. Не говорите такъ... Мучительно великодушіе это! [Заплакала. Никандръ Прокофьичъ испуганно взглянулъ на брата. Тотъ успокоиваетъ одобрительнымъ жестомъ].

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. У каждаго своя вина, Вѣра, и свои счеты съ совѣстью. Перестань, милая, успокойся! Въ мирѣ соединились мы, въ любви...

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Вѣрно!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. И въ этихъ добрыхъ чувствахъ забудемъ все, что каждаго изъ насъ тяготило. Далъ бы Богъ поскорѣе поправиться тебѣ! (Вѣра отрицательно качаетъ головою).

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [горячо]. Лучшихъ докторовъ подниму!.. Въ Египетъ, на край свѣта!.. [Вѣра протянула ему руку. Онъ взялъ ее въ обѣ свои].

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Поправишься, и вотъ какъ заживемъ, Вѣрочка!

ВѢРА [протягиваетъ и ему руку]. Моя пѣсня спѣта.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Ветенскій.

ВЕТЕНСКІЙ [входя]. Здравствуйте!.. [Всѣ смотрятъ на него съ удивленіемъ]. Можетъ быть, я не кстати?.. Простите пожалуйста. Здравствуйте, Вѣра Дмитріевна! [Поцѣловалъ ея руку. Отходя, про себя]. Господи, на что она стала похожа!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [сурово]. Позвольте узнать, что вамъ угодно-съ?

ВЕТЕНСКІЙ. А вотъ сейчасъ... [Никандру] Здравствуй, дружище! [Никандръ Прокофьичъ неохотно пожалъ руку и отвернулся]. Бросилъ кутить. Дѣлаетъ честь. Дѣло въ томъ, Вѣра Дмитріевна, что явилась необходимость повидаться съ вами какъ можно скорѣе. Пріѣзжаемъ... То-есть—хочу сказать—пріѣзжаю къ вамъ на дачу. Говорятъ, что вы только что уѣхали въ городъ. Вотъ я сюда, почти слѣдомъ за вами...

ВѢРА [съ волненіемъ]. Необходимость повидаться... Что-же случилось?

ВЕТЕНСКІЙ. Неожиданность... которую, впрочемъ, можно было предвидѣть...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [съ негодованіемъ]. Господинъ Ветенскій! Ваше появленіе и то, что вы изволили сообщить, слишкомъ взволновало мою невѣстку...

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Да, напрасно-съ!..

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Предупреждаю: ей всякое волненіе вредно. Поэтому и съ ея позволенія прошу васъ объясниться *со мной*.

ВѢРА [съ живостью]. Нѣтъ, я ничего... Я хочу знать... Пожалуйста!.. Не бойтесь за меня... ничего...

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Значитъ, ты непремѣнно желаешь?..

ВѢРА. Пожалуйста!..

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Никандръ, пойдемъ!

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. [вспыльчиво]. Что-жь это будетъ?! Коли опять... [Сергѣй останавливаетъ его жестомъ].

ВѢРА [мужу, умоляющимъ тономъ]. Прошу васъ!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [брату]. Пойдемъ. [Оба уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Вѣра и Ветенскій.

вѣра. Ну, я васъ слушаю.

ветенскій. Чортъ-бы побралъ всѣ эти амуры!.. Простите! Конечно, не мои ругательства вы приготовились слушать; но — честное слово — я ничего бы не взялъ посредничать при такихъ обстоятельствахъ и притомъ какъ вы не здоровы!

вѣра „Посредничать“. Конечно, вы отъ *него*?.. по его порученію? Да? Я сразу поняла это.

ветенскій. Хуже: я съ нимъ.

вѣра. Яша?!. здѣсь?!

ветенскій. Однако, не волнуйтесь, иначе я ухожу.

вѣра. Я не волнуюсь. Пожалуйста...

ветенскій. Вашъ Яша сбѣжалъ. Бросилъ службу и сбѣжалъ, какъ рекрутъ, какъ дезертиръ. Похоже на него? Не правда-ли?

вѣра. Бѣдный мой, бѣдный!

ветенскій. Истерзался, изволите видѣть, измучился тоска загрызла его. Словомъ, совсѣмъ полоумный.

вѣра. Бѣдный, бѣдный мой Яша!

ветенскій. Дрянь Яша вашъ, тряпка. Ни на кого въ жизни я такъ не бѣсился, какъ на него. Честное слово! Помилуйте, и это мужчина!.. Я ни за какія сокровища не сталъ бы ввязываться теперь, да что будешь дѣлать! Жалокъ, тронулъ. Умоляетъ устроить свиданіе съ вами... [Она отрицательно покачала головою]. Заклинаетъ всѣми святыми, въ ноги мнѣ бросился, плачетъ. Я ругалъ, ругалъ его и кончилъ тѣмъ, что у васъ.

вѣра. Намъ не за чѣмъ видѣться... не къ чему... Кончено все... Знай я, что онъ способенъ бросить меня, я бы не полюбила его...

ветенскій. Еще бы!..

ВѢРА. Но я не сержусь на него за это... Женщины слишкомъ полагаются на свою любовь и обманываются... Онъ страдаетъ, я знаю... Онъ больше моего страдаетъ... Не сержусь, нѣтъ... И люблю его, люблю по прежнему... Такъ ему и скажите... Я понимаю, что его взяли у меня, отняли... та женщина...

ВЕТЕНСКІЙ. Она, оказывается, уничтожала его письма къ вамъ.

ВѢРА. Онъ долженъ былъ это предвидѣть. Разъ попавъ въ ея руки, онъ все равно пропалъ для меня, да и для себя тоже. Онъ мучился, а она за это была еще бездушнѣй къ нему... Ахъ, какъ ужасно жить вмѣстѣ, когда ни душа, ни мысли не лежатъ другъ къ другу!.. Ахъ, какое это несчастье!..

ВЕТЕНСКІЙ. Да, признаюсь!

ВѢРА. Мнѣ ужасно, ужасно жалко его!.. Бѣдный Яша!.. Но видѣться съ нимъ я рѣшительно не могу... Къ чему? Наконецъ, вы видите, какая я стала... Кончено все... Помогите мнѣ встать. [Поднялась]. Скажите ему, что я умру съ его именемъ... что онъ будетъ въ моемъ сердцѣ, пока оно не перестанетъ биться... что я благословляю нашу встрѣчу, нашу любовь... что я безконечно ему благодарна... Съ нимъ я узнала, что такое жизнь, что называется счастьемъ... Всѣмъ, всѣмъ я обязана ему, моему милому, дорогому Яшѣ... А въ томъ, что у него воли нѣтъ—не виноватъ онъ... Темнѣетъ въ глазахъ... дурно... [Ветенскій сажаетъ ее въ кресло]. Прошло... Позовите ихъ.

ВЕТЕНСКІЙ [въ дверь]. Господа, васъ просятъ. [Входятъ Сергѣй и Никандръ Прокофьичи].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, Сергѣй Прокофьичъ и Никандръ Прокофьичъ.

НИКАНДРЪ ПРОКОФ. Кончили? Э-эхъ! [Досадливо махнулъ рукою].

ВѢРА. Хочу лечь... Устала... Дорога утомила меня. [Сергѣй и Никандръ бережно поднимаютъ ее и уводятъ въ дверь направо].

ВЕТЕНСКІЙ. Бѣдная, бѣдная Вѣрочка! [Утираетъ слезы]. Этакой женщинѣ и такая судьба!.. За что?.. Богъ тебѣ судья, Яковъ Андреичъ!.. [Успокаиваясь]. Однако что—же съ нимъ дѣлать? Вѣдь ждетъ. [Стукъ въ балконную дверь]. Онъ! навѣрное онъ! [У двери]. Такъ и есть! [Съ жестами] Ступай!.. убирайся! Нельзя! [Въ дверь ломятся[. Сумасшедшій! Да не ломись, погоди! [Отпираетъ дверь. Врывается Сильвачевъ. Волосы и одежда его въ безпорядкѣ].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Ветенскій и Сильвачевъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Видѣлъ?.. Что же она?.. гдѣ?

ВЕТЕНСКІЙ [сердито]. Видѣлъ. Чортъ тебя принесъ! Уходи.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Понимаешь ли, силъ не было ждать!.. Не знаю, я бы въ пропасть за ней полетѣлъ, я бы...

ВЕТЕНСКІЙ. Хорошо, хорошо! Не къ чему было летѣть. Отправляйся. Не нуженъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ. Гонитъ? видѣть не хочетъ?

ВЕТЕНСКІЙ. Умираетъ. Уморилъ ты ее...

СИЛЬВАЧЕВЪ. Ум... умираетъ?! [Ринулся къ правой двери. Ветенскій охватываетъ его]. Пусти меня!.. пусти!.. ради Бога пусти!

ВЕТЕНСКІЙ [не отпускаетъ]. Сумасшедшій!.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же и Сергѣй Прокофьичъ.

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. [громкимъ шепотомъ]. Тише вы! [Тщательно притворилъ за собою дверь. Сильвачеву]. А вамъ, сударь, не мѣсто здѣсь!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Ради Бога, видѣть ее!.. взглянуть!.. Ради самого Бога!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Прошу васъ немедленно выйти вонъ!

СИЛЬВАЧЕВЪ. Ахъ!.. Да поймите же.. Ну, умоляю васъ! [Бросается на колѣни]. Умоляю!!

СЕРГѢЙ ПРОКОФ. Поздно спохватились, жалкій вы человѣкъ... Когда будетъ на столѣ, приходите. Тогда можно всѣмъ.

СИЛЬВАЧЕВЪ [вскрикнулъ и въ рыданіяхъ падаетъ на полъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ЖЕРТВА.

(ИДЕАЛИСТЪ).

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующія лица:

Арина Никитишна Ракитина, старуха, вдова.

Захаръ Платоновичъ Ракитинъ, старшій сынъ Арины Никитишны, нотаріусъ, среднихъ лѣтъ.

Антонина Васильевка, его жена, ровестница мужу.

Митрофанъ Платоновичъ Ракитинъ, младшій сынъ Арины Никитишны, чиновникъ, молодой человѣкъ.

Валентина Борисовна, его жена, молодая женщина.

Викторъ Григорьевичъ Судбищевъ, лѣтъ тридцати, двоюродный братъ Антонины Васильевны.

Фрося, дочь квартирной хозяйки Ракитина младшаго, молодая дѣвушка, горбатенькая, болѣзненнаго вида.

Анисья, кухарка Ракитина младшаго.

Африканъ, лакей въ гостинницѣ.

Горничная (безъ рѣчей).

Дѣйствіе происходитъ лѣтомъ, въ губернскомъ городѣ. Между 1-мъ и 2-мъ дѣйствіями проходитъ недѣли три; между 2-мъ и 3-мъ — около двухъ мѣсяцевъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ квартирѣ Ракитина младшаго. Обстановка очень скромная. Налѣво два окна. Двери: въ задней стѣнѣ, ближе къ лѣвому углу и направо. Посерединѣ столъ, накрытый къ чаю. Налѣво, у оконъ, рабочій и письменный столъ хозяина. По задней стѣнѣ диванъ, направо кресла. На стѣнѣ, гдѣ письменный столъ, полки, на которыхъ принадлежности для выпиливанія, рисованія и нѣсколько книгъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Митрофанъ Платонычъ *) и Валентина Борисовна.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [разсматриваетъ выпиленный ящичекъ]. Ну, вотъ и готово! Посмотри Валя—хорошо? А ножки я ввернулъ бронзовыя. Немного аляповаты для ящика, да другихъ не нашелъ. Какія-то лапки, ха-ха! А въ общемъ вѣдь не дурно? А? Не правда-ли?

ВАЛЕНТИНА. Хорошо.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Лишь-бы мамашѣ понравилось. Понравится? Ты какъ думаешь, Валя?

ВАЛЕНТИНА. Твоя мамаша, къ сожалѣнію, ничѣмъ не бываетъ довольна. Но это не охлаждаетъ тебя...

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Старуха... Старухи всегда брюзжатъ... Больная къ тому-же... А она добрая, право добрая...

ВАЛЕНТИНА. Я помолчу, что-бъ не огорчать тебя. Ты вѣдь не исправимъ. Ты *воображаешь*, а не судишь по тому, какъ есть на самомъ дѣлѣ...

---

*) Митрошу Ракитина я представляю себѣ небольшаго роста, худенькимъ, съ небольшою бородкой, голубыми глазами, прекрасными бѣлокурыми волосами.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [улыбаясь]. Ужь будто-бы такъ? [Серьезно]. Нѣтъ, Валя. Хорошее только не всегда замѣчается; а я вижу его, чувствую... доискиваюсь, что бъ увидать и всегда что-нибудь да найду, въ каждомъ человѣкѣ.

ВАЛЕНТИНА. И чаще всего это хорошее—въ тебѣ самомъ, мой голубчикъ, а не тамъ, гдѣ ты видишь его.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Нѣтъ, я не согласенъ съ тобою. Но мнѣ дорого, что ты такъ думаешь, Валя. [Поцѣловалъ ее]. Для меня это — главное, самое главное. [Прибирая у себя на столѣ, смотритъ въ окно]. Ха-ха-ха! Взгляни, какъ мальчишка играетъ съ щенкомъ! [Въ окно]. Дай мнѣ щенка! Ну дай-же сюда, дай!

ВАЛЕНТИНА. Самому поиграть захотѣлось?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Да вѣдь уморительный, чисто медвѣженокъ. [Пауза]. А какъ хорошъ день, Валя! Взгляни. Зелень свѣжая, блеститъ, будто лакомъ покрыта... А небо!—чистое, голубое, глубокое... Воздухъ теплый и влажный... Чудо какъ хорошо!.. [Задумчиво]. Да, въ природѣ любовь и красота несказанная. [Съ чувствомъ глядя на жену]. И съ тобою я глубже чувствую и больше понимаю ее.

ВАЛЕНТИНА. Ты по цѣлымъ часамъ можешь лежать въ травѣ и слушать, какъ жужжатъ насѣкомыя...

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. А что-же? Это своего рода гармонія. Когда ты весь въ звукахъ природы, это нѣчто особенное, Валя. На душѣ такъ спокойно, свѣтло... [Поймалъ ея взглядъ]. Ты смотришь на меня... снисходительно?

ВАЛЕНТИНА [съ легкимъ смущеніемъ]. Н-нѣтъ... Все, что ты говоришь—очень симпатично.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. А ты же подумала сейчасъ, что во мнѣ много ребячьяго?

ВАЛЕНТИНА. Что подумала, то и сказала. [Встаетъ]. Однако что-жъ не несутъ самоваръ? Скоро мама именинница вернется изъ церкви. Будетъ крикъ, если не все готово. [Уходитъ въ боковую дверь].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [прислонившись къ столу, чинитъ карандашъ. Задумчиво]. Да... Валя равнодушна ко многому, что меня занимаетъ... Натура у нея горячая, энергичная... Валя нервна, даже иногда раздражительна. Но въ этомъ виновато ея прошлое. Дѣтство въ чужихъ людяхъ, безъ любви, безъ ласки. Потомъ это гувернантство со школьной скамьи, у купца, гдѣ унижали бѣдную дѣвушку. Валю *унижали*!.. Вотъ и слѣды... Жалко, что мамаша раздражаетъ ее. Если-бъ не это, ничто не мѣшало-бы нашему счастью и Валя была-бы спокойнѣй. [Кладетъ карандашъ на столъ и кричитъ въ окно]. Зачѣмъ-же ты бьешь щенка? Экій негодный! Не смѣй! Не смѣй, тебѣ говорятъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Митрофанъ Платонычъ и Фрося [съ банкой варенья].

ФРОСЯ. Съ добрымъ утромъ!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. А, Фрося! Здравствуйте! Что это вы съ банкой?

ФРОСЯ. Варенье. Подарокъ вашей мамашѣ. Впрочемъ, это на вашъ счетъ.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Какъ на мой счетъ?

ФРОСЯ. Жизнь подсластить вашу. Я такъ и вашей мамашѣ доложу. Очень ужъ солоно вамъ приходится.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Полно, Фрося! Надѣюсь, вы ей не скажете этого?

ФРОСЯ. Непремѣнно скажу.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Зачѣмъ-же дѣлать непріятность?

ФРОСЯ. Это мое занятіе, удовольствіе.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Богъ знаетъ что вы корчите изъ себя! злючку какую-то.

ФРОСЯ. Вовсе не „корчу“. Не смѣйте говорить дерзостей!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Ну, не сердитесь! Вотъ и видно, какъ вы еще молоды!

ФРОСЯ [грустно]. Во мнѣ нѣтъ молодости... И зачѣмъ она мнѣ?.. [Злo]. Я богата. У насъ съ матерью и капиталъ и дома. Найдется-ли подлецъ, который посватается за меня? И одурѣю-ли я настолько, что повѣрю кому-нибудь и выйду замужъ?.. [Митрофанъ Платонычъ сметаетъ щеткою пыль со стола]. Но вы не слушайте! Пыль больше васъ занимаетъ...

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Слушаю, Фрося, слушаю!

ФРОСЯ. Вы отвратительно аккуратны. Карандашики, перушки и всѣ эти бирюльки разложены у васъ въ такомъ скучномъ порядкѣ, что тошно глядѣть. [Все это смѣшиваетъ на столѣ]. Воображаю, какъ ложась, вы тщательно складываете свое платьице, а утромъ чистите его, съ такимъ озабоченнымъ видомъ, какъ будто отъ этого зависитъ ваше благополучіе. Можетъ быть, по утрамъ вы дѣлаете гимнастику? А?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [улыбаясь]. Нѣтъ, не дѣлаю!

ФРОСЯ. Вашей женѣ должно быть ужасно скучно съ вами... *вашей* женѣ.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [съ испугомъ]. Что вы сказали?!

ФРОСЯ. А, испугался! Нѣтъ, я такъ, пошутила. Забудьте пожалуйста. Вамъ что ни говори, вы все улыбаетесь. Это несносно. Кромѣ жены, васъ ничѣмъ не проймешь.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Такъ вы съ досады?..

ФРОСЯ. Конечно съ досады. Не даромъ-же, когда я вхожу, всѣ не рады. У каждаго на лицѣ: „принесла нелегкая урода этого"! Въ гимназіи, ни учителя, ни подруги не терпѣли меня. Я дѣйствительно зла и въ каждомъ ищу надъ чѣмъ посмѣяться. Меня боятся и еще больше не терпятъ за это. Я все вижу и все подмѣчаю... О себѣ мнѣ нечего думать, вотъ и занимаюсь другими... Мать и та говоритъ про меня: „ядъ—дѣвка", ха-ха!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. У васъ дѣйствительно бываетъ иногда злое лицо. И это не хорошо. Но вы совсѣмъ другая, когда ходите у себя въ саду, по дальней дорожкѣ...

ФРОСЯ [вспыхнула]. Какъ?! Вы видѣли?!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Да. Ходите скоро, скоро и думаете...

ФРОСЯ. Вы смѣли подсматривать?!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Да я нечаянно. Что за бѣда?

ФРОСЯ. Кончено! Тамъ вы меня никогда не увидите. [Пошла къ двери].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Куда-же вы?

ФРОСЯ. Отстаньте!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [подходя къ ней]. Не уходите, Фрося! пожалуйста!

ФРОСЯ. Нѣтъ, нѣтъ! [Уходитъ въ заднюю дверь].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Ахъ, зачѣмъ я сказалъ! Я отнялъ у нея эту дорожку. Тамъ она бывала совсѣмъ другая Фрося, не та, какую знаютъ всѣ. И этого никто не долженъ былъ видѣть, мечтающую дѣвушку, то съ оживленнымъ лицемъ и нѣжной улыбкой, то грустную и съ горькимъ выраженіемъ на губахъ... Она была увѣрена, что никто не видитъ ее. Какъ я огорчилъ ее!.. [Слышенъ трезвонъ на отходъ обѣдни]. Идутъ изъ церкви. Надо встрѣтить мамашу. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Валентина и **Анисья** *) [вноситъ кипящій самоваръ и ставитъ его на столъ].

АНИСЬЯ. А къ селедкѣ-то луку покрошить, аль не надо?

ВАЛЕНТИНА. Какая ты безтолковая! Знаешь, что Арина Никитишна сама распоряжается всѣмъ, а спрашиваешь меня.

АНИСЬЯ. Я у нѣмца жила, такъ тамъ, окромя луку, картошку крошили, да огурцы... [Пауза]. А Захаръ Платоныч неужто и въ день андела къ маменькѣ не пожалуетъ? Для него хлопочемъ, стряпаемъ-то.

---

*) Анисья въ розовомъ ситцевомъ сарафанѣ и синемъ съ цвѣтами фартукѣ. Голова повязана.

ВАЛЕНТИНА. И этого не знаю. Ступай!

АНИСЬЯ. Конечно, по его достатку, онъ вамъ не компанія; а все-же мать...

ВАЛЕНТИНА [заваривая чай]. Ахъ, да ступай ты!

АНИСЬЯ. Какая ни есть, а мать! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Арина Никитишна [входитъ, опираясь на клюку], **Митрофанъ Платонычъ и Валентина.**

ВАЛЕНТИНА. Поздравляю васъ со днемъ ангела. [Сухо поцѣловались].

АРИНА НИКИТ. Давай чаю. Устала. [Сынъ усаживаетъ ее къ столу. Валентина наливаетъ и подаетъ чай].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. А вотъ, маменька, вамъ подарокъ! [Подаетъ выпиленный ящикъ]. Крышечка съ цвѣткомъ и на петляхъ; а внизу выдвижной ящичекъ, а ножки бронзовыя...

АРИНА НИКИТ. Коробочку склеилъ! Эка невидаль! Лучше-бъ какое ни на есть платьишко подарилъ.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Да на что-же?.. Я-бы и радъ... Но вы сами знаете, есть-ли возможность...

АРИНА НИКИТ. Конечно, на твое жалованье въ пору хлѣбъ имѣть.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. То-то и есть.

АРИНА НИКИТ. „То-то и есть"! Другой въ свободное время дѣломъ-бы занимался, добывалъ-бы для семьи; а у тебя глупости... всякую дрянь выпиливаешь, картинки мажешь, а то и вовсе шляешься за городомъ, считаешь воронъ...

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Развѣ попробовать портреты писать? Что нибудь да дадутъ. Сходство схватить могу. Это мнѣ дается даже на память. [Оживленно]. Главное что? Нужно угадать сущность человѣка, такъ сказать—правду души его. А это не трудно, стоитъ вглядѣться въ лицо. [Со восо-

хомъ]. Одно бѣда—техника. Въ этомъ слабъ... Ахъ, если-бъ учиться!.. Да у кого было и на что?!

АРИНА НИКИТ. [съ досадой]. Полно пустяки врать!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Не сердитесь, маменька! Я хочу, что-бъ въ день ангела вы были веселы. [Схватилъ ея руку и горячо цѣлуетъ]. Я вѣдь ужасно люблю васъ, ужасно!..

АРИНА НИКИТ. [выдернула руку и отклонила его голову сына. Сердито]. Ну, полно!

ВАЛЕНТИНА [про себя, съ нетерпѣніемъ]. Несносно! [Рѣзко перемѣнила позу, причемъ двинула стуломъ].

АРИНА НИКИТ. [строго смотритъ на нее]. Еще что? Фыркать мы умѣемъ, а дѣло дѣлать—не наша забота. Учены книжки читать, да баклушничать. Достатковъ съ тобою не прибыло въ домъ. Такъ хоть тѣмъ-бы взяла, что дурь у мужа убавила-бъ, что-бъ не пустяками занимался, а для тебя-же лишній рубль заработалъ.

ВАЛЕНТИНА. Онъ работаетъ сколько можетъ. Его трудами живемъ. Жаловаться вамъ грѣшно...

АРИНА НИКИТ. Тебѣ такъ; а я знаю на что пеняю. Сватали дураку невѣсту. Жили-бъ въ довольствѣ и невѣстка была-бъ у меня почтительная. Такъ нѣтъ, заортачился!—„Я, говоритъ, маменька, чувства имѣю, и вы мнѣ не препятствуйте. Во всемъ я покоренъ вамъ, а тутъ не могу-съ. Я, говоритъ, въ это дѣло душу свою полагаю, даромъ что Валентина Борисовна бѣдны. У другой будь хоть милліоны, да не надобны мнѣ“.—Вотъ у насъ какъ!

ВАЛЕНТИНА. Упрекайте сына, что женился не по вашему выбору, а меня оставьте въ покоѣ. Это не справедливо и дерзко.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Боже мой! Да зачѣмъ вы про это, зачѣмъ?!. Маменька! вѣдь мнѣ больно, поймите! Ужь если васъ все раздражаетъ, ну браните меня, но, ради Бога, не трогайте Валю! Вы и себя этимъ разстраиваете и ее обижаете понапрасну...

АРИНА НИКИТ. „Понапрасну“?! Ты смѣешь мнѣ говорить?!.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [прерывает, съ умоляющимъ видомъ]. Не гнѣвайтесь! Ну простите, если не такъ сказалъ... [Съ сильнымъ волненіемъ]. Я все вынесу, маменька, но Валя... Обида ей свыше силъ моихъ, свыше силъ!..

АРИНА НИКИТ. [вставая]. Э, ну васъ! Поглядѣть какъ пирогъ... Положиться-то не на кого. [Уходитъ въ боковую дверь].

ЯВЛЕНІЕ V.

Валентина и Митрофанъ Платоныч.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Не огорчайся, Валя! не принимай къ сердцу!

ВАЛЕНТИНА [раздражительно]. Хоть кого выведетъ изъ терпѣнія!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Если-бъ ты знала, какъ мнѣ больно, что она не справедлива къ тебѣ!

ВАЛЕНТИНА. И къ тебѣ.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Я что!.. я привыкъ. Да во многомъ относительно меня она и права... А вотъ къ тебѣ!

ВАЛЕНТИНА. А ты все примиряешь, да упрашиваешь!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Что-же мнѣ дѣлать?

ВАЛЕНТИНА. Смѣшно, но ты досихъ поръ робѣешь передъ матерью, какъ боялся ее въ дѣтствѣ. Другой мужъ зналъ—бы, какъ отстоять жену.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. А ты думаешь, я мало ломалъ голову, какъ устроить, чтобъ-бъ у насъ было спокойно и мирно? Конечно, если-бъ маменька больше любила меня... Но въ этомъ люди не вольны...

ВАЛЕНТИНА. Одно средство, при твоей безхарактерности: жить отдѣльно.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Куда—же дѣнется мать?

ВАЛЕНТИНА. Пускай живетъ съ своимъ любимцемъ, Захаромъ Платонычемъ.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Но братъ не приметъ ее. Онъ даже не любитъ, что-бъ она у него бывала. А мнѣ не выгнать-же мать!

ВАЛЕНТИНА. Если ты въ кабалѣ у нея, то я—то за что?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Ты?.. Я думалъ, что это наше *общее* горе... [Съ живостью]. Конечно, ты можешь относиться къ этому иначе. У меня свои чувства къ матери, которыхъ у тебя нѣтъ. Но, Валя, разсуди. Раздражительность маменьки имѣетъ извинительныя причины...

ВАЛЕНТИНА [про себя, съ досадой пожимая плечами]. Толкуй съ нимъ!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Она изъ богатаго дома, жила въ роскоши; а покойный отецъ оставилъ ее, съ двумя дѣтьми, безъ куска хлѣба. Каково было ей?

ВАЛЕНТИНА. Все имѣетъ свои причины, но отъ этого намъ не легче. По твоему я прощать не могу. У меня нѣтъ твоей кротости, терпѣнія, или слабости—я ужъ не знаю! Наконецъ, эти вѣчныя сцены вредны для нашихъ отношеній, Митроша. Раздраженная матерью, я раздражительна съ другими, поневолѣ и съ тобой. Я нарочно говорю откровенно, что-бъ ты вникъ въ дѣло. Ты немного безпеченъ относительно меня, слишкомъ... слишкомъ спокоенъ...

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Я былъ спокоенъ за тебя... Ты говоришь: и „безпеченъ"... Но вѣдь ты настолько выше этихъ дрязгъ, мелочей, что они не могутъ ни оскорбить тебя, ни унизить. Развѣ не такъ? Наше счастье я ставилъ выше всего этого, *выше всего*, Валя! Для меня оно—все, а остальное не важно. Ну что изъ обыдённаго, внѣшняго можетъ серьезно меня огорчить, если въ сердцѣ моемъ такое сокровище?.. Не знаю, ясно-ли я говорю...

ВАЛЕНТИНА. Я вполнѣ понимаю тебя. Только ты, съ своею чистой душей, можешь такъ чувствовать. Но иногда

нужно спускаться съ облаковъ и смотрѣть на вещи человѣческими глазами. Однако ты такъ грустно глядишь, что мнѣ жалко тебя. Перестанемъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Анисья [изъ боковой двери, съ засученными рукавами и подоткнутымъ фартукомъ].

АНИСЬЯ. Баринъ! Старая барыня велѣла вамъ за уксусомъ сбѣгать.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [разсѣянно]. А? Что такое?

АНИСЬЯ. За уксусомъ, молъ, ступайте. Мнѣ нельзя отойтить. Вотъ бутылка и деньги.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Давай. Схожу. [Уходитъ].

АНИСЬЯ. А самоваръ велѣла убрать.

ВАЛЕНТИНА. Убери.

АНИСЬЯ. Ну и сердита—жь нынче старая барыня! То не такъ, это не такъ... Небось я у нѣмца жила и то потрафляла. А тутъ все—то хозяйство два гроша стоитъ и каждёнъ грызня. А мнѣ нужно! Взяла, да и плюнула! [Уходитъ, унося на подносѣ самоваръ и чайный приборъ].

ВАЛЕНТИНА [прошлась въ задумчивости]. И такъ каждый день, придирки, сцены!.. Жизнь!.. Однако надо кончить письмо. [Отпираетъ и выдвигаетъ одинъ изъ ящиковъ письменнаго стола. Достаетъ начатое письмо и перечитываетъ его]. „Ты спрашиваешь, милая Соня, „какъ я живу. Жизнь моя въ такихъ узкихъ рамкахъ... Съ „выходомъ замужъ, она взволновалась слегка; но эта зыбь „скоро улеглась и я теперь въ томъ душевномъ состояніи, „которое можно сравнить съ скучнымъ сѣренькимъ днемъ... „Какая разница съ твоимъ положеніемъ! Ты счастлива, ты „любишь страстно, восторженно!.. [Садится и дописываетъ]. Однако прощай. Я не хочу давать волю чувствамъ, которыя „должна подавлять... Пиши чаще. Твои письма—лучъ свѣ„та въ мой сѣренькій день. Твоя Валя“. [Задумалась и склады-

ваетъ письмо]. Да, *подавлять!..* А иногда чувствуешь такой приливъ жизни и силъ!.. Тѣсно, душно!.. Грызетъ досада и душатъ слезы... Будь у меня ребенокъ, пожалуй былобы легче. Говорятъ. Не знаю. Знаю одно, что такъ жить несносно, несносно!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Валентина, Митрофанъ Платонычъ и **Фрося** [входятъ вмѣстѣ].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [пытливо]. Вы плакали, Фрося?

ФРОСЯ. И не думала. Вотъ еще!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Но у васъ глаза красны. Я знаю, что огорчилъ васъ. И какъ мнѣ досадно на себя!..

ФРОСЯ [прерываетъ]. Молчите и убирайтесь. Несите вашъ уксусъ.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Ужасно досадно! [Уходитъ въ боковую дверь].

ФРОСЯ [глядя черезъ плечо Валентины, которая надписываетъ адресъ]. Писали?

ВАЛЕНТИНА. Да. Къ подругѣ.

ФРОСЯ [ядовито]. Говорятъ, что скука, безцѣльность и однообразіе жизни очень располагаютъ къ письменнымъ изліяніямъ.

ВАЛЕНТИНА. Не все говорятъ, что думаютъ. Вамъ особенно не мѣшало-бы принять это къ свѣдѣнію.

ФРОСЯ. Ха-ха-ха! А Судбищевъ будетъ сегодня у васъ?

ВАЛЕНТИНА [съ подавленнымъ гнѣвомъ]. Не знаю.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Валентина, Фрося, Арина Никитишна [въ попыхахъ входитъ справа], за нею **Митрофанъ Платонычъ** [съ бутылками и тарелками] и **Анисья** [съ пирогомъ].

АРИНА НИКИТ. Зоря, Зоря ѣдетъ! Накрывайте скорѣй! [Валентинѣ]. Сдвинься, матушка, похлопочи! [Торопливо уходитъ въ заднюю дверь. Анисья уходитъ направо].

ФРОСЯ [Валентинѣ, со смѣхомъ]. Вѣдь Зоря ѣдетъ! Слышите вы?—Зоря! [Схватываетъ свою банку съ вареньемъ].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Фрося, оставьте! Дайте банку!

ФРОСЯ. Не дамъ.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Вы не утерпите и непремѣнно скажете что-нибудь... Что хорошаго? Дайте пожалуйста!

ФРОСЯ [съ ласковымъ взглядомъ]. Отдать? Ну нате ужъ, нате! [Онъ взялъ банку и уходитъ въ боковую дверь, откуда *Анисья* внесла тарелки съ закусками. Поставивъ ихъ на столъ, уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Валентина и Фрося, Захаръ Платонычъ *) и Арина Никитишна [входятъ изъ задней двери], потомъ **Митрофанъ Платонычъ.**

АРИНА НИКИТ. Ну, дай еще поцѣловать тебя, Зоринька! Ненаглядный ты мой! Спасибо что вспомнилъ старуху, спасибо! [Обняла и нѣжно цѣлуетъ его, при входѣ Митрофана Платоныча].

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Здравствуйте, Валентина Борисовна! [Пожалъ ея руку и поклонился Фросѣ].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Здравствуйте, братецъ! Съ именинницей васъ! (Поцѣловались).

АРИНА НИКИТ. Ну садись, Зоринька, садись, родной мой! Шутка-ли съ коихъ поръ не видались! Здоровъ-ли?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Живемъ. А ты, старуха, какъ поживаешь?

АРИНА НИКИТ. Да плохо, родной. Пирожка.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Позавтракалъ. Не хочу.

АРИНА НИКИТ. Какъ-же такъ?.. А я-то хлопотала!.. Хоть немножко, хоть чего нибудь!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Не могу.

АРИНА НИКИТ. Ахъ ты какой!.. Ну хоть винца выкушай! Для тебя берегла. [Взяла бутылку].

---

*) Цвѣтущій, коренастый, съ лысиной.

ФРОСЯ. Удостойте.

АРИНА НИКИТ. [строго взглянула на нее и укоризненно покачала головой]. Прошу закусить! [Указавъ ей на пирогъ, наливаетъ стаканчикъ вина. Захару Плат.]. Да, плохо живемъ, голубчикъ. Домъ хозяиномъ держится, а у насъ что за хозяинъ!..

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [перебиваетъ, слегка покраснѣвъ]. Кха! Вы рѣдко у насъ бываете, братецъ. Мамаша скучаетъ безъ васъ.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Некогда.

АРИНА НИКИТ. Зòря не тебѣ чета. У него время—деньги. Вотъ съ кого взялъ-бы примѣръ. Отецъ васъ безъ гроша оставилъ со мною. Одну тюрю ѣли, одно горе мыкали. Выбился-же человѣкъ. И богатъ и у всѣхъ въ уваженіи. Умомъ, да трудомъ взялъ. А мы съ тобой часомъ съ квасомъ, порой съ водой, да въ лочугѣ живемъ на краю города. За то мы въ бирюльки играемъ. Взгляни, Зòря, коробочку выпилилъ мнѣ, хе-хе-хе! [Подаетъ ее сыну].

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [разсматриваетъ ящикъ, съ снисходительной улыбкой]. Ни-че-го, искусно.

ФРОСЯ. Арина Никитишна! А покажите какой подарокъ привезъ вамъ Захаръ Платонычъ. Я ужасно любопытна. Покажите!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [смущенно]. Гмъ!.. Извини, старуха... Я того... изъ ума вонъ...

ФРОСЯ [съ трудомъ сдерживая хохотъ]. Ахъ, такъ... Ну, простите пожалуйста! Вотъ неловкость!

АРИНА НИКИТ. Очень ужь вы любите мѣшаться не въ свое дѣло-съ.

ФРОСЯ. Ха-ха-ха! Тò-то мнѣ и достается отъ всѣхъ.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [матери]. А ты напрасно нападаешь на брата. Служитъ, трудится по мѣрѣ способностей...

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. И ужасно бываю радъ, когда—отсидѣвъ свое время—вырвусь изъ Палаты. Тамъ я не даю себѣ думать ни о чемъ постороннемъ...

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [насмѣшливо]. А о чемъ-же ты „думаешь", когда не на службѣ?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [съ смущеніемъ]. Да разное... Конечно особеннаго ничего... А такъ... пріятно что мысль свободна...

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [насмѣшливо]. Философъ!

ФРОСЯ. Жалко—не вашей школы. И богатства не наживетъ и въ люди не выбьется.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Полно, Фрося! Зачѣмъ вы такъ?..

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [Фросѣ, значительно, отчеканивая слова]. Моя школа—трудная житейская школа, сударыня; та школа, которая развиваетъ умъ, у кого онъ есть, изощряетъ способности, кто одаренъ ими, и учитъ труду, кто способенъ трудиться осмысленно и съ пользою для себя. Трезвый взглядъ на жизнь, знаніе людей, умѣніе овладѣть обстоятельствами, ясно намѣтить цѣль и предвидѣть послѣдствія своихъ поступковъ—все это дается не каждому-съ. И конечно всего вѣрнѣе судить о человѣкѣ по тѣмъ результатамъ, которыхъ онъ достигъ совокупностью своего труда и способностей.

АРИНА НИКИТ. [къ Фросѣ, съ торжествующимъ лицемъ]. Вотъ вамъ-съ!

ФРОСЯ. Восхищена! [Валентина отвернулась, чтобы скрыть улыбку].

АРИНА НИКИТ. [съ досадой]. Эхъ! [Рѣзко повернулась отъ Фроси къ сыну]. А что-жъ Антонина Васильевна—ужли не пріѣдетъ?

ЗАХАРЪ. ПЛАТ. Жена пріѣдетъ съ Судбищевымъ, если не затреплется по хозяйству. Съ нею я никогда не ѣзжу. [Къ Валентинѣ]. Вотъ съ такой хорошенькой женщиной, какъ вы—дѣло другое. [Близко подсаживается къ ней. Валентина отодвигается].

ФРОСЯ [глядя на Валентину]. А этотъ Судбищевъ служитъ у васъ въ конторѣ?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Занимается.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Прекрасный человѣкъ, простой, душевный!..

ФРОСЯ. Митрофанъ Платонычъ смотритъ на людей, какъ будто всѣ его друзья и братья.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [задумчиво, съ улыбкой]. Пожалуй... Если подумать, такъ оно можетъ быть и смѣшно... [Оживляясь].

Хотя право лучше ошибаться, чѣмъ не довѣрять. Право лучше! Какъ должно быть скверно на душѣ у того, кто видитъ одно дурное и на все смотритъ мрачно! Я часто гляжу на людей и думаю: зачѣмъ столько равнодушія, враждебности, даже злорадства? Боже мой, зачѣмъ это все? Да развѣ лучше жить такъ? Хорошіе, сердечные люди и тѣ прячутъ добрыя чувства и въ жизни совсѣмъ другіе, чѣмъ по натурѣ. Развѣ жизнь—ложь, притворство, обманъ? Какое страшное и горькое заблужденіе!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [слушавшій съ скучающимъ видомъ, встаетъ]. Ну, мнѣ пора.

АРИНА НИКИТ. Куда-же, Зоря? Посиди, милый!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Некогда. [Поцѣловалъ мать. Къ Валентинѣ, пожимая ея руку]. Жалко, что вы такъ строги со мною...

ВАЛЕНТИНА. Не позволяю врать глупостей?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Отклоняете всѣ попытки доставить вамъ удовольствіе...

ВАЛЕНТИНА [усмѣхаясь]. Очень рада... вмѣстѣ съ Антониной Васильевной...

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [развелъ руками]. Съ вами не сговоришь!— Поѣдемъ, Митроша. Пришлю съ тобой что-нибудь матери.

АРИНА НИКИТ. Спасибо, родной! Да посидѣлъ-бы! Мнѣ это дороже всякихъ подарковъ. Пріѣдешь ты—для меня свѣтлый праздникъ, Зоринька.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Какъ—нибудь побываю. [Фросѣ]. Прощайте, ехидная барышня!

ФРОСЯ. А подарокъ—то покупайте. Да хорошій, не вздумайте отдѣлаться пустякомъ. Не то я повѣрю, что вы скупой человѣкъ. [Уходитъ со смѣхомъ].

АРИНА НИКИТ. Экая злючка! Ты, Зоря, не обращай вниманія. Мнѣ ничего не нужно.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Поѣдемъ, Митроша. [Уходитъ, въ сопровожденіи матери и брата].

ВАЛЕНТИНА. Пріятная бесѣда!.. А Митроша съ своей откровенностью! И жалко его и досадно. [Прислушивается къ разговору въ передней]. Чей это голосъ?.. Судбищевъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Валентина, Арина Никитишна и Судбищевъ.

АРИНА НИКИТ. (входя первая). Спасибо, батюшка, за поздравленіе и вниманіе ваше. Покорно прошу!

СУДБИЩЕВЪ. Здравствуйте, Валентина Борисовна! Сестра вамъ кланяется.

АРИНА НИКИТ. А я ждала ее. Зоря сказалъ, что она съ вами пріѣдетъ.

СУДБИЩЕВЪ. Она было собралась, да бѣлошвейка принесла бѣлье Захара Платоныча. Какіе—жь визиты, если дѣло коснулось Захара Платоныча! Тутъ все забывается. Онъ ея идолъ.

АРИНА НИКИТ. [Глядя на Валентину]. Добрая жена, примѣрная жена! Всѣмъ—бы ее за образецъ взять. [Судбищеву]. Скушайте пирожка. Прошу покорно. А меня ужъ извините, старуху. Мочи нѣтъ устала. Пойду прилечь. [Уходитъ въ боковую дверь].

ЯВЛЕНІЕ XI.

Валентина и Судбищевъ.

СУДБИЩЕВЪ. Кажется, я васъ подвелъ?

ВАЛЕНТИНА. Привыкла.

СУДБИЩЕВЪ. Если-бъ всѣ жены походили на мою кузину, хорошо-бъ это было, ха—ха!

ВАЛЕНТИНА. Вы совсѣмъ устроились у нихъ?

СУДБИЩЕВЪ. Да.

ВАЛЕНТИНА [кладетъ на тарелку кусокъ пирога]. Втянулись, работаете?.

СУДБИЩЕВЪ [беретъ тарелку]. Благодарю васъ. Работаю. Захаръ Платонычъ доволенъ мною. А это много значитъ. Онъ педантъ и требователенъ ужасно. [Выпилъ рюмку вина].

ВАЛЕНТИНА. И такъ, вы хотите исправиться?

СУДВИЩЕВЪ [ѣстъ съ аппетитомъ]. Не въ первый разъ. Обыкновенно за дѣло я берусь горячо, даже страстно; а потомъ оно какъ-то вываливается изъ рукъ.

ВАЛЕНТИНА. Такъ вы пробовали не разъ?

СУДВИЩЕВЪ. Боже мой! Чѣмъ я не былъ—спросите, за что ни брался! И все кончалось ничѣмъ. Я опоздалъ родиться. Мнѣ жить-бы во время крѣпостнаго права. Тогда нашему брату не жизнь была, а масляница. Въ романахъ и у женщинъ, мы, снабженные гражданскою скорбью, были героями. А теперь насъ зовутъ шалопаями и отовсюду гонятъ. Впрочемъ еще вопросъ: лучше-ли жить гдѣ-нибудь въ углу, или слоняться по бѣлу—свѣту?

ВАЛЕНТИНА. Но вы, кажется, пишете? Если у васъ талантъ, васъ влечетъ въ новыя мѣста, нужны новыя лица.

СУДВИЩЕВЪ. Никакого таланта. Наброски, сцены, замѣтки—все это вздоръ и мелочи. Я шатунъ, лѣнтяй и больше ничего. Пока молодъ, кое-какъ живется, благо есть небольшія деньженки, которыя братъ даетъ за мою часть изъ имѣнія. Я уживаюсь со всякимъ положеніемъ и не имѣю привычекъ. А въ старости должно-быть стану брюзгой. Злымъ на людей за то, что самъ ни на что не годился. Такъ часто бываетъ.

ВАЛЕНТИНА. А если женитесь?

СУДВИЩЕВЪ. Я?—Ха-ха-ха! На что-же я буду похожъ? Нѣтъ, для семейной жизни я не родился. Мнѣ свѣковать бобылемъ, если какая—нибудь бабища не заберетъ меня въ руки и не станетъ держать подъ замкомъ, въ засаленномъ халатѣ, нечесанаго, а пожалуй и съ рюмочкой.

ВАЛЕНТИНА. Боже васъ сохрани отъ такого будущаго! Заберите себя въ руки, Викторъ Григорьевичъ, усядтесь, работайте!

СУДВИЩЕВЪ. Говорю, Захаръ Платонычъ доволенъ мною. Чего-же больше?.. Вашъ мужъ тоже человѣкъ впечатлительный, какъ и я; быть можетъ, поэтъ въ душѣ...

ВАЛЕНТИНА. У него это какъ-то подѣтски.

СУДБИЩЕВЪ. Пожалуй. А какой работникъ приэтомъ: чиновникъ примѣрный; какой характеръ!

ВАЛЕНТИНА. Характеръ?! Митроша прекрасный. Такой душевной чистоты ни въ комъ не найдешь. Но „характеръ"!.. Человѣкъ, который выноситъ отъ матери все, что онъ выноситъ!.. Скорѣе это слабость характера. Мнѣ досадно на него, я возмущаюсь; а онъ займется чѣмъ-нибудь и въ этомъ— весь. Опять-таки скорѣе дѣтская черта, чѣмъ характеръ.

СУДБИЩЕВЪ. Въ немъ есть что-то... Нѣтъ, это характеръ.

ВАЛЕНТИНА [съ раздраженіемъ]. Ну, пусть будетъ по вашему.

СУДБИЩЕВЪ. Ха-ха! Нѣтъ, ужъ лучше по вашему, а то вы разсердитесь. Вообще, чуть коснешься вашей семейной, внутренней жизни, вы изъ милой и доброй вдругъ становитесь раздражительной. Въ васъ большая неровность. Чѣмъ объяснить ее? Вы что-то скрываете, затаили въ себѣ.

ВАЛЕНТИНА [сухо]. Я раздражительна. Вотъ и все...

СУДБИЩЕВЪ. Если вы не хотите быть откровенной, конечно, лучше не касаться этихъ вопросовъ. А меня такъ живо интересуютъ они!

ВАЛЕНТИНА [съ усмѣшкой]. „Живо интересуютъ"!

СУДБИЩЕВЪ. Не вѣрите? [Горячо). Клянусь вамъ, что...

ВАЛЕНТИНА [съ живостью перебиваетъ]. Нѣтъ, ради Бога! [Смѣясь]. Вѣрно, вѣрю чему хотите, но не пугайте меня такими словами. [Серьезно]. Да вы и не такъ меня поняли. [Задумчиво]. Откровенность... Я боюсь откровенности... [Опять шутливо]. Вамъ она не страшна. Вы осуждаете себя съ легкимъ сердцемъ и на жизнь свою махнули рукой. Это очень мило.

СУДБИЩЕВЪ. Смѣйтесь, смѣйтесь!—А почему вы „боитесь" откровенности? [Валентина молчитъ]. Скажите же: почему?

ВАЛЕНТИНА. Оставимъ этотъ разговоръ, Викторъ Григорьичъ.

СУДБИЩЕВЪ. Жаль! Жаль, что я не заслужилъ довѣрія вашего...

ВАЛЕНТИНА. Ахъ, вовсе не то!

СУДБИЩЕВЪ. Такъ что-же?

ВАЛЕНТИНА. Не могу... не должна... незачѣмъ...

СУДБИЩЕВЪ. Даже *незачѣмъ*?

ВАЛЕНТИНА [нервно и прерывисто]. Ну да, потому что откровенность не приведетъ ни къ чему хорошему... Въ жизни моей она ничего не измѣнитъ... и не должна измѣнить... Другія ноютъ, жалуются; а по моему, это глупо, пошло и унизительно... Участіе, сочувственныя слова—зачѣмъ они?.. И въ концѣ концевъ—испорченныя отношенія. Зачѣмъ?

СУДБИЩЕВЪ. Я такъ и зналъ! Я понималъ, что ваша жизнь—не по васъ...

ВАЛЕНТИНА [перебиваетъ]. Перестаньте! Все это вздоръ и ваши догадки ни къ чему. Меня съ утра раздражали. Я повеселѣла, когда вы пришли; а вы хотите окончательно растроить меня! Видите, какъ опасно для хорошихъ отношеній касаться личныхъ вопросовъ!

СУДБИЩЕВЪ. Я вижу, что дѣйствительно у васъ сегодня растроены нервы. Поговоримъ въ другой разъ.

ВАЛЕНТИНА [рѣзко]. Нѣтъ! Этотъ разговоръ конченъ, Викторъ Григорьичъ.

СУДБИЩЕВЪ. *Конченъ*?.. Что дѣлать! [Встаетъ]. Ну, до свиданья!

ВАЛЕНТИНА [съ сожалѣніемъ]. Куда-же вы?!.. А впрочемъ ступайте.

СУДБИЩЕВЪ. Почему-же „впрочемъ"?

ВАЛЕНТИНА [холодно, протягивая ему руку]. Поклонитесь вашей сестрѣ.

СУДБИЩЕВЪ. До свиданья! [Поклонился и уходитъ].

ВАЛЕНТИНА [оставшись одна, горько плачетъ]. Глупыя слезы!.. И зачѣмъ я говорила все это?!. Глупо, глупо!.. Нѣтъ, подальше отъ него!..

ЯВЛЕНІЕ XII.

Валентина и Митрофанъ Платонычъ.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Вотъ маменькѣ платье. Братецъ... [Съ испугомъ]. Валя! Что съ тобой? О чемъ ты?..

ВАЛЕНТИНА [прерываетъ]. Такъ, такъ, пустяки.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Развѣ ты можешь плакать по пустякамъ? Что растроило тебя? Скажи, ради Бога!

ВАЛЕНТИНА. Право, милый, такъ... У меня съ утра нервы разстроены.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Ну да, маменька... Ахъ!

ВАЛЕНТИНА. Все прошло и я весела. И ты не смѣй быть грустнымъ! Слышешь? Ты вѣдь мой милый, хорошій! [Нѣжно поцѣловала его]. Приласкай-же меня!.. Дай я тебя разцѣлую... [Порывисто обняла его и страстно цѣлуетъ нѣсколько разъ. Онъ смотритъ удивленно и озабоченно]. Я испугала тебя?.. Обезумѣла? да?.. Какой ты смѣшной, ха-ха-ха!.. Ахъ ты дѣтка моя! Вѣдь ты моя дѣтка? [Глядитъ ему въ глаза и взявъ за плечи, тихо смѣется].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Теперь ты такъ странно глядишь... загадочно, чуть не злобно!

ВАЛЕНТИНА [по прежнему тихо]. Ха-ха-ха!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Да что съ тобой, Валя?!

ВАЛЕНТИНА [вдругъ встала, съ суровымъ лицемъ]. Ничего. [Быстро уходитъ. Онъ съ испугомъ смотритъ ей въ слѣдъ].

ЗАНАВѢСЪ.

(*Между актами проходитъ недѣли три*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Захара Платоныча, съ богатою обстановкой. Прямо двѣ двери: правѣе —въ прихожую, лѣвѣе—въ нотаріальную контору. Налѣво, ближе къ углу, еще дверь, ведущая во внутреннія комнаты. Справа два окна. Между ними большой письменный столъ, обращенный къ стѣнѣ. Слѣва, по сю сторону двери—диванъ и овальный столъ. По задней стѣнѣ шкафъ съ дѣлами и этажерка, съ кабинетными вещами и статуэтками миѳологическаго характера. Подобнаго-же содержанія картины на стѣнахъ. Нѣсколько кресел и стульевъ сгруппировано вокругъ обоихъ столовъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Захаръ Платонычъ [сидитъ за письменнымъ столомъ] и **Судбинцевъ** [сидитъ сбоку].

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Когда вы научитесь выражаться дѣловымъ языкомъ? Ну что тутъ такое?! Хорошъ проектъ контракта! [Вычеркиваетъ въ бумагѣ и дѣлаетъ поправки]. Это не фельетонъ-съ! [Вѣтромъ со стукомъ распахнуло окно. Съ досадой]. Ну, вотъ! [Громко]. Антонина Васильевна!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Антонина Васильевна *).

АНТОНИНА ВАС. Что?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [указывая на окно]. Сквозной вѣтеръ, матушка. Ты простудишь меня.

---

*) Особа худощавая и смуглая. По костюму видно, что она въ домашнихъ хлопотахъ. Причесана кое-какъ. Очень подвижна.

АНТОНИНА ВАС. [проворно закрываетъ окно]. Закрою, закрою. Не брюзжи, сдѣлай милость!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Полагаю, что въ такую погоду можно-бы получше закрывать окна.

АНТОНИНА ВАС. Да развѣ усмотришь за горничной? Ей хоть колъ на головѣ теши—все рохля!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Вотъ колѣни озябли. Опять насморкъ схвачу.

АНТОНИНА ВАС. [взяла пледъ и заботливо закрываетъ имъ колѣни мужа]. Ну вотъ. Успокойся. [Уходя, ворчитъ]. Только и дѣла, что ухаживай за нимъ! [Ушла въ боковую].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, безъ **Антонины Васильевны.**

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [продолжаетъ просматривать бумагу]. Ну вотъ опять литература, а въ существѣ дѣла неясность. А неясность въ контрактѣ ведетъ чертъ знаетъ къ чему. Не угодно ли примѣръ. Въ одномъ контрактѣ было сказано, что купецъ-арендаторъ обязанъ подчищать сады владѣлицы и можетъ возводить вновь необходимыя хозяйственныя постройки. Хорошо-съ. Что-же дѣлаетъ арендаторъ? Всѣ плодовыя деревья онъ обрубаетъ на дрова до макушки; а чтобы выжить владѣлицу изъ усадьбы, ставитъ, какъ разъ передъ окнами дома, курятникъ и свиные хлѣва.—Такъ вотъ вамъ-съ! И почище бываетъ... А-а-чхи!.. Ну, такъ и есть: насморкъ! [Кричитъ]. Антонина Васильевна!.. Да иди-же!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и **Антонина Васильевна.**

АНТОНИНА ВАС. Ну, что тебѣ?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [укоризненно]. Насморкъ!

АНТОНИНА ВАС. Да я-то чѣмъ виновата? Ты вчера простудился, когда изъ клуба шелъ по дождю. А я виновата?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Дай вазелину.

АНТОНИНА ВАС. [подавая баночку]. Какъ изъ дома—ты здоровъ, а дома тебя всякія болѣзни одолѣваютъ. Тамъ разотри, тамъ примочи!..

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [мажетъ себѣ носъ вазелиномъ]. Гдѣ мои папиросы?

АНТОНИНА ВАС. Самому лѣнь найти! [Суетится по комнатѣ и находитъ портъ-сигаръ на маленькомъ столикѣ]. Вотъ твои папиросы. По пустякамъ отрываешь меня, а бифштексъ подгоритъ, будешь браниться.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. А скоро завтракать? Пора-бы! [Закуриваетъ папиросу].

АНТОНИНА ВАС. [идя къ двери]. Подожди, не умрешь.

СУДБИЩЕВЪ [все время смѣявшійся про себя]. Ха-ха-ха!

АНТОНИНА ВАС. [набрасывается на него]. Ничего нѣтъ смѣшнаго! ровно ничего! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, безъ Антонины Васильевны.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Досталось? Она орлицей налетитъ за меня, хе-хе! Брату-бы такую жену. А то Валя!.. Какой онъ ей мужъ!

СУДБИЩЕВЪ. По своему, онъ... прекрасный человѣкъ.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Чудакъ. А Валя недурна. Правда?

СУДБИЩЕВЪ. Д-да... милая...

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [выразительно]. Пикантна!

СУДБИЩЕВЪ. Вовсе не то... За пикантностью чаще всего безсердечіе и пошлость...

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Много вы понимаете! Женщина безъ этого зажигательнаго свойства—не женщина, батенька. Да,

Валя—штучка! Вамъ-бы пріударить за ней. Меня она недолюбливаетъ. Я—видите-ли—все „пошлости“ говорю. Ха! Какъ будто съ женщиной можно серьезно разговаривать! Ну а вы въ тонъ попадете. Программа извѣстная. Общіе вопросы о душевныхъ стремленіяхъ и потребностяхъ сердца. Словомъ, всякая ерунда. Отъ общихъ вопросовъ переходъ къ личнымъ. Затѣмъ, любовный дуэтъ и... финалъ, ха-ха! Во время оно любовники и тутъ проливали слезы и читали стихи! Я дѣйствую не такъ. Вступленіе и лирическую часть *выпускаю-съ*, ха-ха!..

СУДВИЩЕВЪ. А вѣдь все, что вы говорите—ужасно гадко!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Ха-ха! Благодарю. Зачѣмъ-же ругаться?

СУДВИЩЕВЪ. Вы самаго пошлаго взгляда на женщинъ и понятіе объ истинной красотѣ вамъ не доступно...

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [махнулъ на него рукой). Влюбленъ!

СУДВИЩЕВЪ [съ оживленіемъ]. Я говорю серьезно. Я свято вѣрю въ то, что женщина сохраняетъ въ мірѣ духовную красоту и ею животворитъ все!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Въ другомъ смыслѣ.

СУДВИЩЕВЪ [съ жаромъ]. Вы только съ этой стороны и видите дѣло. Понятно. Существуетъ-же цѣлое ученіе, по которому женщина и учится и одѣвается красиво только изъ разсчета и чувственныхъ побужденій...

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [прерываетъ]. А вотъ и завтракъ! Это лучше всякой философіи, батенька мой. [Переходятъ за другой столъ].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, Антонина Васильевна и горничная [съ подносомъ, на которомъ сковородка съ бифштексомъ и все прочее для завтрака].

АНТОНИНА ВАС. [проворно ставя приборъ на овальномъ столѣ]. Ну, ужь если сегодня не угодила бифштексомъ, то ты привередникъ и больше ничего. [Горничная уходитъ].

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Посмотримъ. А ты, хранительница духовной красоты, дай мнѣ портвейну.

АНТОНИНА ВАС. Это еще что такое?! Какой красоты? [Достаетъ бутылку вина изъ нижняго, закрытаго отдѣленія этажерки].

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [закрываясь салфеткой]. А вотъ Викторъ Григорьичъ вамъ такое названіе далъ. [Ѣстъ за обѣ щеки]. А меня изругалъ. Пошлый-де я человѣкъ.

АНТОНИНА ВАС. Что?! Это Захаръ-то Платонычъ пошлый человѣкъ?! Ну, извини! Какъ-же ты, живя у насъ, смѣешь говорить такія вещи?!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Хорошенько его, хорошенько, ха-ха-ха!

СУДВИЩЕВЪ. Я говорилъ вообще. А что Захаръ Платонычъ твой идолъ, я хорошо это знаю.

АНТОНИНА ВАС. „Идолъ“! Выбирай пожалуйста болѣе приличныя выраженія!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Говорю — „орлица“! Хорошенько его, ха-ха-ха!

СУДВИЩЕВЪ. Ну, что ты влюблена въ него по уши.

АНТОНИНА ВАС. [вспыхнула]. Что-о?!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Ха-ха-ха! Еще лучше!

АНТОНИНА ВАС. Ну, ужь это такъ глупо, такъ глупо!.. [Почти убѣгаетъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, безъ **Антонины Васильевны**.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Совсѣмъ сконфузили бабу, ха-ха! [Утерся салфеткой и наливаетъ стаканъ вина]. Славный бифштексъ! А вамъ-то я и не предложилъ!.. [Пьетъ вино]. Впрочемъ тамъ есть что-нибудь вамъ позавтракать.

СУДВИЩЕВЪ. Не хочу.

[Входитъ горничная и уноситъ на подносѣ посуду и прочее].

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [всталъ и тщательно закупориваетъ бутылку]. Вина не предлагаю. Это хорошо послѣ ѣды. А, впрочемъ, если хотите...

СУДВИЩЕВЪ [улыбаясь]. Нѣтъ, нѣтъ.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Необыкновенный портвейнъ, жизнерадостный! [Ставитъ бутылку на прежнее мѣсто]. Да вы не знатокъ. А вотъ это какъ нравится вамъ? [Достаетъ изъ бумажника фотографическую карточку и показываетъ ее]. Хороша штучка?

СУДВИЩЕВЪ. Какой ухарскій видъ и костюмъ!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Шикъ! (Подмигнулъ). Ха-ха-ха!

СУДВИЩЕВЪ. Кто такая?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Новенькая. Изъ Питера прикатила. Замѣтьте вотъ этотъ изгибъ — а!.. А шейка-то, шейка!.. Складъ губъ, улыбка—сама страсть; а во взорѣ невинность, какой-то наивный испугъ... Фу, чертъ возьми! Понимаете-ли, какая прелесть, какой шикъ въ этомъ контрастѣ?

СУДВИЩЕВЪ (подражая его тону). „Пикантна"?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Могу сказать! А вы не одобряете этого, самую суть-то. Эхъ вы! [Прячетъ карточку]. Я вѣдь вамъ по-дружески это... какъ порядочному человѣку...

СУДВИЩЕВЪ. Не бойтесь, я не болтунъ.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [зоветъ]. Антонина Васильевна!.. Совсѣмъ сконфузили ее: „влюблена", ха-ха-ха! [Громко]. Антонина Васильевна!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и Антонина Васильевна.

АНТОНИНА ВАС. [сердито]. Надоѣлъ! Ну, что?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Вели извощика привести.

АНТОНИНА ВАС. [глядя въ окно]. Вонъ напротивъ стоитъ. Позовешь. Да ты куда ѣдешь-то? Простуженъ и ѣдешь! На дворѣ холодъ, слякоть...

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Нужно. [Взялъ шляпу].

АНТОНИНА ВАС. Постой, хоть горло-то завяжу! [Надѣваетъ ему на шею фуляръ]. Сидѣлъ-бы дома! Праздникъ, въ конторѣ занятій нѣтъ, куда несешься?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Нужно. [Пошелъ къ двери].

АНТОНИНА ВАС. А ваты, ваты! [Закладываетъ ему въ уши вату].

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Да скорѣе! Ну что!..

АНТОНИНА ВАС. Поспѣешь.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [Судбищеву]. А вы займитесь контрактомъ-то! [Уходитъ].

СУДВИЩЕВЪ Займусь. [Собираетъ на столѣ бумаги].

АНТОНИНА ВАС. [спохватилась]. А пледъ! Забылъ, улетѣлъ! [Схватила пледъ и убѣгаетъ за мужемъ].

СУДВИЩЕВЪ. Навѣрно къ оригиналу той карточки... Жирный котъ! [Взявъ бумаги, уходитъ въ дверь, ведущую въ контору].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Антонина Васильевна, Фрося и Митрофанъ Платонычъ.

АНТОНИНА ВАС. Сказалъ вѣдь: сейчасъ вернется. Слышали? Только едва-ли.—Ждешь, ждешь его!.. Простуженъ, а помчался въ такую погоду. Куда?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Братецъ человѣкъ общественный, дѣловой. Мы подождемъ его, Фрося. Ужъ очень безпокоится ваша мамаша.

АНТОНИНА ВАС. Да въ чемъ дѣло?

ФРОСЯ Какой-то споръ... по закладной что-ли... Не знаю. Мамаша, по обыкновенію, изъ себя выходитъ. Сама больна, прислала меня. У меня документъ и письмо къ Захару Платонычу.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Братецъ занимается ихъ дѣлами.

АНТОНИНА ВАС. Пріѣдетъ—разберетъ. Нѣтъ дѣла, котораго-бъ Захаръ Платонычъ не разобралъ по ниточкамъ. Подождите. А пока пойдемте въ галлерею. У меня тамъ приготовлено варенье варить. Кстати поможете мнѣ чистить смородину.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Отлично. Пойдемте, Фрося. Какіе у нихъ тамъ цвѣты!.. Жаль мокро, я-бы вамъ садъ показалъ. Не вышелъ-бы, вотъ какой садъ! [Пошелъ въ боковой двери].

ФРОСЯ. Вы и въ домъ вошли съ благоговѣніемъ, будто въ церковь. [Ушла].

АНТОНИНА ВАС. [осматриваясь]. Куда задѣвались ключи — понять не могу! [Ищетъ ихъ]. Захаръ Платонычъ до того замытаритъ, что голову потеряешь... Куда понесся въ такую погоду? зачѣмъ?..

ЯВЛЕНІЕ X.

Антонина Васильевна и **Судбищевъ** [изъ конторы, съ портфелемъ, который кладетъ на письменный столъ].

АНТОНИНА ВАС. [набрасывается на него]. А, кстати! Я вотъ что хотѣла тебѣ сказать. Если ты впредь осмѣлишься соваться въ нашу семейную жизнь, то вылетишь вонъ.

СУДБИЩЕВЪ. Энергичная женщина!

АНТОНИНА ВАС. Ну, да! Серьезно тебѣ говорю: часу у себя не оставлю, если посмѣешь критиковать Захара Платоныча и подшучивать надъ нами, часу!

СУДБИЩЕВЪ. Ты сама постоянно ворчишь на него...

АНТОНИНА ВАС. [перебиваетъ]. То я, а никто другой. Если кто можетъ упрекнуть меня въ этомъ, то Захаръ Платонычъ и никто другой. Всякаго другаго я такъ обрѣжу, что онъ прикуситъ языкъ!

СУДБИЩЕВЪ Успокойся пожалуйста. Я вовсе не ссорюсь съ Захаромъ Платонычемъ. Твое заступничество никому не нужно и только смѣшно.

АНТОНИНА ВАС. „Смѣшно"!.. По твоему, Захаръ Платонычъ пошлый человѣкъ; а это не пошло, такая неделикатность ко мнѣ?.. „По уши влюблена"? Это что?

СУДБИЩЕВЪ. Ахъ, это! Ха-ха-ха!..

АНТОНИНА ВАС. Да-съ, это! Можно-ли говорить такой вздоръ? Прилично съ твоей стороны, деликатно?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Валентина [въ прихожей].

ВАЛЕНТИНА. Что такое? За что вы на него?.. Здравствуйте! [Поцѣловалась съ хозяйкой и пожала руку Судбищеву].

СУДБИЩЕВЪ. Какъ говорится, отдѣлала на всѣ корки, ха-ха!

ВАЛЕНТИНА. За что?

АНТОНИНА ВАС. Что ужь! Говорить—только себя раздражать. Душечка, пойдемте варенье варить. Въ галлереѣ у меня все приготовлено. Поможете чистить смородину. Дрянь ягоды въ этомъ году: сморщенныя, сухія, а цѣны—приступа нѣтъ.

СУДБИЩЕВЪ. Очень весело Валентинѣ Борисовнѣ чистить твою смородину! Да въ галлереѣ и сыро.

АНТОНИНА ВАС. Вотъ выдумалъ: сыро! Тепло, какъ въ домѣ. Пойдемте!

ВАЛЕНТИНА. Съ удовольствіемъ.

СУДБИЩЕВЪ. Тамъ угоришь отъ жаровни.

АНТОНИНА ВАС. [вспыльчиво] Ты и безъ жаровни всегда угорѣлый.

ВАЛЕНТИНА. Я сейчасъ приду, только передамъ Виктору Григорьичу одну просьбу. [Антонина Васильевна уходитъ въ боковую дверь].

ЯВЛЕНІЕ XII.

Судбищевъ и Валентина.

СУДБИЩЕВЪ. Какъ я радъ, что вижу васъ!.. Что за просьба? о чемъ?

ВАЛЕНТИНА. Найдите мнѣ дѣло.

СУДВИЩЕВЪ. Дѣло?!

ВАЛЕНТИНА. Ну, да. Что-нибудь, только-бъ не жить такъ... не сидѣть сложа руки. Ссориться съ свекровью... нервничать... и такъ изо дня въ день—невыносимо!

СУДВИЩЕВЪ. Вотъ что!.. Сдѣлаю все, Валентина Борисовна, все что могу!

ВАЛЕНТИНА. Пожалуйста!

СУДВИЩЕВЪ. Ахъ, не просите! [Горячо]. И вамъ, энергичной, сильной, такая жизнь, что нужно хвататься за что ни попало, лишь бы уйти отъ себя!..

ВАЛЕНТИНА. Не нужно объ этомъ...

СУДВИЩЕВЪ. Ну возьмемъ одну внѣшнюю сторону. Будь вы на виду, въ такъ называемомъ „обществѣ", вы сталибы душею его, иниціативой всякаго полезнаго и добраго дѣла. А теперь?.. Обидно и горько за васъ!

ВАЛЕНТИНА. [протягивая ему руку]. Благодарю васъ... за доброе слово и желаніе помочь мнѣ. [Онъ горячо цѣлуетъ ея руку. Валентина отнимаетъ ее].

СУДВИЩЕВЪ [съ жаромъ]. Вотъ когда я жалѣю, что такъ ничтоженъ и такъ мало могу сдѣлать для васъ! Ваше счастье я поставилъ бы цѣлью жизни моей!

ВАЛЕНТИНА [быстро встаетъ]. Меня ждетъ Антонина Васильевна. Я пойду.

СУДВИЩЕВЪ. Она настолько занята вареньемъ, что совершенно забыла про васъ. Садитесь пожалуйста! Къ томуже она терпѣть не можетъ, когда ей мѣшаютъ хозяйничать...

ВАЛЕНТИНА [въ нерѣшительности]. Неловко...

СУДВИЩЕВЪ. Увѣряю васъ, она забыла, что вы здѣсь. У нея всегда на умѣ только Захаръ Платонычъ. Садитесьже! [Валентина садится]. Мнѣ нужно поговорить съ вами. Скажите,.. но скажите всю правду... Отчего вы стали такъ сдержаны, такъ сухи со мной? Отчего? За что вы наказываете меня? Неужели за то горячее участіе, съ какимъ я всегда даже мысленно отношусь къ вамъ? Если это—

вина, то другой вины за мной нѣтъ. Неужели за это? Но сама жизнь вырываетъ у васъ жалобу на свое положеніе, протестъ, протестъ выстраданный и въ концѣ концовъ неизбѣжный. Такъ и было сейчасъ. За что-же отталкивать меня, огорчать? За то, что я угадывалъ, понималъ все? А я былъ очень огорченъ. Я скучалъ и постоянно думалъ о васъ. Мнѣ было и досадно и горько. Я заставлялъ себя не думать о васъ, но не могъ. Злился, что не могу, а съ тѣмъ вмѣстѣ чувствовалъ, что вы мнѣ еще милѣй, что мнѣ еще больше васъ жалко...

ВАЛЕНТИНА [прерываетъ, съ волненіемъ]. Что вы говорите, Викторъ Григорьичъ? Кому? Развѣ я могу это слушать? И вы-же упрекаете меня, что я отдалилась!.. Я очень жалѣю, что, обратившись къ вамъ съ просьбой, дала поводъ къ такой откровенности...

СУДВИЩЕВЪ. Простите. Молчать я не могъ. Вы милы, дороги мнѣ... Пусть это дурно, но это такъ. Чувство несообразуется съ условіями жизни, съ положеніемъ и такъ далѣе. Если оно идетъ наперекоръ всему — носчастіе, но это не убиваетъ его. Я по себѣ это знаю. И скажу, что любовь, которая отступаетъ передъ препятствіями, соображаетъ, разсчитываетъ, боится—не любовь, а такъ дрянь какая-то, нѣчто безкровное.

ВАЛЕНТИНА [горячо]. И долгъ, и совѣсть и жалость къ человѣку, счастье котораго женщина взяла на свою душу — все это, по вашему: ничто? пустыя слова?

СУДВИЩЕВЪ. Не пустыя слова, а ужасныя. Не слова, а терніи, которыя раздираютъ сердце и отравляютъ жизнь!

ВАЛЕНТИНА. Такъ чего-же вы горячитесь и упрекаете меня!

СУДВИЩЕВЪ. Я сказалъ, что чувствую, сказалъ иотому, что не могъ не сказать. Вы правы, но и я правъ. Разница въ томъ, что вы разсуждаете, а я чувствую.

ВАЛЕНТИНА [подавляя вздохъ]. Разсуждать... разсуждать не

всегда легко, Викторъ Григорьичъ. [Встаетъ]. Однако прощайте.

СУДВИЩЕВЪ. Вы къ сестрѣ?

ВАЛЕНТИНА. Нѣтъ... не могу. Домой.

СУДВИЩЕВЪ. Я провожу васъ. [Взялъ шляпу].

ВАЛЕНТИНА. Нѣтъ, нѣтъ!

СУДВИЩЕВЪ. Я прошу васъ позволить мнѣ это! прошу!

ВАЛЕНТИНА. Я пойду одна.

СУДВИЩЕВЪ [съ досадой]. Ахъ! [Отшвырнулъ шляпу].

ВАЛЕНТИНА. Какъ вѣжливо!

СУДВИЩЕВЪ. Извините меня, но... Да что говорить, когда вы сами все понимаете!.. Пробыть съ вами лишнихъ полчаса и то невозможно!

ВАЛЕНТИНА [нервно и сильно]. Скажите по совѣсти: не слишкомъ-ли *долго* я слушала васъ? И могу-ли я простить себѣ это?.. Это будетъ мнѣ стоить... горькихъ и тяжелыхъ минутъ; а вы...

СУДВИЩЕВЪ. Простите, простите! Сегодня я совсѣмъ не владѣю собой. Идите, а я останусь. Останусь покорно, только дайте разцѣловать вашу руку! [Взялъ ея руку] эту милую, нервную ручку... [Страстно цѣлуетъ ее нѣсколько разъ].

ВАЛЕНТИНА. [съ волненіемъ]. Довольно... довольно-же!.. [Онъ привлекъ ее къ себѣ]. Что вы дѣлаете!.. [Онъ горячо поцѣловалъ ее въ щеку].

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же, Митрофанъ Платонычъ и Фрося [входятъ изъ боковой двери, въ моментъ, когда Судбищевъ привлекъ къ себѣ Валентину].

ВАЛЕНТИНА [увидавъ ихъ, вскрикиваетъ]. Ахъ!.. [Отходитъ отъ Судбищева и закрываетъ лицо руками. Судбищевъ стоитъ въ смущеніи].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [растерянный, съ болѣзненной улыбкой и блуждающимъ взоромъ]. Сестрица послала... ключи... ищемъ вездѣ...

Сестрица говоритъ: въ кабинетѣ... Ищите, Фрося... Не на полу-ли?.. [Наклонился около стола. Внезапное, краткое, но сильное рыданіе, которое такъ же внезапно оборвалось у него].

ВАЛЕНТИНА [со стономъ]. Боже мой!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [всталъ]. Гдѣ-же они?.. Сахаръ достать... а отпереть нечѣмъ...

ФРОСЯ [порывисто, въ гнѣвномъ негодованіи]. Пойдемте!.. пойдемте отсюда!.. [Схвативъ его за руку, влечетъ къ двери въ прихожую].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. А какъ-же братъ?... Вамъ вѣдь нужно...

ФРОСЯ. Да пойдемъ скорѣ! [Уходятъ].

ВАЛЕНТИНА [потрясенная, гнѣвная]. Вотъ что вы надѣлали! Пойманы, какъ воры!.. на подлости, которая можетъ убить мужа!.. Какое униженіе и позоръ!.. Вы понимаете, что между нами все кончено. Ни встрѣчь, ни писемъ и никакихъ попытокъ поколебать меня! Мы больше никогда не увидимся! [Уходитъ].

ЗАНАВѢСЪ.

(*Между актами проходитъ около двухъ мѣсяцевъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Арина Никитишна и Валентина.

АРИНА НИКИТ. Тебѣ ничѣмъ не угодишь, все не по-тебѣ стало! Диви-бъ за дѣло, а то изъ всякаго пустяка заводишь исторію!

ВАЛЕНТИНА. Надоѣли вы мнѣ. Отстаньте!

АРИНА НИКИТ. Кому ты такъ говоришь-то, кому?.

ВАЛЕНТИНА. *Вамъ* говорю. Я много терпѣла. Довольно! Я слова не дамъ вамъ сказать!

АРИНА НИКИТ. Гдѣ ужь! Ты меня чуть въ кухню не загнала. Озлилась ни на что не похоже. Сама-то, ради Создателя, не привязывайся; я ужь молчу.

ВАЛЕНТИНА. „Озлилась"! Кажется, вы все для этого сдѣлали, все что могли! Мало озлилась, я опошлѣла съ вами, унизилась до вашихъ дрязгъ, до мѣщанской грызни, до того, что самой себѣ стала противна! Но вы не за то ненавистны мнѣ, что оскорбляли меня грубо, дерзко; не за то, что несправедливы къ Митрошѣ; а за послѣдствія этого, за то, что черезъ васъ мнѣ домъ опостылѣлъ, что вы подлили масла въ огонь!..

АРИНА НИКИТ. Въ какой еще тамъ огонь?

ВАЛЕНТИНА. Ну, это мое дѣло—въ какой. [Уходитъ направо].

АРИНА НИКИТ. Ничего не понимаю! Вижу, что у насъ все вверхъ дномъ пошло, все!

ЯВЛЕНІЕ II.

Арина Никитишна и **Фрося** [входятъ изъ задней двери на послѣднія слова Валентины].

ФРОСЯ. Все воюете?

АРИНА НИКИТ. Поди-жь ты! Ужь я и такъ и сякъ, что-бы безъ ссоры,—нѣтъ! рветъ и мечетъ.

ФРОСЯ. У васъ научилась.

АРИНА НИКИТ. Ну, ужь пожалуйста!.. А что дивлюсь я на себя—правда. Мамаша дома?

ФРОСЯ. Дома.

АРИНА НИКИТ. Къ ней что-ли пойти?.. Только и думаешь, куда-бъ изъ дома вонъ.

ФРОСЯ. Хорошо!

АРИНА НИКИТ. На что лучше! Вонъ и Митроша... Положимъ, онъ и прежде шататься любилъ; а теперь вовсе пропадаетъ изъ дома.

ФРОСЯ. Я давно не вижу его. А мнѣ-бы нужно...

АРИНА НИКИТ. И я мало вижу. Прежде, бывало, пилитъ, стучитъ, клеитъ, а теперь и картинки и эту дрянь позабылъ. [Двинула ящикъ съ рабочими инструментами и сдуваетъ со стола пыль]. Когда это было? Ишь сколько пыли! Все разбросано, разшвырено... [Прибираетъ на столѣ].

ФРОСЯ. И съ нимъ Валентина Борисовна такъ-же, какъ съ вами?

АРИНА НИКИТ. Ихъ не поймешь. Онъ какъ будто все тотъ-же... Дуракъ—не дуракъ, а чудной какой-то...

ФРОСЯ [прерываетъ]. Я знаю какой. Можете не объяснять. Я про нее спрашиваю.

АРИНА НИКИТ. Она то совсѣмъ холодна, будто и не замѣчаетъ его; то злится, подшпиливаетъ; а то разревется ни съ того, ни съ сего и замолчитъ. Тогда ужъ изъ нея слова не вытянешь. Вся бѣда: слабъ Митроша. У другаго мужа небось не посмѣла бъ дурь на себя напускать. Вишь, домъ опостылѣлъ!.. Нашу сестру въ ежевыхъ держи, не то какъ разъ станемъ бѣса тѣшить. Такъ дома мамаша-то?

ФРОСЯ. Ступайте къ ней. Дома.

АРИНА НИКИТ. И то пойду.

ФРОСЯ. Послушайте. А Судбищевъ все у васъ не бываетъ?

АРИНА НИКИТ. Да нѣтъ! Я ужъ больше мѣсяца не видала его. А что?

ФРОСЯ. Ничего. Я въ него влюблена. Такъ скучаю.

АРИНА НИКИТ. Вы-ы?!

ФРОСЯ. Чего удивились? Что я уродъ, такъ не могу и влюбиться?

АРИНА НИКИТ. Э, ну васъ совсѣмъ!

ФРОСЯ. Родись я красивой, какъ Валентина Борисовна, это былъ-бъ естественно, даже необходимо, потому что красотѣ нужно поклоненіе, обожаніе, всякая любовная и пошлая суета. Красотѣ вѣдь все извиняется. Я влюблюсь— только смѣшно, для другихъ конечно, но гадкаго въ этомъ нѣтъ ничего. А будь я вашей невѣсткой, хоть и красавицей, да влюбись въ посторонняго—было-бы подло. Обмануть Митрофана Платоныча можетъ только дурная, черствая женщина, или ужъ такая пустая, фальшивая дрянь, которая лжетъ всю жизнь и другимъ и даже себѣ.

АРИНА НИКИТ. Что вы говорите?! Да развѣ Валентина влюбилась?!

ФРОСЯ. Откуда вы взяли?

АРИНА НИКИТ. Такъ къ чему-же вы про Митрошу-то?

ФРОСЯ. А вотъ къ чему. Если-бъ было дурно со стороны жены не цѣнить его, то еще хуже, еще непрости-

тельнѣй, если-бъ не цѣнила его родная мать. Только къ этому я и сказала. А что на душѣ у Валентины Борисовны—я знаю столько-же, сколько и вы.

АРИНА НИКИТ. Охъ, и заноза! [Уходитъ въ заднюю дверь].

ФРОСЯ. Онъ подавленъ несчастіемъ и избѣгаетъ меня. Я не могу ни облегчить его, ни утѣшить; а я... я жизнь отдала-бы за это!.. Боюсь я за него, страшно боюсь... Онъ все перенесетъ, всякій трудъ, нищету и будетъ спокоенъ и веселъ; но для этого нужно одно: что-бы не омрачали души его. А у него отняли главное. Любовь къ женѣ, въ которой все для него—оскорблена и разбита. Ударъ прямо въ сердце!.. Перенесетъ-ли онъ это?

ЯВЛЕНІЕ III.

Фрося и Митрофанъ Платонычъ.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. А, Фрося! [Пожалъ ея руку и сѣлъ].

ФРОСЯ. Какъ мы давно не видались!.. Мнѣ казалось, что вы избѣгали меня. Правда?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Развѣ безсознательно, а нарочно не дѣлалъ этого.

ФРОСЯ. Можетъ быть я теперь лучше сдѣлаю, если уйду?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. О, нѣтъ! Зачѣмъ!

ФРОСЯ. Одно мнѣ было отрадой: ваша дружба. Вы это знаете... Когда я бывала разозлена, огорчена, я нарочно приходила, что-бъ посмотрѣть на ваше лицо. И мнѣ становилось легче... Такое у васъ было хорошее выраженіе, спокойное, свѣтлое... Вотъ и судите, легко-ли чувствовать отчужденность отъ васъ и когда-же? когда вы... Ну да знаете. Я терпѣть не могу разспросовъ... Меня это бѣситъ... Но вѣдь можетъ случиться, что вы сами захотите

поговорить о себѣ... такъ-же откровенно, какъ я говорю... Тогда вспомните Фросю.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Конечно. Но мнѣ какъ-то не говорится... Такое чувство, какъ будто я сбитъ съ корня... именно: *сбитъ съ корня*. Теперь всякая, даже дикая мысль можетъ овладѣть мною. Мнѣ не за что удержаться. [Задумался. Послѣ краткой паузы, продолжаетъ больше про себя]. Какая слѣпота, ограниченность! Откуда я взялъ, что Валѣ такъ-же хорошо и ничего не нужно, какъ мнѣ? И никакихъ сомнѣній на этотъ счетъ! По себѣ судилъ? Да. Но развѣ я могъ быть для Вали тѣмъ, чѣмъ она была для меня? Я забылъ, что я ограниченный, мелочной человѣкъ, хотя мнѣ часто напоминали про это...

ФРОСЯ. Ахъ не то, не то! Конечно вы готовы обвинить себя и оправдать всякую гадость, которую сдѣлаютъ вамъ...

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Нѣтъ, не защищайте меня! Это хуже, мнѣ больнѣй... Какъ вы не понимаете этого! Самъ виноватъ—меньше виноваты другіе... [Тяжело вздохнулъ. Краткая пауза]. Валѣ было невыносимо отъ маменьки; а я и тутъ ничего не могъ сдѣлать. Удивительно, какъ я былъ наивенъ, не замѣчалъ и не понималъ самыхъ простыхъ вещей! За то теперь сбитъ съ корня... Странное чувство: какъ будто меня выбросило на пустынный берегъ, и я не знаю, что съ собой дѣлать.

ФРОСЯ [про себя]. То, чего я боялась!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Валя... Она здѣсь, со мною; но будто нѣтъ ее... Она плакала, просила прощенья, клялась, что ничего такого не будетъ...

ФРОСЯ [прерываетъ]. Да-а? Значитъ, она поняла, *почувствовала*?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Все это было тогда... и горячо, порывисто... Мнѣ было жалко ее; но странно: я слушалъ такъ, какъ будто говорилъ кто-то другой, не моя прежняя Валя. Каждое слово *той* Вали звучало въ моемъ сердцѣ;

а теперь я даже мало понимаю, что она говоритъ. Какъ-то онѣмѣла душа...

ФРОСЯ. Если она почувствовала *тогда*, отчего-же теперь такъ дурно, раздражительно относится къ вамъ? За что?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Почему—это сложный вопросъ... И кажется, я угадалъ... [Задумался]. Да, угадалъ.

ФРОСЯ. Почему-же?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Страсть.

ФРОСЯ. Что-о?!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Ну да, страсть *къ тому*... Она ослѣпляетъ Валю.

ФРОСЯ [горячо, съ быстрыми движеніями по сценѣ]. Вотъ это прекрасно! Злиться на васъ за то, что нужно остаться честною женщиной! Но никто не виноватъ въ томъ, что ее влечетъ стать безчестной. Зачѣмъ-же тотъ ражъ, который у нея въ душѣ, переносить на другихъ? Зачѣмъ вымѣщать за свою яко-бы добродѣтель? И на комъ-же? На человѣкѣ, который такъ сильно любилъ, такъ безгранично ей вѣрилъ! Отвратительно!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. У насъ ей было не по себѣ... Она выше своего положенія... А страсть слѣпа. Не до справедливости тутъ!

ФРОСЯ. Вздоръ! Вовсе не выше. Ей далеко до васъ, какъ до звѣзды небесной! Наконецъ, мало-ли женщинъ, которыя дѣйствительно выше своего положенія, однако-жь примиряются съ нимъ и живутъ честно...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и Валентина [изъ боковой двери].

ВАЛЕНТИНА. А кто-же *безчестно* живетъ?

ФРОСЯ. Кто? Тотъ, отъ кого страдаютъ близкіе люди, кто коверкаетъ ихъ жизнь и убиваетъ въ ихъ самый ин-

тересъ къ жизни. Вотъ кто живетъ *безчестно*, если вамъ желательно знать! [Рѣзко повернулась и уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Митрофанъ Платонычъ и Валентина.

ВАЛЕНТИНА. Она права. Она не смѣетъ мнѣ говорить этого, дерзкая злючка; но она права. Я виновата, несносна, все что угодно... Ну, заставь меня думать и чувствовать иначе! Избавь отъ самой себя! Я только этого и хочу.. Молчитъ, смотритъ безпечно, чуть не улыбается... Да что я глупости говорю, что-ли?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. О, нѣтъ!

ВАЛЕНТИНА. Такъ что-же!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Мы разные люди.

ВАЛЕНТИНА. И оттого ты такъ спокоенъ?.. Опять молчитъ! Что это: вымученное спокойствіе, гордость, глупость— не понимаю!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Я не мастеръ отдавать отчетъ въ своихъ чувствахъ... Можетъ быть и глупость.

ВАЛЕНТИНА. Прости! Сорвалось. [Послѣ паузы, порывисто]. Ну упрекай, брани меня! Право легче.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Зачѣмъ?.. Да и не въ моей натурѣ.

ВАЛЕНТИНА. Жалко, что я не боюсь тебя. Отъ грозы иногда легче бываетъ. Все-таки сила. Хороша и такая, если въ самой себѣ нѣтъ никакой. [Подумала. Съ нетерпѣливымъ жестомъ]. Не понимаю! Значитъ, ты ничего не чувствуешь, если *такой*, хоть я увлеклась?.. Положимъ, далеко не зашло... я порвала тогда-же и навсегда... Но все-таки увлеклась... Да говори-же!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Тебя занимаютъ мои чувства, когда у тебя столько своихъ...

ВАЛЕНТИНА. Это не отвѣтъ! Ты замкнулся отъ меня? Я не достойна твоей откровенности?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Зачѣмъ говорить такъ?.. Впрочемъ, ты очень раздражена...

ВАЛЕНТИНА. А! И спрашиваю, что-бы придраться! Раздраженные люди придираются даже къ тому, что ихъ вовсе не интересуетъ. Я поняла твою мысль. Но вѣдь я ищу поддержки въ тебѣ, опоры! Вотъ почему твоя невозмутимость бѣситъ меня. Вѣдь *тогда*... у Захара Платоныча... ты былъ потрясенъ. И послѣ, когда я вернулась домой, ты былъ блѣденъ, какъ полотно; взглядъ у тебя былъ неподвижный, испуганный, а губы дрожали... Я почувствовала такой стыдъ, такую боль въ сердцѣ!.. И вдругъ это спокойствіе, какъ будто ничего не случилось! Почему-же *другъ твой*, Фрося, сказала про „страданіе" и прочее? Значитъ, спокойствіе твое дѣланное, или *вымученное*?.. Отвѣчай-же!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Не знаю. Я не могу заставить себя чувствовать иначе, нежели чувствую. Можетъ быть, это пройдетъ и начнется другое... Ничего сказать не могу. [Всталъ].

ВАЛЕНТИНА. Уходишь?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Да.

ВАЛЕНТИНА. Постой! Ну, а если... что ты сдѣлаешь, если я уйду къ *тому*? Ты все будешь такой-же?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Не знаю.

ВАЛЕНТИНА. Это было-бъ забавно!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Что ты уйдешь?

ВАЛЕНТИНА [встаетъ. Гнѣвно]. Какой вздоръ! Что-жь въ этомъ забавнаго! Гадость. Хорошо понимаю. Но меня занимаетъ мысль, что ты сталъ-бы дѣлать тогда? [Смотритъ на него въ упоръ испытующимъ взоромъ]. Непроницаемъ! [Отходитъ съ усмѣшкой]. Ступай, ты хотѣлъ уйти.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [опустивъ голову, перебираетъ рукой по спинкѣ стула]. Какъ жалко, что въ тебѣ столько злобы!..

ВАЛЕНТИНА [подошла къ нему]. Я жестока? Отвѣчай! Да, жестока?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Отъ этого труднѣе тебѣ самой.

ВАЛЕНТИНА [насмѣшливо]. Глубокомысленное замѣчаніе!.. Разумѣется жестока. Вотъ сейчасъ мнѣ ни крошечки не жалко тебя и хочется хохотать, представляя твое лицо, если-бъ я ушла. Ну, надоѣло. Ступай. [Сѣла. Онъ пошелъ къ двери]. Вернись! [Подумала и усмѣхнулась]. Поцѣлуй меня. Ты ни разу не поцѣловалъ меня съ тѣхъ поръ, какъ *тотъ* сдѣлалъ это... Я жду!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Къ чему эти шутки!

ВАЛЕНТИНА. Какія шутки?! Я вовсе не шучу! [Вскакиваетъ]. А, ты не хочешь?! *не хочешь*?! Ты презираешь меня?! *Онъ* меня презираетъ, ха-ха!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. О, нѣтъ! Я подумалъ о томъ уваженіи, которое должна имѣть къ себѣ женщина. [Пошелъ къ двери].

ВАЛЕНТИНА [схватываетъ его за руку]. Вотъ что? Такъ слушай-же! Не я жестока, а ты. Да, вы кроткіе, хорошіе люди бываете необыкновенно жестоки, хотя и невольно. Да, да! Вы не властны въ себѣ. Ужь если что западетъ вамъ въ душу, оскорбитъ ее, этого никакими силами уничтожить нельзя. Теперь я поняла, что у тебя дѣйствительно „характеръ", какъ мнѣ сказали однажды. Да, *характеръ*. Но лучше для насъ обоихъ, еслибъ было не такъ. Меня не трогаетъ въ тебѣ эта черта; она мнѣ не въ помощь. Она скорѣе отталкиваетъ меня, нежели можетъ смягчить; скорѣе озлобляетъ, чѣмъ примиряетъ. Вотъ и все. Я больше не удерживаю тебя. Можешь идти. [Митрофанъ Плат. уходитъ]. Ахъ, какъ скверно на душѣ!.. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже!.. Я окончательно выбилась изъ силъ... Хорошо, что не вижу Судбищева... Но какъ онъ *послушенъ*! Положимъ, я строго запретила ему обращаться ко мнѣ; но все-таки... чрезвычайно послушенъ... Фу, какъ горитъ лицо!.. Другой добивался-бы упорно, настойчиво; а этотъ... Вспышка! Онъ и въ любви также разгорается и скоро охладѣваетъ, какъ въ дѣлахъ... Ничтожные люди!.. А тогда

казалось, что любитъ такъ горячо!.. Не думать, не думать объ этомъ!.. [Крѣпко сжала руками виски. Пауза]. О, если-бъ я захотѣла! Была-бъ ужь не вспышка, а страсть... [Встала и потянулась въ истомѣ]. Нѣтъ, нѣтъ! Прочь эти мысли! [Уходитъ въ боковую дверь].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Митрофанъ Платонычъ [входитъ изъ задней двери, съ озабоченнымъ видомъ].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Валя!.. Ушла. Я хотѣлъ ей сказать... „Презираю“! Она не понимаетъ. Развѣ я могу презирать? [Прошелся въ задумчивости]. Если она ищетъ „опоры“ во мнѣ, то на разрушенномъ фундаментѣ ничего не построишь... Она выше меня; жизнь ея была тяжела, а я близорукъ и безсиленъ. Все это такъ, все это извиняетъ ее; но вѣдь душа-то у меня отнята! Хоть узкая, мелкая, но отнята!.. Этого ничѣмъ не поправишь... Я чувствую ужасную пустоту, и это невыносимо!.. Полное равнодушіе къ жизни—невыносимо!.. И все какъ-то напряжено во мнѣ: нервы и мысли, но безпредметно... Богъ знаетъ, куда это поведетъ и къ чему! Можетъ быть я заболѣю... и не встану. Что-жь смерти я не боюсь. Помню, когда въ юности я былъ на краю гроба, предо-мной вдругъ раскрылась чудная лазурь, глубокая, безконечная. Въ ней струились теплые лучи волшебнаго свѣта. И тамъ я видѣлъ мягкія тѣни чудныхъ очертаній. Онѣ плыли, какъ облака, отливая серебромъ и опаломъ... Нѣтъ, тамъ не мрачная и холодная бездна, въ которой жизнь гаснетъ, какъ искра; тамъ жизнь, тамъ невыразимо прекрасно!.. [Задумывается, съ улыбкой и сосредоточеннымъ взоромъ].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Митрофанъ Платонычъ и **Анисья** [изъ боковой двери].

АНИСЬЯ. Баринъ!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Что тебѣ?

анисья. Хозяйская барышня прислала за вами: рыбу ловить. Вишь, на озеро ѣдетъ. Съ удочками въ пролеткѣ сидитъ, дожидается. Велѣла вамъ, что-бъ сейчасъ идтить.

митрофанъ плат. Иду. [Уходитъ въ боковую дверь].

анисья. Нелады! Всѣ въ разные углы стали глядѣть. Былъ слушокъ, что завелся милъ — дружокъ. Да пустое. Сколько ни примѣчала, нѣтъ ничего. Нѣмка на что ужь хитра была слѣды заметать! Поглядѣть на нее—святая какъ есть. А какъ ловко нѣмца свово проводила, ха-ха! Да не меня. Меня на кривой не объѣдешь... Никàкъ стучатся?.. И то! [Уходитъ въ заднюю дверь].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Судбищевъ и Анисья.

анисья. Барина нѣтути. Уѣхалъ съ хозяйской дочерью рыбу ловить. Развѣ что къ ночи вернутся. Старая барыня у хозяйки.

судбищевъ. А Валентина Борисовна?

анисья. Дома. Лежитъ у себя.

судбищевъ [тревожно]. Больна?

анисья. Нѣтъ, ничего. Она часто валяется. Что ей дѣлать-то! Ну, примѣтно: *скучаетъ*. [Пытливо смотритъ на Судбищева].

судбищевъ. Такъ ты того... доложи ей...

анисья. Скажу. [Ехидно]. Обрадую. [Уходитъ направо].

судбищевъ. Выйдетъ, или нѣтъ?.. Ну, да все равно... И приходить-то не нужно-бы... Если *тогда* удержался, такъ теперь и подавно!..

ЯВЛЕНІЕ IX.

Судбищевъ и **Валентина** [быстро входитъ съ пылающимъ и радостнымъ лицемъ].

ВАЛЕНТИНА. Вотъ не ждала! [Протянула ему руку, но сейчасъ-же отдернула]. Но какъ вы рискнули?.. [Лицо ея принимаетъ холодное выраженіе].

СУДБИЩЕВЪ. Я зналъ, что не встрѣчусь... Я видѣлъ, какъ они съ Фросей проѣхали съ удочками и повернули за городъ, къ озеру. Меня они не замѣтили...

ВАЛЕНТИНА. Я не о томъ васъ спрашиваю.

СУДБИЩЕВЪ. Да! Какъ я *осмѣлился*?..

ВАЛЕНТИНА. Развѣ забыли?

СУДБИЩЕВЪ. Нѣтъ, я помнилъ ваше запрещеніе и, кажется, доказалъ это.

ВАЛЕНТИНА [съ ироніей]. Хорошо, что вы такъ благонравны.

СУДБИЩЕВЪ. [съ живостью]. Какъ?! Что вы сказали?! [Садится].

ВАЛЕНТИНА. Похвалила. Но дѣло не въ этомъ... [Всматривается въ него]. А вы ничего... все такой-же... Милый характеръ! [Откинулась на спину кресла. Выраженіе лица злое]. Потрудитесь объяснить, зачѣмъ вы пожаловали, когда я на отрѣзъ запретила вамъ являться сюда? По вашему, это не дерзость? не явное неуваженіе ко мнѣ и моему мужу? Небрежно вы можете относиться къ себѣ... Въ васъ нѣтъ ничего положительнаго, вамъ вѣрить нельзя... Но относиться небрежно къ другимъ, къ тому, что они, по долгу и по праву, ставятъ въ обязанность вамъ—этого вы не должны и не смѣете дѣлать!

СУДБИЩЕВЪ. Перестаньте сердиться и бранить меня. Теперь ужъ все равно... Я пришелъ сказать вамъ... Дѣло въ томъ, что мы окончательно разсорились съ Захаромъ Платонычемъ и онъ уволилъ меня.

ВАЛЕНТИНА [измѣнилась въ лицѣ. Глядя въ землю]. И что-же вы?..

СУДВИЩЕВЪ. Уѣзжаю. Пока я перебрался въ гостинницу Лаптева.

ВАЛЕНТИНА. Куда?

СУДВИЩЕВЪ. Къ Лаптеву.

ВАЛЕНТИНА [выговаривая съ трудомъ]. Какъ-же?... вы совсѣмъ... уѣзжаете?

СУДВИЩЕВЪ. Да.

ВАЛЕНТИНА. Это хорошо. [Ѣдко] Я орошу слезами вашъ путь.

СУДВИЩЕВЪ. Эхъ, зачѣмъ вы!.. Мнѣ тяжело оставлять васъ съ этими чувствами...

ВАЛЕНТИНА [прерываетъ]. Къ вамъ у меня — никакихъ чувствъ. Мы такъ давно не видались, что я все успѣла забыть; да и что было помнить?.. Такъ давно, что вы могли-бы не приходить прощаться. Тѣмъ болѣе, что мы ужь простились и навсегда.

СУДВИЩЕВЪ. Я не могъ уѣхать безъ этого, не могъ!

ВАЛЕНТИНА. Очень трогательно и сентиментально, но совсѣмъ не умѣстно. Такъ вы у Лаптева?

СУДВИЩЕВЪ. Да. Но... почему вы интересуетесь этимъ?

ВАЛЕНТИНА. Интересуюсь?! Ха-ха! Надо-же о чемъ нибудь говорить во время визита: о погодѣ, про знакомыхъ. Вотъ и про Лаптева.

СУДВИЩЕВЪ. Можно сухо проститься; но издѣваться не хорошо. [Встаетъ].

ВАЛЕНТИНА. Вы проницательны!

СУДВИЩЕВЪ [пытливо вглядывается въ нее]. Насколько я проницателенъ, не доказываетъ-ли мое „*благонравіе*“, которое вы такъ подчеркнули.

ВАЛЕНТИНА. Солидная добродѣтель.

СУДВИЩЕВЪ. Неужели я такъ грубо ошибся?! [Съ живостью подходитъ]. Валентина Борисовна, бросьте этотъ тонъ! Умоляю васъ, скажите мнѣ откровенно...

ВАЛЕНТИНА [прерываетъ, холодно]. Валентина Борисовна скажетъ одно, что вамъ здѣсь рѣшительно нечего дѣлать.

СУДБИЩЕВЪ. Ахъ, такъ!.. И это ваше послѣднее слово?

ВАЛЕНТИНА. Рѣшительное и послѣднее.

СУДБИЩЕВЪ. Послѣ этого остается взять шляпу и пожелать вамъ...

ВАЛЕНТИНА [вспыльчиво прерываетъ]. Пожалуйста безъ пошлостей!

СУДБИЩЕВЪ. Я пожелалъ бы искренно. Пошлы банальныя фразы. Разстанемся безъ пожеланій.

ВАЛЕНТИНА. Это лучшее, что вы можете сдѣлать. [Судбищевъ стоитъ въ нерѣшительности и смущеніи. Пауза]. Въ какомъ вы смѣшномъ положеніи! Какой чувствительный *финалъ*, ха-ха-ха!

СУДБИЩЕВЪ. Глумитесь, если васъ забавляетъ это; а мнѣ очень, очень тяжело!

ВАЛЕНТИНА [на лицѣ ея промелькнуло страданіе. Сухо]. Однако наше прощаніе слишкомъ продолжительно, Викторъ Григорьичъ. Вы хорошо сдѣлаете, если положите ему конецъ.

СУДБИЩЕВЪ. Да, это лучше. Прощайте, Валентина Борисовна! [Поклонился].

ВАЛЕНТИНА. Вы когда уѣзжаете?

СУДБИЩЕВЪ. Завтра.

ВАЛЕНТИНА. Съ вечернимъ поѣздомъ?

СУДБИЩЕВЪ. Вѣроятно вечеромъ. Расписаніе, кажется, измѣнили. А что?

ВАЛЕНТИНА. Счастливаго пути. Больше ничего.

СУДБИЩЕВЪ [порывисто]. Невыносимо! Развѣ вы не видите, до чего вы меня довели? Ну, скажите мнѣ хоть одно слово...

ВАЛЕНТИНА [прерываетъ, съ нетерпѣніемъ пожавъ плечами]. Кажется, я довольно сказала. Прощайте!

СУДБИЩЕВЪ. Ну, дайте руку! дайте поцѣловать въ послѣдній разъ! Вѣдь мы никогда не увидимся!

ВАЛЕНТИНА [про себя, страдальчески]. Онъ измучилъ меня! [Ему, повелительно]. Я васъ прошу удалиться.

СУДВИЩЕВЪ. Ну... Богъ съ вами! [Быстро уходитъ].

ВАЛЕНТИНА [секунду стоитъ неподвижно, потомъ бросается къ двери]. Викторъ!.. Что я дѣлаю?!. Нѣтъ, ни за что! [Подбѣгаетъ къ открытому окну и жадно смотритъ въ него). Оглянется?... Нѣтъ! [Про себя]. Да оглянись! оглянись!.. [Съ тяжелымъ вздохомъ]. Ушелъ!.. [Садится. Вся фигура Валентины выражаетъ, что она разбита, измучена].

ЯВЛЕНІЕ X.

Валентина и **Митрофанъ Платонычъ** [изъ боковой двери. Вошелъ, когда Валентина была у окна. Нѣсколько мгновеній молча наблюдаетъ ее. Схватился за стулъ. Стулъ сдвинулся].

ВАЛЕНТИНА [обернулась на стукъ]. Какъ?! ты былъ дома?! [Встаетъ].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Сейчасъ вернулись... Дождь... Я хотѣлъ войти, да... услыхалъ голосъ Виктора Григорьича...

ВАЛЕНТИНА. А! [Нахмурила брови и проходитъ въ боковую дверь мимо мужа, не взглянувъ на него].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Вотъ теперь мнѣ больно! мучительно больно, какъ было *тогда*!.. Нужно что-то сдѣлать... поскорѣй, поскорѣй!.. Но что сдѣлать?—Не знаю... Мучительно, что не знаю!.. [Тоскливо схватился за голову]. Но мысль придетъ... придетъ! [Вдругъ на лицѣ его выражается ужасъ]. Неужели... неужели *это*?! [Онъ смотритъ въ публику расширенными глазами и такъ замираетъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Номеръ въ гостинницѣ. Поперекъ перегородка, за которою спальня и прихожая. Изъ прихожей двери въ корридоръ и спальню. Слѣва комодъ и надъ нимъ зеркало. Посрединѣ, у перегородки, диванъ, столъ и кресла. Справа къ аванъ-сцэнѣ— окно. Ящики комода выдвинуты, кое-гдѣ лежатъ вещи и платье.

ЯВЛЕНІЕ I.

Судбищевъ [перебираетъ вещи въ дорожномъ сундукѣ].

СУДБИЩЕВЪ. Что-жь, ѣду я, или нѣтъ?.. Уложиться на всякій случай. [Взялъ свернутое платье, что-бъ положить въ сундукъ, но бросилъ и прошелся въ волненіи]. Никакъ не приду въ себя отъ вчерашняго свиданія съ Валей! Казалось, все улеглось, успокоилось; а стоило увидать ее, нервную, измученную и я почувствовалъ, что безумно люблю эту женщину. И жалость къ Митрошѣ, который такъ зарыдалъ у Захара Платоныча; и всѣ разсужденія, что подло врываться въ чужую жизнь; безпечность моя и все, все, чѣмъ я успокоилъ себя—разлетѣлось какъ дымъ. Предо-мной одна Валя... Какъ она была хороша! Какимъ огнемъ горѣли глаза! каждый нервъ трепеталъ... А эти сдвинутыя брови! пересохшія губы, которыя она кусала до крови!.. Чудно хороша, чудно!

ЯВЛЕНІЕ II.

Судбищевъ и Африканъ.

СУДБИЩЕВЪ. Тебѣ чего, Африканъ?

АФРИКАНЪ. Сказали вчерась: уѣзжаете. Къ какому времени счетъ приготовить?

СУДБИЩЕВЪ. Счетъ?.. Подожди, братецъ... Можетъ быть и того... отдумаю.

АФРИКАНЪ. А укладываетесь!

СУДБИЩЕВЪ. Это я такъ... на всякій случай...

АФРИКАНЪ. Гмъ! Значитъ, отдумали?

СУДБИЩЕВЪ. Ахъ, какой! Да почемъ я знаю? Можетъ быть и уѣду. Ну, приготовь счетъ. Все равно.

АФРИКАНЪ. Зачѣмъ-же его зря готовить? У насъ порядокъ такой: уѣзжаетъ гость, ну и счетъ. Обстоятельный господинъ коли ѣдетъ, такъ ѣдетъ. А васъ не поймешь.

СУДБИЩЕВЪ. Вотъ присталъ! Ей Богу у меня не то въ головѣ. Другіе „обстоятельны", а я нѣтъ. Лучше вотъ убери-ка здѣсь, а я пойду посмотрю газеты. У васъ, кажется, есть въ билліардной?

АФРИКАНЪ. Какія-то есть. Тамъ у конторщика.

СУДБИЩЕВЪ. А ты грубъ, любезный. Не хорошо. [Уходитъ].

АФРИКАНЪ. „Грубъ"! Меня настоящіе господа уважаютъ, не тебѣ чета, ошалѣлый. Право ошалѣлый! Два дня жилъ—тихо, смирно, все больше спалъ. А съ вчерашняго дня словно его укусило. Ночью люди спятъ, а онъ по номеру мечется, сосѣдей тревожитъ. Въ часъ ночи звонитъ! Зачѣмъ?—„Въ которомъ-де часу завтра поѣздъ отходитъ"?—Да вамъ куда, говорю, въ какую сторону, потому у насъ двѣ дороги?—А онъ и не знаетъ куда. Прежде-то не подумалъ. А будитъ, звонитъ!.. Чай, ворона и та знаетъ

куда летитъ... Да, бишь, спрашивали его! забылъ сказать. Еще спалъ онъ, приходилъ какой-то... [Дверь тихо отворяется, входитъ Митрофанъ Платонычъ] Вотъ онъ, опять!

ЯВЛЕНІЕ III.

Африканъ и Митрофанъ Платонычъ.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. А Судбищевъ? Ушелъ?

АФРИКАНЪ. Въ билліардную пошелъ, газеты читать.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. А мнѣ-бы нужно видѣться съ нимъ... очень нужно!

АФРИКАНЪ. Знакомые будете, или по дѣлу?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Нужно мнѣ...

АФРИКАНЪ. Можетъ отъ нотаріу́са? Онъ, вишь, у нотаріу́са жилъ, Судбищевъ-то? [Митрофанъ Платонычъ углубился въ свои мысли и молчитъ. Про себя]. Какой-то чудной! [Къ нему]. Я доложу, а вы обождите пока въ корридорѣ, потому въ номерѣ дожидаться нельзя.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ, Хорошо, я уйду. [Садится и задумывается].

АФРИКАНЪ [про себя]. Гмъ! а онъ разсѣлся! [Къ нему]. Господинъ!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [выходитъ изъ задумчивости]. А?

АФРИКАНЪ. Пожалуйте, говорю!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [встаетъ]. Ахъ, да, да! Извини пожалуйста! Я сейчасъ... Разсѣянъ... У меня мысль...

АФРИКАНЪ. Оно и видать. [Входящему Судбищеву] Вотъ спрашиваютъ васъ. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Митрофанъ Платонычъ и Судбищевъ.

СУДБИЩЕВЪ [пораженъ и взволнованъ]. Митрофанъ Платонычъ!!

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [съ волненіемъ]. Я пришелъ... Извини-

те!.. Хотя въ сущности все равно... то-есть положеніе ясно... Но вчера вы были у насъ... Это оставило на Валѣ очень глубокое впечатлѣніе... Я спрашивалъ; но она молчитъ... Мнѣ нужно узнать, зачѣмъ вы... словомъ, что произошло между вами? [Вдругъ голосъ его зазвенѣлъ и глаза загорѣлись] Я хочу знать все, все!.. Могу *требовать*! [Отеръ лицо платкомъ и тяжело дыша, отвернулся].

СУДБИЩЕВЪ [искренно и горячо]. Прежде всего долженъ сознаться, что, придя вчера къ вамъ, я поступилъ подло...

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [энергично]. Позвольте! Не нужно этого! Въ оцѣнку вашихъ поступковъ я не вхожу. Развѣ это интересуетъ меня?!

СУДБИЩЕВЪ [настойчиво]. Я поступилъ подло потому, что пришелъ противъ воли Валентины Борисовны. Она запретила мнѣ видѣться съ нею, даже обращаться къ ней какъ-бы то ни было. Во все время, послѣ встрѣчи съ вами у Захара Платоныча, встрѣчи слишкомъ мнѣ памятной, я подчинялся этому. А вчера пришелъ единственно по той причинѣ, что совсѣмъ уѣзжаю отсюда.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [съ живостью]. Уѣзжаете?

СУДБИЩЕВЪ. Да.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [вдумчиво]. Теперь все понятно. [Короткій, болѣзненный вздохъ].

СУДБИЩЕВЪ. Я долженъ сказать, что Валентина Борисовна приняла меня, какъ я заслуживалъ. Она была безпощадна...

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [съ живостью прерываетъ]. Рѣзка, раздражительна?

СУДБИЩЕВЪ. Ужасно.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [съ подавленнымъ страданіемъ]. Для меня это имѣетъ... *свой* смыслъ... [Пытливо]. А вы... вы понимаете? [Судбищевъ слегка смутился]. А, понимаете! Спокойный и холодный пріемъ не оставилъ-бы *сомнѣній*, которыя, при моемъ вопросѣ, смутили васъ... Мнѣ кажется, что вы не уѣдете.

СУДБИЩЕВЪ [горячо]. Уѣду. Уѣду ужъ для того, что-бъ не испытывать, что чувствую теперь, говоря съ вами... Это мучительно! Я не вижу причины, почему не признаться вамъ въ этомъ.

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Вы искренній человѣкъ, но не изъ тѣхъ, которые владѣютъ собой. Могутъ явиться причины, которыя заставятъ васъ измѣнить рѣшеніе. Но я не касаюсь его, потому что теперь ужъ *все* ясно и измѣнить я ничего не могу. Да и вопросъ въ одной Валѣ; а вы— внѣшняя причина, которая намъ съ Валей уяснила самихъ себя и подвела итоги. Идя къ вамъ, я заранѣе зналъ, что не услышу ничего такого, что... что могло-бы измѣнить мои мысли. Но такой ужъ у меня характеръ, что я не могу успокоиться, пока не разрѣшу сомнѣнія и не узнаю истины. А разъ это сдѣлано, я успокаиваюсь, хотя-бы вопросъ былъ существенной важности, какъ *нашъ* напримѣръ...

СУДБИЩЕВЪ [про себя]. Что онъ морочитъ меня?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Значитъ, такъ суждено, или я самъ виноватъ. Вымѣщать свою вину на другихъ—безполезно и подло. Что-же остается?—Покориться и войти въ свою колею. Счастливая способность, свойственная мелкимъ людямъ, конечно. Но я изъ мелкоты. Вотъ почему я никогда не пойму, какъ люди могутъ посягать на свою жизнь. По моему, нѣтъ положенія, которое могло бы довести до этого.

СУДБИЩЕВЪ. Вы говорите серьезно?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. [съ улыбкой]. Серьезно.

СУДБИЩЕВЪ [пожалъ плечами]. Не знаю!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Африканъ.

АФРИКАНЪ. Сударь! Тамъ васъ женщина спрашиваетъ.

СУДБИЩЕВЪ. Какая женщина?

АФРИКАНЪ. Говоритъ, молъ, отъ вашей сестрицы. Сюда ей войтить?

СУДБИЩЕВЪ. Нѣтъ, я самъ выйду. [Африканъ уходитъ. Къ Митрофану Платонычу]. Извините! я на минуту. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Митрофанъ Платонычъ [оставшись одинъ, сразу измѣняется. Съ горечью].

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Спокойствіе, *мнѣ* спокойствіе!.. [Тономъ глубокаго страданія]. О, если-бъ я могъ хоть за что нибудь, за что нибудь удержаться надъ пропастью, въ которую такъ ужасно тянетъ меня!.. Чѣмъ жить? Чѣмъ жить, если выболѣла душа и все для меня помертвѣло?.. Чѣмъ жить, если всѣмъ, кого я любилъ, я чуждъ и не нуженъ?.. Какъ жить, если жизнь выбросила меня, какъ щенку, если я самъ потерялъ свое счастье, которымъ дышалъ?.. Для чего жить?—мучить Валю, мѣшать ея счастью, выносить ея ненависть и терзаться самому безъ конца?.. Жить *безъ* Вали, въ вѣчномъ уныніи, съ вѣчной тоскою, раскаяніемъ и презрѣніемъ къ себѣ?—Нѣтъ, нѣтъ!.. Только-бъ они не узнали, не догадались!.. Кажется, все обдумано до мельчайшихъ подробностей... И какъ живо, какъ ярко я вижу всю эту картину!.. и чувствую тотъ страшный моментъ, когда... [Содрогнулся]. Ну, да не долго, одинъ моментъ... [Подходитъ къ окну взять фуражку и смотритъ въ него. Вдругъ отшатнулся и страшно измѣнился въ лицѣ]. Валя?!. Сюда?!. Да, да!.. Не рѣшилась... отходитъ. [Закрылъ лицо руками. Отнявъ руки, со стономъ]. Но она придетъ сюда! кончитъ тѣмъ, что придетъ! [Нервно потирая грудь и струдомъ переводя дыханіе]. Охъ, какое мученье!.. Отчего не *потомъ*, отчего не *по-то-омъ*?! Зачѣмъ я медлилъ?! на что надѣялся?!.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Митрофанъ Платонычъ и **Судбищевъ** [съ большимъ сверткомъ].

СУДБИЩЕВЪ. Сестра прислала мнѣ на дорогу возъ всякой провизіи... Что съ вами?! [Быстро подходитъ къ нему]. Вамъ дурно?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Нѣтъ... такъ... У меня иногда кружится голова... Смотрѣлъ въ окно .. вдругъ потемнѣло въ глазахъ...

СУДБИЩЕВЪ. Не дать-ли воды?

МИТРОФАНЪ ПЛАТ. Нѣтъ, на воздухъ, на воздухъ! [Страдальчески]. Я задохнусь въ этой комнатѣ! [Бросается вонъ].

СУДБИЩЕВЪ [проводивъ его удивленнымъ взглядомъ]. Странный человѣкъ! Чего онъ наговорилъ!.. Кажется, ему все равно: уѣду я, или нѣтъ. Онъ сознаетъ, что потерялъ Валю и покорно отходитъ прочь. Мало того, говоритъ про это! Удивительная покорность и простодушіе!.. Теперь ясно, что Валя любитъ меня. Что-же можетъ заставить меня уѣхать? Положимъ, она твердо рѣшилась порвать со мной. Но будь она тверда, какъ кремень, я не отступлюсь, пока останется хоть тѣнь надежды. И изъ кремня высѣкаютъ искры. А если она ждетъ, что-бъ я пошелъ наперекоръ ей? ждетъ, не сознавая и не смѣя въ этомъ сознаться себѣ? Что я оставлю въ ея душѣ, если уѣду? Какую муку, обиду и горечь! Нѣтъ, никогда! что-бы ни было—никогда!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Судбищевъ и **Валентина**.

СУДБИЩЕВЪ. Ахъ!.. [Моментъ стоитъ пораженный и стремительно подходитъ къ ней]. Радость моя! [Горячо цѣлуетъ ея руки].

ВАЛЕНТИНА [взволнованная, смущенная, говоритъ прерывисто]. Вче-

ра я дурно обошлась съ вами... Мнѣ стало совѣстно, жалко... Все-таки вы захотѣли видѣть меня... Безъ этого не могли уѣхать... Я хочу поправить свою... несдержанность... Разстанемся друзьями...

СУДВИЩЕВЪ. [усаживая ее]. Нѣтъ, мы не разстанемся! О, нѣтъ!.. Я не опомнюсь отъ радости, что опять вижу васъ! [Приникъ къ ея рукамъ и цѣлуетъ ихъ].

ВАЛЕНТИНА. Когда вы ушли, я вдругъ почувствовала такую пустоту, одиночество!..

СУДВИЩЕВЪ.. Я бы не уѣхалъ отъ васъ. Собирался, укладывался, но знаю, что не уѣхалъ-бы, за всѣ блага міра. Если-бъ вы знали, что я перечувствовалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались вчера! Какъ мучился, проклиналъ себя, что отдалился отъ васъ! Какъ страдалъ за васъ, когда понялъ все: и вашу борьбу, и причину вашего гнѣва и рѣзкости! Вашъ образъ всталъ предо мной во всей красотѣ и наполнилъ всю мою душу... Что съ вами? Вы поблѣднѣли!

ВАЛЕНТИНА. Я шла, ничего не видя, не помня... и кажется, встрѣтила мужа... [Тревожно]. Онъ промелькнулъ предо-мной, но я не обратила вниманія... Положительно это былъ онъ. [Встаетъ]. Я пойду. Я обезумѣла, обезумѣла, что пришла!

СУДВИЩЕВЪ. Перестаньте! Прогоните эти мысли!..

ВАЛЕНТИНА. Не удерживайте меня, Викторъ Григорьичъ! Я сама не своя. У меня такая путаница въ мысляхъ, въ чувствахъ... Я не знаю, что дѣлаю и что говорю... Не хорошо этимъ пользоваться.

СУДВИЩЕВЪ. Боже избави! Я хочу, что-бъ вы выслушали меня, если я этого стою; хочу серьезно поставить вопросъ, потому что серьезно люблю васъ. Сядьте пожалуйста! Ну прошу-же васъ, сядьте! [Она садится]. Довольно борьбы! Довольно борьбы, которая измучила васъ и ясно показала, что по прежнему жить вы не можете. И смысла нѣтъ продолжать эту жизнь ни для васъ, ни для тѣхъ, которые васъ

окружаютъ. Если вы любите меня и вѣрите мнѣ, уѣдемъ отсюда!

ВАЛЕНТИНА. Уѣхать мнѣ?!. съ вами?!.

СУДБИЩЕВЪ. А что-же другое смѣю я предложить вамъ? Вы женщина сильная, энергичная, съ душею прямой и тою честностью чувства, которая не допуститъ васъ до... фальшиваго положенія подъ кровомъ мужа...

ВАЛЕНТИНА. О, разумѣется!

СУДБИЩЕВЪ. Остается одинъ исходъ: бросить все и уѣхать. Вѣдь такъ?.. Скажите-же, радость моя!

ВАЛЕНТИНА. Дайте опомниться... Вчера разстались на всегда и вдругъ...

СУДБИЩЕВЪ. [взявъ ея руки]. Сходимся навсегда. Да? Милая, сокровище мое, скажите-же: да?

ВАЛЕНТИНА. Не знаю, не знаю... [Высвободила руки].

СУДБИЩЕВЪ. Ну что можетъ удерживать васъ? [Пытливо глядя на нее]. Жалость къ мужу, боязнь за него?

ВАЛЕНТИНА. Онъ... отдалился... сталъ совсѣмъ равнодушенъ...

СУДБИЩЕВЪ [съ живостью]. Да? Такъ это правда?

ВАЛЕНТИНА. А вы почему знаете?

СУДБИЩЕВЪ. Предполагалъ. Онъ человѣкъ... я не вполнѣ понимаю его; но мнѣ кажется, что онъ легче покорится судьбѣ, чѣмъ всякій другой.

ВАЛЕНТИНА [съ раздраженіемъ]. Я оскорбила его любовь, гордость. Да. Но я искала примиренія съ нимъ; а онъ *не можетъ* простить. И пускай! Какъ будто я одна виновата!.. А все, что я пережила, перечувствовала—ничего не стоитъ? Я сдѣлала все, что-бъ его пощадить; а онъ чѣмъ помогъ мнѣ? Я рѣшила оставить его въ покоѣ, не унижаться... Пускай носится съ своей гордостью, добродѣтелью, не знаю съ чѣмъ! Все это невыносимо скучно и опостылѣло мнѣ!

СУДБИЩЕВЪ [съ восторгомъ]. Да это радикально измѣняетъ вопросъ! Выходитъ, что вы разошлись, въ тягость другъ другу; что между вами одна внѣшняя, условная связь!

[Взялъ ея руки]. Камень съ души! Какъ я счастливъ! какъ счастливъ! [Порывисто привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ щеку].

ВАЛЕНТИНА. Ну зачѣмъ?.. [Встала и отходитъ смущенная и взволнованная].

СУДБИЩЕВЪ [подходя къ ней]. Я все сказалъ, всю душу открылъ. Скажите-же мнѣ что-нибудь!.. рѣшайтесь!.. Взгляните-ка на меня! Что это? слезы?

ВАЛЕНТИНА [истерично]. Жить по прежнему я не могу! Нѣтъ, не могу!.. Всякая жизнь лучше этой, унылой, мертвящей!.. Я сдѣлала все. Я старалась сломить себя... вырвать изъ сердца васъ..., задушить въ себѣ что мучило меня, чего просила душа; но выбилась изъ силъ... Не могу больше! Пускай это гадко, подло, но не могу!..

СУДБИЩЕВЪ [продолжая стоять, тихо привлекаетъ ее къ груди. Нѣжно]. Милая, счастье мое, зачѣмъ-же плакать? Прошлое отошло. Станемъ смотрѣть впередъ, безъ оглядки, безъ колебаній, сомнѣній. Да?

ВАЛЕНТИНА [тихо]. Да.

СУДБИЩЕВЪ. Съ вѣрою въ жизнь, въ счастье. Ты вѣришь въ счастье со мной?

ВАЛЕНТИНА [порывисто[. Милый! [Обнимая его].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сцена перваго дѣйствія

ЯВЛЕНІЕ I.

Арина Никитишна, Валентина, Антонина Васильевна и Захаръ Платонычъ [всѣ въ глубокомъ трауре, нѣсколько мгновеній сидятъ молча].

АРИНА НИКИТ. Вотъ и схоронили Митрошу!

АНТОНИНА ВАС. Не понимаю, какъ онъ могъ утонуть! Говорятъ, что закидывая удочку, поскользнулся и сорвался съ мостковъ. Положимъ, тамъ глубоко; но какъ не выбраться? Развѣ что плавать не умѣлъ, или дурно сдѣлалось? Впрочемъ, въ худой часъ и въ лужѣ утонешь.

АРИНА НИКИТ. То-то вотъ дѣломъ-бы занимался, а не пустяками!.. Пискаря, да платичку поймалъ... Въ ведеркѣ, вишь, только и было... А самъ жизни лишился. Грѣхи! [Глядя на Валентину]. Конечно, отъ жены много зависитъ, какъ мужу себя вести...

ЗАХАРЪ ПЛАТ. [прерываетъ]. Ну, не время перекоряться. Теперь, когда конченъ печальный обрядъ, нужно заняться дѣлами.

АНТОНИНА ВАС. Ты двадцать разъ успѣешь заняться дѣлами. Посмотри, какъ ты утомленъ! Поѣдемъ, я тебя уложу.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Антонина Васильевна! Лучше всего, если ты помолчишь.

АНТОНИНА ВАС. [рѣзко мѣняя позу]. Да ужъ хорошо, хорошо!

АРИНА НИКИТ. Какъ-же мнѣ быть теперь, Зоря?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. А это главный вопросъ. Аккуратно каждый мѣсяцъ я буду давать тебѣ на содержаніе опредѣленную сумму...

АРИНА НИКИТ. [робко]. Ну... а къ себѣ не возьмешь?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Не удобно.

АРИНА НИКИТ. Возьми, милый!.. Я гдѣ нибудь... хоть возлѣ кухни... Никто и не увидитъ меня... Понимаю вѣдь, что я не по твоему дому... Никто не увидитъ, Зоря... По крайней мѣрѣ съ тобой... хоть подъ одной крышей жить... Утѣшь старуху, возьми!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Не годится. [Старуха горько заплакала]. Да ты не плачь! Вѣдь не бросаю тебя, на мои деньги жить будешь... Когда и навѣщу... А у меня, по складу моей жизни, по обстановкѣ, привычкамъ—жить тебѣ положительно не удобно. Вотъ и Антонина Васильевна...

АНТОНИНА ВАС. [перебиваетъ]. Антонинѣ Васильевнѣ нужно, что-бъ ты былъ здоровъ и покоенъ. Больше ничего не нужно.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. И такъ, это рѣшенный вопросъ.

АРИНА НИКИТ. Рѣшено, такъ рѣшено. Что же дѣлать! Буду жить, какъ велишь.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Ну, а *вдова* какъ-же? Съ тобою?

АРИНА НИКИТ. Оборони Богъ! Озолоти меня, что-бъ я съ нею жила—ни за что!

ВАЛЕНТИНА. Напрасно обо-мнѣ говорить. Я сама о себѣ позабочусь.

АРИНА НИКИТ. Такъ-то лучше. А то со мной! Да если-бъ не она, Митроша о сю пору здравствовалъ-бы. Отбился отъ дому-то. Куда ни куда—лишь-бы уйти. Вотъ и добѣгался. Дома, знать, не сладко было сидѣть.

ВАЛЕНТИНА [встаетъ]. За это пеняйте и на себя. Я знаю, какъ онъ страдалъ отъ вашей несправедливости и придирокъ. Не вамъ осуждать другихъ, когда во многомъ и вы виноваты. [Уходитъ въ боковую дверь].

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же, безъ **Валентины**.

АРИНА НИКИТ. [привскочила]. Ахъ, мать моя! Какова?! Зоринька, слышалъ?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Что-жь, правда.

АРИНА НИКИТ. Правда-а?! Какъ правда?

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Конечно. Митроша у тебя изъ дураковъ не выходилъ, хоть обожалъ тебя съ какой-то восторженностью и преданностью чисто собачьей. Онъ былъ хорошій человѣкъ, онъ гораздо былъ лучше меня.

АНТОНИНА ВАС. Ужь это слишкомъ!

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Ничуть не слишкомъ, если по совѣсти разсудить. Мнѣ жалко брата, тѣмъ болѣе, что я такъ-же былъ несправедливъ къ нему, какъ вы всѣ.

АРИНА НИКИТ. Господи, неужели вправду?!. Знать, я ужь такъ любила тебя, что для другаго и мѣста не было въ сердцѣ...

ЗАХАРЪ ПЛАТ. За это тоже одобрить нельзя.

АРИНА НИКИТ. И ты-же меня упрекаешь! [Тяжело вздохнула. Подумавъ). Зоря, я сорокоустъ закажу.

ЗАХАРЪ ПЛАТ. Закажи. Ну, мнѣ надо въ контору. Вотъ тебѣ пятьдесятъ рублей, на квартиру, продовольствіе и все прочее. [Достаетъ изъ бумажника деньги и не торопясь отсчитываетъ ихъ. Томительная пауза. Мать стоитъ потупившись]. Вотъ. Аккуратно каждое первое число ты будешь получать постольку-же. Устраивайся на новой квартирѣ и живи себѣ съ Богомъ. Прощай! [Цѣлуетъ ее].

АРИНА НИКИТ. [печально]. Я провожу васъ. [Уходитъ за Захаромъ Плат. и Антониной Васил.].

ЯВЛЕНІЕ III.

Фрося [спустя секунду, входитъ блѣдная, подавленная. Она обвела тоскливымъ взглядомъ всю комнату и горько зарыдала].

ФРОСЯ. Бѣдный мой!.. горькій мой!.. Какую рану въ сердцѣ унесъ ты въ могилу!.. За то, что много и беззавѣтно любилъ.. за то, что былъ слишкомъ хорошъ для людей и любви твоей не стоилъ никто!.. Осиротѣла я безъ тебя!.. Одинока, на всю жизнь одинока!.. На всю жизнь скорбь по тебѣ, страдалецъ загубленный!.. [При входѣ Арины Никит. принимаетъ холодный видъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фрося и Арина Никитишна.

АРИНА НИКИТ. Вотъ какъ Господь судьбу строитъ! [Садится удрученная].

ФРОСЯ [посмотрѣла на нее и ѣдко усмѣхнулась]. И люди. Особенно *близкіе*. Близкіе люди бываютъ ужасно жестоки. Чужой, даже съ черствымъ сердцемъ, пойметъ и почувствуетъ; а свой!.. Свои слѣпы, несправедливы, безжалостны и живутъ только въ себя. Душевная дрянь, скрытая отъ другихъ изъ приличія, дома—наружу вся. Выходитъ не жизнь, а что-то тупое, грубое, безпощадное... Горе тому, кто, съ душей нѣжной и любящей, попадетъ въ этотъ адъ! Таковъ былъ вашъ Митроша. Они гибнутъ эти страдальцы, они—жертва *близкихъ* людей!

АРИНА НИКИТ. Матушка, оставьте! И такъ ужь наговорили... Разстроили меня—мыслей не соберешь.

ФРОСЯ [насмѣшливо]. Соберете!

АРИНА НИКИТ. Конечно, горе горемъ, а жить нужно.

ФРОСЯ [ѣдко]. „Горе“!

АРИНА НИКИТ. Чтой-то вы такъ дрожите? Иль нездоровится?

ФРОСЯ [кутается въ платокъ]. Такъ... холодно мнѣ...

АРИНА НИКИТ. Скажите мамашѣ, что я отъ васъ переѣду.

ФРОСЯ. Скажу мамашѣ.

АРИНА НИКИТ. У Моргуновыхъ отдаются двѣ комнаты. Сейчасъ и сходить къ нимъ. [Встаетъ]. Къ ночи и перебраться-бы.

ФРОСЯ. Такъ вы не къ Захару Платонычу?

АРИНА НИКИТ. [смущенно, разведя руками]. Да нѣтъ...

ФРОСЯ. Гмъ! не беретъ! Это вамъ не Митроша. Этого мать обезпокоитъ, унизитъ. Любимый сынокъ подачку броситъ матери—и за то спасибо; а съ Митроши послѣдній рубль тянули, да все корили, что мало!

АРИНА НИКИТ. Что ужь вы такъ!.. Дѣти мои и дѣло мое.

ФРОСЯ (вскочила. Гнѣвно). Да, *ваше* дѣло! Только не знаете вы *что* надѣлали!

АРИНА НИКИТ. Господи помилуй! Да что?

ФРОСЯ. И вы и жена плакали надъ Митрошей. Вы даже причитали. Но слезы не отъ сердца—пошлыя слезы, а надъ гробомъ—тѣмъ больше. Вотъ если-бъ вы знали, *что* сдѣлали; если-бъ въ васъ совѣсть заговорила, да совѣсть—то грозная, тогда-бъ вы *настоящими* слезами заплакали, жгучими, страшными. А вашъ плачъ!.. Не доставало, что-бъ еще Судбищевъ пришелъ изливать свое горе!...

АРИНА НИКИТ. [съ нетерпѣніемъ]. Васъ не переслушаешь, да и нужды нѣтъ. Такъ скажите мамашѣ-то. А я къ Моргуновымъ. [Уходитъ].

ФРОСЯ. И смерть не прошибла! Мать!.. Да, если-бъ Митроша думалъ, что смерть его огорчитъ мать, будетъ мучить раскаяніемъ, онъ... онъ больше дорожилъ-бы жизнью!

ЯВЛЕНІЕ V.

Фрося и **Валентина** [входитъ изъ боковой двери, съ уложеннымъ небольшимъ сакъ-вояжемъ и картонкою. Все это ставитъ на столъ].

ФРОСЯ. Уѣзжаете?

ВАЛЕНТИНА. Да. [Сѣвъ къ письменному столу, вынимаетъ изъ ящика бумаги, письма и перебираетъ ихъ].

ФРОСЯ [медленно ходитъ, останавливаясь время отъ времени]. Здѣсь все еще пахнетъ ладаномъ и восковыми свѣчами. [Пауза]. Какая странная улыбка была на его лицѣ, когда онъ лежалъ въ гробу! Вы замѣтили? [Валентина молчитъ]. Онъ будто усмѣхался надъ своею судьбою, безъ радости, счастья... будто спрашивалъ: „зачѣмъ я жилъ? для чего“?.. [Валентина, продолжая молчать, нервно разорвала два—три письма. Пауза]. Что-жь вы... выйдете за *того?*

ВАЛЕНТИНА [холодно]. Ваша роль кончилась, та роль, которую вамъ *позволяли* играть въ моихъ отношеніяхъ. Я думала, что вы сами поймете это.

ФРОСЯ. Когда человѣкъ такъ несчастливъ, какъ былъ вашъ мужъ, всякій заговоритъ, у кого сердце не камень.

ВАЛЕНТИНА [съ раздраженіемъ]. Во всякомъ случаѣ, это — дѣло моей совѣсти, а не ваше.

ФРОСЯ [усмѣхнулась]. Въ одно слово съ матерью!.. Тамъ что-бы ни было, а свой покой дороже всего. [Пылко]. Нѣтъ, и мое дѣло. И „роль“ моя не кончилась для васъ, а только начинается.

ВАЛЕНТИНА [съ ироніей]. Вы—мой фатумъ! Но мнѣ не до пустыхъ разговоровъ. Извините. [Встаетъ и перейдя къ другому столу, укладываетъ въ сакъ-вояжъ выбранныя бумаги].

ФРОСЯ. Насколько „пусты“ мои разговоры, судите потому, что вы должны отказаться отъ Судбищева навсегда. Понимаете?—*навсегда*!.. Судбищевъ долженъ умереть для васъ, какъ умеръ мужъ.

ВАЛЕНТИНА [горячо, съ негодованіемъ]. Послушайте, Фрося! Я сносила ваши придирки и смѣшное притязаніе вліять на

меня; но дерзостей говорить не позволю. Вы слишкомъ далеко зашли! Довольно-съ!

ФРОСЯ [грозится на нее, съ сверкающими глазами]. Повѣрьте мнѣ на слово! Я щажу васъ, потому что *онъ* пощадилъ; но... но я не допущу, что-бъ надругались надъ его памятью! *не допущу*! [Быстро уходитъ въ заднюю дверь].

ВАЛЕНТИНА. Что такое? что за угрозы?.. О какой „пощадѣ“ она говоритъ?.. Какая-нибудь язвительная фантазія... Дерзкая привычка вмѣшиваться во все и срывать свою злость. [Задумалась]. Да, эта смерть... камнемъ легла на сердце. Много я виновата передъ Митрошей... Теперь все яснѣй и видишь глубже... Это *совпаденіе*, что я въ *то время* была у Судбищева! Вернулась и первое, что увидала дома — мертвое лицо мужа!.. Страшный отвѣтъ на то, что я сдѣлала!.. Рванулась въ новую жизнь, а смерть, какъ въ насмѣшку, вдругъ рушитъ старую и бросаетъ тѣнь на все будущее... Не намекаетъ-ли Фрося на то, что самой приходило мнѣ въ голову и такъ меня мучаетъ?!. [Содрогнулась]. Нѣтъ, нѣтъ! это было-бъ ужасно!.. [Пауза]. Судбищевъ что-то написалъ мнѣ. [Ищетъ письмо въ карманѣ]. Прочла и совершенно не помню. [Читаетъ найденное письмо]. „Ради Бога, не предпринимайте ничего, не повидавшись со мной и ни о чемъ не заботтесь“... Чувствуетъ, что эта смерть отдалила насъ другъ отъ друга. „Не предпринимайте ничего“. Боится...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Валентина и Судбищевъ.

ВАЛЕНТИНА [вздрогнула при стукѣ двери и быстро обернулась]. Вы? [Протянула руку Судбищеву и поникла головой].

СУДБИЩЕВЪ. Боже мой, какъ вы измѣнились! У васъ совсѣмъ измученный видъ!

ВАЛЕНТИНА. Ахъ, я столько перечувствовала въ эти ужасные дни! [Закрыла лицо руками].

СУДБИЩЕВЪ. Знаю, знаю! Я изстрадался за васъ! Я не могъ дождаться, когда все это кончится. Хотѣлъ придти самъ...

ВАЛЕНТИНА [перебиваетъ]. Хорошо-бъ это было! Мы вмѣстѣ у гроба Митроши!

СУДБИЩЕВЪ. Но теперь передъ нами другое... Главное нужно какъ можно скорѣе уѣхать.

ВАЛЕНТИНА. Я не поѣду съ вами.

СУДБИЩЕВЪ. Что?!

ВАЛЕНТИНА. Я поѣду къ подругѣ.

СУДБИЩЕВЪ. Къ подругѣ?! Зачѣмъ?

ВАЛЕНТИНА. Ахъ, нельзя-же на свѣжей могилѣ думать о „другомъ"! Наконецъ, я устала, измучена. Мнѣ нужно прійти въ себя. Какъ вы не понимаете!

СУДБИЩЕВЪ. Но какъ - же?.. Что-же вы дѣлаете со мной?!

ВАЛЕНТИНА. Такъ надо, милый. Иначе я не могу. Эта смерть стоитъ предо-мной... Меня мучаетъ совѣсть.

СУДБИЩЕВЪ. Такъ я и зналъ!

ВАЛЕНТИНА. А вамъ развѣ не приходила мысль, что онъ. . Мнѣ страшно вымолвить, но вы меня понимаете. Скажите по совѣсти: не приходила?

СУДБИЩЕВЪ. Нѣтъ. Онъ былъ не такой человѣкъ. Онъ не могъ... Въ этомъ я убѣжденъ положительно. Наконецъ, гдѣ доказательства преднамѣренности? Ихъ нѣтъ. А воображеніемъ можно создать все. Оно подберетъ, даже выдумаетъ такіе факты, что въ ужасъ придешь.

ВАЛЕНТИНА. Что я сдѣлала Митрошу несчастнымъ — это не „воображеніе".

СУДБИЩЕВЪ. Вы такъ-же были несчастливы и больше, чѣмъ онъ. Въ этомъ никто не виноватъ кромѣ судьбы, которая свела людей совсѣмъ не подходящихъ другъ къ другу. Теперь вы смотрите въ одну сторону и настроены во всемъ осуждать себя. Но это пройдетъ, когда вы успокоитесь и ослабѣютъ мрачныя впечатлѣнія отъ похоронъ. Главное: сами не терзайте себя! Это главное.

валентина. Не знаю, что будетъ; но пока мнѣ очень тяжело. Меня гнететъ что-то зловѣщее...

судбищевъ [тоскливо]. Ахъ, Боже мой!

валентина. Послушайте, какъ судятъ другіе...

судбищевъ. Этого не доставало! „Другіе!"

ЯВЛЕНІЕ VII и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ-же и **Фрося** [тихо входитъ не замѣченная и остается въ глубинѣ сцены].

валентина. Нѣтъ, это важно. Почему Фрося прямо говоритъ, что я должна отказаться отъ васъ?

судбищевъ [гнѣвно]. Фрося! Удивляюсь, какъ вы позволяете ей разговаривать съ вами! Какъ она смѣетъ!..

валентина [прерываетъ, съ ласковымъ движеніемъ къ нему]. Перестаньте, не горячитесь! Я вѣдь не говорю, что нужно такъ поступить. Я только прошу подождать...

фрося [вдругъ выступаетъ на середину]. Иначе поступить вы не можете. Да, вы должны отказаться отъ него навсегда.

судбищевъ [злобно]. Что-съ?! Ха-ха-ха!

фрося [Валентинѣ]. Скажите ему, что нѣтъ ничего смѣшнаго въ томъ, что умеръ человѣкъ, котораго погубили вы оба.

судбищевъ. Прошу васъ замолчать!.. Охота вамъ слушать, Валентина Борисовна! Уйдемте. [Взялъ шляпу].

фрося. О, нѣтъ! Вмѣстѣ вы не уйдете. Я не выпущу васъ!

судбищевъ. Да что съ вами?! Опомнитесь!

фрося. Вѣрьте мнѣ на слово, что вы должны разстаться, *должны*! [Указывая на Валентину]. Поберегите ее. Если *я* жалѣю ее, мнѣ можно повѣрить.

валентина [со страхомъ]. Что она говоритъ?!

судбищевъ. Ахъ, да не слушайте! Дѣло просто. Она другъ Митрофана Платоныча и всегда ненавидѣла васъ.

Можетъ быть тутъ примѣшались и ея личныя чувства къ нему. Какъ знать?..

ФРОСЯ [глубоко уязвленная, съ гнѣвнымъ движеніемъ]. А-а!

СУДВИЩЕВЪ. Но и кромѣ того, все можно перетолковать, извратить въ дурную сторону. Люди злые, мстительные, завистливые дѣлаютъ это съ особеннымъ наслажденіемъ. Вотъ съ какими чувствами является къ вамъ непрошенный судъ. Случайную смерть связываютъ съ причинами, которыя тутъ не причемъ. Но запугать можно ребенка, или того, кто не способенъ здраво судить о вещахъ. Серьезно говоря, всѣ эти требованія и угрозы — смѣшны, даже наивны. Я сожалѣю, что погорячился сначала.

ФРОСЯ. Вы кончили? [Валентинѣ]. А по вашему, все такъ, какъ онъ говоритъ?

ВАЛЕНТИНА. Это несносно! Оставьте меня въ покоѣ!

ФРОСЯ. Мнѣ немногое осталось сказать. Только про то, *какъ* было дѣло.

ВАЛЕНТИНА [истерично, съ крикомъ]. Не надо! не надо! Я ничего не хочу!.. Ради Бога, оставьте меня! Замолчите!

ФРОСЯ. Нѣтъ! Безъ этого я не уйду и не выпущу васъ!

СУДВИЩЕВЪ [съ трудомъ сгерживая гнѣвъ]. Что-жь остается?.. Насиліе?.. вывести васъ?

ФРОСЯ [презрительно]. Ха-ха! Какъ оба вы жалки мнѣ, съ вашимъ гнѣвомъ и трусостью! Совѣсть-то дрогнула?! кровь холодѣетъ?!. „Случайная“ смерть! Никто не виноватъ въ ней! ни вы, ни она! Нѣтъ, не случай, а смерть *добровольная*, вымученная вами. Вотъ истина!

ВАЛЕНТИНА [въ ужасѣ, бросается къ ней]. Нѣтъ! нѣтъ!.. Ради всего святаго!.. Это не такъ! не такъ!

ФРОСЯ (отстраняетъ ее). Не утонулъ онъ, а самъ бросился въ воду, у меня на глазахъ. Я бѣжала къ нему, звала; но онъ не замѣтилъ меня, а вѣтеръ относилъ мои крики. Онъ умеръ великодушно, щадя и любя васъ. Вы — богатая натура, а онъ ничтожный человѣкъ! Нѣтъ! Онъ былъ выше

васъ и сильнѣе. Его сила была въ любви, кротости и терпѣніи. Онъ жертвовалъ собой. Такъ онъ и жилъ. Но когда вы заставили его пожертвовать главнымъ — онъ погибъ. Обманутый, оскорбленный въ любви, которая была всѣмъ для него, воздухомъ, свѣтомъ, онъ не могъ жить и умеръ. Вы убили его, вы!!

ВАЛЕНТИНА [слушавшая съ ужасомъ на лицѣ, отчаянно вскрикиваетъ. Судбищевъ, блѣдный и потрясенный, бросается къ ней. Она отшатнулась и останавливаетъ его жестомъ]. Нѣтъ!.. Уйдите!.. уйдите!.. Все кончено! [Судбищевъ стоитъ подавленный. Фрося мрачно наблюдаетъ ихъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ЧАРОДѢЙКА.

НИЖЕГОРОДСКОЕ ПРЕДАНІЕ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(ВЪ ИСПРАВЛЕННОМЪ ВИДѢ).

„Зачинается пѣсня отъ древнихъ затѣй,
. . . .
Отъ того ль старорусскаго краю“...
Гр. А. Толстой.

Дѣйствующія лица:

Князь Никита Данилычъ Курлятевъ, великокняжескій намѣстникъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Княгиня Евпраксія Романовна, жена его, за 30 лѣтъ, видная, красивая женщина.

Княжичъ Юрій, сынъ ихъ, юноша.

Бояринъ Шетневъ, пожилой.

Мамыровъ, старый дьякъ.

Ненила, сестра его, постельница княгини.

Настасья, по прозвищу „**Кума**", хозяйка постоялаго двора у перевоза черезъ Оку, молодая женщина.

Фока, дядя ея.

Паисій, бродяга подъ видомъ чернеца.

Иванъ Журанъ, княжескій ловчій.

Ключаревъ, старикъ.

Балакинъ, **Дятловъ**, — среднихъ лѣтъ, гости Нижегородскіе.

Лукашъ, **Потапъ**, **Дема**, братъ его — гостиные сыновья.

Борковъ, монастырскій крестьянинъ.

Кичига, кулачный боецъ.

Поля, подруга „Кумы".

Мосей, работникъ „Кумы.".

Дѣвушки, гости изъ Нижняго, пристава, княжескіе холопы, скоморохи и народъ.

Дѣйствіе происходитъ въ послѣдней четверти XV столѣтія, въ Нижнемъ-Новгородѣ и его окрестностяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Поперекъ сцены Ока, у впаденія въ Волгу. За Окой, на горѣ, видъ Нижняго-Новгорода. По сю сторону рѣки, слѣва, постоялый дворъ. Сѣнями, въ которыя ведетъ дверь съ надворья, строеніе раздѣляется на двѣ половины: собственно избу, съ косящатыми окнами [изъ слюды] и клѣть, съ волоковыми окошками, почти подъ крышею. Тесовая кровля очень крута. Въ ней, надъ избою, деревянная дымница [труба] и посерединѣ выводное окно, освѣщающее чердакъ. Гребень крыши рѣзной, съ маковицами по краямъ. Свѣсъ ея украшенъ подзоринами. Возлѣ избы дерево, подъ которымъ столъ и скамья. Справа, въ кустахъ, еще столы и скамьи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ключаревъ, Балакинъ, Дятловъ и **Борковъ** сидятъ за столомъ справа; **Фока** и **Паисій** слѣва, подъ деревомъ.

ДЯТЛОВЪ.

По милости Господней, нынѣ намъ
Куда свободнѣй стало отъ татаръ.
А было время, Русская земля
Жила отъ нихъ въ великомъ разореньи.
Не пахари, бывало, на поляхъ,
А вѣроны надъ трупами летали.

БОРКОВЪ.

Для выхода въ орду поганымъ ханамъ,
По сохамъ и людямъ вся область наша

Уроками тяжелыми была
Обложена. Да мало ли еще
На проторы ордынскія сходило!

БАЛАКИНЪ.

Да, легче отъ татаръ, за то тяжелѣ
Всѣмъ стало отъ другаго лиха намъ.
Свои у насъ татары завелись,
Народъ дерутъ не хуже сыроядцевъ:
Намѣстники, провётчики, тіуны,
Таможенники... всѣхъ не перечтешь!

КЛЮЧАРЕВЪ.

Ужь со сто лѣтъ прошло, какъ сынъ Донскаго,
Василій Дмитревичъ Московскій князь,
Ярлыкъ на наше княжество купилъ
Въ ордѣ и князя нашего Бориса
Изъ отчины и дѣдины прогналъ.
И съ той поры намѣстникамъ въ кормленье
Попали мы .. Волковъ голодныхъ шлетъ
Москва. Намѣстникъ Красный былъ, Лихо̀рь,
А тамъ литовскій выходецъ Драница...
И много ихъ, да добрыхъ не бывало.

БАЛАКИНЪ.

А всѣхъ лютѣй теперешній намѣстникъ,
Никита князь.

КЛЮЧАРЕВЪ.

Пожалуй что и такъ.

БАЛАКИНЪ.

Кормы беретъ такіе—плакать въ пору.
Разоръ людямъ торговымъ. По алтыну
Тамгѝ съ рубля платить бы—платимъ втрое.

ДЯТЛОВЪ.

Поборы съ рыбаковъ-отъ каковы!

ВОРКОВЪ.

Спроси, съ монастырей-то что дерутъ,
Съ ихъ селъ и волостей. Да въ судъ еще
Къ себѣ людей таскаютъ монастырскихъ;
А вѣдать ихъ игумену, не князю. [Продолжаютъ разговоръ тихо].

ФОКА. Такъ вотъ какое видѣніе было тебѣ! И свѣтъ самосіянный и ликованія гласы... Складно врешь!

ПАИСІЙ. Кто грубъ есть умомъ, въ душу того не внидетъ премудрость.

ФОКА. „Грубъ умомъ"!.. Пей лучше, премудрый! Нечего носомъ крутить, пей!

ПАИСІЙ. Охъ-охъ! Сѣтьми грѣховъ своихъ кійждо заплетается. [Пьетъ].

ФОКА. Плоть блазнитъ, дѣло такое. [Пьетъ].

ПАИСІЙ. А тебѣ вѣдомо: горе напояющему подруга своего развращеніемъ мутнымъ?

ФОКА. Тебя развратить? Хе, хе, хе! Пей, милый человѣкъ, полно! Вино—нигдѣ такого не сыскать, вотъ какое вино. [Выпилъ и крякнулъ].

ПАИСІЙ [пьетъ]. Охъ-охъ! Плачу суетнаго житія своего и грѣховъ своихъ, окаянный! Въ рай пресвѣтлый порываемся, а въ преисподнюю угождаемъ. [Пьетъ]. Вотъ пьемъ мы съ тобою, друже, а не памятуемъ сказаннаго: братіе, трезвы будьте, ибо супостатъ вашъ діаволъ ищетъ пьяныхъ, да пожретъ.

ФОКА. Ну, нами подавится. [Пьетъ. Паисій укоризненно покачалъ головою и продолжаетъ съ Фокою разговоръ тихо].

КЛЮЧАРЕВЪ.

Да, дѣтки, тяжки стали времена!
Ни правды нѣтъ, ни праваго суда
И крестъ святой цѣлуютъ на неправду;

И ябеда межь насъ и татьба встали
И всяческая мерзость. Жизнь ворамъ,
Въ лѣсахъ бродяги, что ни день—разбой,
Насильство въ волостяхъ, и плачъ и вой.

Справа, вдали, хоръ женскихъ голосовъ. Все слышнѣе и слышнѣе ихъ пѣсня:]

„Пойду-ль, выйду-ль я!
„Пойду-ль, выйду-ль я,
„Выйду на долинушку,
„Выйду на зеленую!“

„Сорву-ль, вырву-ль я!
„Сорву-ль, вырву-ль я,
„Вырву я калинушку.
„Вырву я зеленую!“

ДЯТЛОВЪ [прислушиваясь].

Экъ ихъ распѣлись! Знать кума идетъ,
Настасья.

БОРКОВЪ [глядя вправо].

Да, она!

БАЛАКИНЪ.

Ужь безъ кумы

Какое же веселье заведется!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же. Справа входятъ **Кума, Поля и нѣсколько дѣвушекъ.** Кума впереди, прихлопываетъ въ ладоши и поетъ съ хоромъ:

„Кинуся, брошуся,
„Кинуся, брошуся
„Къ батюшкѣ на руки,
„Къ батюшкѣ на ручки.“

„Тутъ-то мнѣ не спится
„Тутъ-то не лежится.
„Пойду-ль, выйду-ль я,
„Выйду-ль на долинушку...“

[Дѣвушки, смѣясь и разговаривая, проходятъ къ дому, Кума подходитъ къ сидящимъ справа. Всѣ они весело привѣтствуютъ ее].

БАЛАКИНЪ. Есть-ли пѣвунья у насъ супротивъ кумы Настасьи?!

БОРКОВЪ. Знамо—нѣтъ. Какъ ни ступитъ, что ни скажетъ—все ей пристало. Гдѣ была гуляла?

КУМА. Я-то гдѣ? Въ лугу зеленомъ. Ягодъ съ дѣвками искала, пѣсни пѣла на раздольѣ, да гулять къ себѣ скликала добрыхъ молодцевъ. А вы съ чего не веселы сидите?

ДЯТЛОВЪ. Про старые вѣка растолковались, да нынѣшнее время, про то, какъ жить намъ стало.

КУМА. И стали тужить! Эхъ, гости, мужички почестные, про нашъ вы обыкъ позабыли. Ну кто къ Кумѣ съ заботою приходитъ? Не горбъ она. У насъ заботу съ плечь долой, у насъ пируй, гуляй, да пой!

[Дѣвки, окружившія Паисія, дружно захохотали].

ПАИСІЙ. Кши! Отцѣпитесь, сороки окаянныя! И поганство же здѣсь, погляжу я! Вмѣсто воздержанія-пьянство губительное, вмѣсто цѣломудреннаго житія—нечистоты...

КУМА. Этотъ объявился откуда?

ПАИСІЙ [подступая къ ней]. А ты, заблудшая жена, како жительствуешь? Женщинѣ подобаетъ жить, яко пустынницѣ, въ молитвѣ и постѣ пребывать и лице свое умывать слезами покаянія...

КУМА. Не въ ту дудку задудилъ, блаженъ мужъ. Ступай-ка, проспись, а то подъ тобою земля расшаталась.

ФОКА [Паисію]. Не ретись, полно! Пойдемъ, въ холодокъ сведу.

ПАИСІЙ [упираясь, на дѣвушекъ, которыя опять обступили его]. Кши!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА. Веди его, веди!

ПОЛЯ. Мужъ блаженный, лыкомъ шитый!

КУМА. Придорожный воръ-шатунъ!

ФОКА. Пойдемъ, пойдемъ!

ПАИСІЙ [отбивается]. Пусти!.. Я вотъ куда... я въ Печерскую обитель вашу стопы направляю.

КЛЮЧАРОВЪ [подходя]. Напрасно. У насъ отецъ архимандритъ куда крутъ до вашего брата!

ПАИСІЙ. Наслышанъ бо я—Господь благодать на него пролилъ... и слово его солью божественной растворено...

ФОКА. Попадешься къ нему, такъ-то просолитъ, что виннаго духа въ тебѣ ай-ни-ни не останется. Насидишься въ подвалѣ на цѣпи, пока крысы не сгложутъ. [Повелъ его въ дому].

ПАИСІЙ. Крысы?!

ФОКА. Тамъ вотъ какія, братъ,—съ кошку [Уходятъ. Дѣвушки мало по малу расходятся, которыя въ избу, которыя влѣво за дворъ].

КЛЮЧАРЕВЪ. Много ихъ, такихъ-то бродягъ стало, какъ блаженный Ѳеодосій митрополитъ строгую жизнь въ монастыряхъ учинилъ. Много и чернецовъ, и поповъ выгнанныхъ шляется, кои не Богу служить, а тѣло свое льготить шли.

БОРКОВЪ. За то и не возлюбили святителя, что строгъ до поповъ былъ.

КЛЮЧАРЕВЪ. Строгъ! То одно взять, кто какъ не они жидовской ереси начало положили? Чрезъ кого въ Новѣградѣ Схарій жидъ ересь поганую укрѣпилъ? Строгъ!.. [Уходитъ влѣво, продолжая разговоръ тихо].

ЯВЛЕНІЕ III.

Балакинъ, Дятловъ и Кума.

БАЛАКИНЪ [на берегу].

Гляди, Кума, изъ города къ тебѣ
Народу сколько! Полныхъ двѣ лодьи.
Гребутъ-спѣшатъ, ажъ веслами сверкаютъ.

КУМА.

Спѣшите. Рада, гости дорогіе.
Вались къ Кумѣ потѣшиться на волѣ,
Въ веселіи пожить, да погулять!

ДЯТЛОВЪ.

Погуляно здѣсь, попито не мало.
Не мало тоже въ городѣ у насъ

Бородъ, да косъ повыдрано за это.
И жалоба великая идетъ
По Нижнему на кумушку Настастью.
И, слышно, до намѣстника дошла.
И клялся дьякъ Мамыровъ за Оку
Нагрянуть съ княземъ, съ корня сбить тебя.

БАЛАКИНЪ.

Знать, отъ тебя дьяку прибытка мало.

ДЯТЛОВЪ.

Въ его карманъ, братъ, ухнешь съ головой.
И зелье-жь старый дьякъ!

КУМА [задумчиво].

Грозитъ Мамыровъ...
Намѣстника поклялся навести...
[Къ берегу слѣва причаливаютъ двѣ лодки].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же. Лукашъ, Кичига и еще двое въ первой лодкѣ; **Потапъ, Дема** и съ нимъ трое во второй лодкѣ. Въ концѣ **Мосей** и **дѣвушки**.

ПОТАПЪ [съ лодки]. Здравствуй, Кума!

ДЁМА [съ лодки]. На разгуляньице къ тебѣ!

ЛУКАШЪ [выскакивая на берегъ, съ узелкомъ въ рукѣ]. Сажай за столы, снаряжай пиръ, подавай питья пьяныя! [Всѣ вышли на берегъ].

КУМА. Милости просимъ. Рада чествовать гостей дорогихъ. Меду, вина, пива, браги—всего подадутъ. [Уходитъ распорядиться].

БАЛАКИНЪ. Эхъ вы, вольница!

ДЯТЛОВЪ. Видно, грузно вамъ отъ силушки по домамъ

сидѣть? [Пріѣхавшіе разсаживаются за столы. Вскорѣ Мосей приноситъ и разливаетъ питья].

лукашъ. Задохнешься отъ скуки въ городѣ-то. Молодицы по свѣтлицамъ, дѣвки по теремамъ сидятъ, а старухи шнырятъ-глазѣютъ, проклятыя, нѣтъ ли соблазна какого, не притаился ли гдѣ парень за тыномъ, не перемигивается ли съ красоткою. Вотъ тутъ и живи!

дема. Чего отъ скуки не сдѣлаешь!

лукашъ. Вонъ Потапъ у Мамырова ворота изъ пяты вышибъ!

кичига [басомъ]. Важно! [Стукнувъ дубинкою и оперся на нее].

потапъ [угрюмо]. Онъ не лайся. Не такъ проучу.

балакинъ. Да, Потапа ежели что—обходи дальше, корчагою согнетъ, а то и за ножъ... Буйная ты голова, Потапушка!

лукашъ. Какъ бы ему не сложить голову-то на липовой плахѣ!

потапъ [гнѣвно]. Гляди—твоя крѣпка-ль на плечахъ.

дема [Лукашу, тихо]. Не трожь брата, не трожь!

потапъ. Зубоскалъ!

[Кума, выйдя изъ дому, приказываетъ что-то Мосею, который уходитъ].

лукашъ (подскакиваетъ къ ней и обнимаетъ]. Ягодка ты моя, утица сѣрая!

кума [отстраняется]. Полно тебѣ дуровать! [Подходитъ къ сидящимъ]. Потчуйтесь, гости, кушайте!

дема [Кумѣ]. Лукашъ-то около тебя вьюномъ вьется!

лукашъ. Супротивъ кумы не сыскать красавицы во всемъ Нижнемъ. Цвѣтетъ словно маковъ цвѣтъ.

кичига [глупо ухмыляясь]. Въ самомъ прыску. [Смѣхъ].

балакинъ. Кичига слово скажетъ—рублемъ подаритъ.

[Слѣва входятъ дѣвушки].

лукашъ [подлетаетъ къ нимъ]. Эхъ вы дѣвки мои, веселянки мои! Ну-те пряничковъ, орѣшковъ, лебедушки бѣлыя. Одѣляетъ ихъ лакомствомъ].

ДЕМА [осушивъ кружку]. Гдѣ пьется, тамъ и поется. Давай, братцы, пѣсню играть!

КИЧИГА. На кулачки бы!..

БАЛАКИНЪ. Мало отъ тебя стало увѣчныхъ! Пожди, сутяжники на поле въ бойцы позовутъ, тамъ и разминай плечи...

КУМА. Пѣсню, такъ пѣсню!

ДЯТЛОВЪ. Скоро къ вечернѣ ударятъ. Люди молиться, а мы—пѣсни!

ПОТАПЪ. Намолились. Будетъ.

ДЕМА. Ужь это ежели молодому въ благочестіи, да смиренствѣ жить—нѣтъ того хуже.

ЛУКАШЪ [заигрывая съ дѣвушками]. Вѣрно!

ДЕМА. Старики лаются-лаются!.. Одолѣли!..

КУМА. Старики! Васъ они подъ кулакомъ, да подъ плетью держатъ, въ уставахъ, да въ правилахъ; ни попѣть, ни погулять, ни силу показать молодецкую; мірскими утѣхами да игрищами бѣсовскими это у нихъ называется. А сами, старики ваши, запершись накрѣпко, чинятъ пьянство великое, и сквернословятъ и ужь такія-то безстыдства творятъ!.. Это какъ —ничего?

ПОТАПЪ. Правда, кума.

ДЕМА. Знаемы намъ забавы-то ихнія!

КУМА [воодушевляясь]. И какъ нашимъ молодцамъ не знать удали!

ПОТАПЪ. На тебя взглянуть — въ комъ она не взыграетъ!

КУМА.

Глянуть съ Нижняго, со крутой горы
На кормилицу Волгу-матушку,
Гдѣ въ желтыхъ пескахъ, въ зеленыхъ лугахъ
Обнялась она со Окой сестрой,
Стариковъ, поповъ—позабудешь все!
Что за ширь кругомъ!.. конца-краю нѣтъ!..

И засмотришься, залюбуешься,
И въ самой тебѣ таже ширь-просторъ,
Вольной птицею полетѣть туда,
Во раздолье то, душа просится!
Пѣсню!.. [Запѣваетъ. Всѣ подхватываютъ за нею хоромъ].

„Внизъ по Волгѣ-рѣкѣ, съ Нижня города
„Снаряженъ стружекъ, какъ стрѣла, летитъ.
„Какъ на томъ стружкѣ на снаряженномъ
„Удалыхъ гребцовъ сорокъ два сидитъ"...

[Во время пѣнія Лукашъ приплясываетъ, кружитъ то одну, то другую дѣвушку, которыя со смѣхомъ отъ него отбиваются].

ДЯТЛОВЪ [на берегу, глядя вправо]. Эй, слушь-ка! Никакъ, братцы, княжичъ! [Пѣсня смолкла. Общее движеніе на берегу].

КУМА [присматриваясь]. Онъ... и ловчій съ нимъ, Журанъ. [Въ волненіи отходитъ въ сторону].

ПОТАПЪ. Съ охоты.

БАЛАКИНЪ. Псари, я давешь видѣлъ, большущаго медвѣдя провезли.

ПОЛЯ [Кумѣ]. Мнѣ видѣть княжича не доводилось. Пригожъ, я слышала?

КУМА (съ увлеченіемъ). Какъ божій день! Высокъ и статенъ и могучъ. Отвагой взоръ горитъ подъ бровью соболиной. Надъ алыми и гордыми устами пушится чорный усъ. Красавецъ, Поля!

ДЯТЛОВЪ [на берегу, къ толпѣ]. Да, не въ отца нашъ княжичъ уродился!

ДЕМА. Слезу утретъ въ бѣдѣ, въ нуждѣ поможетъ.

ПОТАПЪ. Опричь него, въ обидахъ и насильствахъ, другой намъ нѣту обороны. Вотъ онъ!

[Всѣ снимаютъ шапки. Справа, въ лодкѣ съ двумя гребцами въѣзжаютъ Юрій и ловчій Журанъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, Юрій и Журанъ.

потанъ. Здравствуй, батюшка-княжичъ!

балакинъ. Здравствуй, государь, свѣтлое солнышко!

лукашъ. Пожалуй насъ своей милостью, сойди медку выпить съ нами!

дятловъ. Сойди, пожалуй, дай поглядѣть на себя, сокола яснаго!

юрій. Спасибо на добромъ словѣ. Не время мнѣ. Тороплюсь домой. Вотъ Журана ссажу. Онъ у меня охочъ погулять. [Журанъ спрыгнулъ на берегъ]. Прощайте! [Его провожаютъ поклонами. Лодка быстро удаляется влѣво].

лукашъ. Дѣвки-лебедки, а мы на лугъ! Ребята, кто съ нами? Мы пойдемъ во лужокъ, заведемъ-ка кружокъ, съ пѣснями, съ играми. Живо! [Дѣвушки, исключая Поли, и Дема съ нѣкоторыми товарищами уходятъ за Лукашемъ влѣво].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Балакинъ, Дятловъ, Кума, Поля, Потапъ, Кичига, Журанъ и кое-кто изъ парней.

ЖУРАНЪ.

А ты чего жь, хозяюшка, примолкла
И княжича къ себѣ не позвала!
Быть можетъ: *заглядѣлась*?—Есть на что.
Словцемъ задѣть, иль шуткою веселой
Ужъ ты—ли ни шустра!

КУМА.

Боюсь обмолвки....
Хоть ласковъ онъ, а шутка съ устъ нейдетъ.

ЖУРАНЪ.

Ну подлинно нашъ Юрій-князь орелъ,
Коли „кума": и та его робѣетъ.

[Отходитъ къ остальнымъ, которые размѣстились за столами].

ПОЛЯ [Кумѣ].

Какъ онъ пригожъ! Я краше не видала.

КУМА [обнялась съ нею].

При немъ съ чего-то вся стихаешь, Поля...
И сердце замираетъ и смутишься...

[Тихо разговаривая, отходятъ къ дому].

ДЯТЛОВЪ.

Охотились вы гдѣ же?

ЖУРАНЪ [осушивъ кружку].

За Окой.
Въ бору сосновомъ подняли медвѣдя
Съ копну сѣнную. Лѣсомъ на проломъ
Идетъ-реветъ на княжича какъ разъ.
Мигнуть мы не успѣли, а косматый
У ногъ его ужъ грохнулся въ крови.

ПОТАПЪ.

Отважный онъ охотникъ!

БАЛАКИНЪ.

Воинъ славный!

ЖУРАНЪ.

Когда судо́вой ратью въ третьемъ годѣ
Ходили на Казань, досталъ себѣ
Великой славы княжичъ. Вотъ подплыли;
Орломъ безъ сходней на берегъ крутой

Взлетѣлъ онъ первый. Къ бою позади
Полки покамѣсть наши уряжали,
Какъ вихорь, княжичъ, съ горстью удальцевъ,
Понесся на врага. Врубился, сшиблись
И въ разлетъ башки, какъ чурки, полетѣли
Съ татаръ поганыхъ.

ПОТАПЪ.

Всѣмъ за диво было.

КИЧИГА.

Гораздъ лущить поганыхъ. Богатырь!

ДЯТЛОВЪ.

Въ могучествѣ да дастъ ему Господь
Въ богачествѣ и славѣ свѣковать!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже. Слѣва въ смятеніи вбѣгаютъ **дѣвушки, Лукашъ, Дема** и прочіе. Потомъ **Фока** и **Мосей**.

ЛУКАШЪ [машетъ руками].

Намѣстникъ!!. [Всѣ повставали. Суета].

ОДНА ИЗЪ ДѢВУШЕКЪ.

Вотъ бѣда! Бѣжимъ скорѣе!

ДРУГАЯ ДѢВУШКА.

Схоронимся въ кусты!

ТРЕТЬЯ.

Въ кусты проворнѣй! [Разбѣгаются].

ДЕМА.

Мамыровъ съ нимъ, два пристава, холопи!..

ЖУРАНЪ.

Въ расплохъ накрыть задумалъ.

БАЛАКИНЪ.

Ну, кума,
Пришла твоя бѣда!

ПОТАПЪ.

И все Мамыровъ!

ЖУРАНЪ.

Онъ правая намѣстника рука
И дьякъ и дворскій.

ПОТАПЪ.

Песъ смердящій онъ!

БАЛАКИНЪ.

Пойдемте, братцы. Долголь до бѣды! [Уходитъ съ нѣкоторыми вправо. Оставшіеся въ волненіи группируются около Потапа. Мосей и Фока, выскочившіе при общемъ смятеніи, торопливо убираютъ со столовъ посуду и питья].

ЖУРАНЪ.

Кума, не оплошай! [Уходятъ влѣво].

КУМА [Фокѣ съ Мосеемъ].

Оставь, какъ было!
Не трожь! Пошли! [Къ остальнымъ].
А вы оторопѣли?
Вѣдь не на васъ гроза. Велитъ намѣстникъ

Мой дворъ, избу разметывать—вамъ дѣло.
А за работу вамъ добромъ моимъ
Пожалованье будетъ.

ПОТАПЪ [выступаетъ].

Что ты молвишь!

ДЕМА.

Избыть бѣду—о томъ мы толковали.

ЛУКАШЪ.

Въ обиду не давать.

ДЕМА.

Коль кликнуть кличъ,
Что туча за тебя народъ сберется.

ПОТАПЪ.

Мамырову-дьяку не сдобровать!
Хребетъ переломлю!

КИЧИГА [взваливъ на плечо дубину].

Сшибу, какъ чурку!

[Ушедшіе было за Балакинымъ теперь возвращаются. Въ толпѣ ихъ возгласы: „Попробуй тронуть!..“ „Разнесемъ!..“ „Холопей въ дрызгъ намѣстничьихъ!“].

КУМА [къ этой толпѣ].

Ну, не кричать! То порснули, какъ зайцы,
То лѣзутъ на задоръ. [Къ группѣ около Потапа].
И вы уймитесь!
Увидитъ князь, что вы разсвирѣпѣли,
Да сжали кулаки—ну и бѣда,
Пришла моя погибель. Мнѣ заступки
Не надобно ничьей. Сама отвѣчу,
Сама сказать, что слѣдуетъ, съумѣю.

А кто не хочетъ слуша ть—уходи!

[Потапъ посмирнѣлъ, Кичига опустилъ дубину, обѣ группы раздѣлились, располагаясь иначе. Къ Фокѣ и Мосею].

Вы рты чего разинули? Скорѣй
На столъ стелите скатерть дорогую,
Полавочникъ червчатаго сукна
Послать сюда. [Указываетъ на скамью подъ деревомъ].
Достать изъ рундука
Большую, ту что съ турьей головой,
Серебряную чару, да вина! [Фока и Мосей уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же. Слѣва входитъ **князь Никита Данилычъ**, въ сопровожденіи **Мамырова**, приставовъ и холопій. Изъ избы выглядываетъ **Паисій**. Потомъ **Фока**, **Поля** и дѣвушки.

КНЯЗЬ.

Такъ вотъ гдѣ гульбищъ скверное гнѣздо!

МАМЫРОВЪ.

Здѣсь срамословье, государь, и плясъ,
И игрища позорныя въ обычай;
Гудутъ сопѣлы, струны, жены плещутъ
И пѣсни скверныя поютъ безстыдно,
Въ прельщеніе мужамъ и въ оскверненье...

ПАИСІЙ [прерываетъ, протискиваясь къ князю]

Очесъ тутъ развращенье, государь!
Тѣлесъ растлѣнье, душъ погибель, княже!

[Въ толпѣ ропотъ. Паисія затираютъ съ угрожающими жестами. Изъ водоворота толпы онъ выскакиваетъ помятый и растрепанный за сцену].

КНЯЗЬ [грозно].

Молчать!! Иль у меня подъ ботогами

Другой пойдетъ гомо̂нъ! [Стихло].
Хозяйка гдѣ?

[Выходитъ Кума и почтительно, но съ достоинствомъ кланяется князю].

Такъ ты лукавствомъ, прелестью сильна?

КУМА.

Для свѣтлыхъ, государь, твоихъ очей
Чернавка я.

КНЯЗЬ [въ сторону].

Красива!.. [къ ней]. Будешь кто ты?

КУМА.

Бездѣтная Настасья сирота.
Живу я здѣсь, по милости твоей,
Заѣзжихъ въ дворъ людей къ себѣ пускаю.

[Фока и Поля накрываютъ столъ скатертью, а скамью червчатымъ полавочникомъ].

МАМЫРОВЪ [накидывается].

Вдова, а для соблазна разрядилась,
Бѣсовская ты купница, пестро!

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Онъ лается!

ДРУГІЕ.

О, зелье дьякъ!

ТРЕЬЬИ.

Постой-же!

[Волненіе. Мамырова обступаютъ съ недобрыми лицами].

КУМА [къ толпѣ].

Молчите вы! Ужѣли государь
По правдѣ разсудить безъ васъ не сможетъ?

КНЯЗЬ [про себя].

Красива, да!.. и даже величава... [Къ ней].
Чай слышала, Мамыровъ что сказалъ?
Ты бражничать людишекъ залучаешь,
Поганства, драки, хульныя потѣхи
И всякія безстыдства у тебя!

КУМА.

Кто, зло замысливъ, ябеднымъ навѣтомъ
Задумалъ погубить, тотъ страха ради,
Чтобъ ты орлинымъ окомъ не прозрѣлъ
Неправды черной, и не то наскажетъ.
Вѣдь страхъ великъ, коль гнѣвомъ опалишься
Ты, государь, что смѣлъ холопъ тебя
На кривдѣ провести, корысти ради.
Ему страшиться гнѣва твоего;
А тѣмъ, въ тебѣ кто правду знаетъ-мнѣ
Въ твоей защитѣ крѣпко, государь.

МАМЫРОВЪ.

Дозволь мнѣ молвить, княже!..

КНЯЗЬ [прерываетъ].

Погоди! (Кумѣ).
Но жалобниковъ много на тебя.
Творишь ты лихо волшбой, чародѣйствомъ.

КУМА.

Волшба, лихо!.. Господи-Владыко,
Чего не наплетутъ! А волшба въ томъ,

Что ласкою гостей я привѣчаю,
Да нѣту здѣсь докуки никакой,
Ни женъ ревнивыхъ, ни заботъ. Привольно
Неволей кто наскучилъ отдохнуть.
Кручину здѣсь веселой пѣснью свѣетъ,
Заботу сниметъ, какъ рукой. Старикъ,
И тотъ, что ясный вечеръ, веселѣетъ,
Смѣясь на молодыхъ, на ихъ забаву.
И ты смѣни на милость, государь,
Свой гнѣвъ! Не осуди на простотѣ,
Прости меня на глупости. Дозволь
Къ столу подъ бѣлы рученьки подвесть
И, въ милость мнѣ великую и въ честь,
Изволь вина пригубить! [Взяла его подъ локоть].

КНЯЗЬ.

Ты шустра!

МАМЫРОВЪ [въ сторону].

Проклятая, и этого призаритъ!

КУМА.

Дозволь же! Смилосердись!

КНЯЗЬ [послѣ легкаго колебанія].

Такъ и быть!

[Пошелъ, почтительно поддерживаемый Кумою подъ руку, и садится за столъ, подъ деревомъ. Кума побѣжала за виномъ].

ПОТАПЪ [къ толпѣ, тихо].

Гляди, дьяка то, братцы, такъ и крючитъ!

(Въ толпѣ смѣшки и тихіе переговоры).

КНЯЗЬ [проводивъ Куму взглядомъ, про себя].

Пригожа, да!.. Наслышанъ, но не чаялъ
Красавицу такую я увидѣть.

Боярынямъ дебелымъ далеко
До бабы этой, статной, горделивой
И съ чуднымъ взоромъ ласковыхъ очей.
Она—что на лугу, подъ вѣтромъ вольнымъ,
На солнышкѣ алѣющій цвѣтокъ. [Задумался].

МАМЫРОВЪ [мрачно и укоризненно].

Дозволь мнѣ, князь...

КНЯЗЬ [прерываетъ].

Никакъ я сѣлъ, Мамыровъ?!

МАМЫРОВЪ.

Коль нынѣ не порушишь ты гнѣзда
Потѣхъ поганскихъ, новый здѣсь Содомъ
Въ соблазнъ великій станетъ. Издавна
Не малая торговля въ Нижнемъ. Къ намъ
Со всей Руси гостей бываетъ много;
А деньги гдѣ—грѣховныя тамъ бѣсъ
Внушаетъ, на погибель, вожделѣнья.
И еллинствомъ бѣсовскимъ у Кумы
Губить здѣсь станетъ всѣхъ Содомъ рекомый.
И ляжетъ на тебя тотъ, княже, грѣхъ,
Что ты начало хульныхъ сихъ утѣхъ
Грозой своею властно не разрушилъ.

КНЯЗЬ [вспыльчиво].

Коль сѣлъ я!.. Что ты: попъ? грѣхами-то
Стращать меня задумалъ!..

МАМЫРОВЪ.

Не гнѣвись...

КНЯЗЬ [прерываетъ].

На разумѣ чужомъ я не бывалъ.
Ты кто передо мной?

МАМЫРОВЪ.

Душей о пользѣ
Правленія радѣя твоего,
Отъ скуднаго тебѣ я разумѣнья
Говаривалъ всегда. И ты доселѣ
Милостиво ухо преклонять
Къ словамъ моимъ изволилъ, государь...

КНЯЗЬ.

Не много-ль прыти?!

КУМА [про себя, подходя съ подносомъ, на которомъ вино и чарѣ].

Маху далъ Мамыровъ!

КНЯЗЬ [Кумѣ, строго].

Что это?

КУМА.

Яснымъ солнцемъ засіяла
Мнѣ милость, государь, твоя. Ты могъ
Единымъ словомъ дворъ мой расшибить
И прахомъ-бы пошло мое добро, [взглянувъ на Мамырова].
Навѣтчикамъ корыстнымъ на поживу.
Но не твои имъ очи затуманить
И ябедой твой разумъ не смутить.
Яви-жъ еще мнѣ милость, государь,
Изволь вина откушать, не побрезгуй! [Низко кланяется].

КНЯЗЬ.

Инъ выпить?.. [Пьетъ].
Ну, вино твое не даромъ
Прославили гуляки. Хорошо!
И вотъ мое спасибо.

[Снялъ съ руки перстень и бросаетъ его въ осушенную чару].

ЛУКАШЪ [сдержанно, къ толпѣ]

Перстень далъ!

[Въ толпѣ движеніе].

КУМА.

Съ твоей руки мнѣ перстень драгоцѣнный!..
Такой подарокъ!.. съ княжеской руки!..

КНЯЗЬ [любуясь ею, про себя].

Зардѣлась, рада... грудь затрепетала...
Теперь и вовсе глазъ не отведешь! [Всталъ. Громко].
А вотъ еще подарокъ. [Поцѣловалъ ее].

КУМА.

Ахъ! [Стыдливо закрылась].

КНЯЗЬ.

Чего ты?

КУМА.

Да стыдно...

МАМЫРОВЪ [въ сторону, отходя].

Ажь стошнило!

КНЯЗЬ [садясь].

Ха-ха-ха!

У васъ вѣдь, бабъ, обычай не дѣвичій...

КУМА.

Смутилъ меня ты... Мыслей не собрать...

[Какъ бы невольно опускается на скамью возлѣ него].

КНЯЗЬ.

Что пташки, разлетѣлись? Ха-ха-ха!

КУМА [лукаво].

А ты, Мамыровъ, хошь винца пригубить?

[Въ толпѣ сдержанный смѣхъ].

МАМЫРОВЪ [про себя, отходя еще дальше].

Развѣдаюсь съ тобою, погоди!

[Князь, попивая вино, продолжаетъ съ Кумою веселый разговоръ тихо. Съ разныхъ сторонъ собираются разбѣжавшіяся дѣвушки].

ФОКА. Выпей, Мамыровъ, не умрешь. А умрешь—не страшно, потому подъячаго на томъ свѣтѣ прямо въ дьяволы. [Окружающіе засмѣялись].

ЛУКАШЪ. Мамыровъ, а сколько у кумы достатку-то, а! Опричь казны, коробьи съ соболями, съ куницами, чего-чего нѣтъ! У кого завидки на чужіе пожитки, вотъ бы поживиться тому!

ФОКА. Это точно, богатство у насъ съ Настасьей большое: двѣ кошки дойныхъ, два ворона гончихъ, да пустошь поверхъ лѣсу и воды есть. А сходитъ съ имѣнія того намъ прибытку: сорокъ собачьихъ хвостовъ, да двадцать кадушекъ соленыхъ лягушекъ. [Окружающіе засмѣялись опять].

КНЯЗЬ. Ну, и хмѣльно же вино твое, кума!

КУМА [вставая, съ живостью]. А дозволь, государь потѣшить тебя. Скоморохи у меня пристали. Дозволь кликнуть.

КНЯЗЬ. Мамыровъ, хочешь поглядѣть скомороховъ?

МАМЫРОВЪ. Отчего-жь, государь? Скоморохи люди вѣжливые, взглянутъ—улыбнутся, отвернутся—разсмѣхнутся. И обжоры они, и распропоицы, и пройдохи и воры. Самое имъ подходящее мѣсто у честнóй Кумы приставать.

КУМА [тихо князю]. Вотъ-бы кому поплясать съ скоморохами! Да ослушается, не станетъ.

КНЯЗЬ. Меня-то ослушается?! Зови!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же. По знаку **Кумы**, съ гикомъ, свистомъ, кто кубаремъ, кто колесомъ, выскакиваютъ **скоморохи**. Одинъ изъ нихъ въ шутовскомъ боярскомъ костюмѣ изъ вращенины и сермяги, въ высокой берестовой шапкѣ; другой изображаетъ козу въ синемъ сарафанѣ, съ колокольчиками; нѣкоторые съ волынками, гудками, жилейками и бубнами *).

скоморохъ [одѣтый бояриномъ]. Эй, вы гости богатые, бояре тароватые! Ставьте меды сладкіе, брагу пьяную! отворяйте ворота вальящаты **), принимайте гостей голыихъ, босыихъ, оборванныхъ, голь кабацкую, чернь мужицкую, неумытую!

кума. Ну, веселые молодцы, потѣшьте князя-намѣстника!

скоморохъ. Катай, ребята!

[Скоморохи завертѣлись, закружились подъ свою музыку. Коза стучитъ въ ложки и пляшетъ въ присядку. Кума, указывая на Мамырова, что-то шепчетъ на ухо князю].

князь. Дьякъ, пляши!

мамыровъ. Мнѣ, государь?!.. въ бѣсовскомъ скаканіи!!

князь [даетъ знакъ скоморохамъ остановиться. Смолкли]. Пляши!

мамыровъ. Помилуй, государь!.. Попа далъ Богъ, а скомороха чортъ... Къ тому, кто сопѣлы и гудѣніе слушаетъ и скаканію предается, бѣсы приступятъ...

князь [гнѣвно]. Коль я велю!

кума. Кто-жь посмѣетъ ослушаться!

князь [кричитъ, топнувъ ногою]. Пляши, холопъ!!

[По знаку Кумы, скоморохи заиграли и завертѣлись опять. Мужской и женскій хоры присутствующихъ вторятъ имъ плясовою. Мамыровъ, блѣдный, черезъ силу переминается съ ноги на ногу. Фока подхватываетъ его и кружитъ съ хохотомъ].

ЗАНАВѢСЪ.

---

*) Бубенъ того времени состоялъ изъ мѣднаго пустаго полушара съ натянутою на немъ кожей, по которой ударяли „вощагою“, т.-е. ременнымъ жгутомъ съ головкой.

**) Рѣзныe.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Княжескій покой. Двери въ задней стѣнѣ и налѣво. Направо два окна изъ слюды. Средину рамъ занимаетъ кругъ, а около расположены угольники разной формы. Стѣны и потолокъ обшиты тесомъ, выстроганнымъ въ лазъ. Стѣны «наряжены» сукномъ въ гладь полотнищами изъ багреца и зеленаго кармазина. Полъ вымощенъ дубовымъ кирпичемъ—шашками (квадраты въ 8 вершковъ), расписанными зеленою и бѣлою красками въ шахматъ. Въ лѣвомъ углу четырехъ-угольная печь изъ муравленыхъ зеленыхъ изразцовъ, швы между которыми прописаны сурикомъ. По стѣнамъ лавки, съ тесовою опушкою по краю. На лавкахъ постланы суконные полавочники, красные, съ зеленою каймою, въ которую вшиты узоры, изображающіе «репьи» разныхъ цвѣтовъ, львовъ и птицъ. Справа большой дубовый столъ на точеныхъ ногахъ, покрытый алымъ сукномъ. У стола скамья на соединенныхъ проножками четырехъ ногахъ, съ рѣшетчатою спинкою. Скамья обита краснымъ сукномъ по хлопчатой бумагѣ, съ шелковою бахрамою и галуномъ. У стола-же круглый табуретъ (столецъ). Полъ около стола устланъ по сермяжному сукну багрецомъ. Надъ окнами тафтяныя завѣсы на колвцахъ, надѣтыхъ на проволоку. Завѣсы обшиты каймою изъ шелковаго галуна съ золотомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

КНЯГИНЯ [сидитъ у стола].

Бѣжитъ, бѣжитъ мой сонъ отъ думъ тревожныхъ,
Всю ночь до утра глазъ я не сомкну...
Въ саду, почуявъ солнечный восходъ,
Ужь пташки—слышу—радостно щебечутъ,
И быстро рѣютъ въ утренней прохладѣ
Съ веселымъ крикомъ ласточки, и звонъ
Надъ мирною землею благовѣстный
Въ сіяньѣ утра плавно разлился;
Во мнѣ же нѣтъ ни свѣта, ни покоя...

Съ постели вставъ, предъ ликами святыми
За правиломъ начнешь читать молитвы,
А мысли о другомъ и мракъ на сердцѣ... [Задумывается].

ЯВЛЕНІЕ II.

Княгиня, Ненила и Мамыровъ [входятъ изъ средней двери].

НЕНИЛА [указывая на княгиню, тихо].

Шепнула ей. Позвать тебя велѣла.

МАМЫРОВЪ.

А ты, сестра, не выболтай, смотри,
Что стану сказывать!

НЕНИЛА.

Господь съ тобою!

[Княгиня обернулась на нихъ. Мамыровъ низко кланяется].

КНЯГИНЯ.

Звала узнать... Всю правду мнѣ скажи,
Мамыровъ!..

МАМЫРОВЪ.

Божьей милости не будетъ
Пускай на мнѣ, коль правду отъ тебя
Святую утаить дерзну, княгиня!

КНЯГИНЯ [про себя, съ горькой усмѣшкой].

Вывѣдывать про мужа у холопей!..
Не чаяла до этого дожить!..
Скажи, Мамыровъ, былъ ли съ княземъ ты
У бабы той... „Кумою" прозываютъ?

МАМЫРОВЪ.

По жалобамъ на эту лиходѣйку
Отъ женъ и матерей, я князя самъ
Навелъ ея гнѣздо порушить. Въ Нижнемъ
Соблазнъ такой, какъ городъ сталъ, впервые.
Ворамъ притонъ тамъ, козни, чародѣйство
И всяческая мерзость и гульба.

НЕНИЛА.

И я отъ вѣрныхъ слышала людей,
Что та лихая баба по болотамъ
Въ полночь подъ праздникъ Рождества Предтечи
Коренья, на безуміе мужамъ,
И зелья ищетъ смертныя и травы
Чревоотводныя. Ее бы сжечь
За волшебство, какъ вѣдьмъ сожгли во Псковѣ.

МАМЫРОВЪ.

Иль сжечь, или въ Оку. Да князь Никита
Ее и пальцемъ тронуть не дозволитъ.
Прибыли съ тѣмъ мы, матушка-княгиня,
Чтобъ въ прахъ избу и дворъ ея развѣять.
Былъ грозенъ князь и—мнилося—Кумѣ
Пришло погинуть въ разореньи...

КНЯГИНЯ.

Ну?

МАМЫРОВЪ.

А вышло—словомъ лестливымъ его
Колдунья обошла. И пить вино
Онъ сталъ. Пошли пустóшныя тутъ рѣчи
И смѣхи глумотворные у нихъ.

Князь, перстень снявъ съ руки, ей въ чару бросилъ
И—вымолвить во стыдъ—при всемъ народѣ,
Обнявши, цѣловать онъ сталъ...

КНЯГИНЯ [вставая].

Ее?!

НЕНИЛА.

Грѣхи, грѣхи!..

МАМЫРОВЪ [оглядѣлся].

Княгинюшка помилуй!
Въ горячемъ часѣ князь себя не помнитъ;
Коль выдашь ты меня—убьетъ во гнѣвѣ...

КНЯГИНЯ [въ волненіи ходитъ по сценѣ].

Не бойся за себя... Такъ вотъ какъ было!..

МАМЫРОВЪ.

Когда же молвилъ я, что такъ не гоже,
Не въ лѣпоту намѣстнику чинить,
Меня онъ сталъ безчестить всякой лаей
И, вмѣстѣ съ скоморохами, плясать...
Плясать велѣлъ!..

[Съ волненіемъ].

Въ позорѣ не былъ я...
Угоденъ князю былъ во всемъ доселѣ.
И вотъ, гулящей бабѣ на потѣху,
Въ безчестіе низринутъ и позоръ!..

[Ненила расчувствовалась и плачетъ].

КНЯГИНЯ.

И послѣ князь туда ѣзжалъ?

МАМЫРОВЪ.

Не разъ.

Повадился частенько. Оплела
Его сѣтьми бѣсовскими Кума,
И съ нею... [оглядѣлся]. *повелся* онъ, слышно...

КНЯГИНЯ.

Что?!

Ты вѣрно знаешь?

МАМЫРОВЪ.

Волшбѣ все возможно.

Всѣ молвятъ такъ и—надо быть—не врутъ...

НЕНИЛА.

Съ чего же князь тебя забылъ? Красой
Лице твое сіяетъ несказанной,
А онъ не примѣчаетъ...

КНЯГИНЯ.

Замолчи!

Меня гнѣвишь ты!

НЕНИЛА [растѣрянно].

Господи помилуй!

МАМЫРОВЪ.

Чтобы тебѣ отъ этакой злодѣйки
Не быть въ печали, матушка-княгиня,
По мыслямъ-бы моимъ—*избыть ее*...

КНЯГИНЯ.

Ха, ха!.. ступай, Мамыровъ. Не забуду
Услуги я, что правду мнѣ открылъ...
Да вотъ еще... [Раздумываетъ].

МАМЫРОВЪ.

Что сдѣлать —повели,
Лишь слово соизволь сказать—исполню.

КНЯГИНЯ.

Я знать хочу, что дѣлается тамъ...
У той... „Кумы"... прелестницы безстыдной...

МАМЫРОВЪ.

Найдемъ глаза и уши. Будь покойна.

КНЯГИНЯ.

Какъ бражничаетъ князь съ кабацкой голью...
Милуется какъ онъ... ха, ха!.. въ уста
Нечистыя цѣлуетъ бабу эту...
Хмѣльной отъ пьяныхъ ласкъ ея .. ха, ха!..
Въ объятіяхъ позорныхъ... Ха, ха, ха!..

[Хохотъ ея переходитъ въ истерическій припадокъ].

МАМЫРОВЪ [сестрѣ].

Управься съ нею... Князь бы не вошелъ!..
Опрыскай, что-ль... Уйти-ка отъ бѣды! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Княгиня и Ненила.

НЕНИЛА [суетится около княгини]. Ахъ, Господи-Владыко! что дѣлать-то?! Не надсаживайся, матушка—княгиня!.. Какъ чайка бѣлогрудая рыдаешь, сокрушеннымъ сердцемъ томишь себя! [Княгиня затихаетъ и впадаетъ въ мрачную задумчивость]. Ахъ, грѣхи, грѣхи!.. Ахъ, вѣдунья, чародѣйка бѣсовская!.. Колдовство, вѣрно, что колдовство!.. Либо она на его, князя, слѣдъ пепелъ отъ ворота рубахи своей посыпала,

либо наговорной соли дала ему. Долго ли лихихъ дѣловъ натворить! Вотъ слышала я, какъ женился князь Семенъ Иванычъ Гордый на Смоленской княжнѣ, на свадьбѣ ее и испортили. Что жъ, матушка, вышло? Видится, бывало, князю—не жена рядомъ лежитъ, а мертвецъ. Страсти!..

княгиня. Какъ у тебя языкъ не примелется!

ненила. Какъ же, матушка княгиня, не говорить мнѣ!.. Душенька надрывается. Въ какой любви тебя князь держалъ, у сердца держалъ, и на—поди!.. А ты вотъ бы что, государыня, сдѣлала. Дѣло извѣстное, какъ быть, если мужъ отвращается. Взять да наговорной водою сорочку его и смочить. Старичка одна знаетъ наговоръ этотъ. Она и на воду смотритъ, наговариваетъ на ноготь медвѣжій и по бобамъ узнавать горазда. А то корень „обратимъ" можно достать. Мужа къ женѣ обращаетъ чудесно. Еще „кликунъ трава" есть, кличетъ гласомъ по зарямъ дважды: „ухъ! ухъ!" Силу имѣетъ, къ чему хочешь, къ тому и годна...

княгиня. Оставь меня съ своею безлѣпицей!.. [Привстала] Юрій... его шаги... Уйди!.. [Ненила уходитъ, вздыхая и покачивая головой. Княгиня принимаетъ веселый видъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Княгиня и Юрій.

княгиня.

А, Юрій!.. Здравствуй!. Какъ ты почивалъ?
Во снѣ что видѣлъ? Не невѣсту-ль? Мы
Съ отцемъ, въ заботахъ что-бъ ты счастливъ былъ,
Тебѣ невѣсту выбрали на славу,
Чтобъ было съ кѣмъ тебѣ раздумать думу
И кѣмъ бы похвалиться. Всѣмъ взяла
Дочь Шетнева боярина: красива
И разумомъ исполнена..

ЮРІЙ.

Объ этомъ
Не думается вовсе мнѣ, родная.
Родительской покоренъ волѣ. Знаю,
Не выберете мнѣ плохой невѣсты.

КНЯГИНЯ.

Ты больше все охотой молодецкой,
Мой соколъ ясный, тѣшишься въ раздольѣ;
Звѣрей дубравныхъ бьешь, медвѣдей, вепрей,
Куницъ, лисицъ, да черныхъ соболей.
Мнѣ любо это, а въ дѣла отцевы
Что ты мѣшаешься,—не любо, Юрій.

ЮРІЙ.

Коль жители и гости всѣ скорбятъ,
Что нѣту правды, нѣту имъ управы!..
Коль кривда-видишь-верхъ беретъ повсюду!..

КНЯГИНЯ.

Ты сердцемъ неутерпчивымъ горячъ!
И многое незрѣло разумѣешь.
Ты сказокъ съ малыхъ лѣтъ отъ домрачеевъ *)
Наслушался, какъ шли богатыри
На подвиги, невѣрныхъ побивая.

ЮРІЙ.

Они за дѣло общее стояли,
Земли оберегателями были.
И если-бъ послужить привелъ Господь
Святому дѣлу ихъ, костьми-бы легъ,
Чтобъ отъ враговъ святую Русь очистить

---

*) Слѣпцы-домрачеи распѣвали сказки и былины, подъ акомпаниментъ „домры“, струннаго инструмента въ родѣ гитары.

И вывести поганое въ ней иго!
Но матушка, дозволь мнѣ о другомъ
Съ тобой поговорить.

КНЯГИНЯ [лаская его].

О чемъ же, милый?

ЮРІЙ.

Не гнѣвайся, прости меня за смѣлость!..
Въ семьѣ у насъ неладное творится...
И крѣпкая,-я вижу,-у тебя
Лежитъ на сердцѣ дума...

КНЯГИНЯ [измѣняясь въ лицѣ].

Никакой.

ЮРІЙ [нѣжно беретъ ея руку].

О нѣтъ, родная! Чутко слышу я
Рѣчей смыслъ скрытый; чутко различаю,
Отъ сердца-ли иное говорится,
Иль рѣчь свое, а на сердцѣ другое.
За смѣхомъ я досаду различаю,
Въ веселой рѣчи часто слышу скорбь
И ложь—какъ ни скрывай ее—узнаю.

[Княгиня смущена. Пауза. Юрій смотритъ на мать испытующимъ взоромъ. Съ волненіемъ, понизивъ голосъ].

Отецъ не тотъ, какъ прежде... Сталъ гнѣвливъ,
Придирчивъ сталъ... Въ глаза тебѣ не смотритъ...

КНЯГИНЯ.

Э, полно, Юрій!..

ЮРІЙ.

Матушка, не мучь!
Скажи, какое лихо между вами?

КНЯГИНЯ.

По старому у насъ съ отцомъ...

ЮРІЙ.

О, нѣтъ!
А блѣдность отчего въ лицѣ твоемъ?
Зачѣмъ въ очахъ прекрасныхъ эти слезы?
Какой душа твоя полна тревогой?..
Какой, скажи?.. Отецъ тебя обидѣлъ?..

КНЯГИНЯ [энергично прерываетъ].

Пустыя рѣчи!.. Полно!.. Перестанемъ!..

[Пошла къ боковой двери и остановилась. Юрій быстро подходитъ къ ней. Она съ любовью кладетъ руки ему на плечи].

А если-бы и вправду приключилось
Какое горе мнѣ, души твоей
Не стала-бъ омрачать своею скорбью.
Свои ей въ жизни будутъ испытанья.
Тотъ мало любитъ, кто родное сердце
Печалью, да слезами удручаетъ.

[Поцѣловала сына въ голову и быстро уходитъ].

ЮРІЙ.

Напрасно ты боишься опечалить
Меня, родная. Скорбь твоя ясна
И хуже истомлюсь я подозрѣньемъ...
Помыслю объ обидѣ,—кровь кипитъ!
А кто обидчикъ? кто, какъ не отецъ?
Примѣтилъ я, что шепчутся кругомъ
И въ слѣдъ ему качаютъ головами;
Но дѣло въ чемъ—никто не выдаетъ,
Отца трепещуyъ молвить мнѣ худое...

ЯВЛЕНІЕ V.

Юрій, Паисій и потомъ Мамыровъ.

паисій. Призванъ былъ и пріидохъ!

юрій. Не звалъ. Кто ты?

паисій. Азъ, худый и грѣшный рабъ Божій, странный пришлецъ я, государь. Ищу тѣхъ, кои въ молитвѣ и дѣлахъ милосердія время провождаютъ; странныхъ, убогихъ, калѣкъ, старцевъ и старицъ, ради Господа, привѣчаютъ и милостынею одѣляютъ отъ щедротъ благочестія своего, елико вмѣстимо. [Входитъ Мамыровъ]. Ты, чадо княжее, чистосерденъ и умомъ совершенъ есть...

мамыровъ [строго]. Чего ты лясы-то здѣсь распустилъ?..

юрій. Подай ему. [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Паисій и Мамыровъ.

мамыровъ.

А ты куда, ворона, залетѣла?
Въ подклѣть былъ званъ, а прешь, ослопъ, сюда!

паисій.

Ахъ, грѣхъ! Азъ, малосмысленный, выходитъ—
Маленько заплутался. Не гнѣвись
И призри на меня, худаго...

мамыровъ [погрозился].

Врешь!
Заблудшій песъ кормовъ не разживется,
Коль къ нашему двору пристанетъ. Знай.
Бродягамъ здѣсь притона нѣтъ.

ПАИСІЙ.

Бродяга!
О, Господи-Владыко! Премолкаетъ
Отъ горести языкъ. За что сіе
Мнѣ, брате, поношенье? Въ домъ къ себѣ
Церковниковъ и странныхъ призывать,
Кормить и напоять довлѣетъ; ты-же...

МАМЫРОВЪ [прерываетъ].

Ты странникъ и чернецъ?! По рожѣ вижу
Какая птица. Воръ ты, или тать...

ПАИСІЙ.

Помилуй, государь!..

МАМЫРОВЪ.

Молчать, бродяга!
Гвоздей тебѣ подъ пятки! Правду всю
Скорешенько ты выкричишь тогда.

[Паисій боязливо пятится къ двери, что-бъ улизнуть].

Постой! Коли желаешь благостыни,
Такъ уши ототкни, да слушай въ оба!

ПАИСІЙ.

Отверзъ, отверзъ и умъ и душу. Молви!

МАМЫРОВЪ.

Держать правленье—нужны глазъ, да уши,
Что-бъ знать про все: крамолы нѣтъ-ли, лихо
Какое гдѣ творится, вѣдовство
И нѣтъ-ли нестроенія...

ПАИСІЙ [прерываетъ].

Внемлю
И мудрости дивлюсь словесъ твоихъ!

МАМЫРОВЪ.

Собачій хвостъ! безъ толку не виляй!

ПАИСІЙ.

Молчу смиренно.

МАМЫРОВЪ.

Есть у перевоза
Заѣзжій за Окою дворъ „Кумы"...

ПАИСІЙ [со вздохомъ].

Грѣховное то мѣсто!

МАМЫРОВЪ.

По тебѣ.
Повадился бывать туда намѣстникъ...

ПАИСІЙ.

Бѣсовской силой какъ его прельщала
„Кума" та—самовидѣцъ есмь.

МАМЫРОВЪ.

Такъ вотъ:
Ты знать и видѣть долженъ все, что тамъ,
У бабы той, творится. По пятамъ
Ты князь-Никиты гончій песъ. Смекнулъ?

ПАИСІЙ.

О, внялъ!

МАМЫРОВЪ.

Теперь иди. Заслужишь что̀—
Такое и пожалованье будетъ.
А шкуру береги—смотри! Чуть что—
Сейчасъ подъ батоги!

ПАИСІЙ [про себя, почесывая спину].

Ну, какъ не такъ!
Моя овчинка въ выдѣлкѣ бывала
Не разъ, отъ зла мірскаго, безъ тебя! [Уходитъ].

МАМЫРОВЪ.

Срамить при всѣхъ! Плясать меня заставить!
Ну, я не скоморохъ! Кто правитъ Нижнимъ:
Ты-ль, княже, или я? Въ уздѣ моей,
Ты пляшешь и храпишь, что конь строптивый;
Летишь—куда пущу, про то не зная,
Что гнешься подъ моей рукою ты.
И мнѣ плясать!—Я шапку скомороха
На твой скорѣй напялю княжій лобъ,
Чѣмъ горькую обиду позабуду!

[За дверью голосъ князя. Мамыровъ мгновенно измѣняетъ выраженіе и рабски склоняется передъ входящими].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мамыровъ [въ началѣ], **князь Никита** и **Шетневъ**.

КНЯЗЬ [Мамырову].

Скажи княгинѣ,—гостя дорогаго
Послалъ какого намъ Господь. Съ Москвы
Бояринъ Шетневъ, молъ, прибыть изволилъ.
Пришла-бъ сюда какъ должно гостя встрѣтить.

МАМЫРОВЪ.

Доложимъ, государь. [Поклонился и уходить влѣво].

КНЯЗЬ.

Ну, сватъ, садись!
Душею радъ тебѣ. Ну что, скажи,
Творится на Москвѣ? Какъ государь

Великій князь—къ боярамъ? Тамъ иные—
Наслышанъ я—порядки завелись?

ШЕТНЕВЪ.

Охъ, точно, князь, порядки тамъ иные.
Дружина встарь совѣтницею князю—
Ты знаешь самъ—была, жила въ чести;
А нынѣ обратили ихъ въ холопей,
Бояръ-отъ на Москвѣ, и выѣзжать
Къ другимъ князьямъ запретъ. И бьютъ челомъ
Бояре, какъ холопи. Да!.. Кнутомъ
Дѣтей боярскихъ бьютъ, бросаютъ въ тюрьмы...
Да то ли впереди еще!..

КНЯЗЬ.

Вотъ какъ!
Обычай переставился и впрямь.
Но то сказать: не вотчинникъ ужь болѣ,
Какъ было встарь, великій князь Московскій,
А собранной земли онъ государь.

ШЕТНЕВЪ.

То правда. А земля какъ собиралась?
Предательства и подкупы, обманъ...
Ты знаешь, князь Никита, не люблю
Объ этомъ я въ бесѣдѣ говорить.

КНЯЗЬ.

Да что и говорить-то тутъ, бояринъ!
Земля зѣло устала отъ усобицъ,
И стала Русь къ Москвѣ тянуть сама,
Чтобъ правду, тишину сыскать себѣ
И отъ татаръ поганыхъ оборону.
И крѣпкой мышцею Московскій князь,
Собравъ другихъ, сломилъ ордынцевъ силу...

Но рѣчь съ тобой вели мы про бояръ.
Такъ бить челомъ они ужь нынѣ стали?

ШЕТНЕВЪ.

А князю какъ среди бояръ холопей
Не стать грозою? Тьма ихъ на Москвѣ.
Изъ Кіева, съ Волыни, изъ Орды
Стеклись отвсюду. Выслужиться надо—
Ну, и пошли предательства и козни,
Извѣты, чародѣйство, волшебство...

КНЯЗЬ.

И даже волшебство?

ШЕТНЕВЪ.

Тамъ наговоровъ
И порчи всѣ теперь бояться стали.
И въ ѣство, и въ питье, замысливъ зло,
Кладутъ другъ другу зелье и коренья.
Самъ князь боится. Крестъ цѣлуетъ дворня,
Чтобъ лиха не чинить ему ничѣмъ.

КНЯЗЬ.

Супружество съ царевной Софьей какъ—же?

ШЕТНЕВЪ.

Да, сладится, я слышалъ. Коль въ холопей
Бояре обратились, ровни нѣтъ
На всей Руси въ невѣсты государю.
Съ молдавкой сынъ повѣнчанъ *), ну и самъ
Съ царевной иноземной въ бракъ вступаетъ.

*) Сынъ Іоанна III, Іоаннъ молодой, былъ женатъ на Еленѣ, дочери Молдавскаго господаря Стефана.

КНЯЗЬ.

Ха, ха! Крамольникъ—вижу я—ты, сватъ!
А Новгородъ-то!..

ШЕТНЕВЪ [со вздохомъ].

Новгородъ погинулъ.

КНЯЗЬ.

Давно пора! Крамольниковъ гнѣздо,
Издавна скопъ опальныхъ, лиходѣевъ,
Да вольницы. Ивану государю
Господь съ Пречистой Матерью вездѣ
Отступниковъ подъ нози покорили.

ШЕТНЕВЪ.

Всю Новградскую волость исходили
Огонь и мечъ! Что лютыхъ было казней!..

КНЯЗЬ.

Не ладно мыслишь... Жалостливъ не кстати...

ШЕТНЕВЪ.

По своему. Прости мнѣ, сватъ. Въ тебѣ-же,
Знать, крѣпокъ духъ московскій, князь Никита?

КНЯЗЬ.

Да, крѣпокъ, сватъ.—А вотъ моя княгиня.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Князь, Шетневъ и **княгиня**, въ богатомъ нарядѣ. Войдя съ подносомъ, на которомъ вино, княгиня кланяется Шетневу въ поясъ. Шетневъ кланяется ей, прикасаясь рукою земли.

КНЯГИНЯ.

Изволь принять и выкушать вина!

КНЯЗЬ [кланяется Шетневу].

Прошу покорно, сватушка!

ШЕТНЕВЪ.

Сперва
Хозяева, а тамъ и я ужь выпью.

[Княгиня отпиваетъ вина, за нею князь. Взявъ стопу].

Во здравье вамъ! [Пьетъ и кланяется хозяйкѣ по прежнему до земли].

КНЯЗЬ [садясь и указывая сѣсть Шетневу].

Ну, рѣчь теперь, бояринъ,
О дѣлѣ поведемъ съ тобой, о свадьбѣ.
Съ гнягиней намъ въ совѣтѣ дѣло это
Во всѣхъ статьяхъ обдумать надлежитъ.

[Жестомъ приглашаетъ жену садиться].

КНЯГИНЯ [садясь, въ сторону].

О сынѣ ли теперь тебѣ забота!

КНЯЗЬ.

Намъ межь собой дѣтьми не похваляться.

ШЕТНЕВЪ.

Что соколъ ясный, княже, твой женихъ.

КНЯЗЬ.

А бѣлая невѣста наша лебедь
Дѣвицамъ въ Нижнемъ всѣмъ краса.

ШЕТНЕВЪ.

Въ любви
У всѣхъ, въ почетѣ, въ славѣ доброй княжичъ.
Да то хоть взять: есть, матушка-княгиня,
У насъ, у перевоза за Окой,

Такое мѣсто—всѣмъ соблазнъ. Бѣгутъ
Туда бояре, гости, старъ и младъ,
Тайкомъ отъ женъ, отцевъ и матерей—
Нѣтъ удержу. А княжичъ—ни ногой!

КНЯГИНЯ [выразительно взглянула на мужа].

Мой сынъ съ кабацкой голью не гуляетъ.

ШЕТНЕВЪ.

Коли-бъ вино, приманка тамъ другая:
Хозяюшка-„Кума“. Молва идетъ,
Красавица, вишь...

КНЯГИНЯ [быстро встаетъ, про себя].

Выдержать нѣтъ силы!

[Идетъ къ боковой двери].

КНЯЗЬ [вставая].

Евпраксія Романовна! Куда?!.
Иль что тебѣ попритчилось?

КНЯГИНЯ.

Недужно. [Уходитъ].

ШЕТНЕВЪ [про себя].

Эге!.. И князь сгорѣлъ... Неспроста дѣло! [Громко].
Ахъ, Господи помилуй! Что такое?
Сидѣла ничего, и вдругъ...

КНЯЗЬ [въ смущеніи].

Дивлюсь!

ШЕТНЕВЪ.

Ступай ты къ ней. А я домой покамѣсть,
Съ своими я съ пріѣзда не видался.

Сердечные, чай, ждутъ. Потолковать
О дѣлѣ будетъ время, князь. Прости!

КНЯЗЬ.

Когда же ждать?

ШЕТНЕВЪ.

А въ скорости. [У дверей про себя]. Неспроста! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Князь и Княгиня.

КНЯЗЬ.

Недугъ!.. Не то, причина тутъ другая. [Громко у двери].
Евпраксія Романовна!.. Княгиня! [Отходитъ].
И этотъ старый чертъ приплелъ „Куму"...
[Вошедшей княгинѣ].
Иль спятила съ ума ты? Какъ при гостѣ
Вскочить, уйти!.. Какой-то тамъ недугъ!..
Что скажетъ Шетневъ?

КНЯГИНЯ.

Божьяго суда
Кто не боится, судъ людской тому
Не за обиду...

КНЯЗЬ.

Божьяго суда?!
Пригрезилось тебѣ? О чемъ ты мелешь?

КНЯГИНЯ.

Не хочешь ли, какъ—слышно—въ Вяткѣ было,
Съ полдюжины иль больше женъ завесть?

Тамъ и попы тѣ браки дозволяли.
У насъ поганство это, слава Богу,
Покамѣстъ не въ обычай. Ты зачни.

КНЯЗЬ.

Какихъ тамъ женъ?!

КНЯГИНЯ.

А кто съ лихою бабой,
Съ „Кумою“, повелся? Не знаешь?

КНЯЗЬ.

Что-о?!
Кой чертъ тебѣ наплелъ?

КНЯГИНЯ.

Послушай, князь!
За честь свою вступиться я съумѣю.
Честнаго Новосильцевыхъ я рода.
Мой славный дѣдъ, Тарасій, дважды князя
Димитрія у хановъ изъ полону
И кровью и казною выручалъ.
Подъ княземъ онъ сидѣлъ на третьемъ мѣстѣ.
Отецъ мой государю въ воеводахъ
Въ Ордѣ и по чужимъ землямъ служилъ,
Въ бояхъ, въ осадахъ жизни не щадилъ
И честью былъ пожалованъ великой.
И мнѣ въ позорѣ быть?

КНЯЗЬ [прерывая].

Да полно, полно!
Втемяшилась Кума!

КНЯГИНЯ.

Дѣла такія
Не къ младости тебѣ. Невмѣстно бы
Любовницей себя безчестить...

КНЯЗЬ.

Вздоръ!

Пустыя сплетни...

КНЯГИНЯ.

Вправду-ли пустыя?

Меня не обмануть. Я зорко вижу.
Да и тебѣ-ль притворствомъ провести?
Тебѣ-ль хитрить съ твоимъ горячимъ нравомъ?

КНЯЗЬ.

Э, полно! Досадило! [Пошелъ къ двери].

КНЯГИНЯ [удерживая его].

Нѣтъ, постой!

Кумы гульливой ладушка любезный,
Лихой бабенки милъ-сердечный другъ!..
Довольно сраму. Къ ней ты ни ногой!..
Не то...

КНЯЗЬ.

Что будетъ? Я изъ бабьихъ рукъ
Глядѣть не стану-ли?

КНЯГИНЯ.

А вотъ что будетъ:

Скажу про все святому я отцу,
Игумену Печерскому. „Кума"
Во многомъ чародѣйствѣ объявилась,
И онъ колдуньѣ честь воздастъ иную,
Чѣмъ ты, ея печальникъ, воздаешь.
Въ цѣпяхъ, въ подвалѣ промозгломъ, подъ началомъ,
Ее въ грѣхахъ онъ каяться заставитъ,
Покамѣстъ... смерть не сгложетъ ей костей.

КНЯЗЬ.

А ты кукуль монашескій не хочешь
Надѣть на мѣсто кики?

КНЯГИНЯ [поражена. Пауза. Твердо].

Не хочу!

КНЯЗЬ.

Въ обители Зачатія святаго *)
Найдется келья и тебѣ. Сыщу!
Строптивый духъ смиряетъ власяница.
Въ молчаніи, тружаяся, въ постѣ,
Творя поклоны...

КНЯГИНЯ.

Ха, ха, ха! Твой грѣхъ
Замаливать, распутство?..

КНЯЗЬ [въ бѣшенствѣ].

Замолчи!
Иль я тебя заставлю...

КНЯГИНЯ [пріосанившись и гордо поднявъ голову].

Не заставишь!

КНЯЗЬ.

Ну, ладно-же! [Съ грознымъ жестомъ уходитъ въ заднюю дверь].

КНЯГИНЯ.

Монашескій кукуль!..
Зачѣмъ бы распаляться такъ, уста
Угрозой мнѣ коварно зажимать,

---

*) Основана вдовою князя Андрея Константиновича, княгиней Василисой, въ монашествѣ Ѳеодорой.

Коль про Куму однѣ бы сплетни были?!
Забылъ ты, князь, метнувшись къ бабѣ подлой,
Что сердцемъ я горячимъ не робка.
Сносить въ смиренствѣ кровную Обиду,
Въ слезахъ безмолвныхъ душу надрывать —
Не мнѣ. Не мнѣ въ потемкахъ отъ людей
Съ стыдомъ своимъ трусливо хорониться!..
Ты нравомъ-звѣрь, ты рабъ страстей кипучихъ.
Другая трепетала-бы тебя,
Какъ грома. Мнѣ-же въ очи ты смотрѣлъ
И звѣрь стихалъ, у ногъ моихъ ласкаясь.
Мы двадцать лѣтъ съ тобою такъ прожили.
И вотъ межь насъ змѣею подколодной
Разлучница ехидная ползетъ!
И кто-жь она?.. откуда?.. Ха, ха, ха!
Плохую, князь, со мной ты шутку шутишь,
Но я ее съумѣю отшутить!.. [Прислушивается].
Шумятъ!.. [Быстро подходитъ къ окну].
Народъ валитъ толпою!. къ намъ?!.

ЯВЛЕНІЕ X.

Княгиня и Юрій [входитъ запыхавшись, въ сильномъ волненіи].

ЮРІЙ.

Гдѣ батюшка?.. На улицѣ рѣзня!..
Сбѣжался торгъ на нашихъ челядинцевъ...
Народъ за камни, наши за ножи...
Двоихъ убили... Свалка, стоны, кровь!

КНЯГИНЯ.

За что-жь на нихъ народъ?

ЮРІЙ.

Разбой чинили!
Насильники, грабежники они!..
По торгу, по дворамъ, что волки, рыщутъ!..
Вотъ ты велишь, родная, не мѣшаться;
А какъ стерпѣть, коль насъ же, насъ народъ
Людишками лихими называетъ,
Что мы воровъ-холопей насылаемъ
Себѣ на дворъ что можно отбивать?!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же, Мамыровъ изъ задней двери и **Ненила** изъ боковой входятъ одновременно. Потомъ **Паисій.**

КНЯГИНЯ [Мамырову].

Что тамъ случилось?

МАМЫРОВЪ.

Всѣхъ унялъ. Людишки
Немного пошумѣли на торгу.
Пустое дѣло, матушка-княгиня.
Тревожиться напрасно не изволь.

[Ненила, тихо разговаривая съ княгиней, отходитъ съ нею въ сторону].

ЮРІЙ [Мамырову].

Коль на смерть бьютъ, по твоему—„пустое"?

МАМЫРОВЪ

[значительно усмѣхнулся, поднялъ оконную раму и кричитъ во дворъ].

Въ тюрьму ихъ всѣхъ! Готовьте батоги.
Зачинщика Потапа въ кандалы.
Намѣстникъ вамъ нещадную расправу,
Крамольники, за буйство учинитъ!

[Со двора слышны крики негодованія и угрозы. Мамыровъ захлопнулъ окно. Вошедшій Паисій шепчетъ ему что-то на ухо].

ЮРІЙ.

Кого въ тюрьму?! Вотъ этихъ? горожанъ?
Ихъ грабятъ, бьютъ, и имъ же быть въ отвѣтѣ?!

МАМЫРОВЪ.

Паришь ты мыслью, княжичъ, что орелъ,
И мужествомъ ты сердце изострилъ,
И—мнится—ждутъ тебя дѣла большія
И въ нихъ великой славы ты добудешь;
А какъ сдержать правленье въ руцѣ крѣпкой,
Какъ смердами владѣть на полной волѣ..

ЮРІЙ.

Я въ этомъ не домыслю?..

МАМЫРОВЪ

Не гнѣвись. .

ЮРІЙ.

Съ тобою говорить!.. Насильникъ ты!
Народъ тебя не даромъ ненавидитъ...
Гдѣ батюшка?..

МАМЫРОВЪ [мигнулъ Паисію, тихо].

Скажи.

ПАИСІЙ.

Князь за Оку...

КНЯГИНЯ [уже у двери, чтобы уйти].

Опять?!

ПАИСІЙ.

Всѣде въ лодью, къ избѣ заѣзжей,
На томъ что брегѣ...

КНЯГИНЯ.

Къ ней! Опять онъ къ ней!!
Такъ я сама!..

[Бросается къ задней двери. Сынъ и Мамыровъ ее удерживаютъ].

Пустите!

ЮРІЙ.

Но куда,
Куда ты хочешь?! Матушка, опомнись!

КНЯГИНЯ [порывается къ двери].

Пустите же, иль сердце разорвется!

ЮРІЙ [удерживая].

Молю тебя!..

КНЯГИНЯ.

Развѣдаюсь я съ ними!
Позорныя объятья разорву!!

ЮРІЙ [схвативъ ее за руку].

Объятья?! Чьи?.. Такъ, стало быть, отецъ?..
А-а, вотъ что!. Кто-же *та*?

[Княгиня замерла, молчитъ. Юрій взглянулъ на Мамырова; тотъ пожалъ плечами и отвернулся. Матери].

Открой! Скажи!..
Но, матушка, ты словно помертвѣла...
И руки—ледъ, и взглядъ застылъ ужасный!

[Сажаетъ ее на скамью и, ставъ на колѣни, горячо цѣлуетъ ея руки].

Родная, успокойся!.. Жизнь отдамъ
За счастіе твое!

НЕНИЛА [въ слезахъ, возлѣ княгини].

Изъ-за Кумы,
Послѣдней бабы подлой, въ гробъ уложатъ
Матушку мою.

ЮРІЙ.

Такъ вотъ кто *эта*?..

НЕНИЛА.

Тутъ порча, чародѣйство. Князя зельемъ
Колдунья опоила.

МАМЫРОВЪ [значительно].

Охъ, корысть!
Чего прибытка ради не творится!

ЮРІЙ [матери].

Кума! Съ такою-ли тебѣ считаться?
Убить ее, какъ гадину, убить
Единымъ взмахомъ. Вотъ и вся расплата.
И батюшка, очнувшись отъ дурмана,
За то спасибо скажетъ, изъ сѣтей
Что выпуталъ его лукавой бабы.

МАМЫРОВЪ [про себя].

Ну, врядъ-ли такъ!

[Княгиня встала, но покачнулась и схватилась за грудь. Сынъ и Ненила ее подхватываютъ].

ЮРІЙ.

Не можется тебѣ?

КНЯГИНЯ.

Сдавило грудь мнѣ...

НЕНИЛА.

Лягъ поди!

ЮРІЙ.

Клянусь,
Та жизнью мнѣ поплатится, злодѣйка!

[Онъ и Ненила уводятъ Княгиню подъ руки. Пансій исчезаетъ въ заднюю дверь].

МАМЫРОВЪ.

Хе-хе! Плясалъ тебѣ я на потѣху.
Какъ ты теперь запляшешь—поглядимъ!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Жилая изба Кумы. Одна дверь направо, близко къ авансценѣ. Въ задней стѣнѣ три косящатыхъ окна на Оку. Оконницы слюдяныя. По задней стѣнѣ лавка, по правой коникъ, отъ угла до двери. Надъ коникомъ поставецъ. У лѣвой стѣны кровать подъ пологомъ. Въ правомъ углу столъ. Онъ покрытъ скатертью и уставленъ питьями. На столѣ двѣ зажженныя свѣчи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь сидитъ за столомъ, слѣва стоитъ Кума.

КУМА.

Ты гнѣваться изволишь, государь.
Ужь какъ развеселить тебя—не знаю!
Я, чѣмъ могу, стараюсь угодить,
А все тебѣ выходитъ не по нраву.

КНЯЗЬ.

Лукавая бабенка! Иль морочить
Меня ты хочешь?

КУМА.

Чѣмъ-же, государь?

КНЯЗЬ.

Не знаетъ! Кровь во мнѣ ты распалила,
Всѣ мысли помутила... Я, намѣстникъ,

Себѣ въ безчестье, въ посмѣхъ, въ нареканье,
Сюда шатаюсь...

КУМА.

Кто-жь неволитъ? Правда,
Не въ лѣпоту тебѣ со мною знаться.
А мнѣ хоть честь, а будетъ за досаду,
Коль сложатъ сплетню, худо говорить
Про насъ съ тобою станутъ понапрасну...

КНЯЗЬ.

Не въ мѣру ты опаслива, я вижу!

КУМА.

А ежели провѣдаетъ княгиня...

КНЯЗЬ.

Молчи!.. Пускай кричатъ про насъ и судятъ,
Пускай всѣ пальцемъ кажутъ на меня.
Мнѣ все равно, коль я въ себѣ не властенъ.

КУМА.

Вотъ то и худо.

КНЯЗЬ.

Что ты тамъ ворчишь?..
Поди ко мнѣ... Иди же, говорятъ!
Оглохла?.. Сядь... Да ближе, не съѣдятъ.
[Придвинулся и страстно обнялъ ее].
Себя не помню... Сладу нѣтъ съ собою!..
Горитъ душа... что бурей, мчитъ къ тебѣ!..
Проси чего желаешь—нѣтъ отказа.
Я жемчугомъ красавицу осыплю
И камнемъ самоцвѣтнымъ унижу;
Въ камкѣ хрущатой, въ бархатѣ, мѣхахъ,

Ты всѣхъ богаче, всѣхъ наряднѣй будешь!

[Цѣлуетъ ее въ щеку. Она сидитъ отвернувшись].

Упорство брось!.. противничать довольно!..

[Быстро отодвигается отъ нея].

Сидитъ какъ ледъ, какъ каменная глыба!

[Гнѣвно ударилъ кулакомъ по столу].

Проклятая! Такъ, стало быть, не любъ?

[Склонился на руки. Пауза].

КУМА [вставая].

Бѣда съ тобой! То гнѣвенъ ты, грозишь,
То чуть не плачешь, что ребенокъ малый.
Ужь какъ и быть, ума не приложу.
И жаль тебя... Да жалость не любовь,
Любить себя насильно не заставишь...
Кого-жь полюбишь—глазомъ тотъ мигни,
И ты ужь все отдать ему готова,
И всюду безъ раздумья, безъ оглядки,
Пойдешь за милымъ, съ ясною душей. [Мечтательно задумалась].

КНЯЗЬ [нѣсколько мгновеній молча наблюдаетъ ее ревнивымъ взоромъ].

За милымъ!.. Сладко ты разворковалась!
Не даромъ мнѣ ревнивая тревога
На клочья сердце рветъ! А кто-же милый?

КУМА.

Коль я тебѣ на шею не кидаюсь,
Такъ значитъ, милый у меня?—Напрасно!

КНЯЗЬ.

Да, есть!.. И я дознаюсь... Какъ не быть!
Въ сахарныя уста тебя не мало,
Я слышалъ, цѣловали... [Съ ироніей]. Недотрога!

КУМА.

Ты вотъ про что!.. Чрезъ мой веселый нравъ,
Да ласковый обычай, зря болтали
Не мало про меня. Коль я безстыдна
И слава про меня идетъ худая,
Тебя-то какъ же не цѣлую? Дивно!
Во что-жь себя ты ставишь, государь?
„Не мало цѣловали“! Взять меня
Не этимъ-ли ты вздумалъ? Ну, какъ разъ!
Сказалъ бы кто другой такое слово,
Иль сталъ бы на любовь меня склонять
Посулами, какъ ты—со срамомъ бы
Я выгнала его. Тебя-жь не смѣю.
Тебя должна я чествовать покорно,
Творить, какъ любо милости твоей:
Намѣстникъ ты.

КНЯЗЬ [дышетъ тяжело, глаза налились кровью].

И властенъ погубить!..

КУМА.

Губи. Насильству зло творить повадно.

КНЯЗЬ [вставая].

И ты моей покорна будешь волѣ.
Сломлю твое упорство, не-до-тро-га!

КУМА.

Падутъ пусть громомъ бѣды на меня,
Не сдамся, князь!

КНЯЗЬ [подступая].

Ха-ха! Какія рѣчи!

[Сильно схватилъ ее за руку].

Что-бъ бабѣ надъ собою верхъ я далъ,

Да мучился-бы въ ярости безсильной,
Иль по тебѣ въ кручинѣ-бъ изнывалъ! —
Ну нѣтъ, Настасья! Полно!

КУМА [вырвалась, сбросила съ себя повязку и въ мгновеніе обматываетъ шею косами].

Задушусь!!

Косой своей скорѣе задушусь,
Чѣмъ сдамся!

[Князь отступилъ и мрачно смотритъ на нее исподлобья. Пауза].

КНЯЗЬ.

Такъ?.. Тебѣ-ли, мнѣ-ль погибнуть,
Но я не отступлюсь. Не дожидай!

[Ударомъ руки распахнулъ дверь и уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

КУМА [въ нервныхъ движеніяхъ, не сразу приходитъ въ себя. Заплакала].

Какъ силъ достало выдержать!.. Впился,
На смерть перепугалъ... Не отдышусь...
Что съ лютымъ звѣремъ встрѣтиться въ лѣсу...
Вотъ лихо нажила себѣ какое!..
Воды испить. [Жадно выпила нѣсколько глотковъ].
Охъ, мочи нѣтъ устала!..

[Сѣла, опустивъ голову, уронивъ руки на колѣни, и глубоко задумалась].

Кто „милый“ мой?.. Узналъ бы князь Никита,
Въ глаза бы мнѣ онъ вдосталь насмѣялся...
Не онъ одинъ, а всякій... Я и княжичъ!
Далёко въ небѣ солнце; высоко
Въ лучахъ его паритъ сизой орелъ.
О немъ-ли думать мнѣ? А я и днемъ
И ночью все о немъ томлюсь тоскою... [Надѣваетъ повязку].

ЯВЛЕНІЕ III.

Кума и Фока.

ФОКА. Съ чего онъ, словно ошпаренный, выскочилъ, князь-отъ? Меня саданулъ—чуть съ ногъ не сшибъ, лядъ его побери!..

КУМА. Не подвертывайся!

ФОКА. А онъ чего?.. Липнетъ, какъ банный листъ. Я молчу-молчу, да и того...

КУМА. Чего?!. Хвастунъ!

ФОКА. Корысти тоже немного видимъ. Почетъ, угощенье—себѣ дороже, а еще князь!.. А то, можетъ, задарилъ, да таишься? Бабьи то и промыслы, что нечистые помыслы. [Кума усмѣхнулась]. Э—эхъ, съ этого веселья каково-то похмѣлье будетъ!.. Гмъ!..

КУМА. Похмѣлье? Вижу, языкъ у тебя чешется, важности на себя напустилъ. Сказывай, что-ли! Или выклянчить норовишь что-нибудь? Съ подходами у тебя это всегда!

ФОКА. Выклянчить!.. Умъ-отъ у бабы здѣсь, что-ли? [Указываетъ на лобъ].

КУМА. Да уменъ ужь, уменъ! Говори, коли есть что сказать, не то ступай въ свое мѣсто. Наскучилъ!

ФОКА. Пропащая твоя голова, Настасья. Вотъ что! [Толчется у стола, умильно поглядывая на вино].

КУМА. Отчего это пропащая?

ФОКА. А видишь... Кха! кха!.. Въ глоткѣ ссохлось съ чего-то!

КУМА. То-то ты по слову роняешь, что жемчугъ. [Наливаетъ вина]. Промочи ужь!

ФОКА. Не видали мы дряни этой!.. [Выпилъ до дна]. Валяется у меня этотъ... Паисій. Пьянѣе вина.

КУМА. Ну?

ФОКА. Приткнулся онъ—видишь ты—ко двору княженецкому и къ самой княгинѣ пролѣзъ, къ Евпраксіѣ Романовнѣ... Проползень!.. [Потянулся къ вину].

КУМА [удерживаетъ]. Нѣтъ, доскажи! А то будешь размазывать, пока до капли не выпьешь. Долго ждать.

ФОКА [скрестилъ руки и отвернулся въ обидѣ]. Размазывать!

КУМА. Что же Паисій?

ФОКА [раздражительно]. А то, что за шашни съ намѣстникомъ, княгиня шлетъ пришибить тебя, какъ собаку.

КУМА. Ка-акъ?!

ФОКА. Жигануло?

КУМА [вспыльчиво]. Чего-же ты мямлилъ?! Такое дѣло, а онъ... Еще дядей называется!

ФОКА. Потому какъ выходишь ты, по ихнему, чародѣйка, зельями князя приворожила. Вотъ, повызнавши все, и распалилась княгиня. Взметалась-вскидалась Боже мой какъ! Тутъ княжичъ матери и поклялся: изведу, молъ, колдунью, зарѣжу!

КУМА. Княжичъ?! Меня?!

ФОКА. Очень просто. Какъ бы, оборони Богъ, ныньче ночью...

КУМА. Пускай! Милости просимъ! [Быстро ходитъ по сценѣ, не обращая вниманія на Фоку].

ФОКА. Кабыть милость не велика! [Налилъ вина и выпилъ]. Будь ты съ похмѣлья, я-бъ тебѣ разсолу огуречнаго испить далъ.

КУМА. Чародѣйка, колдунья! Ха, ха! Дура-баба не сможетъ мужа въ любви удержать, а вѣдовство виновато!.. И княжичъ повѣрилъ! Сгубить придетъ!.. [Горько усмѣхнулась] Какое душегубство—нѣтъ! У колдуньи развѣ душа? Паромъ выйдетъ кровавымъ, ворономъ обернется, жабой поганой заскачетъ въ болото! Ха, ха, ха! [Сѣла и закрылась руками].

ФОКА. Али не въ разумѣ? Смѣхъ-отъ тебя разбираетъ...

КУМА [быстро отняла руки, порывисто]. Когда-же придетъ?.. убивать-то меня? Ныньче?

ФОКА. Погоди, не спѣши! Ахъ, бабы!.. [Покачалъ головой]. Не утерпчиво сердце молодецкое, можетъ и ныньче. У насъ, какъ на грѣхъ, заѣзжихъ нѣтъ никого. Опричь Паисія, никто не ночуетъ. Я того... молодцовъ кликну коли...

КУМА. Не смѣть! Никому ни слова!..

ФОКА. Хмъ!.. Семъ водой окачу, можетъ опомнишься... Съ перепугу бабы ни вѣсть что несутъ, потому нутро спираетъ у нихъ.

КУМА. Рта не смѣй разѣвать про это! Не то не будетъ тебѣ ни угла, ни куска; часу у себя не оставлю. Ступай!

ФОКА [развелъ руками]. Ну, при противу рожна, лядъ съ тобой!.. Спать завалюсь. Коли что... Мосейку, вѣдь, не добудишься... Меня кликни... Такъ и быть, разомнусь, сокрушу ребра княжишкѣ этому... [Въ сѣняхъ стукнуло]. Ахъ! [Даже присѣлъ отъ испуга]. Ну, какъ онъ?

КУМА. Котъ въ сѣняхъ сронилъ что-нибудь.

ФОКА. Котъ? Хе, хе!.. Онъ у насъ точно проказникъ большой... А ты... хе, хе!.. въ сѣнцы-то посвѣти мнѣ, Настасьюшка. Темь. [Кума отворила дверь настежъ и свѣтитъ. Фока боязливо заглядываетъ туда]. И задамъ же я этому коту!..

КУМА. Иди ужь, иди! [Выводитъ его въ сѣни и затворяетъ за нимъ дверь].

ЯВЛЕНІЕ IV.

КУМА [сидя у окна].

Заря давно потухла. Ночь темнѣетъ.
Ока уснула въ темныхъ берегахъ.
Съ болотъ туманъ клубится. На лугахъ
Во мракѣ ужь озера потонули.
Мигая, гаснутъ въ городѣ огни
И скоро все заснетъ въ тиши спокойной.

А гдѣ, какъ коршунъ, свилъ свое гнѣздо
Тотъ замыселъ злодѣйскій—точатъ ножъ!
И онъ меня сгубить поклялся, княжичъ!..
Желанный мой!.. Въ себя я не приду!.. [Привстала].
А! Чья-то тѣнь подъ окнами мелькнула...
Высматриваютъ, есть-ли кто со мной,
Во тьмѣ прокрасться какъ-бы половчѣе,
Въ расплохъ застать... во снѣ меня зарѣзать!..
Задуть огонь. Пусть думаютъ—уснула.

[Гаситъ свѣчи. Видъ изъ оконъ ярко освѣщенъ луною].

А если смерть?!. Коль тамъ, въ потьмахъ за дверью,
Костлявая она ужь притаилась
И близокъ часъ мой!.. Страшно!.. Вотъ меня
Въ гробу опустятъ въ землю... Глухо онъ
О дно могилы стукнетъ... Вотъ въ нее
Лучемъ прощальнымъ солнышко взглянуло...
Вотъ рухнула земля на крышку гроба
И я—во мракѣ, въ сырости холодной!..

[Вздрогнула всѣмъ тѣломъ].

Нѣтъ, нѣтъ! Ужели княжичъ?.. Быть не можетъ!
Ревнивымъ наущеньемъ ослѣпленный,
Кипитъ онъ гнѣвомъ, сердце разожгли;
Но женщину безсильную сгубить
Не сможетъ онъ... Сробѣю я—повѣритъ
Коварному навѣту. И тогда
Презрѣнною въ его останусь мысляхъ...
Да въ страхѣ и пригожества немного,
Въ очахъ слезливыхъ, въ трепетныхъ устахъ...
Никакъ идутъ!.. Упало сердце... Онъ-бы,
Самъ княжичъ, не холопи-бъ только! [Подбѣжала къ окну].
Онъ!
Онъ самъ... Идутъ отъ берега вдвоемъ...
Въ постель скорѣе!.. [Взобралась на постель].
Стукъ... трещитъ запоръ. .
Ну, что-то будетъ! Господи, спаси! [Задергивается пологомъ].

ЯВЛЕНІЕ V.

Кума, Юрій быстро входитъ, за нимъ **слуга**, съ фонаремъ.

ЮРІЙ.

Свѣти!.. Ее здѣсь нѣту! Гдѣ-жь она?

СЛУГА.

Провѣдавши, должно-быть схоронилась.

ЮРІЙ.

Куда ни уползла змѣя—отыщемъ
И правду всю я вытяну наружу!

СЛУГА.

А ежели устроена засада?
Велѣлъ сперва-бы дворъ ты осмотрѣть.

ЮРІЙ [Выхватываетъ кинжалъ].

Вотъ съ этимъ я чрезъ всякую защиту
До подлой доберусь!

СЛУГА [указывая на кровать].

Гляди, не тамъ-ли?

ЮРІЙ.

Не спитъ же! Разбудили-бъ чай. Свѣти! [Отдергиваетъ пологъ].

КУМА [лежитъ спокойно, красиво опершись на руку и смѣло смотритъ внижнчу въ глаза].

На, рѣжь меня!

[Растегиваетъ воротъ. Пауза. Юрій выронилъ кинжалъ и, прикрывъ рукою глаза, медленно пошелъ къ двери. Кума выскочила и удерживаетъ его].

Куда-же ты? Бѣжать?
Безъ страха, я ждала съ тобою смерти

И помощи къ себѣ не призывала,
Хоть стоило мнѣ кликнуть, и толпой
Изъ города сбѣжался бы народъ
Въ мою защиту. Сотни ихъ ножей
Мнѣ панцыремъ бы стали. И того,
Кто смѣлъ бы мнѣ обиду учинить,
На клочья бъ разорвали. Знала я
Твой умыселъ, ждала въ тебѣ убіицу;
А—видишь—одинешенька была,
Отъ страха никуда не убѣжала.
А ты бѣжать! Кого же испугался?
Меня-ль, колдуньи, иль себя? Себя,
Что ты сгубить безвинную подкрался...

ЮРІЙ [прерываетъ]

Не крался, лжешь! Я шелъ, не размышляя...
Защитники меня бъ не удержали,
При нихъ кинжалъ не на земь бы упалъ.
Безвинная!.. Безстыдство каково!
Изъ смрадной тины гадина ползетъ
Въ семью мою, раздоръ въ ней сѣетъ, горе...
Ты матушки слезы одной не стоишь,
А душу ей обидой изглодала!
Кто межь отцемъ и матушкою сталъ?
Любовницей не ты вплелась межь ними?

КУМА.

Ну, такъ! И князя зельемъ опоила,
Да волшбою бѣсовской оплела?
И въ томъ винятъ, я слышала, меня.
А ты съ собою взялъ „плакунъ—травы"?

ЮРІЙ.

Травы!? Зачѣмъ?

КУМА.

А какъ же! Отъ нея,
Вѣдь, бѣсы плачутъ, вѣдьмы обмираютъ,
Колдуньи тожъ. А я-жь колдунья, княжичъ!

ЮРІЙ.

Ты гнѣвъ во мнѣ опять не поднимай!..
И вотъ, подъ страхомъ смерти, мой завѣтъ...

КУМА [прерываетъ].

Сперва дозволь мнѣ молвить. Правду всю
Узнаешь, княжичъ. Господомъ клянусь
И Матерью Пречистой—все скажу,
Ни въ чемъ не потаюсь. [Слугѣ].
А ты ступай.
Не нуженъ. Жди у лодки. [Зажигаетъ изъ фонаря свѣчи].
При холопѣ
Не гоже мнѣ про князя говорить. [По знаку Юрія, слуга уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ VI

Кума и Юрій.

КУМА.

Кручина съ вами мнѣ! Во гнѣвѣ ты,
При разумѣ своемъ и чести славной,
Повѣрилъ злымъ навѣтамъ, волшебству
И кровью обагрить себя пришелъ.
Известь меня грозитъ и князь Никита.

ЮРІЙ.

Отецъ?!

КУМА.

Онъ не задолго до тебя

Посулами, угрозой и мольбой
На грѣхъ склонялъ меня. Какія—жь рѣчи,
Коли не любъ!.. Во гнѣвѣ за упорство,
Тогда ко-мнѣ, что звѣрь, онъ прянулъ. Въ мигъ
Косой своей я шею обмотала
И тутъ-же задушилась-бы.— Отшелъ.
Но нынче—завтра онъ меня загубитъ.

ЮРІЙ [садясь].

Все это правда?

КУМА.

Правда. Богъ свидѣтель.
Какая же вина на мнѣ предъ вами?
Что князю полюбилась-лихо мнѣ.
И ты съ княгиней—слезно бью челомъ, [бросается на колѣни]
Отриньте отъ меня бѣду! Чтобъ князь
Лихія мысли выкинулъ изъ сердца,
Не мучилъ бы меня и не срамилъ.
Въ тебѣ жь ищу защиты... [Схватываетъ его руку и покрываетъ поцѣлуями].

Ту—же руку,
Что гибель мнѣ несла, цѣлую слезно—
Спаси меня!

ЮРІЙ [отнимая руку].

Не надо... Перестань...
Отцу бы такъ вестись не подобало...
И матушкѣ не легче оттого...

КУМА.

А кто ея смутилъ навѣтомъ душу?—
Мамыровъ, ненавистникъ лютый мой.
Меня чтобы сгубить, дерзнулъ онъ подло
Княгиню и тебя ввести во гнѣвъ.
Мамырова ты знаешь хорошо.

Людей бирал нерѣдко подъ защиту
Отъ подлаго насильника дьяка.
И всѣ къ тебѣ за это льнутъ душею,
У всѣхъ высоко въ мысляхъ ты стоишь.
Въ тебѣ одномъ лишь правда говорятъ
И милость, и любовь, нашъ соколъ ясный!..
А вотъ... кинжалъ твой, княжичъ... [Подаетъ кинжалъ].

ЮРІЙ [смутился].

Въ укоризну,
Хваленому его даешь ты въ руки...
[Беретъ кинжалъ и неловко вкладываетъ его въ ножны на поясѣ].
Хоть изъ ноженъ при словѣ о засадѣ
Я выхватилъ его...

КУМА [садится рядомъ, задушевно].

Забыла все я
И все простила, княжичъ... А вина
Все-жь есть на мнѣ... хоть только предъ тобою...
Не студная, а есть...

ЮРІЙ.

Вина?—Какая?

КУМА.

А видишь-ли... Ужь какъ и молвить?.. Стыдно...
Тебѣ ни вѣсть чего наговорили,
Что я стыда не знаю, что лукава;
А я робѣю... слово съ устъ нейдетъ...
Куда глаза дѣвать не знаю. Правда,
Не на устахъ оно, то слово—въ сердцѣ...
Въ душѣ оно со страхомъ притаилось... [Любовно].
Сказать?

ЮРІЙ.

Не знаю...

КУМА.

Душу не скуешь
И сердцу не закажешь... Не гнѣвись... [Взяла его руку].
Вотъ видишь... я... [страстно].
Да что тутъ запинаться!
Вездѣ, вездѣ я, соколъ ясный мой,
Украдкою слѣдила за тобой.
Изъ-за угла, за тыномъ притаясь,
Сдержавъ дыханье, глазъ не отводя,
И руки сжавъ на трепетной груди,
Тобою любовалась...

ЮРІЙ [прерываетъ, вставая].

Мнѣ пора...

КУМА [удерживая его].

Постой! Вѣдь я съ тобой считаюсь, княжичъ...
Ты ненависть въ лицо мнѣ бросилъ, я-же
Обидчику любовью отвѣчаю;
Булатомъ сердце клялся разорвать,
А сердце то полно однимъ тобою.
Ужель нельзя за это хоть немного
Побыть со мной, коль такъ прошу я? Сядь!
А хвалятъ всѣ тебя за доброту!..

ЮРІЙ [съ волненіемъ].

Къ чему о добротѣ тутъ!..

КУМА.

Сядь-же, сядь!

ЮРІЙ [садится, послѣ легкаго колебанія]

Что дѣла не развѣдавъ, сгоряча,
Безмѣрному предался гнѣву я
И близокъ былъ свершить злодѣйство—каюсь...

Напредъ во мнѣ найдешь ты оборону...
И... въ радость мнѣ забота эта будетъ...

КУМА.

А это какъ?.. Мою ты душу вынулъ.
Ее своей заботой не минуешь?
Отъ горя, отъ тоски оборонишь?

ЮРІЙ.

Опять ты рѣчи вздорныя заводишь!..

КУМА [припадая къ нему].

Не „вздорныя" они, желанный мой,
Коль я затѣмъ, чтобъ свидѣться съ тобой,
На край могилы стать не побоялась!..

ЮРІЙ [въ сторону].

Хмѣлѣешь безъ вина!.. [Къ ней, вставая].
Прощай! Пора...

КУМА.

До свѣта далеко... Не уходи!

ЮРІЙ [въ сильномъ волненіи].

Не время мнѣ. Прощай! [Пошелъ къ двери].

КУМА [глухимъ, упавшимъ голосомъ].

А, такъ?—Ступай!

ЮРІЙ [обернулся и участливо смотритъ на нее. Кума сидитъ блѣдная, неподвижная, мрачно устремивъ взоръ въ одну точку. Пауза]

Недоброе на умъ взяла ты, вижу...

КУМА.

Тебѣ на совѣсть не падетъ. Не бойся!
Коль сгибну я—своимъ хотѣньемъ сгибну!

ЮРІЙ.

Зачѣмъ ты про погибель?! Перестань!

КУМА [съ горечью].

Ужель снести другую мнѣ обиду,
Обиду горше прежней?!

ЮРІЙ.

Чѣмъ-же я?..

КУМА.

Обидѣлъ чѣмъ?.. [Пылко]. Да лучше задохнуться,
Чѣмъ душу распахнуть себѣ въ позоръ!
Вѣдь смерти не сробѣть—не шутка, княжичъ!
За то потомъ сдержаться силъ не стало
И я тебѣ во всемъ открылась сердцемъ.
Зачѣмъ? Что-бъ ты... что-бъ клясть себя за это?
Что-бъ стыдъ и горе сердце истерзали?
Да лучше-бъ грудь мою ты исколол̀ъ,
Чѣмъ... Эхъ, да что тутъ молвить!.. Уходи
Не честь тебѣ съ Кумою оставаться.
Прощай! Живи счастливо. Богъ съ тобой!

ЮРІЙ.

Какъ въ омутѣ, черно въ твоихъ очахъ
И горькая усмѣшка на устахъ...

КУМА [перебивая].

Не мучь! Вѣдь, тяжко быть съ тобою, княжичъ!

ЮРІЙ.

Мнѣ скорбно видѣть...

КУМА [опять перебивая].

Жалостью смягчилось
Твое къ безумной сердце, вижу я.

Не нужно мнѣ ее, не нужно! Слышишь?
Подачкою живутъ лишь песъ, да нищій...

[Съ трудомъ сдерживая рыданія].

А я хоть и ничто передъ тобой,
Но дорого мнѣ, въ сердцѣ что таила...
Что въ грезахъ сладкихъ... въ думахъ о тебѣ,
Я радостно взлелѣяла въ душѣ...
Что яснымъ солнцемъ, княжичъ, мнѣ свѣтило. [Горько зарыдала].

ЮРІЙ [садясь рядомъ].

Ну, полно!.. перестань, моя голубка!..
Лишь жалость здѣсь меня-бъ не удержала...

КУМА [встрепенулась и въ нетерпѣніи схватила его за руку].

А что-жь еще?.. Скажи мнѣ, не томи!

ЮРІЙ.

Когда, какъ вешній снѣгъ отъ солнца таетъ,
Мой гнѣвъ прошелъ отъ ласковыхъ рѣчей...

КУМА.

Ну, молви жь, милый! сердце на слуху...

ЮРІЙ.

И душу охватила мнѣ любовь,
Какъ вихрь налетный...

КУМА [въ восторгѣ].

Ахъ!... съ ума сойду!..

ЮРІЙ.

Тогда уйти я ринулся скорѣе,
Что-бъ... чаръ твоихъ, колдунья, убѣжать...

КУМА. [жарко обнимая его]

Мой свѣтъ! желанный!

ЮРІЙ [сжимая ее въ объятіяхъ].

Правду говорили:
Призариста волшебница-Кума!
Смѣла, что къ небу, въ высь полетъ орлиный,
Что пѣсня соловьиная—нѣжна...
И съ нею все, себя и всѣхъ забудешь!

КУМА [смѣется и плачетъ и страстно цѣлуетъ его].

Голубчикъ мой!.. Теперь хоть умереть,
Въ твои любуясь ласковыя очи...
У ногъ твоихъ, цѣлуя ихъ слѣды...
Ты—жизнь моя, мой свѣтъ!.. Желанный, милый!..

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Намѣстничій садъ. Справа его огораживаетъ частоколъ, идущій въ глубину сцены. Между нимъ и правой кулисою—дорога. Въ частоколѣ калитка. За садомъ видны главы церкви.

ЯВЛЕНІЕ I.

Юрій [сидитъ на скамьѣ].

Все къ ней и къ ней мои стремятся мысли.
Что лѣсъ порою вешней пташекъ пѣньемъ,
Веселыхъ звуковъ грудь моя полна
И мощно въ ней любовью бьется сердце...
И слышу я восторженныя рѣчи
И шепотъ страстный, нѣги смѣхъ... И рдѣютъ
Горячихъ устъ лобзанья на лицѣ...

Что ты, моя голубка?— Омрачаетъ
Чело твое заботливая дума,
Иль радостью оно озарено?..

ЯВЛЕНІЕ II.

Юрій и Журанъ [въ волненіи, входитъ изъ глубины сцены].

ЖУРАНЪ.

Ну, вотъ ты, княжичъ, гдѣ! Искалъ, искалъ!..

ЮРІЙ.

Ты словно съ перепугу.

ЖУРАНЪ.

Тамъ у насъ
Сумятица такая поднялась!..
Шушукаютъ-стрекочутъ, какъ сороки...

ЮРІЙ

Случилось что?

ЖУРАНЪ.

Да сплетню разнесли,
Что поздно ты вернулся отъ Кумы...

ЮРІЙ [вставая].

Узнали? А-а!.. Смѣются, говорятъ!..
Молва, что тѣнь, за нами по пятамъ...

ЖУРАНЪ.

Паисій небывальщину пустилъ,
Смердящій песъ, залетная ворона.
Кому и чѣмъ онъ только угодилъ,
Что взашей вонъ доселѣ не прогнали?

Въ окно, вишь, онъ подглядывалъ за вами...
Ну съ пьяну и мерещилось ему...

ЮРІЙ.

Онъ правду молвилъ.

ЖУРАНЪ.

Какъ?! То правда, княжичъ?!

ЮРІЙ.

Себя не помня въ гнѣвѣ, оскорбленный,
Я съ умысломъ лихимъ туда пошелъ...
Я мнилъ въ Кумѣ лукавую злодѣйку;
Но взглядъ ея, лишь взглядъ одинъ, и я...

ЖУРАНЪ. [насмѣшливо].

Ты гнѣвъ смѣнилъ на милость?

ЮРІЙ.

Все: укоръ,
Насмѣшка, и отвага и любовь,
Безумная любовь въ томъ взорѣ были.
Онъ все сказалъ, онъ мнѣ ударилъ въ сердце.

ЖУРАНЪ.

На комъ прорухи, княжичъ, не бываетъ!
А свѣдаетъ твой батюшка про это...

ЮРІЙ.

Кого ты вспомнилъ! На душу еще
Мнѣ новое ложится камнемъ бремя. [Послѣ краткой задумчивости, съ живостью].
Отецъ! Онъ ей грозитъ... Надъ нею онъ,
Что коршунъ хищный, вьется надъ голубкой...
Но я ее коснуться не дозволю
Насильственной рукѣ...

ЖУРАНЪ [прерывая].

Что порохъ ты.
Инъ кровь кипитъ доселѣ? Успокойся!
Вишь „коршунъ“ тамъ... Да кто ихъ разберетъ?
А ты ужь бабѣ сразу и повѣрилъ?
Онѣ вѣдь вёртки. Молодъ, княжичъ, ты.
Тебѣ одно, а къ князю та-жь Кума
Сама быть можетъ ластится...

ЮРІЙ [гнѣвно схватываетъ его за горло].

Молчи!! [Отпустилъ].
Прости мнѣ, Ваня... [Отошелъ въ смущеніи].

ЖУРАНЪ.

Молвлю не во гнѣвъ,
Отъ сердца, княжичъ: брось ты это дѣло.
Тебѣ невмѣстно вѣдаться съ Кумой.
Напрасно отъ меня ты утаилъ,
Когда въ пылу замыслилъ съ ней расправу.
Бѣду я эту вѣрно-бъ отвратилъ.
Когда про все княгинѣ разсказали,
Ее, какъ снопъ, свалило...

ЮРІЙ [хватается за голову].

Позабыть
Тебя, тебя, родимая!... [Удрученный опускается на скамью].
Ступай,
Оставь меня, Иванъ... [Журанъ уходитъ въ глубину сцены].
Что ей скажу?
Любовь моя ей станетъ за позоръ...
Нанесъ я рану новую твоей
Истерзанной душѣ, моя родная!..

ЯВЛЕНІЕ III.

Юрій и Мамыровъ [входитъ слѣва].

МАМЫРОВЪ.

Пресвѣтлый нашъ женихъ! [Низко кланяется].
Въ уединеньи
Чай думать все изволишь о невѣстѣ?
О суженомъ же въ мысляхъ и она,
Голубка непорочная. Вы оба,
Въ сердечномъ ликованіи, пріять
Готовитесь пресвѣтлые вѣнцы... [Юрій быстро уходитъ въ глубину сцены].
Въ законъ вступить какъ разъ тебѣ пристало!
Утѣшилъ парень! важно! Ха, ха, ха!
Отецъ спасибо скажетъ. Удружилъ!
„Мамырова не даромъ ненавидятъ,
Мамыровъ плутъ, насильникъ, лиходѣй!"
Ахъ, ты молокососъ, мальчишка дерзкій!
А князъ-то, князь! Теперь онъ у меня,
Что звѣрь, взреветъ! Разлапушку отбили!
Сынокъ родной... Чудесно, ха, ха, ха!..
Скажу не вдругъ. На медленномъ огнѣ
Томить тебя, прихвостникъ бабій, стану.
Плясать не довелось-бы и тебѣ
Не хуже скомороха.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Мамыровъ и Ненила [входитъ слѣва].

МАМЫРОВЪ.

Что княгиня?

НЕНИЛА.

О-охъ бѣда! Насилу отходили.

МАМЫРОВЪ.

Злодѣйку разказнилъ сынокъ чудесно!

НЕНИЛА.

Не вѣрится, чтобъ свѣтикъ ясный мой...

МАМЫРОВЪ.

Не вѣрится тебѣ! До бѣла—свѣта
Развѣдывался съ нею соколъ твой.

НЕНИЛА.

Прельщеніемъ бѣсовскимъ...

МАМЫРОВЪ.

Все-жь поганство.
А нищаго къ княгинѣ привели
Какого тамъ?

НЕНИЛА.

А такъ... Убогій. Знаетъ—
Княгинѣ доложили—про Кудьму...

МАМЫРОВЪ.

Кудьма?! Колдунъ?!

НЕНИЛА [про себя].

Обмолвилась, ахти!

МАМЫРОВЪ.

Продавши душу чорту, дѣлъ лихихъ
Немало онъ отравой натворилъ,
Да кознями бѣсовскими, проклятый!
Приспѣло, видно, матушкѣ-княгинѣ
Развѣдывать про всякихъ колдуновъ.
Слезами гнѣвъ ея не выйдетъ, нѣтъ!
Не спроста дѣло!

НЕНИЛА.

Ты бы не болталъ!

МАМЫРОВЪ.

Че-го?! Тебѣ-ль учить меня? Ворона! [Уходитъ въ калитку].

НЕНИЛА.

Охъ-охъ! Какое лихо приключилось,
Голубчикъ мой болѣзный, надъ тобой!
Гдѣ-жь сердцемъ молодецкимъ утерпѣть,
Коль баба льнетъ въ прельщеніи лукавомъ!..
А вотъ что сдѣлать. Камень есть „безуй".
Родится у оленя въ сердцѣ, или
Въ змѣиной желчи, люди говорятъ.
Отъ порчи, приворотовъ, злыхъ людей
Большая въ немъ цѣлительная сила.
Я княжичу въ питьѣ его и дамъ,
Да „сириндархъ-херусъ" травы *) подбавлю,
Скорешенько онъ вѣдьму позабудетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Ненила и **Паисій** [входятъ изъ глубины сада, боязливо озираясь по сторонамъ].

НЕНИЛА. Тебѣ чего?

ПАИСІЙ. Претерпѣлъ!.. Поношеніе, поруганіе... о-охъ! [Схватился за спину].

НЕНИЛА [съ злорадствомъ]. Влетѣло?!

ПАИСІЙ. Зѣло преобидѣли!.. Челядь буйственная, Ванька Журанъ... Люты зубы на мя изострили... и... о-о-хъ! [Хватается за бока]. Въ княжомъ пиру похмѣлье пріялъ!

*) Трава эта оберегала честь того, кто употреблялъ ее, или носилъ при себѣ.

НЕНИЛА. По дѣломъ псу, не лай!..

ПАИСІЙ. Безъ разсужденія не твори осужденія, мать. Не на кривдѣ послушествовалъ. За что же? Тяжко рекущему правду, за то сосудъ избранъ будетъ и внидетъ въ райскій вертоградъ.

НЕНИЛА. Всякая лисица свой хвостъ хвалитъ. Здѣсь что вынюхиваешь?

ПАИСІЙ. Княгиню узрѣти хощу. Сіяніемъ очесъ ея врачеванія уязвленной души жажду. Да помажутся елеемъ милостивыхъ словесъ изъ благоуханныхъ устъ ея мнози раны мои.

НЕНИЛА. Знаю, чего требуется тебѣ. Ступай-ка, ступай!

ПАИСІЙ. Праведнымъ стяжаніемъ жити подобаетъ всякому человѣку.

НЕНИЛА. Праведнымъ!.. Я вотъ княжича позову.

ПАИСІЙ. Ни-ни-ни!

НЕНИЛА. Онъ те воздастъ мзду по своему! Здѣсь онъ, въ саду видѣла. [Озирается, чтобы позвать. Паисій, подобравъ фалды, стремительно убѣгаетъ]. Ахъ, проползень, спасеная душа! Вездѣ свой носъ суетъ, вездѣ пострѣлъ поспѣлъ! Хоть лупку задали—спасибо!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ненила и княгиня [входитъ слѣва, въ глубокой задумчивости].

НЕНИЛА [устремляется къ ней].

Княгинюшка, на умъ мнѣ что пришло:
"Безуй" есть камень...

КНЯГИНЯ.

Ахъ, поди ты прочь! [Ненила уходитъ].
И сынъ въ объятьяхъ мерзкихъ чародѣйки...

Послѣдній лучъ въ душѣ моей померкъ.
Широкъ размахъ, зачерпнуто глубоко!
Съ неслыханнымъ безстыдствомъ, эта тварь
Жену и мать обворовала, жизнь
Пограбила мою!.. Пришелъ чередъ
И мнѣ воздать за добрыя дѣла.
Скорѣе зелья мнѣ! Такаго зелья,
Чтобы кипящимъ оловомъ прошло
Оно по жиламъ, до костей прожгло-бы,
Чтобъ бѣло-тѣло, въ мукахъ, почернѣло
И лопнули-бъ лукавые глаза!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Княгиня и **Юрій** [входитъ изъ глубины. Увидавъ мать, смутился. Она направляется влѣво, бросивъ на сына взглядъ гордаго негодованія].

ЮРІЙ [быстро подходя къ ней].

Матушка!

КНЯГИНЯ [останавливая его жестомъ].

Порадовалъ. Спасибо!
Ты добрую, въ хвалу себѣ и въ честь,
Мнѣ службу сослужилъ. Одно вмѣстить
Я въ мысляхъ не могу: какъ межь собой
Добро съ отцемъ подѣлите вы это?

ЮРІЙ [вспыхнулъ].

Кори меня... но дай и правду молвить!
За батюшку что противъ ты Кумы
Доселѣ держишь въ сердцѣ—небылица
И лиха предъ тобою нѣтъ на ней...

КНЯГИНЯ [съ усмѣшкою].

Ужели?!

ЮРІЙ.

Вѣрь мнѣ, матушка: напрасно
Ее корятъ во многомъ...

КНЯГИНЯ.

Вотъ ты какъ
Мнѣ каешься въ позорѣ!

ЮРІЙ.

Не гнѣвись...

КНЯГИНЯ [прерываетъ].

Ты въ очи мнѣ дерзаешь заступаться
За эту тварь?! Въ гульбѣ распутной съ нею,
Въ тебѣ изрядно совѣсть потускнѣла.
Коль оба скоморохами съ отцемъ
Предъ гадиною этой вы вертитесь;
Коль Божій гнѣвъ и стыдъ вамъ ни почемъ,
То мнѣ-то душу вашъ позоръ измучилъ.
Я плакала, но слезы всѣ изсякли;
Молилась—въ сердцѣ больше нѣтъ молитвъ.
[Ударяя себя въ грудь].
И выболѣло все тутъ, все разбито!
За то въ себѣ я силу ощущаю
Не женскую. Я съ корнемъ вырву зло,
Въ семьѣ моей засѣвшее глубоко.
Ни жалости во мнѣ ужь нѣтъ, ни страха.
Рука моя не дрогнетъ, какъ твоя,
Когда, спасая честь мою, ты продалъ
Ее, за поцѣлуй распутной бабы! [Быстро уходитъ влѣво].

ЮРІЙ.

Къ рѣчамъ моимъ и слухъ не преклонили!..
Лишь гнѣвъ слѣпой, да *ей* за то угроза,
Что стала мнѣ, на зло всему—мила,

Что душу отдала мнѣ беззавѣтно...
Но мнѣ-ль роптать на матушку? Не я ли
Жестокую обиду ей нанесъ?—
Прости меня, винюсь тебѣ, родная,
Но сердцемъ покориться не могу.
Къ тебѣ-ль любовь, иль та любовь, другая,
Во мнѣ теперь сильнѣе говоритъ;
Куда пойду и что мнѣ предстоитъ,—
Подавленной душой не угадаю...
Трепещетъ мысль въ горящей головѣ
И тяжко мнѣ... Одно лишь твердо знаю,
Что мщенію во власть и злому лиху,
Покамѣстъ живъ, я Настю не отдамъ!..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Юрій, Князь и Мамыровъ [входятъ справа по улицѣ].

КНЯЗЬ [отворяя калитку].

Такъ видѣли доподлинно? Изрядно!
Ступай Мамыровъ. [Входитъ въ садъ, Мамыровъ уходитъ].

ЮРІЙ [про себя].

Батюшка!.. Не въ мочь
Его мнѣ видѣть! [Пошелъ влѣво]

КНЯЗЬ.

Стой! Что заяцъ длинноухій,
Въ кусты запрядалъ, трусъ? Вернись пожалуй!

ЮРІЙ [подходя, съ достоинствомъ].

Ты знаешь самъ: я въ робкихъ не бывалъ.

КНЯЗЬ.

Еще-бъ, ха-ха! Вишь, съ бабой воевалъ,
Ея веретенà не побоялся! [Злобно].

Вездѣ гораздъ соваться, гдѣ не надо!
За смердовъ, за людишекъ, дерзновенно
Въ дѣла правленья ввязываться смѣешь!.. [Грозно].
Гдѣ былъ ночѣсь? Держи отвѣтъ! Отколе
На утрей отыскался?..

ЮРІЙ.

Не скажу.

КНЯЗЬ [сжавъ его руку].

Нѣтъ, скажешь ты!

ЮРІЙ.

Молю, не заставляй!
Невмѣстны между нами эти рѣчи...

КНЯЗЬ [мрачно].

Здѣсь многое невмѣстно... [Съ усмѣшкой].
Ну, повѣдай,
Какъ мо̀лодца лукавствомъ провели...

ЮРІЙ [съ живостью].

Лукавствомъ, молвишь ты?!

КНЯЗЬ.

А чѣмъ-же бабѣ
Ретиваго болвана укротить,
Коль къ горлу, не шутя, съ ножемъ онъ лѣзетъ?
Заступникъ тоже! Жалко, я не зналъ!
Бѣду отвесть чѣмъ бабѣ маломощной?
А онъ-то мнилъ... Гляди, какой орелъ!..

ЮРІЙ.

Другое что въ словахъ твоихъ, а правды
Не слышу я.

КНЯЗЬ.

И впрямь вѣдь одурѣлъ!
Когда вскипаетъ кровь, мутится разумъ...
[Съ ненавистью, тихо].
Такъ какъ же, какъ?.. Ласкала, миловала?
Рукою бѣлой къ груди прижимала? [Сразу возвышая голосъ до крика].
Иль глазъ поднять не смѣешь?!

ЮРІЙ [горячо].

Я-бъ не смѣлъ
Въ лицо тебѣ взглянуть и палъ-бы въ прахъ
Предъ гнѣвомъ отъ... *родительскаго* сердца.
Сыновнюю онъ душу освѣжаетъ,
Какъ тяжкій воздухъ туча грозовая.
Но тотъ ли гнѣвъ въ тебѣ? Не за *себя* ли
Ты сердцемъ распалился? Ты и ей
Грозилъ не тѣмъ ли гнѣвомъ, ей, Настасьѣ,
За то, что не сдалась тебѣ?

КНЯЗЬ [въ бѣшенствѣ].

Щенокъ!!
Ногой я пну тебя съ своей дороги
И кубаремъ ты съ визгомъ отлетишь!

ЮРІЙ.

Съ *твоей дороги*?! Сердце каменѣетъ...

КНЯЗЬ [овладѣвая собою].

Какую рѣчь дерзаетъ мнѣ держать?!

ЮРІЙ.

Мрачится умъ... Я все позабываю...
Что ты отецъ по роду мнѣ и что...

КНЯЗЬ.

Напомню я! И съ ней, что смѣлъ во мнѣ
Отца забыть роднаго ты, что дурь
Въ тебя она такую напустила,
Что ею ты ославленъ передъ всѣми,—
И съ ней за все расправа учинится.

ЮРІЙ.

Насильственной рукой, пока я живъ,
Никто ея коснуться не посмѣетъ!
Никто обиды ей не учинитъ! [Князь, скрестивъ руки, устремилъ на сына взглядъ полный ненависти. Юрій отвѣчаетъ смѣлымъ, вызывающимъ взглядомъ. Пауза].

КНЯЗЬ [упавшимъ голосомъ, съ хрипотою].

Пока ты живъ!.. Не знаю, кто сдержать
Мою осилитъ руку... кто меня
Мирволить вамъ заставитъ... верхъ забрать
Кто сможетъ надо мной! За то одно,
Коль ты, забывъ невѣсту, мой приказъ,
Опять къ Кумѣ посмѣешь показаться,
Иль станешь съ ней ссылаться какъ-нибудь,
Я въ прахъ сотру ее! Запомни крѣпко.
А чтобъ тебя отъ зла оборонить
И въ разумъ привести,—ускоримъ свадьбу...
Въ законъ тебѣ вступить приспѣло время.

ЮРІЙ.

Какая свадьба?! Свадьбѣ не бывать!

КНЯЗЬ.

Я былью покажу тебѣ—какая.
И все, что учинить я разсужу,

Исполнишь ты безропотно и свято.

[Тяжелыми шагами пошелъ въ глубину сцены. Остановился и полуобернулся на сына. Про себя].

Теперь къ Кумѣ. Го-луб-чи-ки!! [Поспѣшно уходитъ].

ЮРІЙ.

Измучилъ!.. [Садится].

Какъ онъ грозилъ, лукавилъ, издѣвался,
Какъ сердце мнѣ старался замутить!..
Но лютый гнѣвъ, что буря, прорывался
И всю его неправду выдавалъ.
Ревнивому навѣту я не вѣрю.
Въ душѣ ея, какъ ширь полей, свободной
И ясной, что небесная лазурь,
Не свить гнѣзда лукавству и обману [Задумался и быстро встаетъ].
А если, въ гнѣвѣ яростномъ, отецъ
Отсюда устремился къ ней?—За нимъ!
За нимъ скорѣй, не медля ни минуты!

[Идетъ къ калиткѣ, въ которую входитъ Журанъ].

ЯВЛЕНІЕ IX.

Юрій и Журанъ.

ЖУРАНЪ.

Куда, куда спѣшишь ты, княжичъ?

ЮРІЙ.

Къ ней!

ЖУРАНЪ [загораживая собою калитку].

Ну, такъ и зналъ! Останься. Не годится.

ЮРІЙ.

Поди ты прочь! Съ другими за одно
И ты, я вижу. Прочь!

[Схватилъ его за плечи, чтобы оттолкнуть отъ калитки].

ЖУРАНЪ.

Сперва послушай.

[Понижая голосъ].

Отъ князя нынче тайный данъ приказъ:
Убить Куму, коль свидишься ты съ нею.
Предателей Мамыровъ ужь послалъ
И зорко люди тѣ стеречь васъ будутъ...

ЮРІЙ.

Ужели?!. Лиходѣи! Гдѣ отецъ?

ЖУРАНЪ.

Коня ему сѣдлаютъ.

ЮРІЙ.

А! И мнѣ,
И мнѣ коня! Скорѣй, Иванъ, скорѣе!
Во власть отца Настасью я не дамъ!

ЖУРАНЪ.

Какъ, оба къ ней?! Опамятуйся, княжичъ!
Помилуй Богъ сойтись вамъ у Кумы!

ЮРІЙ.

Да, врядъ-ли разойдемся. Будь, что будетъ! [Пошелъ къ калиткѣ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Заѣзжая изба Кумы. Налѣво дверь въ сѣни, направо два окна. Въ лѣвомъ углу, близь двери, печь устьемъ къ публикѣ. По задней и по правой стѣнамъ лавка; у лѣвой, по сю сторону двери, скамья. Справа, къ авансценѣ, столъ и другая скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кума и Поля [входитъ].

КУМА [бросается къ ней].

Насилу ты пришла! Ждала весь день.
Измучилась! Разсказывай скорѣе,
Что княжичъ мой, нейдетъ зачѣмъ доселѣ?
Въ дворѣ княжомъ что вызнала? Все, все!

ПОЛЯ.

Про князя все, какъ было, я узнала,
Съ чего ему хвороба приключилась...

КУМА.

Отъ гнѣва, слышно?..

ПОЛЯ.

Да. Не въ мѣру, вишь,
На сына за тебя онъ распалился.
А что тогда межъ ними учинилось—

Никто не знаетъ. Тучи князь чернѣе
Садиться на́ конь вышелъ. Знать, къ тебѣ
Онъ кинуться хотѣлъ. И только сѣлъ,
Какъ вдругъ его шатнуло и съ коня
Онъ, съ пѣною у рта, упалъ на землю.

КУМА

А княжичъ что? Ни вѣсточки, ни слова
Ужь сколько дней отъ свѣта моего!

ПОЛЯ.

Кручиненъ онъ, примѣтно всѣмъ: скучаетъ.

КУМА.

Скучаетъ!.. Обо мнѣ-ль скучаетъ онъ!..
Не въ томъ-ли, что любовью посрамили
Къ "колдуньѣ" подлой— вся его кручина?
Людской укоръ, да бабьи пересуды...
Отъ нихъ въ ретивомъ сердцѣ скислась кровь!
Иль такъ ужь страшенъ гнѣвъ ему отцовскій?
Расшибли въ прахъ ревнивою угрозой
Въ душѣ покорной хрупкую любовь.

ПОЛЯ.

Не мучь себя догадками напрасно!
Тамъ какъ ни думай, что ни говори,
А княжичу не къ радости пришло.

КУМА.

Не связаны, чай, крылья у него
Сидѣть-то въ Нижнемъ. Бѣлый свѣтъ не малъ.
А мнѣ... мигни онъ только, мой желанный,
И я за нимъ хоть на смерть полечу.
Да, видно, нынѣ онъ съ другой заботой...
Предъ матерью съ поклонной головой,
Къ вѣнцу идти сряжается, пожалуй...
Охъ, эта мнѣ княгиня!..

ПОЛЯ.

Разошлось
То дѣло. Мнѣ за вѣрное сказали.
Отбылъ, вишь, Шетневъ въ вотчину съ семьей,
Да въ дальнюю куда-то. Говорятъ,
Боярышня ужь такъ-то убивалась!..

КУМА.

Э, что мнѣ до нее! [Отвернулась, нахмуривъ брови].

ПОЛЯ.

А князь, слышь, *всталъ*.

КУМА.

Обмогся?! всталъ?! Ну... быть бѣдѣ! Придетъ
Развѣдаться ножевою расправой.
Пускай!.. Ужели княжичу и въ мысль
Объ этомъ не приходитъ? Знаетъ все!

ПОЛЯ.

Пошлетъ Господь, гроза минуетъ, Настя.

КУМА.

А—думаешь—боюсь, боюсь я?!—Нѣтъ.
Коль всѣ мои догадки не напрасны,
Коль жизнь моя и вправду изжита,
Сама на ножъ я князю кинусь, да!
Съ разбѣга кинусь, грудью, чтобы ножъ
Вошелъ по рукоять мнѣ въ сердце!

ПОЛЯ [всплеснула руками].

Настя!
Берешь на умъ ты дурно. Грѣхъ какой!..

КУМА.

Измучилась я, мочи нѣтъ моей!
Въ тревогѣ мѣста днемъ не нахожу
И ночью долгой очи не смыкаю.
Чуть стукнетъ гдѣ—привстанешь и замрешь,
А сердце рвется изъ горячей груди...
Подумаешь: украдкою не онъ-ли
Ко мнѣ, голубчикъ мой? Пождешь—все тихо.
И горько, Поля, станетъ, такъ-то горько!..
Начнешь въ умѣ объ немъ перебирать,
Что молвилъ онъ, какъ нѣжилъ, какъ ласкалъ...
И вдругъ во тьмѣ почудится мнѣ шепотъ...
Дыханьемъ жаркимъ вѣетъ на лицо...
Онъ здѣсь... нагнулся... Полымемъ охватитъ,
И трепетныя въ радости безумной
Къ нему протянешь руки—никого!
Холодный мракъ густится надо мною.
И сцѣпитъ грудь, и разомъ слезы брызнутъ,
Въ рыданіяхъ въ подушки упадешь...
Да что объ этомъ!.. [Смахнула слезы].
Какъ меня не вспомнить
И какъ не повидать!.. Обидно, Поля... [Заплакала, прижавъ къ ея плечу].
Не разъ къ нему сбиралась я сама.
Иду!—И встрепенется все во мнѣ
И каждая-то жилка говоритъ,
Стучитъ въ виски, дрожатъ и сохнутъ губы,
Торопишься—ну, словно безъ ума...

ПОЛЯ.

Вотъ мучиться охота! Въ княжій дворъ
Тебя-бы все равно не допустили.

КУМА.

Ну, я нашла бы какъ къ нему пробраться!
Въ игольное ушко-бы проползла!

ПОЛЯ.

А князь, княгиня?.. Еслибъ увидали?..

КУМА.

Не это страшно мнѣ, совсѣмъ другое.
На *что* идти? Какъ встрѣтитъ, чѣмъ привѣтитъ?
Коль я досаду, не любовь въ очахъ
Его увижу—что тогда? Помыслишь—
И то похолодѣешь вся и такъ
Рѣзнетъ по сердцу—въ пору умереть.
Вотъ этого, *себя* боюсь, я Поля! [Темнѣетъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же, Лукашъ съ Демой и потомъ Фока.

ДЕМА. Здорово, Кума! Погрѣться къ тебѣ! Наши рыбу ловили. Сиверко, вѣтеръ. Прозябъ.

КУМА. Милости просимъ!

ЛУКАШЪ. Скажи Демѣ спасибо. Велѣлъ къ тебѣ на ледникъ осетра оттащить. Ужь это ежели зазноба къ какой заведется—разоръ! [Демѣ]. Узнаетъ отецъ, онъ те за осетра такихъ-то отпуститъ ершей!..

ДЕМА [съ досадой]. Твоего вранья на свиньѣ не объѣдешь... Или сумерничаешь, хозяюшка? [Входитъ Фока съ пивомъ].

ЛУКАШЪ. Вздуть бы огня, а то Фока, лысый бѣсъ, съ мухами пивомъ напоитъ.

ФОКА [вздувая у печки огонь]. За порогомъ бытебѣ языкъ-отъ оставить, Лукашъ!

ЛУКАШЪ. А ты за меня молвить станешь? Ништо-бы, да поверхъ плѣши ума не пришьешь. Ха, ха, ха! [Треплетъ его по головѣ. Фока отмахивается и ставитъ на столъ зажженныя свѣчи].

ДЕМА. [Кумѣ, садясь рядомъ]. И съ чего ты кручинишься все? Куда твое веселье дѣвалось? Бывало, что вешній жаворонокъ... Въ душу свѣтила...

КУМА. Думушки прибыло, Дема. Видно не слуга я вамъ больше.

ФОКА. И то, братцы! Дворъ сбирается сдать.

ЛУКАШЪ. Съ князьями дружитъ. Куда-же ей съ нами теперь! Познатнѣла.

КУМА. Сказала-бы я словцо, да ужь Богъ съ тобою, Лукашъ!

ЛУКАШЪ. А что сказать? Не даромъ князь Никита твои пороги обилъ. Не съ глядѣнья, чай, сытъ!

ПОЛЯ [вспыльчиво, вставая]. Да полно ужь, полно! Крапива стрекучая, право! Ко всему-бъ прицѣпиться, да на смѣхъ поднять! И-и красуется, задира!

ЛУКАШЪ. Ишь озмѣилась! Ахъ ты... [Обнялъ ее].

ПОЛЯ. Поди прочь! Пересмѣшникъ бабій, бахвалъ! [Уходитъ].

ФОКА. Хе, хе, хе! Наскочилъ? На, пивомъ запей! [Протягиваетъ ему чару]. Да Бога благодари, что брата его не случилось, [кивнувъ на Дему] Потапа; а то-бъ и вовсе свернули голову.

ЛУКАШЪ. Давно у меня на Потапа кулаки чешутся. [Дема и Фока засмѣялись].

ФОКА [Демѣ]. А Потапъ али не рыбачилъ съ тобою?

ДЕМА. На Окѣ остался. Тамо-тко заночуетъ, знать.

ЯВЛЕНІЕ III.

Кума, Лукашъ, Дема, Фока, Паисій и княгиня, переодѣтая старицей.

ПАИСІЙ [входя]. Миръ дому сему!

ФОКА. Прі-я-тель! А мнѣ думалось, не на висѣлицу-ль вздернули тебя, что давно не видать.

ПАИСІЙ. Твой чередъ, друже!.. Усердно здравствую хозяюшкѣ! Дозволь старичкѣ прохожей у тебя ночевать.

[Въ сѣни]. Войди, мать... не бойся, гряди!.. [Княгиня входитъ]. Сторона ей незнамая, христолюбцевъ—знакомцевъ нѣту...

лукашъ [толкнувъ локтемъ Дему]. Старичку подцѣпилъ! Ха, ха, ха! Ай да Паисій! Не къ рожѣ бы тебѣ заниматься дѣлами этими. [Направляется къ княгинѣ]. Ишь какую облюбовалъ!

кума. Поди, не привязывайся! Садись, матушка, сюда! Баловники они. [Усаживаетъ княгиню поодаль].

лукашъ. Подальше садись, не то растомитъ съ нами, ха, ха!.. Ну, Паисій!

паисій. Помыслы твои развращены, вотъ и отверзаешь въ хулахъ уста. Блюдитесь опасно мыслей злыхъ, умъ мутящихъ. Сіе тебѣ вѣдомо? [Садится].

фока. Какъ-же, пріятель, все ты въ княжомъ дворѣ, у намѣстника? Или шабашъ тѣло льготить, прогнали?

паисій. Отъ княжой милости азъ, худый, всякими потребами удоволенъ. Государыня-княгиня маломощныхъ и скорбныхъ любовію привѣчаетъ, и за сіе доброе изволеніе, яко финикъ, процвѣтетъ и мзду пріиметъ въ день судный. Сіяя благочестіемъ и во всякихъ добродѣтеляхъ пребывая, государыня-княгиня дражайше есть каменія многоцѣннаго...

княгиня [въ нетерпѣніи]. Кха!

паисій [измѣняя тонъ]. Такъ-то, братіе!

лукашъ. А правда, сказываютъ, княгиня твоя сына прокляла?

паисій. Возможно-ли прелюбимое чадо клясть на погибель? Что ты! За что?

лукашъ. Куму спроси. Она знаетъ за что, ха, ха!

кума. Эхъ, не зачинать-бы объ этомъ, Лукашъ!

паисій. А вѣдомо мнѣ, что лютѣ опечалена государыня-княгиня и всѣхъ радостей изовлечена. И зрѣли ее въ перси руками біющи и слезы отъ очію испущающи, яко струю сильну...

фока. Что тамъ? Аспидъ она, какъ есть.

КУМА. Рычитъ, какъ рысь, и вьется и шипитъ, что лютая змѣя...

ПАИСІЙ. По что отрыгаешь ты на нее злобу толику? [Вета». Съ напускнымъ негодованіемъ]. Тебѣ-ли, всякое чарованіе и бѣсовское угодіе творящей и смѣхотворенія неподобныя!..

КУМА [прерываетъ, энергично подходя къ нему].

Не мнѣ судить княгиню?! Ну, а кто
Избыть меня замыслилъ, въ злобѣ лютой?
Что мужу опостылѣла она,
Въ томъ—видите-ли—волшба виновата;
Вишь, зельемъ князя къ бабѣ остудили!
Догадлива! Видать—ума палата.
А ей-бы поразмыслить: не въ самой-ли
Въ ней зелье то, что мужа отвратило?
[Княгиня дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе, но сдерживается и низко опускаетъ голову].
И вотъ она, замысливъ душегубство,
Убійцей сына шлетъ. Родную душу
Ей кровью запятнать—ничтò. Ну, мать!
На подлое тò дѣло не нашла
Холопа, иль разбойника!..

ЛУКАШЪ.

И лучше.
Холопъ съ тобою живо-бы покончилъ;
А княжичу съ чего-то у Кумы
Замѣшкаться пришлось, вишь, до зари.

ПАИСІЙ.

Злохитрствами бѣсовскими...

ДЕМА [прерывая].

Молчи!
При немъ, Кума, напрасно о княгинѣ
И рѣчь ведешь. Онъ все перенесетъ.

ПАИСІЙ.

Въ ланиту бьющу обрати другую...

КУМА.

Пускай доводитъ. Развѣ испугаюсь?
Я въ робкихъ не была. А у княгини
Задоръ великъ, да мочи не хватаетъ.
И это ей отрѣжу я въ глаза.
И тѣмъ ея бы спѣси посмѣялась,
Что верхъ надъ ней вольна была забрать.
Какъ шелкъ свила-бъ, какъ воскъ ее бы смяла.
И вздумай я изъ терема княжаго
Избыть ее, постылую жену...

КНЯГИНЯ [вскочила и дѣлаетъ порывистое движеніе къ Кумѣ. Про себя].

Проклятая!..

КУМА [обернулась къ ней].

Что, матушка, съ тобою?

[Княгиня со стономъ опускается на лавку].

Ты дрожмя вся дрожишь?

КНЯГИНЯ.

Недужно что-то.

ПАИСІЙ [переходя къ ней].

Зѣло она въ дорогѣ притомилась.

КУМА.

Давно сказать-бы. Мнѣ и не въ домекъ.
Ну, гости, съ Богомъ! Время по дворамъ.
Неможется самой...

ДЕМА.

И то пора!

ЛУКАШЪ [нехотя встаетъ].

Извѣстно—гость невольный человѣкъ.

[Тихо разговаривая, прощаются съ Кумою и уходятъ].

ПАИСІЙ [княгинѣ, тихо].

Гдѣ ждать велишь?

КНЯГИНЯ [тихо].

У лодьи, за кустами.

ПАИСІЙ [громко].

Въ пристанищѣ ты здѣсь благоутишномъ.
И всѣмъ тебя хозяйка удоволитъ. [Кумѣ].
Привѣть и успокой ее. Простите!

[Поклонился женщинамъ и пошелъ къ двери].

ФОКА [обнимая его].

Пріятель, а того!.. [Жестомъ поясняетъ выпить].

ПАИСІЙ.

Живетъ вся злая
Во пьянственномъ недугѣ. Воздержись! [Уходитъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кума и княгиня.

КУМА.

Ну, старичка, поужинать бы тебѣ,
Да съ Богомъ на покой. Чего изволишь?
Есть шти, уха лещевая, грибы...
А то велю бѣлужинки разсольной
Принесть тебѣ?

КНЯГИНЯ.

Спасибо не хочу.
Какая ужь ѣда!

КУМА.

Ну, выпей пива.
Согрѣешься, скорѣе, мать, уснешь. [Наливаетъ въ чару и подаетъ].

КНЯГИНЯ.

А ты со мной?

КУМА.

Налью. Съ чего-то мнѣ
Грустнёхонько сегодня... Такъ-то тошно!..
[Наливаетъ чару себѣ].
Ночѣсь подъ утро грезился мнѣ сонъ:
По бережку ходила я крутому
И вдругъ тотъ берегъ съ громомъ обвалился,
И въ Волгу съ кручи въ омутъ я скатилась...

КНЯГИНЯ.

Недобрый сонъ!

КУМА.

Да видно, не къ добру. [Задумалась].

КНЯГИНЯ.

Не вѣдая невзгоды надъ собою,
Живемъ, безстыдствомъ тѣшимся безъ мѣры,
И кажется въ кичливомъ ослѣпленьи,
Не смочь на насъ ни карѣ правосудной,
Ни злой бѣдѣ, ни лиху...

КУМА.

Перестань!
Его ты, мать, мнѣ словно накликаешь!

КНЯГИНЯ.

А та бѣда тихонько, бездокладно,
„Змѣею лютой" вёртко подползетъ,

И... [Встаетъ]. Ахъ! Гляди, хозяюшка, скорѣе!
Никакъ огонь! Твой дворъ горитъ! пожаръ!

[Кума бросается къ окну. княгиня быстро вливаетъ изъ стклянки ядъ въ ея чару].

КУМА [у окна].

Какой пожаръ? Нигдѣ огня не видно!

КНЯГИНЯ.

Не видно? Знать, я крѣпко нездорова,
Мерещится что мнѣ! Не осуди
Недужную.

КУМА [подходя къ столу].

А я то испугалась!

КНЯГИНЯ.

Инъ выпей съ перепугу. Отойдетъ. [Пьетъ сама].

КУМА [взявъ отравленную чару].

Во здравіе тебѣ! [Выпиваетъ].
Какъ пиво крѣпко!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и Журанъ [въ началѣ].

КУМА.

Журанъ!.. [Бросается къ нему].
Ужли отъ княжича?..

ЖУРАНЪ.

Потише! [Оглядѣлся].
А это кто?

[Кивнулъ на княгиню, которая при входѣ его легла на лавку и отвернулась къ стѣнѣ].

КУМА.

Прохожая. Больная.

ЖУРАНЪ [отводитъ ее и понижаетъ голосъ].

Тебя съ лодьею на Окѣ Потапъ
Ждетъ нынче ночью...

КУМА [прерываетъ въ волненіи].

Ждетъ? Зачѣмъ?

ЖУРАНЪ.

Дослушай.
Ты наскоро въ дорогу соберешься
И въ лодью сядешь. Къ княжичу свезутъ.
Къ побѣгу все готово...

КУМА [восторженно].

Ахъ! Голубчикъ!..

ЖУРАНЪ.

Пройди чтобъ не видалъ никто. [Хочетъ уйти].

КУМА [удерживая его].

Съ чего же
Онъ самъ не приходилъ?

ЖУРАНЪ.

Берегъ тебя...
Болтать теперь не время. [Уходитъ].

КУМА.

Голова
Отъ радости мутится, грудь зажгло...
А я-то сокрушалась!.. Свѣтъ ты мой!
Онъ любитъ, ждетъ... онъ думалъ обо мнѣ!

КНЯГИНЯ [приподнимается].

Иль вѣсточка хорошая дошла?

КУМА.

Да какъ же!.. Охъ! [Схватилась за грудь].
Что дѣется со мною?!

КНЯГИНЯ [встая].

А что?

КУМА.

Да больно!.. Рѣжетъ тутъ и жжетъ!..

КНЯГИНЯ [съ усмѣшкою].

Отъ радости.

КУМА.

И думала... да нѣтъ!..
О, Господи, да что-жь со мной?!. Огонь
Во мнѣ!..

КНЯГИНЯ.

Пожаръ-то вотъ гдѣ! Ха-ха-ха!

КУМА [отступая, въ ужасѣ].

Кто ты?!

КНЯГИНЯ [срываетъ съ себя черный платокъ].

Кто я?—„Постылая жена"!

КУМА.

Княгиня?!. Боже!..

КНЯГИНЯ.

Смѣйся-жь мнѣ, глумись!

Какъ быть прикажешь—жду въ смиренствѣ слезномъ.
Властна, вѣдь, ты въ моей, хвалилась, долѣ!

КУМА.

Злодѣйка ты!.. [Падаетъ на колѣни].
О-охъ, мочи нѣтъ!.. Горю!

КНЯГИНЯ.

Во всемъ властна: семью мою позорить,
И смраднымъ зачумлять ее распутствомъ
И душу мнѣ безчестьемъ надрывать!..

КУМА [въ мученіяхъ, падаетъ на полъ].

О-охъ, мука!.. Сме-ерть!.. А онъ зоветъ желанный!..

КНЯГИНЯ [накрываясь платкомъ]

Да ходу нѣтъ тебѣ...

КУМА.

Какъ ты люта!..
Охъ, тяжко!.. Охъ!...

КНЯГИНЯ.

Лихой и смерть лихая!

[Пошла къ выходу. Дверь широко распахнулась, на порогѣ Княжичъ].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и Княжичъ.

ЮРІЙ.

Какъ, матушка?! Очамъ своимъ не вѣрю!..
Отецъ, сказали, кинулся сюда...

[Кума, заслышавъ его голосъ, силится приподняться].

КНЯГИНЯ.

А ты за нимъ!.. Того не доставало,
Чтобъ сынъ съ отцемъ сцѣпились здѣсь, что звѣри!
Прелестные соблазны сатаны
Отнынѣ васъ не будутъ вздорить...

КУМА.

О-охъ! [Въ изнеможеніи, опять падаетъ на полъ].

ЮРІЙ.

Что это?! [Отстраняетъ мать и видитъ Настасью].
Настя!! [Бросается къ ней].

КУМА. [собравъ послѣднія силы, простираетъ къ нему руки].

Княжичъ мой!.. Голубчикъ!..

ЮРІЙ.

Но что съ тобой?!

КУМА [указывая на княгиню].

Злодѣйка извела!..

[Умираетъ. Юрій опускаетъ трупъ и, не поднимаясь, мрачно глядитъ на мать]

ЮРІЙ.

А-а!.. Подлинно: жестокое злодѣйство!

КНЯГИНЯ.

Господь моей десницей покаралъ
Прелестницу бѣсовскую достойно.
Когда отъ чаръ душею просвѣтлѣешь,
Ты самъ поймешь, мой сынъ, какимъ позоромъ
Она покрыла насъ; въ какомъ грѣхѣ
Тебя съ отцемъ безстыжая связала...

ЮРІЙ.

Ее ты лживишь! Нѣтъ на ней укора.
Невинна предъ тобой она была.
Отца она отвергла, хоть за это
Грозилъ онъ смертью ей. А я любилъ!..
Въ своей гордынѣ лютой, насъ обоихъ,
Обоихъ погубила ты!

[Зарыдалъ, припавъ къ трупу. Княгиня идетъ къ нему. Онъ быстро встаетъ и останавливаетъ ее жестомъ].

Поди!

Тебя твое-же вытравило зелье
Изъ сердца моего. И душегубство
Тебя отнынѣ мракомъ облекло...
И ужасомъ мнѣ душу наполняетъ
Твой видъ одинъ...

КНЯГИНЯ.

[въ отчаяніи старается схватиться за него].

Что молвишь?! Юрій! Юрій!!

ЮРІЙ [энергично отстраняетъ ее].

Оставь! Изъ рукъ, убійствомъ оскверненныхъ,
Какъ нѣтъ благословенья, нѣтъ и ласкъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и Князь.

КНЯЗЬ [Юрію].

Ты... *здѣсь*?! [Увидавъ трупъ].
А это... это что?! [Подходитъ къ нему].
Мертва?!

[Замѣтивъ княгиню, медленно и грозно направляется къ ней].

ЮРІЙ [заслоняетъ мать].

Коль свижусь съ нею я, ты самъ велѣлъ
Убить ее нещадно. И убилъ.

КНЯЗЬ.

Ой, такъ ли?! [Схватываетъ княгиню за руку].
Ты зачѣмъ сюда попала?
Твоя работа? [Указываетъ на трупъ].

ЮРІЙ [становясь между ними].

Я сказалъ ужъ...

КНЯЗЬ [прерываетъ].

Прочь! [Княгинѣ].
Такъ вотъ зачѣмъ шепталась съ колдунами
И зелье у Кудьмы ты добыла!

ЮРІЙ.

Пойдемъ отсюда, матушка!..

КНЯЗЬ [удерживая княгиню].

Ни съ мѣста! [Сыну].
Я воленъ надъ тобою. Берегись!

КНЯГИНЯ.

Уйди, мой сынъ! [Рѣшительно].
Да, я ее сгубила,
Я зельемъ извела.

КНЯЗЬ.

Сильна отрава! [Звѣрски].
Но зелье, у тебя что пѣной черной,
Въ твоей груди клубится, я... прролью!
[Выхватываетъ поясной ножъ].

ЮРІЙ [моментально заслоняетъ собою мать].

Опомнись! стой!! [Схватываетъ его за руку].

КНЯЗЬ [вырываетъ руку].

И тутъ мѣшать?! Щенокъ!!

Ударяетъ его ножемъ. Княгиня вскрикиваетъ. Юрій падаетъ мертвый. Мать съ глухимъ стономъ склоняется на его трупъ, безъ чувствъ. Глубокая пауза] Князь точно ошеломленъ].

ЯВЛЕНІЕ VIII и ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ-же и Мамыровъ [вошелъ и отшатнулся, въ ужасѣ].

МАМЫРОВЪ.

Святая сила съ нами!.. Что ты сдѣлалъ?!
Убилъ ты сына?!

КНЯЗЬ.

Кто убилъ?! кого?! [Дико посмотрѣлъ на Мамырова и на трупы].
Ужасный видъ!!. ужасное дѣянье!!. [Содрогнулся и закрылъ лицо руками. Княгиня со стономъ заметалась надъ сыномъ].

МАМЫРОВЪ.

Спѣшилъ я упредить... Идетъ молва,
Что ты Куму зарѣзалъ. Разъяренный
Со всѣхъ концевъ валитъ сюда народъ.
[За сценой отдаленный гулъ толпы].
Бѣги скорѣй! Толпа ужъ близко. Слышишь?
[Княгиня, приходя въ сознаніе, силится вникнуть въ то, что говоритъ Мамыровъ].

КНЯЗЬ.

Ничто теперь меня не устрашитъ.
Въ крови сыновней, мѣста нѣтъ злодѣю!
Одинъ мнѣ путь—къ Царю, коль тутъ не сгибну:

Вину сложить и голову на плаху,
А духъ предать въ Господни руци. [Быстро уходитъ]

КНЯГИНЯ [ринулась за нимъ, съ простертыми руками].

Князь!!

[За сценой взрывъ голосовъ разъяренной толпы. Княгиня падаетъ на руки Мамырова].

ЗАНАВѢСЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

И. В. ШПАЖИНСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Маіорша, драма.—**Легкія средства,** сцены.—**Кручина,** драма.—**Фофанъ,** комедія.—**Прахомъ пошло,** драма.

Цѣна 1 руб. 50 к.

Можно получать въ книжныхъ магазинахъ С. А. Суворина, въ театральной библіотекѣ С. Ѳ. Разсохина и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ДВА РУБЛЯ.

